КАЛИОСТРО

Елена Морозова

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Масон, пророк и вызыватель духов, этот сицилиец, чье настоящее имя Джузеппе Бальзамо, обладал поистине неистощимой изобретательностью и незаурядными гипнотическими способностями, позволившими ему заморочить голову едва ли не всей просвещенной Европе. Но, уверовав в свою звезду, Калиостро не заметил, как стал разменной монетой в политических играх сильных мира сего, напуганных французской революцией. Пышный шлейф слухов, сопровождавший каждый шаг Калиостро, уже при жизни превратил его в личность загадочную, ставшую неистощимым источником вдохновения для писателей, поэтов, мистиков и оккультистов. В настоящей книге, основанной на обширном документальном материале, Бальзамо-Калиостро представлен человеком своего времени, не только талантливо эксплуатировавшим извечные человеческие страсти, но и сумевшим уловить духовные искания своих современников. А верить или не верить в бессмертие божественного чародея Калиостро — дело самого читателя…

- Елена Морозова
  - Неугомонный шарлатан или загадочный мистик?
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Заключение
  - Основные даты жизни авантюриста Джузеппе Бальзамо, именовавшего себя графом Калиостро
  - Примечания и комментарии
  - Литература
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48

- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81

Елена Морозова
Калиостро

Неугомонный шарлатан или загадочный мистик?

История оригинального человека достойна того, чтобы ее знать.

Т. Карлейль. Граф Калиостро

Загадочный граф Калиостро! С тех пор как над Европой взошла его звезда удачи, о нем не переставая пишут книги, сочиняют романы, снимают кино. В 1984 году на наши экраны вышел искрометный фильм Марка Захарова «Формула любви», созданный по мотивам повести А. Толстого «Граф Калиостро», и подзабытое имя Калиостро вновь оказалось у всех на слуху. Под аккомпанемент веселой песенки «Уно, уно, уно, уно моменто!» киношный граф, вознамерившийся соревноваться с самим Господом, выводил формулу любви, выступал в роли оракула, вступал во взаимодействие с магнетическими субстанциями, пробуждал стихии и даже дрался на дуэли, но, увы, во всем терпел фиаско. Но так ли обстояли дела с историческим графом Калиостро?

Надо сказать, подлинному Калиостро в России также не слишком повезло: его таланты мага и алхимика в полной мере не оценили, масонскую ложу он создать не сумел, уехал спешно, и не по своему желанию, а по высочайшему приказу. Правда, ходил слух, что на прощанье изобретательный граф задал всем загадку, над которой до сих пор ломают головы: экипаж магистра якобы выехал из Санкт-Петербурга одновременно через четыре заставы, и всюду господин Калиостро оставил свой автограф в книге проезжающих. Вот только никто не сообщает, какое имя начертал граф, — ведь их у него было множество, и в Санкт-Петербург он явился под именем «гишпанского полковника» графа Феникса… Да и перо в руки граф брал редко, можно сказать, что и не брал вовсе… И где теперь эти книги для проезжающих с автографом знаменитости, и были ли они… Пожалуй, наиболее исчерпывающую характеристику пребывания Калиостро в России дала Екатерина II: «Он прибыл сюда, назвавшись полковником испанской службы и испанцем по рождению, распустив слух, что он колдун, мэтр колдун, который может показывать духов, и они ему подчиняются. Когда я это услышала, я сказала: прибыв сюда, этот человек совершил большую ошибку; нигде он не будет иметь

менее успеха, чем в России; мы не сжигаем колдунов, за двадцать лет нашего правления было всего одно дело по обвинению в колдовстве, и тогда сенат потребовал доставить колдунов, и когда их привели, он признал их глупцами и полностью невиновными. Господин Калиостро, однако, прибыл в момент весьма благоприятный для него, в момент, когда несколько масонских лож, увлеченные принципами Сведенборга, хотели непременно видеть духов; они побежали к нему, ибо он утверждал, что владеет всеми секретами доктора Фалька, близкого друга Ришелье, который некогда посреди Вены заставил Ришелье принести жертву — черного козла; однако, на его несчастье, Калиостро не смог удовлетворить любопытство тех, кто хотел все пощупать там, где нечего ни смотреть, ни щупать. Тогда господин Калиостро начал свои чудесные секреты с исцелением: он утверждал, что извлек ртуть из ноги подагрика, но подлил ртути в таз, куда опустил ноги сего подагрика. Потом он сделал краски, которые ничего не красили, и химические действия, кои не действовали. Потом он долго ссорился с поверенным в делах Испании, который оспаривал его испанский титул и происхождение, а потом открылось, что он едва умел читать и писать. В конце концов, весь в долгах, он скрылся в погребе Елагина, где он столько шампанского выпил и английского пива, сколько мог; однажды, похоже, он превзошел пределы, т. к., выйдя из-за стола, вцепился в волоса секретаря; тот дал ему пощечину; началась драка. Елагин, утомленный этим братом подвальной крысы, и жалобами секретаря, и большим расходом вина и пива, убедил его вежливо сесть в кибитку, а не лететь по воздуху, как тот грозился, а чтобы кредиторы сей экипаж не задержали, он дал ему в сопровождающие инвалида, который с ним и госпожой графиней ехал до Митавы. Вот история Калиостро, в которой есть все, исключая чудесное»[1].[1]

Однако без чудесного не будет графа Калиостро, а останется уроженец Сицилии Джузеппе Бальзамо, авантюрист и шарлатан, который, как и многие его собратья по ловле фортуны, в далеком XVIII столетии колесил по Европе, зарабатывая на жизнь облапошиванием легковерных всеми возможными способами. Единоплеменники Бальзамо из кочевого племени авантюристов передергивали в карты, шпионили, мошенничали, торговали чужими секретами, продавали воздух и полными горстями раздавали обещания. Но если одни, подобно Казанове, про себя смеялись нал незадачливыми покупателями чудес, то другие, подобно Бальзамо, постепенно начинали верить в собственные «чудеса», в свои магические способности и, вживаясь в образ придуманного ими персонажа, отрекались от самих себя и своего

подлинного прошлого, заменяя его вымышленной — всегда красивой и таинственной! — историей. Так случилось и с Джузеппе Бальзамо: начав жизненный путь исполненным артистизма мошенником, он завершил его божественным графом Алессандро Калиостро, Великим Кофтой, основателем Египетского масонства, целителем и пророком. Снискав успех под именем Калиостро, авантюрист немедленно отбросил собственное, не всегда приглядное прошлое, сочинил новое и стал так убедительно о нем рассказывать, что, похоже, сам в него поверил. Но главное — в него поверили другие, и с тех пор для многих Бальзамо и Калиостро являются совершенно разными людьми: Бальзамо остался мелким проходимцем, а Калиостро стал великим магом и пророком. История графа Калиостро, растиражированная в многочисленных романах и уснащенная самыми фантастическими подробностями, довольно быстро затмила историю Джузеппе Бальзамо, и если бы не знаменитый роман Александра Дюма-отца «Жозеф Бальзамо, или Записки врача» (1846–1848), настоящее имя Калиостро, наверное, сохранилось бы только в работах историков. Ибо, учитывая тайну, всегда окутывавшую личность графа, любой вымысел о нем и по сей день воспринимается на уровне истины…

Калиостро прославился как алхимик, знаток оккультных наук, прорицатель и целитель. Придуманное им масонство он назвал Египетским, желая подчеркнуть его связь с древними обрядами египетских жрецов, с помощью которых, по его словам, испорченная грехопадением натура человеческая очистится и человек возлюбит Бога и постигнет тайны природы. А избранным, готовым пройти соответствующий обряд, он обещал поистине мафусаилово долголетие. В общем, чародействовал он всерьез, убежденно, с размахом буйной итальянской фантазии. Хотя, как писал в своих «Образах Италии» П. Муратов, «сицилийцы мало похожи на итальянцев, местный диалект представляет собой почти особый язык», а «сицилийский характер полон сдерживаемых страстей, расположен к сосредоточению, к накоплению энергии, разрешающемуся внезапным взрывом»[2]. Так, может, действительно, как сказано в «Формуле любви», в год и час рождении Калиостро «произошло извержение вулкана Везувий» и вследствие этого «знаменательного совпадения» часть энергии вулкана передалась магу? На протяжении XVIII столетия Везувий и в самом деле выбрасывал мощные потоки лавы, но среди событий, отметивших год рождения Джузеппе Бальзамо-Калиостро, называют прежде всего чуму, разразившуюся в Мессине, городе, расположенном в двухстах километрах от родины магистра Палермо. «Магистр» — так в «Формуле любви»

именуется Калиостро; так будем далее именовать его и мы.

Адепты эзотеризма причислили графа — наряду с Парацельсом, Луллием, Сведенборгом, Сен-Мартеном, Казоттом, Месмером и Сен-Жерменом — к Великим Учителям, время от времени посещающим Европу. Впрочем, содержание миссии Калиостро, которое открыл ему его наставник, великий герметический мудрец Альтотас, по-прежнему является тайной. Преобразуя при помощи каббалистических методов имя Джузеппе Бальзамо, установили, что оно означает «Тот, кто был послан». Имя же Калиостро выводят из названия ветра, несущего жару из знойных песков Аравии, — caldo austrum. «Я тот, кто я есть», — повторял магистр, давая понять, что посвященным объяснять нужды нет, а профаны все равно ничего не поймут. Всю свою активность, будь то получение алхимического золота или исцеление недужных, он окутывал покровом таинственности, подогревая таким образом постоянный интерес к собственной особе. Ведь, говоря языком современности, в любую минуту мог появиться дерзкий конкурент, готовый отвоевать внимание падкой на сенсации публики. Впрочем, сравниться славой с Калиостро было нелегко, ибо, согласно слухам, страждущие падали перед ним на колени, и он, подобно королю, исцелял их прикосновениями. Посланец неведомых непосвященным сил, Калиостро воистину сумел стать самым громким медийным персонажем XVIII столетия. Стремительности, решимости и отчаянности в характере Калиостро-Бальзамо хватало с избытком. О нем писали все тогдашние газеты от Санкт-Петербурга до Парижа; его внимания добивались самые знатные особы, а французский король Людовик XVI даже приравнял оскорбление Калиостро к оскорблению величеств. Правда, когда магистр оказался причастным к знаменитому делу о похищении драгоценного ожерелья, король изменил свое решение и выслал его из страны.

Природа в избытке наделила Калиостро даром извлекать выгоду из всего пространства вымысла своей эпохи, заставить работать на себя институты и знания, и незнания. Набиравшая силу наука в то время еще была загадочна как магия, ибо мало кто представлял, где проходит граница науки, за которой начинался вымысел. Дойдя до своего предела, знание плавно перетекало в фантазию, мистика превращалась в товар повышенного спроса, а Калиостро обладал поистине чудесной способностью мгновенно откликаться на этот спрос. Ибо век Просвещения нес свет не только философии, но и внутреннего прозрения, что быстро повлекло за собой возрождение алхимии и прочих тайных наук. На фоне упадка авторитета Церкви, роста

индивидуального самосознания, размытости границ между эмпирическим и оккультным люди устремились на поиски истины и чуда, ибо и первое, и второе зачастую представлялось явлениями одного порядка. Газетчики с равной убежденностью и восторгом писали и о полетах первых монгольфьеров, и об испытаниях костюмов для пребывания под водой, и о ясновидцах, видящих сквозь землю, и о говорящих собаках. Подписка на создание специальных сапог для хождения по воде (что-то вроде калош-мокроступов) прошла с потрясающим успехом, а в числе подписавшихся значился герой борьбы за независимость Американских штатов маркиз де Лафайет. «Эликсиры молодости» шли нарасхват: Сен-Жермен и Калиостро снабжали ими высший свет, горожанки и селянки довольствовались зельями местных знахарей. Локальным чудотворцам, подобным Розенфельду, Гасснеру или Леону Ле Жюифу, было несть числа. По свидетельству баронессы Оберкирх, никогда еще в светских салонах «розенкрейцеры, адепты, пророки и все, кто к ним относятся, не были столь многочисленны и не имели столь много слушателей. Беседы шли только о тонких материях; они занимали все головы, поражали воображение… оглядевшись вокруг, мы видели лишь колдунов, адептов, некромантов и пророков»[3]. Прекрасно чувствуя «свою» аудиторию, Калиостро с присущим ему размахом, используя театральные эффекты и богатый арсенал фокусников, ставил магические спектакли, вызывал стихийных духов, а в случае провала мгновенно списывал неудачу на действие злых сил и всевозможной нечисти. И ему верили, и приходили снова — в надежде услышать заветные слова, познать непознаваемое, проникнуть в тайну, обрести уверенность и смысл жизни. Ибо в своих действах он соединял и магию, и религию, и франкмасонство, то есть сразу три сферы тогдашней духовной жизни. Времена надвигались тревожные, воздух был насыщен электричеством приближавшейся революционной грозы. Низшие сословия глухо роптали, глядя на роскошь и праздность аристократов. Безнравственность уверенно вытеснила из дворцов и салонов нормы традиционной морали. Одни утверждают, что первым грядущую революцию предсказал Калиостро, другие отдают пальму первенства Казотту, а третьи записывают Калиостро в число тех, кто готовил революцию…

Внешне Калиостро производил впечатление человека очень состоятельного: его жилища, кареты и одежда отличались пышностью, лекарства страждущим он раздавал даром, а так как в правильности его денег не сомневался никто, есть основания полагать, что выходили они не из атанора или тигля, а из государственного казначейства и скорее всего вручались графу

его состоятельными поклонниками и почитателями. И видимо, дары поклонников, равно как и выручка от продажи всевозможных снадобий, во много раз превосходили стоимость простых составов и небольшой милостыни. Еще одним источником дохода для графа Калиостро являлось Египетское масонство, основателем которого и Великим магистром был он сам, а следовательно, к нему поступали взносы принятых вложу братьев. Предполагают также, что Калиостро тайно получал средства от вольных каменщиков за исполнение неких поручений, связанных с разъездами по Европе, объединить которую стремились тогдашние масоны. Словом, граф ослеплял не только сиянием драгоценных металлов в тиглях, но и роскошью карет, расшитого золотом костюма, сверкающими пряжками, цепочками и перстнями…

Масон и алхимик, маги целитель, принимавший в день едва ли не до сотни больных. Кумир сотен людей, внимавших его бессвязным, но выразительным речам, оставшимся незапечатленными на бумаге, что дало повод утверждать, будто граф был неграмотен… Адепт тайны и одновременно персонаж, растиражированный газетами, слухами и поставщиками новостей, он не вступал в полемику, даже когда из-под пера журналистов выходили не слишком правдоподобные истории его жизни. Внеся солидную лепту в конструирование собственной легенды, он понимал, что любой вымысел способствует укреплению ее фундамента. Побывал во множестве городов Европы, снискал бесчисленное число сторонников и столько же врагов. Говорят, был тайным агентом то ли масонов, то ли иллюминатов, а может, и вовсе иезуитов… Увы, «говорят», «по слухам», «возможно» — все эти слова так и вьются вокруг имени Калиостро…

Джузеппе Бальзамо или граф Калиостро? Авантюрист и шарлатан или носитель тайного знания, известного лишь избранным? Вряд ли на этот вопрос когда-нибудь будет дан точный ответ, ибо там, где есть тайна, всегда найдется простор для фантазии, которую нельзя ни принять, ни опровергнуть… А тайна, окружавшая графа, оказалась столь притягательной, что большая часть литературы, посвященной ему, не только не приближает нас к истине, но, напротив, уводит от нее все дальше, погружая в мир вымысла и заведомо недоказуемых постулатов. Но так как большую часть своей жизни магистр жил вымыслом, то фантазии на тему Калиостро органично вписываются в его биографию.

«Калиостро, непостижимая смесь достоинства и коварства, образованности и невежества, впрочем, великодушный, одаренный увлекательным, хотя и варварским красноречием,

способный на энтузиазм, представлявший, наконец, нечто среднее между миссионером и авантюристом»[4]. Но за кого бы ни выдавал себя Джузеппе Бальзамо, прославившийся под именем графа Алессандро Калиостро, была в нем некая притягательная чертовщинка. Обладая уверенностью во всем, что он делает и говорит, он энергично наступал на собеседника и, сверкая черными глазами, гнул свое, так что с ним можно было только соглашаться. Наверное, иногда он и сам верил, что наделен даром вечной молодости, что встречался с Христом…

Харизматичный персонаж, к которому всегда относились неоднозначно и никогда — равнодушно: его либо обожествляли, либо ненавидели. Биографы Калиостро разделились на апологетов, отрицающих его идентичность с Бальзамо и готовых поверить в его магические способности, и на критиков, признающих идентичность Бальзамо и Калиостро и отказывающих герою в магическом даре. Впрочем, чтобы оставить свой след в истории, не обязательно становиться магом и волшебником. Джузеппе Бальзамо, назвавшийся графом Алессандро Калиостро, был человеком своего времени, переломного, кризисного. В обществе незримо вызревали перемены, и Бальзамо, как никто иной, инстинктивно чувствовал смятение той части общества, которая, не желая возврата к прошлому, но не удовлетворенная учением философов и энциклопедистов, пыталась отыскать свой путь или хотя бы за что-нибудь зацепиться. Среди поклонников Калиостро насчитывалось немало женщин; недовольные тем, что общество по-прежнему отводило им кухонно-альковную роль, дамы с восторгом вступали в Египетскую масонскую ложу, принимали участие в магических сеансах и трепетно созерцали процесс превращения свинца в золото. Но Калиостро не только играл на слабостях и пороках своего времени. Уверенный, что его эликсиры являются панацеей от всех болезней, он наделял ими страждущих и страшно возмущался, когда его методы лечения пытались опровергнуть. Раздавая неимущим пациентам деньги, он снискал прозвище Друг человечества. Импульсивный, непредсказуемый, ревнивый, гневный, благодушный, доверчивый Джузеппе Бальзамо, он же граф Калиостро, иллюзионист и фокусник, целитель и алхимик. Неподражаемый актер и режиссер театра одного актера, в век рационализма он поддерживал веру в чудо…

Глава 1
Калиостро или Бальзамо?

…Биография моя проста и обычна для людей, носящих звание магистра…

Г. Горин. Формула любви

Какова же простая и обычная биография людей XVIII столетия, слывших магистрами оккультных наук, сиречь магами, пророками, алхимиками? Чаще всего у таких людей было две биографии: одна вымышленная, основанная на «все возвышающем обмане», а другая реальная, исполненная «низких истин», финансовых затруднений и неприятностей с полицией. Вымышленная биография главным образом охватывала период жизни магистров до их появлений в обществе (ибо кто же интересовался ими раньше? разве что власти, законы которых они нарушили…). Период этот включал в себя дату рождения — точно неизвестна, но до Рождества Христова; место рождения — точно неизвестно, но, скорее всего, где-то на Востоке; происхождение — знатное, но имена родителей в основном неизвестны. Были также загадочные учителя, обучавшие великой мудрости древних, овладению тайной бессмертия, философского камня, способам превращать неблагородные металлы в золото. Завершив период ученичества, магистры принимали имя, под которым триумфально вступали в общество простых смертных, где немедленно вызывали всеобщий интерес и становились своеобразным центром притяжения. Но долго на одном месте магистры обычно не задерживались и, продемонстрировав все свои чудеса — алхимические трансмутации, сотворение алмазов, изготовление «эликсира молодости», чудесные исцеления, пророчества и вызывание духов, — отправлялись в следующий город, где вновь являли все те же чудеса и собирали вокруг себя адептов и почитателей. Выход на публичную арену можно было приравнять к началу подлинной, документально подтвержденной биографии, но всеведущая молва и сам магистр так щедро приправляли фантазией реальность, что отделить правду от вымысла зачастую становилось весьма непросто. Бальзамо alias Калиостро «похождениями пытался составить состояние» и «приключениями проложить путь к преуспеянию»[1].

История Джузеппе Бальзамо, известного под именем графа

Калиостро, имеет определенные временные рамки, иначе говоря, заключена между двумя датами — появления на свет и ухода в мир иной. История мага, прорицателя и масона графа Калиостро, состоящая из полуправды и откровенного вымысла, формировала (и продолжает формировать) своеобразное информационное поле, круг слухов и текстов, которые вплоть до сегодняшнего дня создают постоянное присутствие загадочного персонажа. На этом фоне подлинная история Бальзамо-Калиостро уже современниками воспринималась не как обретенная истина, а как сенсационное разоблачение. Впрочем, слова «подлинный», «истинный», «бесспорный» — не для биографии Калиостро.

«Вы хотели знать о Калиостро, о котором в последнее время столь много пишут в различных газетах? Так вот, он прибыл сюда в прошлом сентябре, без свиты и без экипажа; сначала он проживал у простого горожанина, без всякой роскоши, и о нем никто не знал. Он стал знаменит только к концу октября. Говорят, он благородного происхождения, родом из Аравии, где познал множество тайн и научился исцелять болезни. Здесь он начал лечить всех и давать деньги на лекарство. И тотчас к нему повалили толпы. Тогда он поселился в роскошном квартале и стал каждый день вести прием: с 10 утра до часу дня. Некоторые болезни ему излечить удавалось, а некоторые нет, например, он не сумел вылечить глухоту и сказал, что более не станет принимать глухих. […] Правда, за лекарство Калиостро денег не берет и лечит бесплатно, зато у него есть помощник, хирург-гасконец, и тот берет много. Что же до происхождения Калиострова, так те, кто бывал в Италии, утверждают, что он сицилиец, ибо выговор сицилийский также легко распознать, как во Франции распознают гасконцев или нормандцев»[2].

Виртуозно извлекая выгоду из увлечения обществом всякого рода тайнами, Калиостро постоянно удобрял окружавшее его поле вымысла, выступая то в одной, то в другой ипостаси, и при любой попытке обвинить его в шарлатанстве принимался апеллировать к общественному мнению. Понимая, что успех его и слава зиждутся на тайне, магистр даже имя Калиостро не признавал своим. «Я назвал себя графом Калиостро по высшему повелению, — обронил он как-то в присутствии Елизаветы Шарлотты фон дер Реке, — это не мое настоящее имя.

А выше ли это имя или же ниже нынешнего, это, быть может, узнают все, но позже». А на процессе по делу об ожерелье и вовсе заявил: «Мое имя — это имя, данное мне и исходящее из меня; то, которое избрал я, чтобы показаться среди вас. Имя, коим звали меня при рождении, то, кое дали мне в юности, те, под которыми в иные времена и в иных местах меня знали, я эти имена оставил,

как оставил устаревшие и ставшие ненужными одежды». В общем, думайте сами, с кем имеете дело…

Граф менял имена едва ли не чаще, чем перчатки: Ахарат, Зиче, Малиссе, маркиз Пеллегрини, маркиз д'Анна, маркиз Бальзамо, граф Феникс, граф де Гарат, сэр Балтимор, синьор Бельмонте, господин Сюрмон и даже Федерико Гвальди[2]. Зная о пристрастии Калиостро к смене имен, Марк Авен[3], чья биография магистра и по сей день считается непревзойденной, задался вопросом: почему граф отвергал имя Бальзамо? Потому, что это имя ему не принадлежало (а разве принадлежали ему имена, указанные выше?), или потому, что семья Бальзамо оттолкнула непутевого родственника и тот почувствовал, что у него нет духовных связей с собственным домом? Или ему просто хотелось выкинуть из памяти любые воспоминания о бурных годах молодости, когда он нередко занимался не слишком приглядной деятельностью и вступал в конфликт с законом? Именно первую, безвестную половину своей жизни, когда он еще не был ни Калиостро, ни магом, ни масоном, магистр усиленно пытался скрыть.

Впервые жизнеописание Калиостро в его собственном изложении прозвучало на процессе по делу об ожерелье. Облаченный в широкую, расшитую золотом зеленую хламиду, с заплетенными во множество косичек волосами, стянутыми яркой зеленой лентой, магистр рассказывал, обращаясь к публике: «Ни место рождения моего, ни родители мои мне не известны. Различные обстоятельства жизни моей родили во мне сомнения, догадки, кои читатель со мною делить может. […] Первое время во младости моей проводил я в городе Медине в Аравии: там я был воспитан под именем Ахарата, именем, которое сохранил я в путешествиях моих по Африке и Азии. Я имел жилище в чертогах муфтия Ялагайма. Совершенно помню, что имел при себе четырех человек, наставника лет пятидесяти или шестидесяти, именуемого Альтотас, и трех служителей, одного белого, который был моим камердинером, и двух черных, из которых один день и ночь был при мне безотлучно. Наставник мой всегда говорил мне, что осиротел я на третьем месяце от моего рождения и что родители мои были благорожденные христиане; но он никогда не упоминал ни об их имени, ни о месте моего рождения. Некоторые слова, неосторожно им произнесенные, заставили меня подозревать, что я родился на Мальте»[3].

Обладавший изрядными познаниями в ботанике, физике и медицине Альтотас поучал своего подопечного «признавать Бога и любить ближнего». «Я носил, как и он, мусульманскую одежду, и мы по наружному виду исповедовали магометанскую веру, но

вера истинная была запечатлена в сердцах наших», — вещал Калиостро. Наставник часто рассказывал ему о египетских пирамидах, о пространных подземных пещерах, «ископанных древними египтянами, дабы хранить и защитить драгоценный залог познаний человеческих от времени, все истребляющего». Когда же мальчику исполнилось 12 лет, наставник отправился вместе с ним в Мекку, где они остановились в чертогах шерифа (царя Аравии). Шериф «богато одевал» отрока, виделся с ним каждый день и проливал слезы умиления. Однажды ночью из разговора с негром, спавшим в его покое, отрок узнал, что если он когда-нибудь оставит Мекку, то ему «грозят величайшие бедствия», и ему «наипаче должно опасаться города Трапезонта». И все же через три года наставник и его воспитанник покинули Мекку и отправились в Египет, в те места, куда «обычный странник проникнуть не может», а затем проехали «главнейшие государства Африканские и Азийские».

В 1766 году отрок вместе с Альтотасом «прибыли на Родос», где сели на французский корабль и отправились на Мальту. На Мальте гроссмейстер Пинто отвел ему и его наставнику «покои в своих палатах»; сам же гроссмейстер жил подле лаборатории. Пинто попросил кавалера д'Аквино, брата князя Караманико, стать опекуном отрока, который, впервые облачившись в европейское платье, принял имя «графа Калиостро». На Мальте преобразился и наставник, явившийся к своему подопечному в духовной одежде «с крестом Мальтийским». Отроку предложили вступить в орден, однако склонность к путешествиям и «врачебной науке» побудила его отвергнуть предложение. Когда граф Калиостро лишился своего дорогого Альтотаса, то покинул Мальту и вместе с Аквино отправился в Неаполь, где они и распрощались. Путь Калиостро лежал в Рим, к банкиру Беллони. В столице католического мира граф хотел сохранить инкогнито, но явившийся к нему секретарь кардинала Орсини передал ему приглашение своего начальника, и Калиостро не смог ему отказать. У кардинала Орсини Калиостро познакомился с кардиналом Ганганелли (будущим папой Климентом XIV) и получил возможность лицезреть тогдашнего папу Климента XIII, с коим он впоследствии «многократно беседовал».

Речь Калиостро на суде, где он «раскрыл тайну» своей благородной юности, вышла отдельной брошюрой и разошлась как горячие пирожки. В истории юного Ахарата-Калиостро прекрасно уживались модные в то время литературные темы и мотивы: загадка рождения; восточный колорит; подземные пещеры, где хранятся тайные знания человечества; мудрый наставник, под чьим руководством герой удостаивается

приобщения к тайне; обретение героем подлинного имени и предназначения. Завороженный похождениями личности, имя которой в течение ряда лет было у всех на слуху, читатель жаждал продолжения, причем не менее увлекательного, так что чем дальше, тем больше истории о Калиостро начинали напоминать волшебную сказку.

В книжечке с многообещающим названием «Исповедь графа Калиостро»[4] местом рождения Калиостро называется Сицилия, а отцом его — знаток оккультных наук маркиз де Каффи. Мать магистра, донна Мера, была роду незнатного, а именно приходилась племянницей гувернантке, приставленной к сестрам маркиза. Когда 29 ноября 1749 года Джузеппе появился на свет, отец поднял сына на руки и обратился с молитвой к Господу, прося его быть милостивым к своему внебрачному отпрыску: «Пусть же он будет счастлив и таланты его заставят всех забыть о его незаконном происхождении!» Мальчик действительно оказался очень талантливым, и с пяти лет маркиз стал учить его языкам. Лучше всего Джузеппе давались халдейский и сирийский, и он часто беседовал на этих языках с маркизом; итальянский же он выучил кое-как. В 13 лет мальчик потерял мать: ее загрыз волк, некогда взятый в дом чернокожим слугой. Погрузившись в великую печаль, маркиз приобрел привычку запираться у себя в кабинете, а сын, страстно желая проникнуть в отцовское убежище, провертел в стене дыру и заглянул в нее. Увиденное поразило его: вместо потолка в комнате клубились облака, сквозь них пробивалось солнце, освещая черный бархатный алтарь, на котором восседала его мать, живая и улыбающаяся, а отец его взирал на нее с благоговением. Неожиданно возле маркиза появилась чья-то тень, и сын услышал, как отец прошептал, обращаясь к незнакомцу: «Благодарю вас, теперь я вижу ее и она говорит со мной!» «Только не касайтесь ее, иначе она исчезнет», — ответил загадочный пришелец.

Когда маркиз снова женился и у него родилась дочь, он окончательно забросил воспитание сына. Взяв немного одежды и скопленные им деньги, шестнадцатилетний Джузеппе бежал из замка. Счастливый случай привел его в замок маркиза Р***, который, высоко оценив познания юноши, посвятил его в таинства оккультных наук. Вскоре маркиз умер, завещав все свое состояние любимому ученику. После кончины благодетеля Калиостро покинул Италию и отправился сначала в Швейцарию, а потом в Россию, где, по его словам, выжил в царящих там холодах только благодаря своей крепкой конституции. В Санкт-Петербурге, столице империи, где правила монархиня добродетельная и покровительствовавшая художникам, коих она

привечала со всей Европы, граф познакомился с искушенной в оккультных науках графиней Новгородцевой; но знакомство продолжалось недолго, ибо графиня вышла замуж, а супруг ее симпатии к Калиостро не питал, и магистру пришлось уехать. На прощание Калиостро подарил графине выращенный им бриллиант, а она ему — шкатулку, взяв с него обещание открыть ее за пределами России. Когда Калиостро наконец открыл шкатулку, он нашел в ней 20 тысяч рублей. «Я бы никогда не истратил сей подарок, ежели бы не обстоятельства», — вздыхал впоследствии магистр.

Из Российской империи Калиостро отправился в Константинополь, город, поразивший его своим величием и возмутивший варварским обычаем принуждать женщин закрывать лицо, иначе говоря, скрывать красоту свою. В Константинополе он с помощью эликсира маркиза Р*** исцелил дочь визиря Зелеиду, и она влюбилась в своего спасителя. Но чувства Калиостро молчали, поэтому он отбыл в Александрию, ибо желал припасть к источнику древней египетской мудрости. Прибыв в Александрию, он узнал, что несчастная Зелеида сошла в могилу от неразделенной любви. Опечаленный Калиостро направил свои стопы к пирамидам.

Далее история начинает напоминать назидательные утопии XVIII столетия в духе «Икозамерона» Казановы или «Года две тысячи четыреста сорокового» Мерсье. Обнаружив в подземелье под пирамидами бурную реку, Калиостро отыскал на берегу челн, сел в него и плыл до тех пор, пока наконец его не прибило к берегу, где под охраной пастухов паслись невиданные животные. Пастух Фелидюл, живший в хижине вместе с дочерью Фелиной, приютил Калиостро. Освоившись и выучив язык подземных жителей, молодой человек узнал, что в государстве, куда он попал, все живут, руководствуясь справедливыми законами, правосудие отправляется бесплатно, судьями назначают лиц благородных и возвышенных, а лучшими адвокатами считаются те, кто говорит мало, но понятно. Почитая себя частицей общества, каждый житель заботится о всеобщем процветании и свято соблюдает три нехитрых правила: чтить божество; трудиться в отведенные для работы часы; работать для другого так же, как для себя. Граждане ценятся не только за титулы, но и за добросовестность, все живут на виду, и если кого-то хвалят — то при всех, а если укоряют — то наедине. Того же, кто нарушает законы и не внимает укорам, изгоняют из общества и отправляют на Остров угрызений совести, где по причине вечной засухи и скудости почвы не произрастает ничего, а потому изгнанник, не имея ни воды, ни пищи, вскоре умирает. Впрочем, столь суровое

наказание применялось крайне редко, ибо все в государстве были счастливы и довольны. Однако ученые сего благословенного края утверждали, что страна их — единственная на всем свете, а значит, любой чужестранец рассматривался как опасное порождение природы. Убедившись, что народ обеспокоен его появлением, Калиостро решил бежать и, преодолев множество препятствий, вместе с влюбленной в него Фелиной сумел добраться до Александрии. На этом «Исповедь…» обрывалась, хотя автор, имя которого осталось неизвестным, обещал продолжить эту историю. Как читатель может убедиться, рассказ сей не имел ничего общего с жизнеописанием реального Калиостро — кроме разве названий городов, которые посетил его герой.

В «Секретных письмах о явной и тайной жизни графа Калиостро»[5] чудес не меньше. Анонимный автор «Писем» определяет юного Калиостро под покровительство некоего вельможи в Лиссабоне, который, в свою очередь, поручает его наставнику (имени его не называется), и тот вместе с Калиостро на судне капитана Бальзамо (sic!) отправляется в путешествие. На море их захватывают тунисские пираты и увозят в Бизерту, где Калиостро попадает ко двору бея, а оттуда в Египет и далее в Аравию, где ему удается отыскать окруженный хрустальной стеной город царицы Савской, в центре которого произрастает древо добра и зла. Жители города владеют тайными науками, и Калиостро остается с ними, дабы изучить секреты древней магии. После десяти лет штудий он удостаивается посвящения и становится преемником верховного жреца (Великого Кофты), и тот дарует ему печать с изображением пронзенной стрелой змеи, держащей во рту яблоко, что означает «Мудрец обязан хранить свои знания втайне, недоступной никому»[6].

Покинув заветный город, Калиостро посещает озеро, где отражается луна, увеличенная в шесть тысяч раз, встречается с королем Саламандр, на горе Арарат осматривает остатки Ноева ковчега, посещает гробницу Магомета и, как было условлено, возвращается к воротам Зиден, где его ждет капитан Бальзамо. Капитан везет его сначала в Тунис, а потом на Мальту; там капитан заболевает и умирает в лазарете, а Калиостро берет себе его имя и становится членом семьи Бальзамо, которая отдает его в монастырь Милосердных братьев в Кальтаджироне… И автор, удачно сплавив воедино миф о Калиостро и историю Джузеппе Бальзамо, завершает свой рассказ.

Отдельная история посвящена и змее с яблоком во рту, ставшей эмблемой Калиостро. Змея сия явилась магистру в видении, посетившем его в пещере Фолкстонского леса в

Англии[4]. То ли во сне, то ли наяву перед ним предстала огненная колесница, коей управляли два неземных существа, сотканных из ярчайшего света. Поклонившись им до земли, Калиостро сказал: «Я пришел, я готов, что мне надобно делать?» «Ты не тот, кем кажешься, и не кажешься тем, кем станешь», — ответил голос. «Так кто же я? — вопросил Калиостро. — Открой мне эту тайну!» «Еще не время, — произнес голос. — Тебе предстоит увидеть видения невидимые, постичь арканы непостижимые, свершить дела несвершаемые. Ты тот, кто ты есть, и Енох и Илия пребудут с тобой. Ты придешь первым, и эмблемой твоей станет змея, пронзенная стрелой и сжимающая в пасти своей яблоко». И увидел Калиостро змею, державшую в отверстой пасти яблоко. И существа, источавшие свет, сошли с колесницы, приблизились к нему, и вновь услышал он голос: «Не бойся змею, возьми у нее яблоко, съешь его, и обретешь дар чревовещания. А когда настанет час изрекать пророчества, постучи легонько по чреву твоему с левой стороны, и внутренности твои заговорят, и Дух пророческий выйдет из тебя, и многие примут его в свое сердце и будут почитать тебя как великого Магистра». И взяли светлые существа змею с яблоком за хвост, и открыла змея пасть, и выпустила яблоко; и тогда существа отпустили змеиный хвост, и шлепнулся аспид на землю и, сверкнув чешуей, с шипением уполз. Поднял Калиостро яблоко, и голос сказал ему: «Съешь это яблоко, и постигнешь тайны жрецов египетских, и маги станут почитать тебя своим Магистром!» И съел он яблоко, и тотчас очутился в самом центре земли, где встретили его Енох и Илия. И сказали ему Енох и Илия: «Да будет будущее для тебя столь же ясным, как настоящее, да будешь ты возрождаться заново, и всякий, кого изберешь ты, тоже станет возрождаться, и назовут тебя другом человечества, и будешь ты продлевать жизнь людей и облегчать страдания». А потом раздался страшный грохот, и Калиостро вновь очутился в пещере, в чаще Фолкстонского леса… (Не напоминает ли Алису в Стране чудес?)

Создавая свою легендарную биографию, Калиостро стремился не только убедить всех в своей причастности к великим тайнам, но и вычеркнуть из информационного поля неудачи, о которых он не любил ни говорить, ни вспоминать. До всего, что скрывал великий магистр, стремились докопаться его противники, а также досужие журналисты, за неимением доказательств питавшиеся слухами и сплетнями. Те же, кто почитал Калиостро обманщиком и шарлатаном, слухи о нем распускали и вовсе невероятные: например, что воспитывался магистр в константинопольском гареме, что уговорил некоего могущественного восточного владыку отправить сына в Европу, а по дороге убил этого сына и

ограбил…

Видимо, из упоминания о вельможном покровителе из Лиссабона возникла королевская португальская версия происхождения Калиостро[5], согласно которой магистр, якобы увидевший свет в 1748 году, явился плодом внебрачной связи португальского короля Жуана V с прекрасной донной Элеонорой, женой старого маркиза Тавора, губернатора Индии. Уже имея наследника, король не мог открыто признать сына, а потому решил отослать его в Аравию, дабы там друзья-иезуиты воспитали мальчика вдали от пороков века. Избранный наставник, человек глубочайших познаний и знаток множества языков (возможно, Альтотас…), нашел капитана каботажного судна по имени Пьетро Бальзамо, готового за солидное вознаграждение доставить младенца вместе с воспитателем к аравийским берегам и тотчас забыть об этом плавании. Но король вскоре умер, на трон вступил его сын Жозе I, а его первым министром стал маркиз Себастьян Жозе Помбал, немедленно начавший кампанию против иезуитов, коим покровительствовал покойный король. Возлюбленной нового короля стала красавица Тереза Тавора, и Помбал решил убрать от трона набиравшее все больший политический вес семейство. Он подстроил покушение на короля, организатором его назвал семью Тавора и казнил всех ее членов, включая Элеонору. Узнав об этом, воспитатель стал думать, как, не открывая истинного происхождения мальчика, узаконить его положение. В надежде на вознаграждение и дивиденды в будущем капитан Бальзамо согласился усыновить ребенка, заверив Альтотаса, что его друг, адвокат Вивона (не тот ли самый, который впоследствии ознакомит Гёте с родословной Калиостро-Бальзамо?), проживающий в Палермо, сумеет без лишней огласки сделать нужные документы. А так как у капитана где-то в трущобах Палермо рос сын Джузеппе, проживавший с матерью, Фелицией Браконьери, то адвокат, дабы окончательно запутать следы, настоял, чтобы в свидетельстве о крещении воспитанника Альтотаса первым именем стояло Джузеппе. Так Алессандро Калиостро стал по бумагам Джузеппе Бальзамо. Но если детство и юность капитанского сына прошли на грязных улицах, среди таких же, как и он, детей небогатых родителей, то Калиостро был увезен Альтотасом в Медину, где тот под именем Ахарата несколько лет жил во дворце у князя Алахама. Потом Альтотас вместе со своим воспитанником перебрался в Мекку, ко двору шерифа, а через три года капитан Бальзамо отвез их на Родос и далее на Мальту. Там Калиостро принял гроссмейстер Мальтийского ордена Мануэль Пинто да Фонсека, алхимик и поклонник тайного знания. Покинув Мальту, Калиостро в

сопровождении благородного кавалера д'Аквино вернулся в Палермо, где был представлен местной знати, а потом с рекомендательными письмами отбыл в Рим…

Королевская версия происхождения магистра, напоминающая авантюрный роман эпохи романтизма с непременной тайной рождения героя, не ведающего своих родителей, очевидно далека от истины. Королю Жуану V из династии Браганса, скончавшемуся в 1750 году, в 1748-м (указанном как год рождения Калиостро) было 58 лет, а графине Элеоноре Тавора — 48, так что предположить между ними пылкий роман, завершившийся появлением на свет младенца, довольно сложно. Покушение же на Жозе I, к которому оказалась причастна семья Тавора, произошло в 1758 году. Словом, история, достойная пера романиста.

Собранием расхожих сплетен, слухов и пересудов стали анонимные «Подлинные записки графа Калиостро»[7], первое издание которых пришлось на 1785 год. Сначала в авторстве подозревали известного насмешника маркиза де Лангля, автора «Похождений Фигаро в Испании», но потом установили точно: «Записки» принадлежат перу маркиза де Люше[8]. В истории, рассказанной в «Записках», теснейшим образом сплелись правда и вымысел, поданные в невыгодном свете для ее героя: «Перед вами история мошенника, который восемь лет назад в Англии сидел в тюрьме Кингс-Бенч (а сейчас сидит в Бастилии). Поначалу он был танцором в Опере, но так как у него ничего не получилось, он отбросил носимое им от рождения имя Бельмонте и взял имя Калиостро и назвался прусским полковником…»[6] Бальзамо-Калиостро на поприще танцора не подвизался, но прусским полковником назывался, равно как и любил носить голубой полковничий мундир с красными обшлагами…

«Вопреки заявлениям самого Калиостро, — подчеркивал Гримм[9], — субъект сей родился в бедной семье, скорее всего в Неаполе, ибо не только акцент, но и построение фразы выдает в нем лаццарони. Наделенный бурными страстями, он присвоил себе титул и ринулся во все тяжкие, искушая судьбу. Жену свою он нашел в Венеции, на самом дне, куда ее привели скорее несчастья, нежели сластолюбие. Хрупкая, с пламенным взором, великолепно сложенная, с легкой походкой, она являла собой воплощение добродетели; ее порочные занятия не оставили на ее внешности ни следа, и, возможно, поэтому она с легкостью предавалась пороку, не переставая говорить о добродетели. Опасаясь не преуспеть, супруги не рискнули сразу отправиться в Париж, а поехали в Россию. Там двадцатилетняя графиня выдавала себя за почтенную даму, имеющую взрослого сына, и

утверждала, что выглядит столь свежо и молодо исключительно благодаря “эликсиру молодости” своего супруга. После таких заявлений эликсир шел нарасхват. К чарам юной итальянки не остался равнодушен великий князь, фаворит русской императрицы. Не желая ссориться с властями, супруга Калиостро добилась аудиенции у императрицы и убедила ее в своем исключительном к ней почтении. Получив в подарок 20 000 рублей, она вместе с супругом отбыла из страны. Для самого Калиостро отъезд пришелся кстати, ибо он пообещал вылечить малолетнего ребенка знатного вельможи, но обещания не выполнил, ребенок умер, и граф подменил его другим, взяв тем не менее 5000 империалов в качестве платы за лечение. С трудом избежав скандала в Варшаве, граф прибыл в Страсбург, где занялся целительством, что вскоре вызвало обвинение в шарлатанстве, отчего ему пришлось покинуть город. Прибыв в Париж, Калиостро сначала купался в лучах страсбургской славы, а затем начал создавать ложу Египетского масонства, якобы восстанавливая древние мистерии Изиды и Анубиса. Жадные до всего нового и необычного парижане валом валили в Калиостровы ложи, число которых быстро достигло шестидесяти двух. А супруга графа организовала женскую ложу…» — сообщал Гримм в письме к Дидро[7].

Порочащие Калиостро слухи собрал в своей брошюре и некий Саки[10], неприятный субъект, прибывший в Страсбург следом за Калиостро с намерением заработать на чужой славе. Сей Саки сообщал, что настоящее имя Калиостро — Тишио (*Thiscio*; впрочем, может, и *Thsico* — Чико…), что он сын кучера из Неаполя и в молодости был парикмахером, но потом бросил это почтенное занятие и занялся ремеслами презренными и низкими. Главная обвиняемая по делу об ожерелье королевы мадам Ла Мотт охотно подхватила «разоблачения» Саки. А еще ходил слух, что в юности магистр был в услужении у Космополита[11] и, узнав от него несколько алхимических рецептов, с их помощью стал одурачивать легковерных. Некоторые, видя поистине неиссякаемое богатство Калиостро, считали его сыном управляющего шахтами в Лиме. А графиня де Бриенн утверждала, что слышала, как Калиостро рассказывал, что он «родился посреди Красного моря, воспитан под пирамидами Египта».

Первыми прошлым Калиостро заинтересовались французские власти во время процесса по делу об ожерелье. Данные, собранные по запросу в Палермо, совпали со сведениями, сообщенными из Палермо неким анонимом, отправившим в адрес парижской полиции два письма (от 22 июня и 2 ноября 1786 года), в которых сей аноним признавался в своем знакомстве с

дядей Джузеппе, Антонио Браконьери, который и рассказал ему о юности племянника. 16 июля 1786-го полиция получила анонимное письмо из Лондона, в нем говорилось о пребывании в Англии проходимца Бальзамо, а также о том, что в 1772 году оный Бальзамо прибыл в Париж, а в январе 1773 года обратился с просьбой к тогдашнему начальнику полиции Сартину заключить его жену в исправительную тюрьму Сент-Пелажи — за то, что она якобы изменила ему с неким Дюплесси[12]. «Мадам Бальзамо арестовали и допросили. Отвечая на вопросы о своем происхождении, о своей жизни и о жизни мужа, она сообщила такие подробности, кои не позволяют сомневаться, что Жозеф Бальзамо является тем же самым лицом, кое с тех пор известно под именем Александра Калиостро»[8]. А так как подробности аноним явно взял из протокола допроса, есть основания полагать, что к письму этому французская полиция сама приложила руку. Но как бы то ни было, судебный процесс по делу об ожерелье подтолкнул к составлению подлинной биографии Калиостро-Бальзамо.

Первым составителем немифологической родословной Бальзамо стал палермский правовед, которому французское посольство поручило установить происхождение магистра, «имевшего дерзость перед лицом Франции — да и всего мира — распространять вздорные басни». Именно к нему и направился прибывший в апреле 1787-го на Сицилию Гёте, который в своем «Путешествии в Италию»[9] описал знакомство с семьей «необычайного человека», по-прежнему проживавшей в Палермо. «Все жители Палермо сходились на том, что некий Джузеппе Бальзамо, уроженец их города, был опорочен и изгнан за разные бесчисленные проделки». Правда, «по вопросу о том, является ли он тем же лицом, что и граф Калиостро, мнения разделялись». Однако сам Гёте, похоже, таковых сомнений не разделял. В переписке с восторженным поклонником Калиостро Лафатером он позволял себе сомневаться в магическом даре магистра, а в пьесе «Великий Кофта» (1791) и вовсе представил графа мошенником. Впрочем, некоторые адепты Калиостро полагают обратное, считая, что так как Гёте был масоном, то своими сочинениями он намеренно уводил любопытствующих от истины…

«Италия без Сицилии не оставляет никакого образа: только здесь ключ ко всему целому», — писал Гёте, высадившись в Палермо и любуясь древними меловыми утесами Монте-Пеллегрино. Когда-то давно в одной из тамошних пещер нашли останки святой Розалии, и с тех пор ее считают покровительницей Палермо. Кто только не ступал на залитую

солнцем и овеваемую знойным ветром землю Сицилии! Финикийцы, греки, карфагеняне, римляне, византийцы, арабы, норманны, анжуйцы, арагонцы, Бурбоны… В детстве Джузеппе созерцал приземистые соборы, украшенные с византийской роскошью, поражающие взор многоцветьем мрамора; часовни, восстановленные из обветшавших норманнских церквей, построенных на месте прежних мечетей, основанных на фундаментах римских храмов; дворцы в мавританском стиле, окруженные пышной растительностью… Изощренное, все в завитушках палермское барокко наводило на мысль об извилистых путях, коими приходится идти по жизни, если хочешь чего-нибудь достичь. В названиях улиц и кварталов звучали искаженные временем, но по-прежнему узнаваемые арабские слова; в церквях распевали католические молитвы; деревенские колдуны считались знатоками таинственных знаний, пришедших с Востока… «Крайний юг всегда порождает серьезность, замкнутость, чувство опасности. Силы природы не внушают дружеского доверия человеку в стране, где даже в январе едва переносимо действие прямых лучей солнца. Палермо мало чем напоминает Италию»[10]. С детства впитав в себя смешение образов, запахов и разноголосой речи, Джузеппе Бальзамо стал своеобразным воплощением духа своего родного города, наполнился гремучей смесью беззаботности и нахальства, жажды власти и богатства, расслабляющей лени и кипучей деятельности, заставлявшей графа Калиостро метаться по Европе в поисках денег, приключений и славы…

Джузеппе родился в квартале Альбергария, где селились в основном торговцы и ремесленники, в переулке Перчата (именуемом сегодня переулком Калиостро), зажатом между площадью Балларо[13] и Порта ди Кастро. На площади с утра до вечера бурлил рынок, источая дурманящие ароматы восточных пряностей и соблазняя гурманов мыслимыми и немыслимыми дарами земли и моря. Рядом проходила улица, где во времена Бальзамо, по словам Гёте, скапливалось «очень много соломы и пыли», ибо лавочники сметали от своих лавок мусор и отбросы на середину улицы, где они и сохли вперемешку с соломой, ожидая, когда их разнесет внезапно налетевший из Африки ветер. Несомненно, живое воображение юного Джузеппе уносило его далеко от этого пыльного квартала. Ведь Неаполитанское королевство, в состав которого в те времена входила Сицилия, насчитывало 140 князей, 780 маркизов и примерно 1500 герцогов и баронов»[11]. Знать чрезвычайно гордилась своими титулами, и хотя наличие родословной отнюдь не означало наличие состояния, дворяне дружно разделяли предрассудок, согласно

которому обладатель титула получал право ничего не делать. А Джузеппе, если верить де Вентавону[12], считал, что его отец Пьетро Бальзамо является наследником знаменитой династии византийских императоров Комнинов (бывших в 1204–1461 годах правителями Трапезунта). Следовательно, он тоже мог претендовать на корону… Впрочем, узнав, что одного из его предков звали Маттео Мартелло, Джузеппе немедленно возвел свой род к Карлу Мартеллу, великому королю (а точнее, майордому) из французской королевской династии Меровингов[14]. В сущности, какая разница: французские короли или византийские императоры? Главное — происхождение королевское…

Действительно ли семья Джузеппе Бальзамо принадлежала к сицилийской знати, как пишут многие биографы Калиостро? Принимая во внимание приведенную выше статистику, наличие вельможной родни вполне возможно. Так, М. Авен утверждает, что не только род Бальзамо имеет благородные корни, но и род Браконьери, к которому принадлежала мать Джузеппе. Из знатных предков Браконьери чаще всего вспоминают Симоне, приобретшего в 1439 году баронское владение Пископо и ставшего кастеляном замка Кастрореале. На гербе новоиспеченного барона были изображены две алые собаки на серебряном поле и две алые звезды. Мужчины из благородного семейства Бальзамо исполняли на Сицилии официальные должности или становились мальтийскими рыцарями[13]. Тем не менее «веточек» на генеалогическом древе Калиостро, ведущих к знатным родственникам, никто не рисует. Гёте, а следом за ним и другие биографы магистра обычно перечисляют предков своего героя, начиная с пресловутого Маттео Мартелло: «Прадедом Джузеппе Бальзамо с материнской стороны был Маттео Мартелло. Имя его прабабки неизвестно. От этого брака произошли две дочери. Одна из них, Мария, в замужестве за Джузеппе Браконьери, была бабкой Джузеппе Бальзамо. Другая, по имени Винченца, вышла замуж за Джузеппе Калиостро, уроженца маленького местечка *La Noara*, находящегося в восьми милях от Мессины. Замечу здесь, что в Мессине проживают еще два литейщика того же имени. Эта двоюродная бабка стала впоследствии крестной матерью Джузеппе Бальзамо; он получил при крещении имя ее мужа, а в конце концов за границей принял и фамилию Калиостро, принадлежавшую его двоюродному деду. У четы Браконьери было трое детей: Феличита, Маттео и Антонио. Феличита вышла замуж за Пьетро Бальзамо, сына торговца лентами из Палермо Антонио Бальзамо, по-видимому происходившего из евреев. Пьетро Бальзамо, отец пользующегося

печальной известностью Джузеппе, обанкротился и умер на сорок пятом году от рождения. Его вдова, которая жива и поныне, родила ему, кроме упомянутого Джузеппе, еще дочь Джованну-Джузеппе-Марию. Эта последняя вышла замуж за Джованни Батиста Капитуммино, который имел от нее троих детей и умер». Джузеппе родился в Палермо предположительно 2 июня 1743 года, а 8 июня, на шестой день после рождения, его крестили в Палатинской часовне Норманнского дворца, личной часовне сицилийских королей и вице-королей. Быть может, в момент крещения в сверкающую цветными с золотом мозаиками часовню ворвалось солнце, и свет его, преломленный тысячами мелких блестящих поверхностей, заиграл на голеньком теле младенца, и крестные родители увидели перед собой солнечного мальчика. И его назвали «Господин Солнца»… Но, разумеется, это позднее толкование имени Джузеппе Бальзамо. При крещении мальчику дали имя Джузеппе, к которому прибавили также Джамбаттиста Винченцо (в честь крестного отца Джамбаттисты Бароне и крестной матери Винченцы Калиостро) Пьетро Антонио Маттео — в честь отца и дядьев со стороны матери.

Какими увидел мать и сестру Бальзамо Гёте, посетивший родственников знаменитого человека в 1787 году? Вот как он описывает свою с ними встречу:

«Мы поднялись по убогой лестнице и сразу очутились в кухне. Средних лет женщина, крепкая и широкая, но не толстая, занималась мытьем кухонной посуды. Она была опрятно одета и при нашем появлении завернула один конец передника, чтобы спрятать от нас его грязную сторону». Женщина провела гостей в комнату, которая оказалась столь велика, «что у нас считалась бы залом; но, по-видимому, она составляла едва ли не все жилище этой семьи. Единственное окно освещало большие стены, утратившие свой первоначальный цвет и увешанные почерневшими изображениями святых в золотых рамах. Две большие кровати без полога стояли у одной стены, коричневый шкапик, имевший форму письменного стола, — у другой. Тут же стояли старые, с камышовым плетением стулья, спинки которых были когда-то покрыты позолотой, а кирпичные плиты пола были во многих местах глубоко вытоптаны. Впрочем, все было опрятно. […] Пока мой проводник объяснял старой глухой Бальзамо, сидевшей в углу, причину нашего посещения, я успел рассмотреть комнату и других членов семьи. У окна стояла девушка лет шестнадцати, высокого роста, с чертами лица, стертыми оспой; рядом с ней находился молодой человек, чья неприятная, обезображенная оспой физиономия также бросилась мне в глаза. В кресле у окна сидела, вернее — лежала, болезненная,

совершенно бесформенная фигура, казалось, погруженная в своего рода спячку.

Я с удовольствием рассматривал старуху. Она была среднего роста, но хорошо сложена; ее правильные черты, не обезображенные старостью, выражали душевный покой, которым обычно наслаждаются люди, лишившиеся слуха; тон ее голоса был мягок и приятен. […] Между тем вошла ее дочь […]. На ней был чистый передник, и волосы были аккуратно убраны под сетку. Чем больше я на нее смотрел, сравнивая ее с матерью, тем разительнее казалось мне различие двух обликов. Жизнерадостная, здоровая чувственность сказывалась в наружности дочери; она казалась женщиной лет сорока. В умном взгляде ее живых голубых глаз не было ни тени подозрительности. В сидячем положении она казалась выше, чем стоя; поза ее изобличала решительность, она сидела, наклонившись вперед всем телом и положив руки на колени. Впрочем, черты ее лица, скорее тупые, чем острые, напоминали мне облик ее брата, знакомый нам по гравюрам.

В это время бабушка опять задала мне несколько вопросов; пока я ей отвечал, дочь заговорила с моим спутником вполголоса, но так, что я все же мог позволить себе спросить, о чем идет речь. Госпожа Капитуммино рассказывает, ответил он, что ее брат еще должен ей четырнадцать унций; при его спешном отъезде из Палермо она выкупала для него вещи из заклада; однако с тех пор она не имела от него ни известий, ни денег, ни какой-либо поддержки, хотя, по слухам, он владеет большими богатствами и живет с княжеской роскошью. Не возьмусь ли я по возвращении учтивым образом напомнить ему о долге и добиться для нее поддержки, не соглашусь ли захватить с собой или, по крайней мере, переслать письмо?» Опасаясь навязчивости родственников, Гёте не рискнул дать свой адрес, но пообещал сам зайти за письмом.

«Тогда она рассказала мне о своем затруднительном положении: она — вдова с тремя детьми; из них одна девочка воспитывается в монастыре, другая здесь налицо, а сын как раз пошел на урок. Кроме этих трех детей при ней живет ее мать, которую она содержит, а сверх того она из христианского милосердия взяла к себе больную, чем еще увеличила свое бремя; всего ее трудолюбия едва хватает на то, чтобы доставить ей и ее близким самое необходимое. И хотя она знает, что Бог не оставляет добрых дел без награды, все же она вздыхает под бременем, которое так долго несла».

Впечатленный бедственным положением семьи, перед отъездом Гёте захотел возместить родным четырнадцать унций,

что задолжал им знаменитый беглец, но, подсчитав деньги, «убедился, что в стране, где при недостатке в путях сообщения расстояние возрастает до бесконечности, я поставлю самого себя в затруднительное положение, если сочту нужным исправить добросердечным поступком несправедливость этого наглого человека».

Глава 2
Ученик чародеев

Он коснулся мизинцем трубки и потянул воздух. Из-под мизинца, к изумлению гостей, вспыхнул огонек и пошел дым.

Г. Горин. Формула любви

Лишившись отца в год своего появления на свет, малыш Джузеппе сначала находился на попечении матери, а когда подрос, помогать воспитывать наследника семьи Бальзамо стали родственники. Сначала мальчика увезли в Термини, к дальней родственнице, бывшей замужем за аптекарем, и три года Джузеппе провел среди порошков, мазей, бальзамов и аптекарской утвари, что, несомненно, явилось одной из причин его последующего интереса к целительству и составлению снадобий. Когда он вернулся в Палермо, семья, несмотря на бедность, наняла единственному наследнику (сестра в счет не шла) учителя, чтобы тот обучил его грамоте и арифметике, а затем, посоветовавшись, определила ему духовную карьеру и в десять лет отдала на обучение в семинарию святого Рока. Правда, оттуда его через три года выгнали — то ли за кражу, то ли за богохульство, то ли он сам оттуда сбежал. Однако время сладостного безделья не затянулось: книготорговец Антонио Браконьери, дядя с материнской стороны, отправил подростка в Кальтаджироне, где устроил послушником в монастырь Милосердных братьев; тамошние монахи посвятили себя исцелению недугов.

При полном нежелании терпеть монастырскую дисциплину Джузеппе выказал неподдельный интерес к занятиям отца-аптекаря, сведущего в химии и медицине. Аптекарь с удовольствием делился своими секретами с любознательным юнцом, а тот оказался благодарным слушателем, способным часами внимать рассказам об использовании ипекакуаны, териака, аква-тофаны и шпанской мушки. Не исключено, что Джузеппе посещал монастырскую библиотеку, обладавшую большим собранием рукописей и инкунабул, посвященных астрологии, алхимии и медицине. Настолько ли хорошо юный Бальзамо освоил латынь, чтобы читать древние трактаты, неизвестно, но, во всяком случае, вид толстых, переплетенных в

телячью кожу фолиантов с ровными строками готических букв, с тщательно прорисованными миниатюрами и замысловатыми буквицами не мог оставить его равнодушным. В этих книгах таилось волшебство, только как его оттуда извлечь? Вулканический темперамент юного сицилийца требовал стремительных действий: долгие часы сидения за книгами его решительно не привлекали, тем более что всякий раз, когда знания оказывались исчерпанными, на помощь услужливо приходило воображение. Прилагая массу усилий, чтобы увильнуть от работ, выпадавших на долю послушника, Джузеппе каждую свободную минуту бежал в аптекарскую келью, где отец-аптекарь, подвернув, чтобы не мешали, широкие рукава рясы, растирал в фарфоровых ступках порошки, нагревал отвары, изготавливал мази и разливал по флаконам настойки. Монах прекрасно разбирался в травах, произраставших в окрестностях монастыря, и, отправляясь собрать очередную порцию зеленых лекарств, не раз звал с собой Джузеппе. Но искать травы подросток не любил: звучные названия растений не соответствовали их чахлому, невзрачному виду. Вдобавок едва он оказывался за воротами монастыря, как жажда свободы немедленно затмевала все остальные желания: раскинув руки, он хотел лететь навстречу южному ветру, несущему жар песков Аравии. Недаром этот ветер называли caldo austrum — почти Cagliostro…

Скорее всего, именно из занятий с отцом-аптекарем он почерпнул основы фармакологии, алхимии и восточной медицины, ибо наряду с трудами Парацельса в монастырской библиотеке хранились сочинения и Аверроэса, и Авиценны. Освоив составление нескольких мазей и бальзамов, пользовавшихся большим спросом у окрестных жителей, и научившись толочь порошки, Джузеппе заскучал, и, когда настала его очередь читать в трапезной жития святых мучеников, он, развлечения ради, стал заменять имена святых на имена известных всему Палермо проституток. Несмотря на монотонное бормотание чтеца, отец-настоятель подмену заметил и посадил нерадивого юнца на неделю в карцер, откуда тот сбежал, чтобы более никогда не возвращаться в монастырь. Хотя не исключено, что в карцер его никто не сажал, а отец-настоятель просто выгнал безобразника на улицу и захлопнул за ним монастырские ворота…

После почти двухлетнего пребывания в монастыре Джузеппе вернулся домой. Не задержавшись нив семинарии, нив монастыре, он тем не менее сумел приобрести вполне приличное по тем временам образование, особенно если говорить о

Неаполитанском королевстве, где даже среди дворян не все умели толком писать и считать. Бальзамо же освоил не только письмо и счет, но и основы латыни, химии и фармакологии, узнал состав и методы приготовления основных бальзамов и рецепты настоек из целебных трав. Решив применить полученные знания на практике, Джузеппе скоро прослыл и лекарем, и аптекарем, и знахарем, и опасным колдуном. Энергия, переполнявшая молодого человека, требовала выхода, и Джузеппе был готов на все, лишь бы вырваться из скудной и скучной жизни обитателей Альбергарии, для которых поход на рынок или в приходскую церковь уже являлся дальним путешествием. Поэтому, когда мать призвала брата, Антонио Браконьери, помочь определить судьбу «трудного» подростка, Джузеппе попросил отдать его в ученики к художнику и за короткое время научился рисовать и копировать сложнейшие гравюры. Успокоившись, родственники перестали ему докучать, и молодой человек, не посвящая никого в свои планы, пустил полученные им навыки вдело: начал подделывать подписи, почерки, документы, карты, планы и театральные билеты. Однажды он подделал завещание некоего графа Мауриджи; подлог обнаружили в последний момент, но Джузеппе все сошло с рук — как, впрочем, и многие другие проделки, среди которых некоторые его биографы числят даже убийство каноника. Вряд ли юный Бальзамо был способен на сознательное убийство, но не рассчитать в запале свои силы мог. Джузеппе Бальзамо всегда отличался плотным, мускулистым сложением, и в юности, когда взрывной характер постоянно давал о себе знать, а тело еще не отягощало объемное брюшко, он наверняка слыл среди сверстников драчуном и силачом.

Итак, юный Джузеппе промышлял сводничеством, подлогами, одурачиванием простаков и прикарманиванием чужих денег, торговлей бальзамами и мазями, исцелением одержимых и изготовлением всевозможных амулетов. Есть основания полагать, что в этот период жизни Джузеппе усиленно постигал науку «навешивания лапши на уши»: начинающий чародей учился продавать «волшебный» товар, свойства которого зависели в основном от желания клиента. В задачу Бальзамо входило угадать, какого чуда ждет от него покупатель, и сделать все возможное, чтобы тот в это чудо поверил. И разумеется, не забыл за него заплатить. Убедившись, что клиент готов подставить уши, Джузеппе, сверкая глазами и перемежая знакомые слова латинскими терминами, импровизировал подходящий по случаю монолог, вручал покупателю зелье и, получив деньги, быстро ретировался. Со временем он убедился, что благотворное действие его пилюль и настоек часто зависит от искренней веры

недужного в их целительную силу: эликсир, составленный из дешевого красного вина, экстракта алоэ и пряностей — из тех, что всегда под рукой, — иногда оказывал поистине волшебное действие. И в голову Джузеппе постепенно закрадывалась крамольная мысль: нельзя ли придумать такое средство, которым можно пользовать всех страждущих? Ведь кого-нибудь оно наверняка вылечит! Или, к примеру, почему бы не заняться изготовлением лекарства против старости? Джузеппе успел заметить, что средства для омоложения пользовались неизменным спросом — особенно у женщин.

В какие бы рассуждения мы ни пускались, пытаясь понять, как изобретательный и деятельный авантюрист Бальзамо стал графом Калиостро, — увы, мы будем иметь дело с догадками, подтвердить которые может только сама История. А она гласит, что в те времена рыцари удачи, подвизавшиеся на поприще алхимии, обычно приторговывали «побочным продуктом» — универсальными бальзамами, исцелявшими от всех болезней и сулившими вечную молодость. Тем, кто верил в чудодейственную силу своих настоек, иногда удавалось создавать действенные лекарства. Например, шевалье де Бори[15], ставшего неплохим фармацевтом, в свое время даже отпустили из тюрьмы, дабы он своими зельями исцелил герцога д'Эстре. Алхимик Бетгер не сумел раскрыть тайну получения золота, зато открыл секрет изготовления прочного фарфора, названного мейсенским — по названию города, где основали мануфактуру по его изготовлению. Правителю Саксонии Августу открытие Бетгера принесло едва ли не бóльшую выгоду, чем если бы алхимик сумел получить в своих пробирках золото.

Какими познаниями в юности обладал Джузеппе Бальзамо, неизвестно, но в науке «навешивания лапши» он явно преуспел, о чем свидетельствует история с ювелиром Марано. Впрочем, в обмане легковерного ювелира сыграли свою роль не только изобретательность и превосходные актерские способности будущего магистра. Палермо, являвшийся во времена господства мавров[16] столицей богатейшего эмирата, сверкал позолотой роскошных дворцов в мавританском стиле, поражал взоры кружевной резьбой из кедрового дерева и полнился ароматами Востока, напоминая о богатствах сарацинских владык. Не важно, что здания строили норманны, что плодородные почвы давно засадили виноградниками и хлопком, а в каменистых гротах устроили часовни в честь католических святых — каждый житель Палермо в глубине души надеялся обнаружить сокровища, закопанные в спешке сарацинами, бежавшими под натиском рыцарей Роберта Гвискара. Поэтому к поиску кладов в Палермо

относились с особой серьезностью. Любуясь роскошным дворцом Ла Дзиза[17], Джузеппе, как и все, хотел найти клад, чтобы соорудить себе такое же ослепительное жилище и ходить по его залам в одежде, расшитой драгоценными камнями. Но одни только мечтали о сокровищах, а юный Бальзамо решил мечту осуществить. Создав себе — благодаря изобретательности и легкой руке — репутацию знатока магии, он без труда убедил состоятельного ювелира Марано, известного своей страстью к поиску сокровищ, в том, что из одной очень древней рукописи он узнал, где зарыт клад, в котором помимо золотых монет и драгоценностей имеется дивной работы золотой петушок с рубиновыми глазами и усыпанными бриллиантами перьями. Клад, разумеется, спрятали сарацины, поэтому его охраняют злые джинны, и тем, кто захочет клад добыть, надо от этих джиннов защититься… и откупиться. Удивленный ювелир спросил, отчего Джузеппе сам не достанет этот клад, на что тот многозначительно покачал головой и ответил, что явившиеся к нему во сне духи не велели ему прикасаться к сокровищам. От такого ответа Марано зауважал юного чародея и сказал, что готов пуститься на поиски клада и понести необходимые для этого расходы. Для защиты от джиннов Джузеппе лично изготовил специальные амулеты, а от Марано потребовал 60 унций золота (более 100 золотых ливров) — для джиннов…

В назначенный вечер Марано, захватив с собой лопату, большую холщовую сумку и кошелек с золотом, чтобы умилостивить злых духов, отправился в условленное место к отрогам Монте-Пеллегрино, где его уже ожидал Джузеппе. Облаченный в черный балахон, юный чародей стоял возле курившегося костерка, от которого исходил приятный можжевеловый запах, и проделывал руками энергичные пассы. Завидев Марано, он очертил у входа в пещеру круг и велел положить туда золото. Затем, пробормотав то ли молитву, то ли заклинание, он приказал ювелиру войти в грот и, сделав двадцать (а может, и более) шагов, начать копать. Марано копал, а Джузеппе отвлекал внимание злобных духов. Но то ли заклинания не подействовали, то ли Марано ошибся при подсчете шагов, но как только ювелир вошел под своды грота, на него тотчас набросилась орава черных рогатых джиннов. Толком ювелир их, конечно, не разглядел, но кто же это еще мог быть? Демоны так отколошматили несчастного, что он потерял сознание. Когда же он очнулся и с трудом выполз из пещеры, то не нашел ни демонов, ни Бальзамо, ни золота. Поняв, что его провели, ювелир отправился в дом к ушлому юнцу, но там ему сообщили, что Джузеппе уехал в Мессину навестить дядюшку. Ни

о каком золоте, разумеется, речь не шла. Обманутый и оскорбленный ювелир поклялся отомстить пройдохе и клятву свою сдержал: в свое время Марано изрядно подмочит репутацию магистра Калиостро.

Понимая, что зашел в своих проделках слишком далеко и наказания ему не миновать, Джузеппе расплатился с дружками, взявшими на себя роль демонов, забрал деньги и отбыл в Мессину. Перед отъездом, как утверждают некоторые, он без спросу позаимствовал у своего дяди Антонио немного платья и изрядную сумму денег…

Прибыв в Мессину, двадцатилетний Бальзамо отправился к мужу покойной крестной Джузеппе Калиостро, управляющему имуществом князя Виллафранка. Далее, до 1766 года, следует неведомый период в жизни Джузеппе Бальзамо, главным событием которого — если верить графу Калиостро — стала встреча с загадочным старцем Альтотасом, выяснить личность которого не удалось даже святой инквизиции. Альтотас стал для Бальзамо и наставником в алхимической науке, и учителем жизни; вместе с ним он совершил (?) путешествие (путешествия?) на Восток. «Меня хранил могучий ангел, он руководил моими поступками, просвещал мою душу, развивая дремавшие во мне силы. Он был моим учителем и моим проводником», — писал в «Мемориале…»[1] Калиостро. Есть множество гипотез, кем мог быть сей загадочный субъект, — и бродячим фокусником, и датским купцом Кольмером, долго жившим в Египте, где познакомился с чудесами древней магии, и отцом Атанасио, подельником Бальзамо, вместе с которым тот бежал из Палермо после «удачной» шутки над легковерным ювелиром… Некоторые утверждают, что Альтотаса не существовало вовсе, а именем этим Калиостро называл Сен-Жермена, разглядевшего в доморощенном чародее талант алхимика и взявшего его к себе в ученики. Интересное предположение выдвинул Ф. Брюне[2]. Этот автор считает, что под именем Альтотаса Калиостро вывел супруга своей крестной матери Винченцы. Джузеппе Калиостро, тезка юного Бальзамо, рассказал молодому человеку о его предках, среди которых было немало мальтийских рыцарей[18], и сумел внушить ему почтение к слугам Господа, оборонявшим христианский мир от нашествия сарацин и безбожных пиратов. Времена изменились, но мальтийцы, как и прежде, продолжали защищать веру, подвергавшуюся нападкам рационалистов-философов. Только теперь оружием их стал алхимический тигель и тайные знания древних мудрецов. «Credo quia absurdum» («Верую, ибо абсурдно»), — провозгласил на заре христианства Тертуллиан; когда в свете рациональной истины таинства веры

начали таять, словно тени в жаркий полдень, на помощь вере призвали мистику — разумеется, дозволенную и в разумных пределах. Но как определить эти пределы? Где кончается белая магия и начинается черная, когда чудо перестает служить Господу и начинает работать на его извечного врага Дьявола? В этом Калиостро, похоже, так никогда и не разберется и, попав в лапы инквизиции, не сумеет убедить трибунал ни в искренности своей веры, ни в богоугодности своего Египетского масонства, и будет объявлен еретиком и богохульником.

Где странствовал Джузеппе Бальзамо (он же Калиостро) до прибытия в 1766 году на Мальту, неизвестно. По словам самого Калиостро, они с Альтотасом побывали в Каире и Александрии, где посетили подземные святилища и где мудрый наставник раскрыл ему тайны, известные адептам Гермеса Трисмегиста, Гермеса Триждывеличайшего. Но, как писал Ф. М. Гримм, «у нас так мало сведений из варварских стран, что любые вызывают любопытство»[3], поэтому фантазии про заморские края, особенно если они похожи на волшебные сказки из «Тысяча и одной ночи»[19], принимались публикой «на ура». Так что есть основания полагать, что магистр придумал не только свои восточные, похожие на сказку, приключения, но и саму свою поездку. Ибо никаких иных свидетельств, кроме его собственных слов, нет. Поэтому не исключено, что, скрываясь от полиции, Джузеппе просидел два года где-нибудь в трущобах Мессины. Или тихо жил у дядюшки. Кстати, в уже упомянутом анонимном письме из Палермо (от 22 июня 1786 года) говорится, что, подшутив над ювелиром, Джузеппе вместе со своими приятелями, лакеем и священником, уехал в Калабрию, где приятели его ограбили, и тогда он подался в Рим[4]. И никакого Востока. Равно как и Альтотаса. Возможно, в юности Джузеппе мечтал о таком наставнике и, став графом Калиостро, придумал его точно так же, как и свою легендарную биографию. А потом и Альтотас, и сам граф превратились в миф и зажили собственной жизнью…

Если предположить, что Калиостро (один или в сопровождении загадочного Альтотаса) все же совершил поездку в страны, расположенные на африканском побережье Средиземноморья, на что он жил все это время? Видимо, зарабатывал теми же талантами, что и в Палермо — много фантазии, немного умения и чуть-чуть мошенничества. Говорят, Альтотас научил его старому фокусу, как придать конопле мягкость и блеск шелка; возможно, подобно Сен-Жермену, он изобрел способ окраски шелковых тканей, о которых грезили все тогдашние модницы. Выполнение всех прескрипций Бальзамо занимало очень много времени — дабы алхимик имел

возможность скрыться от гнева обманутого покупателя. Современники утверждали, что магистр разговаривал на той смеси итальянского и французского языков, которая была в ходу на африканском побережье, часто перемежал речь цитатами, считавшимися арабскими, и не утруждал себя переводом. Знал ли Калиостро арабский, как полагают его почитатели? Вряд ли, если верить путешественнику по Востоку профессору Норбергу. Рассказывают, что профессор, наслышанный о магистре, владеющем секретами древнеегипетских жрецов, будучи проездом в Митаве (или все же в Страсбурге?), долго слушал Калиостро, а потом обратился к нему с вопросом на арабском, но ответа не получил. Пожав плечами, профессор заметил, что не готов поверить, что сей господин с невнятной речью посетил святилища, куда обычно не водят путешественников. Почитатели же магистра решили, что Калиостро специально ввел профессора в заблуждение, так как проверку полагал для себя унизительной.

В 1766 году, после двух или трех лет странствий (заморских или по югу Италии), Бальзамо высадился на Мальте (один или вместе с Альтотасом), где, по одной из версий, его принял сам гроссмейстер, португалец Пинто да Фонсека[20], известный своим увлечением алхимией. В одной из башен гроссмейстерского дворца Пинто оборудовал и оснастил лабораторию, куда допустил Бальзамо. Что могло побудить знатного дворянина, обладателя высокой и почетной должности, принять под свою опеку безвестного сицилийца? Тесные отношения Калиостро с орденом некоторые объясняют тем, что на протяжении веков многие члены семьи Бальзамо становились мальтийцами, так что имя новоприбывшего звучало для них не чуждо. Но если, как утверждала Папская курия, предками Калиостро со стороны отца были евреи, значит, среди них не могло быть мальтийцев, ибо для вступления в орден следовало доказать, что в роду на протяжении двухсот лет не было ни магометан, ни евреев… Однако в любом случае фамилия Бальзамо рыцарям, защищавшим крест, была известна, ибо, как пишет Д. Вентура, среди дворянства Италии насчитывалось по крайней мере шесть семейств Бальзамо, и три из них обосновались на юге страны[5].

Возможно, конечно, что, как пишет Мак-Колман[6], Джузеппе, прибыв самостоятельно на Мальту, поступил в прислужники к рыцарям-мальтийцам и усердием и любознательностью сумел привлечь к себе внимание гроссмейстера, поселившего пытливого юношу рядом с собственной лабораторией и направившего его на путь познания арканов высшей мудрости. Разнообразные склянки, колбы и воронки, тигли и змеевики, перегонные кубы и алхимические печи с поддувалами, невиданная доселе газовая

горелка… глаза Джузеппе разбегались, ему хотелось попробовать все смешать, нагреть, растереть и получить, наконец, вожделенное золото. Но Пинто наверняка остудил пыл неофита. В лаборатории гроссмейстера Бальзамо узнал, что, имея дело с несовершенной материей, алхимик возвращает ей совершенство, превращая, например, свинец или ртуть в золото или вылечивая заболевший алмаз. Однако золото является лишь побочным продуктом трансмутации. Основная задача алхимика заключается в постижении Высшего знания, в восстановлении изначальной гармонии между природой и человеком и высвобождении частички божественного света, заключенного в душе каждого. Для этого необходимы определенные условия, иначе говоря, особого рода обряды и ритуалы. Приступая к поискам духовного золота, символом коего является философский камень, алхимику следует очиститься духовно, надолго отказавшись от радостей плоти и избавившись от суетных влияний повседневной жизни. Таинственное алхимическое действо, именуемое Великим деланием, может осуществляться неделями и месяцами.

Бальзамо не без удовольствия постигал теорию. Через некоторое время он уже мог вести долгие речи о металлах, пребывающих под покровительством небесных светил, совершать краткие экскурсы в египетскую мифологию и рассуждать об элементарных стихиях, таящих в себе силы разрушения и одновременно обновления. Когда люди постигнут Высшее знание, они преодолеют последствия грехопадения, мир вновь обретет совершенство и на Земле установится золотой век. Чтобы приблизить это время, надобно слушать мудрецов, постигших древние таинства и внимающих велениям богов.

Возможно, тогда же он ознакомился с «Разговорами о тайных науках», якобы сочиненными графом де Габалисом[21], и ему наверняка понравились сильфы, кобольды и прочие стихийные духи. От этих маленьких, видимых только посвященным человечков (интересно, как они выглядят на самом деле?) пользы получалось гораздо больше, чем от семи великих арканов алхимии: им можно приказать выполнить все, что угодно, и на них же свалить любую неудачу. Их никто не видит, никто не знает, где, собственно, они обитают. Конечно, эти твари наверняка являются порождением дьявола и общаться с ними далеко не безопасно, но он и не собирается взаправду иметь с ними дело. Когда в свое время он рассказал этому болвану Марано о злых джиннах, стерегущих клад, тот сам в них поверил, а он, Джузеппе, лишь подыграл ему, подговорив приятелей закутаться в шкуры мехом наружу и, вымазав сажей лица, слегка поколотить ювелира. А если нечистый и в самом деле пришлет к

нему своих слуг, он защитит себя молитвой, которую заставил его заучить викарий из деревушки Багариа. В свое время Джузеппе выпросил у него тряпицу, смоченную священным елеем, дабы исцелить одержимую. Никакой одержимой, разумеется, не было, просто он хотел заработать немного денег, а его подружка с легкостью согласилась исполнить роль одержимой. Викарий разгадал обман, но выдавать обманщика не стал и, улучив минуту, печально сказал, что игры с дьяволом подобны хождению по краю пропасти: в любую минуту можно сорваться вниз. И взяв неожиданно сильной рукой мошенника за локоть, не отпускал его до тех пор, пока тот с его слов не заучил наизусть коротенькую молитву, прогоняющую нечистого. Джузеппе сразу поверил в магическую силу священных слов, звучавших как заклинание…

На Мальте Бальзамо наверняка ознакомился и с учением рыцарей Розы и Креста, иначе розенкрейцеров, ибо именно они повелевали благодетельными стихийными духами. Происхождение ордена розенкрейцеров настолько загадочно, что до сих пор имеются сомнения, существовал ли он вовсе. Собственно, материальным доказательством стала появившаяся в 1614 году книга под названием «Слава братьев» («Fama fraternitas») с подзаголовком «Всеобщее преобразование света». В книге рассказывалось об обществе, созданном в XIV веке немцем Кристианом Розенкрейцем, совершившем путешествие на Восток, где он узнал много тайн, в том числе и тайну продления жизни. Загадочные розенкрейцеры отвергали догматы церкви, выступали противниками папской власти и ставили своей целью обратить в христианство все население Земли, дабы создать единую христианскую республику. Для осуществления своих целей они намеревались использовать могущество тайных наук и искусств, кои были им подвластны. Постигшие всеобъемлющую мудрость, розенкрейцеры умели мгновенно передвигаться в пространстве, не чувствовали ни голода, ни жажды, повелевали духами и могли становиться невидимыми. Крамольную, антицерковную часть учения рыцарей Розы и Креста Бальзамо, скорее всего, опустил, ибо не намеревался ссориться с Церковью, а волшебным способностям позавидовал, но не поверил. Однако запомнил, что розенкрейцеры безвозмездно лечили больных.

За двухлетнее пребывание на Мальте Джузеппе многое познал на практике. Не исключено, что в лаборатории гроссмейстера он научился изготовлять опийные препараты, которые впоследствии использовал не только для медицинских целей, но и для воздействия на психику своих юных медиумов: опиум, коварное сарацинское зелье, в малых дозах облегчавшее страдания, а в больших сводившее с ума, издавна был известен

среди рыцарей-крестоносцев. Но через какое-то время лабораторные опыты Бальзамо наскучили: золота он не получил, а проводить многочасовые или даже многодневные эксперименты, соблюдая при этом пост и исполняя многочисленные и ненужные, по его мнению, ритуалы, ему не хватало ни терпения, ни желания. Тем более что он уже знал, что для славы и денег результат не обязателен: главное — найти богатого господина, преисполненного ощущением собственной значимости, а потому жаждущего непонятного. Конечно, у знати обычно полно долгов, но заплатить за рецепт изготовления золота деньги всегда найдутся. А те, у кого золота много, станут платить за возможность приобщиться к тайне. В сущности, надо же чем-то занимать время, а тайны, в отличие от женщин, не приедаются никогда…

Узнав о намерении Бальзамо покинуть Мальту, гроссмейстер Пинто снабдил его деньгами и рекомендательными письмами, в частности к графу де Бретвилю, послу Мальты при Святейшем престоле, и римскому банкиру Беллони. А незадолго до отъезда Пинто якобы сделал Бальзамо поистине королевский подарок: даровал ему таинство посвящения в герметические философы, как именовали себя адепты Великого делания. Новому адепту надлежало принять новое имя, и Джузеппе выбрал имя своего тезки Калиостро, в трудную минуту протянувшего ему руку помощи. Утверждают, что одновременно с именем Калиостро Джузеппе получил и титул графа, ибо гроссмейстер имел право даровать членам ордена дворянство за особые таланты или заслуги. Так гусеница Бальзамо при помощи волшебной палочки гроссмейстера Пинто превратилась в бабочку Калиостро. Но, как указывают сторонники этой версии, Джузеппе еще десять лет не считал себя достойным называться новым именем. Трудно сказать, в какой степени гроссмейстер покровительствовал Джузеппе; известно, однако, что через много лет Калиостро распустит слух о том, что он является побочным сыном гроссмейстера, набросив, таким образом, тень и на Пинто, и на орден.

С Мальты Бальзамо прибыл в Неаполь (возможно, в сопровождении кавалера д’Аквино, князя Караманико, которому Пинто поручил опекать Джузеппе). По дороге, в местечке Пиццо — если верить инквизиции, — он (один или с приятелем) был задержан по обвинению в похищении девицы. Но похищенную не нашли, и Бальзамо пришлось выпустить: улик против него не оказалось. В Неаполе же, по мнению С. Ютена[7], Бальзамо задержался, чтобы взять несколько уроков у зловещего алхимика, неаполитанского князя Раймондо ди Сангро ди Сан-Северо (1710–

1777). В фамильной часовне Сан-Северо по сей день представлены два изготовленных князем анатомических препарата: скелеты мужчины и женщины, опутанные кровеносными сосудами. Каким веществом князь заменил кровь, как заполнил им сосуды и почему они сохранились нетронутыми, никто не знает до сих пор. Разумеется, князь принадлежал к адептам алхимии, был членом какого-то загадочного ордена, а также, несмотря на запреты, являлся вольным каменщиком и имел степень Великого магистра Неаполитанского королевства. И все упорно поговаривали о его общении с дьяволом. А еще он состоял в родстве с князьями Караманико и, соответственно, с кавалером д'Аквино, поэтому не исключено, что «опекун» Джузеппе действительно поехал вместе с ним повидаться с родственником. И не просто с родственником, а с братом-масоном. Какие герметические секреты открыл Сан-Северо молодому Калиостро, не знает никто, но известно, что анатомическими опытами магистр не занимался и к мумифицированию склонности не имел. Возможно, он не стал перенимать жутковатые познания Сан-Северо потому, что еще подростком с ним произошел случай, после которого в нем поселился страх перед темнотой. Однажды в Палермо ему удалось пробраться в катакомбы, расположенные под монастырем капуцинов, где монахи в конце XVI века устроили необычное кладбище: они мумифицировали тела своих упокоившихся собратьев и размещали их в специальных нишах и коридорах. Зрелище, открывшееся впечатлительному юнцу в неверном свете потайного фонаря, потрясло его, и он, спотыкаясь на каждом шагу, выскочил наружу и принялся жадно хватать ртом свежий вечерний воздух. Темнота, пропитанная удручающим запахом затхлости, произвела на него такое гнетущее впечатление, что весь следующий день он бродил по склонам Монте-Пеллегрино, выдыхая ядовитый воздух катакомб и наполняя легкие свежим горным ветром. К вечеру он зашел в грот, где была устроена часовня святой Розалии, и на всякий случай помолился. С тех пор у Джузеппе зародился безотчетный страх перед темными помещениями. Возможно, во время сеансов общения с духами (происходившими, как правило, в темноте) этот неосознанный страх заставит магистра впадать в истерику, которую современники расценят как приступы негодования. Во всяком случае, когда граф Калиостро станет разрабатывать устав Египетского масонства, во всех комнатах, где это будет возможно, он выберет для убранства светлые — белые и голубые — ткани, а убранство комнаты для размышлений при посвящении в степень магистра будет даже «веселеньким» (tresgais).

Многие биографы считают, что в Неаполе Джузеппе встретил старого приятеля-сицилийца и, поддавшись на его уговоры, вместе с ним открыл игорный дом. Предприятие прогорело, владельцев арестовали, но вскоре отпустили, предписав оплатить судебные издержки. Бальзамо ничего платить не стал и под покровом ночи отбыл в Рим.

В Риме он поселился в небогатом квартале, где часто останавливались бедные, но благородные паломники, и стал вести жизнь художника-рисовальщика, принимая заказы на копирование эстампов, гравюр и даже картин. Дохода подобная деятельность приносила немного, а Бальзамо надоело ждать, тем более что с каждым днем, прожитым в Риме, соблазны столицы христианского мира притягивали его все сильнее. Джузеппе начал приторговывать «волшебным» товаром, предлагая прибывшим в город пилигримам не только картинки с видами города (выдавая копии за оригиналы), но и бальзамы и амулеты собственного изготовления. На вырученные деньги он кутил в веселых домах, наверстывая упущенные за время пребывания на Мальте плотские радости, от которых добровольно отказывались христовы воины — мальтийцы, а также адепты тайного знания. Ведь Ева не только несла ответственность за грехопадение, но и, согласно Парацельсу, не умела управлять своими буйными страстями и по причине не менее буйного воображения не могла прозреть истину, ибо воображение искажало ее. Поэтому женщина считалась неспособной отыскать правильный путь и больше склонялась к магии черной, сиречь извращенной. Иначе говоря, каждому порядочному алхимику следовало держаться от особ женского пола подальше. Бальзамо с таким выводом был категорически не согласен и отыскал у себя в квартале дом свиданий, где всем заправляла толстая неаполитанка. Признав в Джузеппе сицилийца, то есть почти земляка, она сразу обратила его внимание на юную голубоглазую блондинку с поистине ангельской внешностью, красивой походкой и сладким выражением лица. Красавицу звали Лоренца Феличиани. На портрете, воспроизводимом в черно-белом варианте, Лоренца действительно выглядит блондинкой, однако ряд авторов называют ее темноволосой, а М. Хотинский, ссылаясь на протоколы инквизиции, пишет: «У нее был средний стройный стан, белая кожа, черные волосы, круглое лицо, блестящие глаза и весьма приятная физиономия»[8]. Впрочем, какого бы цвета ни были роскошные волосы девушки, ни один мужчина не мог пройти мимо нее равнодушно. Она была родом из почтенной римской семьи. Отец ее, Джузеппе Феличиани, богатый медник (возможно, кузнец или каретник), имел собственную мастерскую,

расположенную неподалеку от церкви Тринита деи Пеллегрини; мать, Паскуа Феличиани, заботилась о скрупулезном соблюдении церковных обрядов и запретила учить дочь грамоте, дабы у той не появился соблазн читать любовные записки.

Есть мнение, что Лоренца ко времени встречи с Джузеппе Бальзамо успела приобрести богатый опыт в любовных делах, и родители мечтали сбыть ее с рук, ибо полиция грозила заточить ее в тюрьму за безнравственное поведение. Кто-то пишет, что Лоренца была венецианской куртизанкой… Увы, о графине Калиостро сохранилось еще меньше сведений, нежели о ее супруге. Скорее всего, она действительно была шустрой юной особой, ведущей скучную жизнь под присмотром матери и постоянно сопровождавшей ее служанки. А Бальзамо, скорее всего, женился на ней не по расчету, а по любви — влюбился с первого взгляда и навсегда. И в этом «навсегда» будет место не только любви и верности, но и обману и предательству… Как горестно вздыхает часть биографов, все беды Калиостро произошли от Лоренцы. Теософ Елена Петровна Блаватская полагала, что браке Лоренцой стал главной причиной всех жизненных трудностей Калиостро, ибо жена его была орудием в руках иезуитов. Но ведь Джузеппе Бальзамо и его супруга Лоренца Феличиани почти два десятка лет шли по жизни вместе, как единое целое: куда он, туда и она. Когда Калиостро превращал ртуть в серебро, Лоренца помогала ему незаметно подменить одно вещество другим, отвлекая внимание излишне любопытных зрителей. Когда граф занимался исцелением, графиня, одаривая пациентов улыбкой, раздавала лекарства. Когда Калиостро стал главой основанной им масонской ложи Египетского обряда, Лоренца возглавила женскую Египетскую ложу. Калиостро поднялся к вершине славы, Лоренца купалась в ее лучах. Однако через двадцать лет совместной, исполненной превратностей жизни тридцатипятилетняя графиня Калиостро подала на мужа донос, и не куда-нибудь, а в инквизицию Папского государства. Иначе говоря, в организацию, трибунал которой приговоры выносил главным образом смертные, а в темницу сажал все больше бессрочно. Джакомо Казанова, бежавший из знаменитой венецианской тюрьмы Пьомби, справедливо гордился своим побегом, ибо мало кому удавалось самовольно покинуть застенки инквизиции. Не знать об этом уроженка Рима Лоренца не могла. Странная история…

Но до предательства еще далеко, пока же можно задаться вопросом: чем привлекла Лоренца решительного и дерзкого Джузеппе? Выразительными глазами, умевшими посмотреть на мужчину так, что его охватывала дрожь? Пухлыми алыми

губками, скрывавшими жемчужной белизны зубы? Приятной полнотой фигуры с тонкой талией и развитой грудью? Маленькими нежными ручками, чьи плавные движения словно манили подойти и прижаться к ним губами? Крохотной ножкой с изящной щиколоткой? Волнующей соблазнительной походкой? Или же незамутненным науками умом, жадно впитывавшим все, что говорил ей пылкий поклонник? Наверное, всем вместе. А что могло побудить красавицу, не знавшую отбоя от поклонников, принять предложение Джузеппе? Смуглый, как и положено сицилийцу, черноглазый, небольшого роста, с густыми курчавыми волосами, вздернутым носом, широкоплечий, начинающий полнеть, с короткой шеей… словом, отнюдь не красавец, да еще на двенадцать лет старше. Как ему удалось приворожить юную кокетку? Наверное, живостью блестящих черных глаз, стремительностью движений, страстными поцелуями, фантастическими россказнями и необычайной яркости одеяниями. Он наверняка заговорил ее родителей, не желавших выдавать дочь замуж в столь раннем возрасте; Бальзамо не только убедил их в своем великом будущем, но и привлекательными красками расписал нынешнее свое положение, похваляясь связями «наверху». Но, судя по римскому кругу его знакомств, в аристократическое общество он, несмотря на рекомендации, принят не был. А может, он сам отказался от предложения кардинала Орсини пойти к нему в секретари: Джузеппе хотел всего и сразу, и каждодневная бумажная работа его не привлекала, тем более что больших денег она не сулила. Зато он умело ввернул нужные имена в разговоре с родителями невесты, и согласие было получено. В апреле 1768 года четырнадцатилетняя Лоренца Феличиани и двадцатишестилетний Джузеппе Бальзамо, рисовальщик пером, обвенчались в церкви Сан-Сальваторе ин Кампо.

Молодые супруги стали жить в доме родителей Лоренцы, но, как это часто бывает, вскоре рассорились с родителями и перебрались на съемную квартиру. Собственно, семья Лоренцы с самого начала не питала особой симпатии к супругу дочери, тем более что его занятия вызывали подозрения, а его небрежное отношение к религиозным обязанностям возмущало до крайности. И вряд ли они были довольны тем, что дочь их, выйдя замуж, отнюдь не перестала кокетничать напропалую, а муж, как донесли им, поощрял кокетство жены и даже наставлял ее в науке нравиться мужчинам.

Кокетство Лоренцы требовало денег, небольшое приданое быстро утекло сквозь пальцы, и Бальзамо, относившийся к жене как к куколке, связался с двумя своими земляками, ставшими

весьма опасными субъектами: Оттавио Никастро (кончит свои дни на виселице) и маркизом Альятой. Альята похвалялся патентом полковника прусской службы, подписанным самим Фридрихом Великим, и называл себя полномочным представителем прусского двора. Когда компаньоны стали больше доверять друг другу, маркиз лично изготовил полковничий патент и для Бальзамо, где тот именовался полковником (Калиостро всегда нравился чин полковника) испанской службы графом Фениксом; похоже, именное этим патентом Калиостро впоследствии отправится в Россию. Сомнительный маркиз стал очередным учителем жизни Джузеппе: он научил его не только подделывать патенты, банковские векселя и аккредитивы, но и без последствий пускать их в оборот. Подобного рода деятельность не способствовала оседлому образу жизни, и через семь месяцев после свадьбы супруги Бальзамо вместе с новыми приятелями пустились в путь. Говорят, за науку Джузеппе заплатил Альято прелестями собственной супруги.

Большинство биографов утверждают, что буквально с первых дней совместной жизни Калиостро начал осуществлять воспитание чувств своей половины, а именно убеждать ее не скрывать дарованную ей Богом красоту, а использовать ее во благо мужу. Измена мужу не является изменой, если совершается ради него и с его согласия. Более того, это долг любящей супруги, ибо таким образом она помогает супругу, коему всем обязана. Резонно предположить, что изумленная Лоренца поведала родителям о мужниных наставлениях, а те, возможно, даже попытались расторгнуть брак дочери из-за безнравственных, а главное, противных церкви взглядов зятя, кои тот слишком откровенно проповедовал. Впрочем, мужчины издавна использовали женскую красоту для решения собственных проблем, а во времена Калиостро супружеская верность и вовсе вышла из моды. Тем не менее развода не последовало. Потому что Лоренца любила мужа? Или потому что, как истинная католичка, развода не принимала? Или была уверена, что развод бросит тень прежде всего на нее и вряд ли ей, простолюдинке, вновь предложит руку и сердце столь знатный господин? А может, сам Калиостро не собирался отпускать от себя любимую жену? Не исключено также, что Лоренце понравилась новая, бурная и пока еще непонятная ей жизнь, в которую окунул ее супруг…

Как бы там ни было, за время странствий Лоренце не раз приходилось выручать супруга из переделок с помощью только собственной красоты. Быстро постигая мир, окружавший

Джузеппе, вскоре она действительно стала его соратницей и помощницей. Во всяком случае, когда в Лорето Никастро донес на своих приятелей, а Альята, забрав все деньги, скрылся, подкинув Бальзамо компрометирующие документы, Лоренца уверенно спрятала опасные бумаги за корсаж. Ничего не обнаружив, полиция вынуждена была супругов отпустить.

Оставшись без средств, Бальзамо решил направить стопы в Галисию, к гробнице святого Иакова Компостельского. При дороге, ведущей к мощам святого, мальтийские рыцари держали гостиницы для паломников, где без всякой платы можно было получить кров и пищу. По пути красота Лоренцы наверняка поможет заманить в сети крупную рыбу с толстым кошельком, а он найдет способ, как облегчить сей рыбке кошелек. С собой Джузеппе прихватил толстую книгу «Чудесные тайны» («Secreti ammirabili») известного итальянского картографа и натуралиста XVI века Джироламо Рушелли, известного также под псевдонимом Алессио Пьемонтезе. Живым и доступным языком Пьемонтезе раскрывал читателям загадки природы, приводил рецепты целебных составов от всех болезней, рассказывал о свойствах минералов и веществ, об алхимических превращениях. Надо сказать, популярностью книга пользовалась необычайной, хотя наряду с простыми составами автор приводил немало составов экзотических, куда следовало добавить, к примеру, кровь удода или корешок мандрагоры. Долгое время Джузеппе не расставался с этой книгой, извлекая из нее полезные сведения как для составления бальзамов и эликсиров, так и для алхимических опытов.

Как проходило паломничество молодых супругов и действительно ли они его совершили — неизвестно. Достоверно одно: когда (на обратном, по их словам, пути) они прибыли в Экс-ан-Прованс и остановились в гостинице «Три дельфина», их приметил проживавший здесь же Казанова и впоследствии поведал об этой встрече в книге «История моей жизни». Надо сказать, обычно Казанова останавливался не в худших гостиницах, следовательно, ко времени их встречи дела супругов шли не так уж плохо. Распознал ли знаменитый соблазнитель в Бальзамо своего собрата-авантюриста или принял его за подлинного паломника? Трудно сказать, ведь «История…» написана тогда, когда автор, как и вся остальная публика, уже знал печальный финал карьеры Калиостро…

«Однажды за обедом завели разговор о новоприбывших паломнике и паломнице, итальянцах, что шли пешком из Галисии от святого Иакова, должно быть, знатных особах, ибо, вошед в город, они роздали нищим немало денег. Прелестная паломница,

коей, сказывали, было лет восемнадцать, такая была уставшая, что сразу легла почивать»[9]. Побуждаемый любопытством, Казанова решил нанести визит землякам. Паломнице на вид было не более восемнадцати; она сидела в кресле, и ее красивое, утонченное лицо выглядело необычайно усталым. Она сказала, что зовут ее Серафина Феличиани[22] и родом она из Рима, о чем, по словам Казановы, могла бы и не говорить, ибо он сразу понял это по ее выговору. «Паломник, возившийся с ракушками, прицепленными к ее черной клеенчатой накидке, не пошевелился; указав глазами на жену, он, казалось, предлагал забыть о его скромной особе. Выглядел он лет на пять-шесть старше ее, ростом мал, крепко сбит, лицо запоминающееся, исполненное отваги, наглости, насмешки, плутовства, тогда как на лице жены его, напротив, были написаны благородство, скромность, наивность, мягкость и стыдливость. Оба они с трудом изъяснялись по-французски и вздохнули облегченно, когда я заговорил по-итальянски. […] Судя по паспорту, выданному в Риме, фамилия его была Бальзамо. Читатель встретит спустя десять лет Бальзамо, превратившегося в Калиостро. […]

Она поведала, что возвращается в Рим вместе с мужем своим, довольная, что поклонилась святому Иакову Компостельскому и Деве дель Пилар; туда они шли пешком и так же возвращаются обратно, живя одним подаянием, тщетно надеясь нищетою своей заслужить перед Господом, ибо много грехов на душе ее. “Но напрасно я всегда прошу один только медный грош, — сказала она, — мне всегда подают серебро и злато, и потому мы понуждены во исполнение обета раздавать, вошед в город, все деньги нищим, ведь оставить их у себя — значит, не верить в бесконечную милость Господню”».

На следующий день супруг прекрасной римлянки пригласил Казанову позавтракать с ними, и хотя парочка показалась венецианцу весьма сомнительной, отчего появляться в их обществе у него желания не было никакого, любопытство пересилило и приглашение он принял. За завтраком Казанова спросил у Бальзамо о роде его занятий, и тот ответил, что зарабатывает на жизнь рисованием, используя только перо и черную краску. В сущности, сам он ничего не изобретает, а копирует гравюры и эстампы, причем его работы не отличишь от оригинала. Желая приободрить паломника, Казанова сказал, что, владея таким искусством, он может быть уверен, что всюду заработает себе на хлеб. «Так все говорят, и все ошибаются. Моим ремеслом не прокормишься», — возразил пилигрим. И добавил, что и в Риме, и в Неаполе он едва сводил концы с концами. Дабы продемонстрировать свое искусство, Бальзамо показал

«изготовленные им веера, краше которых и вообразить нельзя. Они были нарисованы тушью, а казались гравюрами. Чтобы окончательно убедить меня, он извлек копию Рембрандта, что была, коли возможно, краше оригинала. Талант его был несомненный, а меж тем он клялся, что ему на жизнь не хватает. Он был из породы гениальных лентяев, что предпочитают бродяжничать, а не трудиться. Я предложил ему луидор за веер, но он отказался, прося принять его в дар и устроить для них за табльдотом сбор пожертвований, ибо послезавтра они хотели ехать».

Разумеется, очаровательная паломница не могла не увлечь великого соблазнителя Казанову, тем более что он сразу разглядел в ее облике нечто такое, что никак не вязалось с благочестием. Тем не менее, когда он предложил ей написать на карточке свое имя, она ответила, что писать не умеет, ибо в Риме девушек, коих воспитывают в понятиях чести и добродетели, не учат ни чтению, ни письму, дабы они не могли ни писать любовных записочек, ни читать их. «А что ей еще остается при таком супруге, как не быть добродетельной? — подумал Казанова. — Ведь он глаз с нее не спускает!» И не рискнув вступить в соперничество с темпераментным соотечественником, отечески попрощался с молодой парой.

На следующий день прекрасная паломница явилась в комнату к Казанове и попросила у него рекомендательные письма в Авиньон, куда лежал их путь; Казанова написал два — одно банкиру, другое трактирщику, то есть людям, чьи услуги более всего нужны путникам. Вечером красавица вернула письмо к банкиру, ибо, как сказал супруг, оно им не понадобится. Возвращая Казанове записку, она просила как следует проверить, та ли эта записка. Внимательно перечитав текст, Казанова не заметил ничего необычного; тут паломница рассмеялась и достала из кармана еще одно письмо, точно такое же, и сказала, что это и есть оригинал, а поначалу она показала ему копию, выполненную ее супругом. Знаменитый авантюрист не поверил; тогда красавица позвала мужа, и тот подтвердил ее слова. «Я долго восторгался его умением, присовокупив, что он может извлечь из него немалую выгоду; но действовать надлежит с превеликой осторожностью, а то можно и головы лишиться». Ведь в те времена за подлог можно было угодить на виселицу.

«Сейчас, когда я пишу эти строки, — завершал свой пассаж Казанова, — Калиостро находится в тюрьме, откуда он, скорее всего, уже никогда не выйдет, а жена его, полагаю, обрела покой в одном из монастырей».

Но ранее оба авантюриста встретились еще раз — в 1787 году

в Венеции, куда Джузеппе Бальзамо, он же граф Калиостро, и Лоренца, она же графиня Калиостро, прибыли проездом из Неаполя. Супруги Калиостро поразили своих поклонников роскошью платья, сверкали дорогими перстнями, разъезжали в собственной карете и остановились в лучшей гостинице, в то время как Казанова донашивал некогда лучший, но с тех пор успевший вытереться на локтях фрак и столь же потертые бархатные кюлоты; работал же бывший авантюрист штатным осведомителем инквизиции. Тем не менее оба мужчины быстро нашли общий язык, и в течение нескольких дней Казанова возил знаменитую пару по каналам, показывая красоты своего родного и любимого города (за право вернуться в который ему пришлось стать доносчиком). Говорят, престарелый Казанова пытался выведать у Калиостро его тайны — то ли масонские, то ли чародейские, дабы потом — по долгу службы! — донести на него инквизиции. Но магистр умел хранить свои тайны и приучил не болтать собственную супругу, так что осведомителю ничего не оставалось, как в очередной раз сочинить отсебятину. И все же, несмотря на свое малопочтенное занятие, Казанова посоветовал Калиостро держаться подальше от Рима. В ответ Калиостро кивнул и тотчас забыл о предупреждении престарелого ловеласа. Но Лоренца, похоже, не забыла.

И снова в путь… В Марселе Бальзамо удалось завязать интрижку с некой особой изрядного возраста, страстной любительницей алхимии, и, как пишет Л. Фигье[10], Джузеппе пообещал омолодить воздыхателя увядающей красотки. Под предлогом необходимости приобретения дорогостоящего оборудования супруги почти месяц тянули из легковерной графини деньги, а когда в Марсель прибыл брат Лоренцы, красавчик Паоло, попытались устроить его брак с одной из дочерей (или сестер) почтенной графини. Не встретив поддержки ни с одной, ни с другой стороны, замысел провалился, и супруги вместе с Паоло, сообщив, что отправляются на поиски необходимых для омоложения зелий, в карете графини отбыли в Испанию, где не без выгоды продали экипаж. В Испании молодой человек попытался отыскать свою принцессу Грезу — принцессу Трапезундскую, которой, как ему предсказали, суждено было стать его женой. Не встретив суженую, Паоло вернулся в Италию, а Бальзамо, запомнив его рассказы о знатности и красоте принцессы, в своей легендарной биографии намекнет, что матерью его является принцесса Трапезундская. Цепкая память и умение вовремя использовать узнанное, услышанное или придуманное помогали магу создавать вокруг себя ореол всеведения и загадочности.

Продолжая свой путь по Испании, супруги прибыли в Барселону, где стали выдавать себя за разорившихся аристократов, заключивших тайный брак против воли родителей; нашлись те, кого эта выдумка разжалобила, но особого дохода она не принесла. Тогда Бальзамо попытался отыскать поклонников алхимии и прочего чародейства, но, видимо, рекламировал себя столь энергично, что набожные испанцы сочли его чернокнижником, и даже чары Лоренцы, привлекшей внимание могущественного графа Риклы, с трудом отвели от него грозу. После четырехмесячного пребывания в Барселоне супруги спешно покинули город и отправились в Мадрид. Отметим, что показания Лоренцы на допросе у комиссара Фонтена (1 февраля 1773 года) немного расходятся с вышеприведенной версией. По ее словам, Бальзамо, будучи искусным рисовальщиком, стал получать заказы от местной знати и даже от вице-короля Каталонии. Когда же вице-король однажды увидел Лоренцу, то воспылал к ней непозволительными чувствами и решил убрать счастливого соперника. А так как свидетельства о браке у супругов с собой не было, то Джузеппе легко можно было обвинить в прелюбодействе и посадить в крепость. Лоренце удалось упросить вице-короля не трогать ее супруга, а сама она с помощью поклонников срочно выписала из Рима бумагу, подтверждавшую заключение брака. Предъявив искомый документ, супруги почли за лучшее покинуть Барселону. О том, пришлось ли Лоренце уступить вице-королю, история умалчивает.

Прибыв в Мадрид, Бальзамо понял, что для спокойной жизни, а главное, для его магических сеансов («Чудесные тайны» он по-прежнему возил с собой) необходимо заручиться поддержкой какого-нибудь знатного вельможи, что сделать можно было исключительно с помощью неотразимых чар Лоренцы. Джузеппе несомненно любил жену, но любил ее по-своему — как любят красивую вещь, обладание коей льстит ее владельцу. Иначе как расценить его торговлю прелестями супруги? Неужели только корыстью? Калиостро не был стяжателем, зато тщеславием природа наградила его сверх всякой меры, и в век, когда в аристократических кругах супружеская любовь и верность считались неприличными, ему наверняка льстило, что спутница его пользуется бешеным успехом у испанской знати. Что думала по этому поводу сама Лоренца? Воспитанная в твердых правилах католической веры, она была готова им следовать, но, не обладая сильным характером, всегда уступала напористым уговорам мужа. Да и внимание знатных кавалеров ей льстило. К тому же в открывшейся перед ней новой жизни она наконец без оглядки

могла удовлетворять свою страсть к нарядам. Супруг никогда не отказывал ей в деньгах (если, разумеется, их удавалось раздобыть) и сам с удовольствием украшал «свою куколку». Правда, существует мнение, что Калиостро только на людях вел себя с женой обходительно, наедине же являлся суровым и жестоким деспотом. Сомнительно, чтобы магистр был способен на обдуманную жестокость, а вот вспылить, взорваться мог вполне…

В Мадриде супруги пробыли примерно год. В своем «Мемориале» Калиостро подчеркивал, что в Мадриде его представили герцогу Альбе и его сыну Девескарду, графу Прелата, герцогу де Мединацели, иначе говоря, наиболее знатным вельможам испанской столицы. Вопрос в том, каким образом все эти вельможи способствовали процветанию супругов Бальзамо. Если верить Калиостро, то они щедро оплачивали его труд рисовальщика. Сомнительно, однако, чтобы работа, за которую, по собственным словам Бальзамо, в Италии платили ничтожно мало, в Испании оценивалась во много раз дороже. По мнению ряда биографов, заказы являлись ширмой для знакомства и дальнейших амурных отношений с Лоренцей. Впрочем, Бальзамо тоже удалось найти кое-каких клиентов: некий алхимик вручил ему крупную сумму в обмен на обещание достать редкостные травы для эликсира молодости, а одному сеньору он пообещал изготовить несколько слитков золота — разумеется, не бесплатно. Запросы Бальзамо постоянно возрастали, и оплачивать их приходилось вельможным воздыхателям Лоренцы. А тут еще Джузеппе встретил давнего приятеля-сицилийца, разговор, видимо, не заладился, дело дошло до драки, а возможно, даже до поножовщины… В результате супругов изгнали из испанской столицы.

Чтобы избежать возможных преследований, Бальзамо решил отправиться в Португалию, в Лиссабон. После сильнейшего землетрясения 1755 года город бурно развивался, и Джузеппе был уверен, что найдет там применение не только чарам Лоренцы, но и собственным талантам. К этому времени он превосходно освоил роль алхимика, адепта тайных наук, мага, вступающего в контакт с потусторонними силами и духами умерших. Случай свел его с богатейшим банкиром Португалии Ансельмом да Круж Собрал, который без памяти влюбился в Лоренцу. Банкир подвернулся очень кстати: он осыпáл Лоренцу золотом, а супруг вкладывал это золото в бразильские изумруды. Но вскоре честолюбивый Бальзамо почувствовал себя уязвленным. Красота супруги и толпы знатных поклонников вокруг нее стали делом обычным, а вот его собственная «деятельность» продвигалась кое-как, не

принося ни стабильного дохода, ни желанного блеска. А он не собирался всю жизнь прозябать в тени своей очаровательной половины. Знания, надерганные отовсюду, сплелись воедино, явив собой яркий бутон, жаждавший превратиться в ослепительный цветок.

Что побудило Бальзамо уже через четыре месяца покинуть Португалию и отправиться в далекий туманный Альбион? Только ли желание подороже продать бразильские изумруды? Говорят, в Лиссабоне Джузеппе свел знакомство с англичанами, отогревавшимися на жарком южном солнце после холодных туманов Лондона, и от них впервые услышал о масонах. Пожелав лично выяснить, что и как, Бальзамо решил поехать в Лондон. Но если это предположение верно, почему тогда он сразу по приезде не занялся поисками ложи? Желание сорвать куш за изумруды оказалось сильнее?..

Глава 3
По направлению к вольным каменщикам

Благородный пыл, явленный вами, господа, для вступления в Преблагороднейший и Преславный орден вольных каменщиков, уже является достаточным доказательством, что вы обладаете всеми необходимыми качествами, чтобы стать его членами.

Кавалер Рамсей[23]

В начале августа 1771 года Бальзамо[24] с супругой прибыл в Лондон и… растерялся. Все, начиная от языка и кухни и кончая образом жизни и необычайно заковыристым законодательством, оказалось чуждым, незнакомым. Привыкнув к ленивой неге юга, сменявшейся всплесками бурной, не знающей удержу активности, к изобильным пустопорожним словоизлияниям, Джузеппе никак не мог понять, как ему надобно вести себя с англичанами, с виду столь бесстрастными и холодными. Примерно так же ощущал себя в Англии и Казанова, чьи неудачи по любовной части начались именно в этой стране. Но если Казанова побывал в Лондоне всего один раз и более туда не возвращался, то — скажем, забегая вперед, — Калиостро посетил островное королевство трижды. И каждый раз немедленно терял бдительность, становился доверчивым и уязвимым и в конце концов покидал туманный Альбион разоренным и униженным. Толи в сыром английском воздухе магические чары не действовали, то ли грубая английская пища, на которую постоянно жаловался Казанова, отрицательно влияла на изобретательный ум сицилийца, но английские законы всегда оказывались на стороне английских мошенников, а доверчивый иностранный граф — на скамье подсудимых.

Возможно, несчастья Калиостро в Англии во многом проистекали от его незнания английского языка, напоминавшего, по мнению Казановы, набор жеваных слов. Любопытно: в ряде источников сообщается, что Калиостро, решив обучить английскому свою супругу, нанял для сих уроков девицу, коя в результате стала его любовницей[1]. Нельзя сказать, насколько правдивы эти сведения, — в частности желание Джузеппе обучить

неграмотную жену иностранному языку. В соблазнении англичанки, пожалуй, можно не сомневаться: несмотря на свою неуклюжую с виду фигуру, Калиостро пользовался успехом у женщин, что не могло не раздражать Лоренцу. Но свою досаду она пока держала при себе. А английский язык супруги не выучили, хотя в те времена завести интрижку, дабы освоить чужой язык, считалось делом обычным…

Желая поскорее узнать, какова жизнь в английской столице, и выгодно продать изумруды, Калиостро стал искать соотечественников. Случай свел его с неким сицилийцем, именовавшим себя маркизом де Вивона. Кстати, многие считают, что именно Вивона, воспользовавшись растерянностью Джузеппе, так удачно помог ему избавиться от бразильских камней, что тот, к своему изумлению, вскоре оказался совсем без средств. Тогда Вивона посоветовал ему воспользоваться английским законом, согласно которому муж, заставший жену в предосудительной позе с другим мужчиной, получал право на половину состояния оскорбителя супружеской чести. В свое время Казанова, узнав о подобной институции, с удивлением спросил: «Неужели никому из англичан не приходит в голову зарабатывать на своей половине?» Положение Калиостро было критическим, и он решил последовать совету лондонского старожила, тем более что кандидат на роль оскорбителя имелся. Но тут он неожиданно столкнулся с сопротивлением супруги: влюбленный в нее квакер из Пенсильвании симпатии у Лоренцы не вызывал, и она отказалась с ним амурничать. Отказ возмутил Джузеппе, и разгорелся скандал, свидетелем которого, видимо, стал жилец из дома напротив, рисовальщик по имени Перголайф, на основании показаний которого упоминавшийся выше аноним написал: «Калиостро… не имел ни гроша за душой, часто напивался и бил жену». Какое-то время Перголайф, сей «честный, но бедный художник», помогал иностранцу со «странными манерами и разговорами», но тот оказался существом неблагодарным[2]. Видимо, у Джузеппе действительно все шло вкривь и вкось, и он начал срывать злость на Серафине, чего жена ему не простила.

Все же Бальзамо удалось уломать Лоренцу сыграть спектакль с участием ее поклонника, и та по приказу мужа назначила влюбленному квакеру свидание у себя дома. Стоило возбужденному кавалеру приняться одной рукой сдирать с себя одежду, а другой задирать юбки даме, как в комнату ворвались разъяренный супруг и его свидетель — маркиз де Вивона. Разразилась буря, итальянцы кричали, размахивали руками, и чаще всего в их непонятной тарабарщине квакеру слышалось слово «полиция». Желая замять дело, влюбленный неудачник

всучил истово негодовавшему супругу 100 фунтов и тотчас ретировался.

Когда закончились средства, полученные от «приключения, рассказ о котором не делает чести ее деликатности», как назвала сей случай Лоренца на допросе у комиссара Фонтена, Джузеппе вновь пришлось взяться за перо и кисти. Случай вывел его на некоего Бенамора, заявившего, что он представляет короля Марокко Мохаммеда III бен Абдаллаха. Для своего короля Бенамор заказал Бальзамо серию рисунков, но когда работа была выполнена и вручена заказчику, тот немедленно потерял интерес к художнику. После неоднократных напоминаний о деньгах Бальзамо подал жалобу в суд и под присягой поклялся, что Бенамор отказывается заплатить ему 47 фунтов «за рисунки, кои были сделаны, представлены и переданы в собственные руки ответчика». Прокурор Айлет жалобе внял и посадил Бенамора в тюрьму, а Бальзамо присудил оплатить судебные издержки. Возмущенный сицилиец платить отказался, и прокурор строптивого жалобщика запомнил; когда же Бальзамо оказался на скамье подсудимых, Айлет сделал все от него зависящее, чтобы тот очутился за решеткой.

А потом, как поведала Лоренца комиссару Фонтену, супруг ее серьезно занемог и проболел целый месяц; за это время Лоренца истратила все имевшиеся у них средства и наделала долгов, так что когда Джузеппе наконец оправился и стал выходить на улицу, его арестовали и посадили в долговую тюрьму. И вновь на помощь пришли женские чары. Однажды, когда заплаканная Лоренца молилась в католической Баварской часовне, ее увидел лорд Хейлз; растроганный видом плачущей красавицы, он расспросил ее о причине слез и, растаяв от жалости к несчастной женщине, дал ей денег, чтобы она вернула долг и выкупила мужа. Более того, узнав, что супруг очаровательной иностранки художник, англичанин попросил его расписать стены его загородного дома. Бальзамо согласился, и чета отбыла в Кентербери, где находилось поместье лорда. История, увы, завершилась печально: господин Бальзамо не только испортил стены, но и приворожил и соблазнил единственную дочь англичанина (а может, она и сама в него влюбилась…). В результате супругам пришлось спасаться бегством от праведного гнева лорда, а Джузеппе еще и объясняться с Лоренцем. Наверное, «тощую дочку английского лорда» Лоренца мужу тоже не простила…

Лишившись всего, что имели, в том числе и бразильских изумрудов (если таковые действительно были, в чем некоторые сомневаются), просочившихся буквально сквозь пальцы (и

прилипших к рукам Вивоны), Бальзамо в сентябре 1772 года покинули туманный Альбион. Денег осталось только на билеты на пакетбот от Дувра до Кале, но Джузеппе верил в удачу: по дороге непременно что-нибудь подвернется. И оказался прав. На корабле супруги познакомились с господином Дюплесси, адвокатом парижского парламента и управляющим маркиза де При. Почтенный господин не смог устоять перед очарованием голубоглазой римлянки, влюбился в нее, и, как это обычно бывало, великодушие его простерлось на чету Бальзамо, кою он и взял на содержание. Высадившись в Кале, Дюплесси сообщил, что едет в Париж и, если супругам с ним по дороге, он может предложить мадам Бальзамо место в своем экипаже. С благословения мужа Лоренца приглашение приняла; супруг же на деньги поклонника жены приобрел лошадь и всю дорогу ехал верхом, пытаясь не отстать от кареты. Располневшему и редко садившемуся в седло Бальзамо дорога далась нелегко, так что в Париж он прибыл в отвратительнейшем настроении. Желая доставить удовольствие новому другу, у которого такая очаровательная жена, Дюплесси пригласил супругов погостить у него в доме, и целых четыре месяца Бальзамо с женой жили благодаря милости господина Дюплесси. Когда же наконец Джузеппе решил применить свои таланты художника и рисовальщика, он, как говорят, быстро нашел несколько заказов, среди которых оказался и заказ на портрет начальника парижской полиции Сартина. В ту пору Бальзамо не только продавал рисунки, но и дарил их, и многие находили их выполненными не без таланта.

Пока Джузеппе рисовал, Лоренца развлекалась в обществе Дюплесси: театры, балы, загородные прогулки; поклонник даже нашел Лоренце учителя танцев, и та с самозабвением принялась осваивать модные в то время менуэты и гавоты, тем более что уроки оплачивал Дюплесси. Всякий раз, замечая, с какой радостью жена садится в карету к хозяину дома, дабы ехать на очередной бал, Бальзамо становился все мрачнее: он чувствовал, что Лоренца всерьез увлеклась новым кавалером; чем стремительней развивался роман Лоренцы, тем хуже обращался с ней Джузеппе. Видя, как оборачивается дело, Дюплесси принялся уговаривать Лоренцу покинуть нелюбезного сицилийца. Он сулил ей достойное содержание и даже готов был отвезти ее в Рим, к родителям. Но честно признался, что жениться на ней, к сожалению, не может, ибо уже женат. И в голову Лоренцы постепенно закрадывалась мысль: а почему бы ей и в самом деле не расстаться с Джузеппе? Пребывание в Англии оставило неприятный след в ее душе, а уж про климат и говорить нечего.

На берегах туманного Альбиона теплолюбивая римлянка постоянно страдала от промозглой сырости. Обладая превосходной интуицией, Бальзамо уловил изменения в настроении супруги и, сообразив, что ее интрижка грозит зайти слишком далеко, снял небольшую квартирку на улице Вьез-Огюстен и объявил о переезде. Влюбленный господин Дюплесси не собирался расставаться с предметом своей страсти; он уговорил Лоренцу бежать от мужа и отсидеться в квартире, кою он будет для нее снимать, пока Калиостро не надоест ее разыскивать. Однако он недооценил Калиостро: темпераментный сицилиец не намеревался расставаться со своим сокровищем не только по причине оскорбленных чувств супруга и собственника, но и по соображениям вполне практическим: несмотря на всю его магию, Лоренца была самой надежной волшебной палочкой, неоднократно выручавшей его из беды.

«В январе 1773 года некий итальянец, именовавший себя Джузеппе Бальзамо и претендовавший на звание человека благородного, представил господину де Сартину, бывшему в то время начальником полиции, записку, в коей просил оного Сартина заставить господина Дюплесси, управляющего господина маркиза де При, вернуть указанному Бальзамо его вещи, кои, по словам Бальзамо, сей Дюплесси неправедным образом удерживал, а также указать искомому Бальзамо место, где скрывается его жена, которую Дюплесси соблазнил и похитил. Далее господин Бальзамо сообщал, что, прибыв в Париж четыре месяца назад, они с женой поселились у господина Дюплесси, с которым Бальзамо случайно познакомился по дороге из Англии во Францию. Поначалу сей Дюплесси обходился с ними весьма достойным образом, но потом воспылал чувством к вышеуказанной супруге Бальзамо, но та оказала ему сопротивление и ухаживаний его не приняла. Когда же супруг выразил оному Дюплесси свое неудовольствие, Дюплесси выгнал их обоих из своего дома и не пожелал отдать им вещи, кои они с собой привезли. А еще Бальзамо заявлял, что Дюплесси не только соблазнил его супругу, но и убедил ее тайно покинуть дом мужа. И теперь супруга его сбежала, и вот уже несколько дней он, Бальзамо, не может отыскать ее убежища.

Когда местопребывание мадам Бальзамо было найдено, оный Бальзамо попросил заточить свою супругу в Сент-Пелажи, о чем 26 числа сего месяца и был отдан соответствующий приказ, исполненный 2 числа месяца следующего»[3].

Разъяренный Калиостро, забыв, что, в сущности, он сам толкнул Лоренцу в объятия Дюплесси, направил записку Сартину с просьбой отыскать неверную супругу, арестовать и заключить в

исправительную тюрьму для падших созданий. Сартин просьбе внял и отправил подчиненных на поиски. Далее обозленный Джузеппе запугал Дюплесси, в запале обвинив его не только в покушении на его честь, но и в попытке отравить его. Но если попытку отравления еще требовалось доказать, то для обвинения в насильственном задержании замужней женщины, равно как и в похищении малолетней особы (в то время Лоренце еще не исполнилось восемнадцати) собрать доказательства труда не составляло. Боясь угодить в Бисетр, служивший одновременно и тюрьмой, и приютом для буйнопомешанных, на допросе в полиции Дюплесси назвал адрес, куда он переселил мадам Бальзамо: улица Сент-Оноре, возле рынка Кенз-Ван, в доме вдовы Терон, в комнатах, что снимает мадам Дусер. При этом он уточнил, что его слуга Мора отвел туда Лоренцу с полного ее согласия. А также не преминул сообщить, что Бальзамо задолжал ему 200 ливров за бальные наряды для своей жены.

Сартин распорядился задержать Лоренцу, и 3 февраля 1773 года инспектор Бюо, арестовавший супругу Бальзамо на квартире мадам Дусер, доставил ее в участок. Допрашивал Лоренцу комиссар Фонтен[25], имя которого упоминал Дюплесси, уговаривая ее подать жалобу на мужа, обвинив его в подлогах и в том, что он силой заставляет ее заниматься проституцией. Возможно, очутившись в участке, Лоренца пожалела, что побоялась исполнить просьбу любовника, но было уже поздно. Поэтому, когда комиссар Фонтен спросил ее, отчего она рассказывала всем и вся («Всего-то разговорилась с горничной», — с досадой подумала Лоренца), что мужа ее, ежели тот вернется в Рим, непременно повесят за подделку важных бумаг, она уверенно ответила, что так говорить ей велел Дюплесси. И прибавила, что сама видела, как однажды за столом Дюплесси пытался отравить ее супруга, подсыпав яд в вино. Про отравление она наверняка слышала — в порыве гнева Джузеппе мог наговорить что угодно. Но сколь бы положительны по отношению к супругу ни были показания Лоренцы, как бы она ни настаивала на том, что не поддалась на уговоры Дюплесси, Бальзамо прошение не забрал, и Лоренцу отправили в Сент-Пелажи, где она провела четыре месяца. Посчитав наказание для взбунтовавшейся супруги достаточным, Бальзамо попросил освободить Лоренцу. Пишут, что примирение прошло легко и красавица не затаила обиды на мужа. Действительно, за последующие семнадцать лет странствий у Лоренцы не раз была возможность сбежать от Джузеппе, равно как и повод выдать его властям, но она безропотно следовала за ним и всегда, когда могла, выручала его. Однако gutta cavat lapident — капля точит

камень…

Пока Лоренца томилась в заключении, Бальзамо, не расставшийся с «Чудесными тайнами», начал преуспевать на поприще алхимика. Утверждая, что ему ведомы тайны получения философского камня и изготовления эликсира жизни, он тем не менее готов был продавать и более практичные секреты, например, как смягчить мрамор, а затем вернуть ему первоначальную твердость. Давая показания полицейскому комиссару, он не преминул поведать ему о своих необыкновенных талантах и даже рассказал, как можно отравить недруга, чтобы никто не распознал, от чего наступила смерть. Для этого, по его словам, в корм свинье надобно постепенно добавлять мышьяк, отчего мясо ее вскоре станет ядовитым; тот, кто съест кусок такой свинины, скончается от болей в желудке, но никто не поймет, что несчастный был отравлен. Через много лет, когда после дела об ожерелье Калиостро бежит в Англию, бульварный журналист Моранд вытащит на свет эти признания и предъявит их в качестве еще одного доказательства идентичности Бальзамо и Калиостро.

В Париже Бальзамо задержаться не рискнул. Во-первых, он хотел, чтобы Лоренца поскорее забыла жуткую тюрьму, куда он заточил ее из ревности. Во-вторых, не хотел, чтобы она узнала о его амурных похождениях в ее отсутствие. В-третьих, если дурно одетых алхимиков из предместья Сен-Марсо он, бесспорно, превзошел (хотя и объяснялся на таком же, как они, малопонятном языке Великого делания), то до графа Сен-Жермена, своего собрата по авантюрно-алхимическому ремеслу, ему еще было далеко. Добиться такой же славы, какой добился граф, ненавязчиво сообщавший о своем знакомстве с самим Иисусом Христом, стать, как он, придворным алхимиком Людовика XV пока надежды не было никакой. Бальзамо чувствовал, что ему не хватает придающего уверенности блеска, роскоши, золота и бриллиантов, которые, словно мальчик с пальчик крошки, рассыпал вокруг себя Сен-Жермен. Неужели этот неизвестно откуда взявшийся граф действительно сам выращивал алмазы, в изобилии украшавшие его элегантный черный костюм, сам осуществлял заветную трансмутацию свинца в золото?[26] Насчет золота Джузеппе сомневался, ибо не только у него, но и у постоянно нуждавшегося в деньгах гроссмейстера Пинто попытки получить золото ни разу не завершились удачей. А вот относительно алмазов… Алхимики полагали, что алмаз как никакой иной камень концентрирует энергию. Но если закатать алмаз в фарфоровую массу, а потом нагреть ее, алмаз испарится, оставив после себя белый порошок. С рубином же или сапфиром ничего не произойдет. Следовательно, драгоценные камни

поддаются трансмутациям, надобно только знать каким. Процесс, впрочем, можно придумать самому, а тем, кто заплатит за секрет, подсунуть готовый камень, купленный на их же деньги. Но без широты, без блеска он, Бальзамо, со всеми его рвущимися наружу страстями и талантами так и останется на задворках этого города, над которым мрачной тенью нависает Бастилия, крепость, в темных камерах которой может оказаться любой — от принца крови до уличного нищего. Есть основания полагать, что древняя крепость, предложения снести которую поступят в правительство задолго до ее падения, произвела крайне удручающее впечатление на Калиостро уже в первый его приезд во французскую столицу.

Джузеппе понимал: чтобы выбиться наверх, надобно сыскать множество почитателей, а чтобы сыскать почитателей, следует окружить себя толстой стеной невероятных слухов, и тогда праздные аристократы, готовые платить за любое новое развлечение, возможно, соизволят его заметить. До сих пор они оказывали внимание только его жене, платили за ее прелести, а его самого едва изволили замечать. Даже если он придумает себе громкое имя и титул, они все равно не будут относиться к нему как к равному: не те манеры, не тот фрак, не та речь… Уж если его очаровательная, но неграмотная Лоренца вскоре им наскучивает… Сейчас в моде философы, философствуют все, от бродяги до министра, особенно охочи до рассуждений женщины; рассуждения же часто направлены против Бога. Французы окончательно превратились в язычников и стали поклоняться идолам, которых зовут Вольтер и Руссо. Оба они простолюдины, но как вознеслись! Оба ведут богопротивные речи, за которые их на руках носить готовы, а злословия Вольтера каждый и вовсе почитает за необходимое знать наизусть…

Неизвестно, ознакомился ли Калиостро с трудами просветителей или же знал о них только понаслышке, но симпатии к тогдашним властителям дум он определенно не питал. Как пишет в своих «Мемуарах» принц де Линь, когда магистр, уже проживая в Страсбурге и будучи известным целителем, не был уверен в действенности своего лекарства, он поднимал очи горé и говорил, обращаясь к Небу: «Великий Господь, коего поносят Вольтер, Руссо и прочие, у тебя есть верный слуга в лице графа Калиостро. Не оставляй попечением своим графа Калиостро»[27]. Выросший в католической семье, воспитанный в монастыре монахами-католиками, Калиостро наверняка всегда верил в Бога, но в какой-то момент, увлекшись, не заметил, как его вера стала расходиться с обрядовой стороной официальной Церкви. Это заметят другие, но значительно позже,

пока же Бальзамо, упорно продолжавший поиски своего пути наверх, ощущал, что безбожный путь модных нынче писателей-философов не для него.

Впитывая как губка все, что происходило вокруг, Джузеппе вполне мог стать очевидцем того, как перед жилищем заезжего фокусника и шарлатана, заполонив всю улицу и препятствуя проезду карет, гудела жаждавшая исцелений толпа, к которой время от времени выходила девушка и раздавала милостыню. Денег за лечение фокусник не брал, лечил прикосновениями, но прежде чем начать лечение, строго спрашивал больного, верует ли тот в Бога. Если исцеление не удавалось, фокусник укорял больного за то, что тот не крепок в вере. Бальзамо мог узнать, что однажды чудо-целителя даже пригласили в дом к знатной даме, которая по причине болезни не могла сама приехать к нему. К сожалению, визит закончился неудачей: болезнь не прошла, а так как обвинить известную своей набожностью матрону в неверии было невозможно, то полицейский комиссар на всякий случай выпроводил чародея из столицы[4]. Вид толпы, жаждущей чуда, не только поразил Бальзамо, но и заставил задуматься. Толпа — это молва, а молва распространяется со скоростью огня. Чем больше толпа, тем шире расходится молва, тем больше шансов, что какой-нибудь праздный аристократ заинтересуется господином чародеем. Каким образом удержать этот интерес, Джузеппе пока не знал, но был уверен, что придумает непременно. А пока он покидал Париж, город, о котором Гримм в письме к Екатерине II высказался весьма нелицеприятно: «…для всякого рода шарлатанов Париж и Лондон подходят как никакие иные города; чем более они глупы, тем с большей уверенностью могут они считать, что найдут почитателей в этих сточных канавах человеческой глупости»[5].

Джузеппе не считал себя шарлатаном: чем дальше шел он тропой оракулов и алхимиков, чем чаще ему приходилось доказывать заведомую нелепость, тем больше он сам в эту нелепость верил. А вдруг действительно, если добавить философской ртути и подогреть как следует, в осадок выпадет золото? Только вот про философскую ртуть все пишут разное… Убеждая других, Бальзамо зачастую убеждал самого себя. Даже Лоренца не всегда могла остановить фонтанирующего Джузеппе, который в запале переставал отличать реальность от вымысла. Во всяком случае, секрет изготовления золота он накануне отъезда удачно продал двум знатным господам за 500 луидоров. В дороге деньги будут не лишними…

Куда отбыла чета Бальзамо из Парижа и где провела больше года, неизвестно. Вновь в поле зрения биографов она оказалась в

конце 1774 — начале 1775 года, когда под именем маркиза и маркизы Пеллегрини прибыла в Неаполь. Новое имя явно носило ностальгический отпечаток — оно напоминало и о горном массиве Монте-Пеллегрино, что высится над бухтой Палермо, и о strada dei Pellegrini (дороге Паломников) в Риме, вблизи которой стоял дом родителей Лоренцы, и о паломничестве, которое супруги совершили (или намеревались совершить…). Да и просто красивое имя, вполне под стать нарядно одетой чете, приехавшей в прекрасном экипаже с лакеем на запятках. Слугой у вельможной пары был уроженец Палермо по имени Ларока, бывший куафер, прославившийся своими похождениями в Турине[6]. В Неаполе Бальзамо — то ли случайно, то ли после долгих поисков — встретился с дядюшкой Антонио Браконьери, тем самым, который в детстве определял его в учение и который представил ему Лоренцу. Дядюшка Антонио, полагавший, что племянник его пошел по дурной дорожке, искренне обрадовался, увидев, что ошибся: выглядел Джузеппе вполне почтенно, а жена его была красоты необыкновенной. Давно тосковавший по дому (потому и искал дядюшку), Джузеппе без возражений принял предложение съездить в Палермо и навестить семью. Антонио помнил, что в свое время племянник покинул родной город, убегая от полиции, но теперь, по его убеждению, никто бы не признал в хорошо одетом важном господине ушлого молодого человека, промышлявшего занятиями на грани дозволенного.

Но он ошибся. Одураченный и обворованный Джузеппе ювелир Марано лелеял планы мести; он сразу узнал своего обидчика и донес на него. Бальзамо схватили и посадили в тюрьму — надолго, как, радостно потирая руки, сообщил ему адвокат Марано. И снова на помощь пришла Лоренца. Она настолько вскружила голову местной влиятельной особе, князю Пьетраперциа, что тот не только заставил власти выпустить Джузеппе, но, поколотив адвоката Марано, так запугал ювелира, что тот забрал иск. Тем не менее Джузеппе решил более не искушать судьбу и, заняв у семьи четырнадцать унций на неотложные расходы, вместе с Лоренцей срочно отбыл в Мессину. Семья — сестра и мать — долго будет помнить о долге Джузеппе и даже, как уже сказано выше, попросит Гёте напомнить о нем знаменитости…

Несмотря на удачное завершение приключения, сицилиец Бальзамо прекрасно понимал, что сицилиец Марано не расстанется с мыслью о мести, и решил основательно замести следы. Наиболее прямой путь к преображению лежал через Мальту: Джузеппе был уверен, что там его не забыли. Он оказался прав: на Мальте его встретил старый товарищ, кавалер д’Аквино,

сообщивший печальное известие, что гроссмейстера Пинто более нет в живых. Новым гроссмейстером стал Эммануил де Роган-Польдюк, родственник кардинала Рогана, того самого, кто впоследствии печально прославится в деле об ожерелье. Как утверждают многие, новый гроссмейстер принял Бальзамо с распростертыми объятиями и даже пригласил к себе на ужин, что для уроженца квартала Альбергария было неслыханной честью. Но Джузеппе уже понял, что чем выше он задирает нос и чем увереннее несет чушь, тем внимательнее его слушают и тем почтительнее на него взирают. Главное, чтобы в речи звучали нужные слова: Великое делание, трансмутация, арканы алхимии, Гермес Трисмегист, многотысячелетние пирамиды, Меркурий, Сатурн…

На Мальте Джузеппе вновь усердно предался занятиям алхимией, присовокупив к ним приготовление лекарств. Возможно, там он впервые всерьез попытался заняться лечением больных. Парижский целитель не шел у него из головы. Только он решил, что станет лечить бальзамами, ибо больной больше поверит тому врачу, который дал ему лекарство, а не просто поводил руками над головой. Бальзам или эликсир исцеляют и верующих, и философов, а поверит ли философ движениям его рук — большой вопрос. Философы безбожники, им все надо пощупать. И еще он постановил, что станет лечить бесплатно. Разумеется, не всех, а тех, кто не может платить. Таких очень много, но зато и слава его многократно возрастет, а состоятельные пациенты раскошелятся сами.

Задерживаться на Мальте Джузеппе не собирался, тем более что там он вновь услышал о вольных каменщиках. С тех пор как он впервые узнал о масонах от англичан, встреченных им в Португалии, он успел позабыть о них; но теперь внимательно расспрашивал своих собеседников, ибо что-то подсказывало ему, что наконец он нашел то, что столь долго и безуспешно искал. Братья-масоны! Вот оно, общество, где все равны, невзирая на происхождение, общество, филиалы которого существуют во всех странах, а главное, общество, располагающее огромными деньгами, которые мастера вправе расходовать по своему усмотрению.

Масонское учение, именуемое в век Калиостро «учением древнего любомудрия и богомудрия, или наукой свободных каменщиков», привлекало и вельмож, и авантюристов, и буржуа, и ремесленников. Масонами становились в поисках как смысла жизни, так и хорошей компании, как из желания приобщиться к кругу избранных, так и в надежде свести полезные знакомства, дабы сделать карьеру. Вытесняя ритуальную религию,

Просвещение проложило дорогу огульному отрицанию Бога, одновременно открыв путь для веры глубоко личной, кроящейся в недрах души и не зависящей от соблюдения обрядов. Уверенность во всесилии разума породила надежду на возможность самостоятельно постичь промысел Творца. Созданный Творцом природный человек не нуждался в государстве, и божественное право монархов и их власть были поставлены под сомнение. Доктринальные распри внутри самой Церкви расшатывали и ее устои, и основы веры. Разум превращался в новое божество, но никто не знал ни возможностей его, ни как ему служить. Временно заглушенная потребность верить искала выхода, и люди, утратив старые верования, со страстью предались новым. В масоны вступали в стремлении приобщиться к тайному знанию, обрести в нем опору и найти нового кумира. Став членом тайного общества, пусть даже не имевшего великих целей, каковым, например, являлось Общество мопсов, человек надеялся распахнуть ту дверь, за которой для него открывался смысл жизни.

Вольное каменщичество не обошло стороной и Мальту: в 1738 году там была создана ложа «Скромности и гармонии»; впоследствии реформированная, она вошла под номером 539 в основанную в 1717 году Великую ложу Англии. Кавалер д'Аквино принадлежал к ложе, и — как знать! — возможно, именно он, и не в Англии, а на Мальте, привел Бальзамо в масоны, причем не исключено, что еще в первое его посещение острова… В таком случае дружеские отношения между плебеем Бальзамо и кавалером д'Аквино, братом вице-короля Сицилии, представителем одного из семи знатнейших родов Неаполитанского королевства, получают некое объяснение. Но эту гипотезу разделяют не все биографы магистра, значительная их часть полагает, что масоном Бальзамо все же стал в Англии — как он сам утверждал…

Пробыв на Мальте несколько месяцев, Джузеппе засобирался в путь. Без Пинто алхимическая лаборатория пришла в упадок и прежнего интереса не представляла; однако кое-что он все же сумел почерпнуть от трудившихся там братьев. Оказывается, золото можно получить не только путем превращения, но и путем выпаривания, выгоняя, например, из ртути все прочие субстанции. Конечно, никакого золота в колбах братьев он не увидел, но сама идея показалась ему плодотворной: расплавить металл можно всегда, а каким образом в оставшейся от него лужице окажется золото — дело техники. Сложив свои наблюдения в копилку памяти, магистр вместе с супругой отбыл на континент. Говорят, будто гроссмейстер дал ему несколько

поручений и, дабы он мог их выполнить, снабдил его солидной суммой. К этому времени дела могущественного ордена шли неважно. Военная надобность в нем отпала, жаждущих встать под знамя с восьмиконечным крестом, концы коего напоминали ласточкин хвост, становилось все меньше, а освобождение от налогов, которым пользовались владения мальтийцев в разных государствах, все чаще вызывало недовольство правительств этих государств, и орденской казне постоянно грозило оскудение. Возможно, поэтому энергичный Бальзамо показался гроссмейстеру вполне подходящей кандидатурой для агента влияния. Выполнил ли данные ему поручения Джузеппе или растратил деньги, неизвестно, однако в Англию он прибыл с весьма солидным кошельком.

Но не исключено, что деньги для путешествия Бальзамо раздобыл в Испании, куда он направился сразу после Мальты. Помимо Испании супруги Бальзамо, возможно, посетили также юг Франции, и везде Джузеппе обучал желающих алхимическим премудростям, составлял эликсиры (по рецептам Пьемонтезе и своим собственным), вызывал духов и предсказывал будущее. Казалось, он готовился к какому-то важному событию. Не понимая, чем так занят Джузеппе и о чем он думает, Лоренца часто обижалась на него, однако новое платье и очередная дорогая безделушка вновь приводили ее в хорошее расположение духа. Но ей хотелось обосноваться в каком-нибудь городе, свести знакомство с местным обществом, ходить по вечерам в театр или в гости, болтать с подругами… Кочевая жизнь, поначалу привлекавшая Лоренцу своей необычностью, начинала ей надоедать. Из-за вечных переездов ей было не с кем поговорить, разве что с горничной, но прислуга обычно долго не задерживалась: не каждая служанка соглашалась следовать за хозяйкой по городам и весям. Участвовала ли Лоренца уже тогда в магических спектаклях своего супруга или все еще оставалась в стороне и интересовалась делами мужа, только когда они затрагивали ее непосредственно?

Вояж по югу Европы (или мальтийский гроссмейстер) основательно пополнил кошелек четы Бальзамо; можно было отправляться в Англию. Спрашивать Лоренцу, хочет ли она вновь ехать в страну, где часто идут дожди и она все время мерзнет, Джузеппе посчитал излишним. Разумеется, она поедете ним, а несколько новых платьев, купленных перед отъездом, заставят ее терпеливо переносить неудобства морского путешествия. Бальзамо либо забыл о плачевном финале своей первой поездки, либо понадеялся, что, имея за плечами печальный опыт, он больше не позволит англичанам играть с ним злые шутки. Но во

всем, что касалось Англии, интуиция подводила Джузеппе. Наталкиваясь на английскую флегму, сицилийский темперамент взрывался, разум уступал место чувствам, и хладнокровные английские жулики мгновенно обставляли господина магистра.

В июле 1776 года в Лондоне объявилась чета Пеллегрини: одетая с иголочки супруга и супруг, полковник бранденбургской армии, облаченный в парадный мундир. Полковник вышагивал, опираясь на тяжелую трость; в серебряном набалдашнике сияли украшенные алмазами часы. Разумеется, человек, несущий в руке целое состояние, не мог не привлечь к себе внимания. Эта трость впоследствии не раз всплывет под пером хулителей, ибо магистр то ли не заплатил мастеру, исполнившему ее на заказ, то ли обещал передать ее кому-то в Лондоне, но не передал, то ли попросту стянул под шумок в Кадисе. Но Джузеппе трость, похоже, выручит, а вот новому владельцу, который получит ее от него в качестве взятки, не поможет. Но об этом ниже.

Сняв, не торгуясь, комнаты в доме номер четыре по Вайткомб-стрит, возле Лестер-сквер, Бальзамо попросил домохозяйку миссис Джулиет найти ему секретаря, который бы одновременно исполнял обязанности переводчика, а его супруге — компаньонку. Хозяйка без промедления представила Лоренце некую миссис Блевари, уроженку Португалии, проживавшую в этом же доме; для Джузеппе она отыскала итальянца Доменико Аурелио Вителлини[28]. В свое время Вителлини окончил иезуитский коллеж и прекрасно владел английским. Приглядевшись к соотечественнику, чья одежда не отличалась опрятностью, а глазки усиленно шныряли по сторонам, Бальзамо понял, что его будущий секретарь игрок — азартный и не слишком удачливый. Однако Джузеппе посчитал, что раз он станет для Вителлини источником регулярного дохода, то есть жалованья, значит, тот будет усердно ему служить. Сообщив квартирной хозяйке, что намерен сменить мебель во всех снятых им комнатах, он, не обращая внимания на ее возмущенную физиономию, отправил ее вместе с Лоренцей и Блевари к мебельщику (самому лучшему!), а сам, призвав на помощь Вителлини, занялся устройством алхимической лаборатории, разместить которую он решил в большой гостиной. За все покупки и услуги Калиостро не торгуясь платил наличными. Определенно, английский климат отрицательно действовал не только на физическое здоровье прибывшей парочки. Пелена лондонского тумана застилала проницательный взор черных глаз сицилийца, интуиция отправлялась в спячку, и Джузеппе становился похожим на доверчивого и беспомощного ребенка,

сходство с которым усугубляло его незнание английского.

Представившись чародеем, повелителем духов, знатоком каббалы и алхимии, Бальзамо продемонстрировал Вителлини несколько опытов, и тот, завороженный бульканьем, синим пламенем и шипящими брызгами, разлетавшимися из сосуда, когда в него бросали красный порошок, немедленно разнес по всему кварталу, что прибыл знаменитый маг и чернокнижник, наделенный колдовскими способностями и вдобавок несметно богатый. Почуяв поживу, миссис Джулиет и миссис Блевари поддержали рекламу Вителлини, и вскоре к полковнику Пеллегрини, который все чаще именовал себя Калиостро, потянулись толпы жаждавших чудес посетителей. Чародей вызывал духов, что-то химичил с драгоценными камнями, продавал рецепты изготовления золота, а иногда, чтобы отвязаться от особенно назойливых, вручал им немного денег и массу ценных советов. Еще Бальзамо продавал номера, которые, согласно его астрологическим расчетам, должны были выиграть в лондонской лотерее. Впоследствии он говорил, что специально не занимался вычислением выигрышных номеров, а всего лишь хотел проверить созданную им систему. Не все его предсказания сбывались, но, как известно, стоит сбыться одному, как немедленно в фортуну начинают верить сотни. В дом к богатым иностранцам заявилась парочка авантюристов, представившихся милордом и миледи Скотт (Вильям Скотт и Мэри Фрай, выдавшие себя за супругов). Так как супругов представил Вителлини, Джузеппе принял их не как посетителей, а как друзей. Скотт внимал каждому слову магистра, восхищался его необыкновенными способностями и талантами. Он сумел втереться в доверие к Бальзамо, и тот, словно глухарь на току, подробно рассказал почтительному поклоннику о своих алхимических опытах, о порошке совершенства, с помощью которого увеличивают алмазы и придают им твердости, о способах приумножения полученного алхимическим путем золота… Он даже продемонстрировал астрологические таблицы, используемые для вычисления выигрышных лотерейных билетов. Внимательно рассматривая лабораторное оборудование, Скотт приметил шкафчик, куда хозяин дома убирал свои бумаги. Естественно, Бальзамо не смог отказать новому знакомому в просьбе и назвал ему номер, которому суждено выиграть в ближайшую лотерею. Осторожный Скотт поставил совсем немного и выиграл. В следующий раз на номера, предсказанные иностранным чародеем, ставили уже не только Скотты, но и их сообщники — Блевари и Вителлини. И все сорвали изрядный куш.

Неожиданно Бальзамо отказался называть номера, и никакие

уговоры не помогали. Возможно, он наконец сообразил, что подобные астрологические упражнения могут навлечь на него неприятности с полицией, а может, разглядел истинное лицо новых приятелей. Во всяком случае, он решительно отказал им от дома. Но чету Скотт это не смутило. Приближались рождественские праздники, и милорд Скотт решил, что самое время сделать подарок Лоренце. Уже в первое свое посещение мошенники поняли, что супруга чародея томится от скуки и рада любым гостям. Поэтому, несмотря на запрет появляться в доме, они в отсутствие супруга преподнесли Лоренце шубку стоимостью примерно в 5 гиней. Не скрывая своей радости, Лоренца похвасталась подарком мужу, и тот, отечески пожурив ее, дал ей золотую коробочку в пять-шесть раз дороже шубки и велел вручить ее Скоттам, а на словах передать от него просьбу забыть дорогу в его дом. Лоренца исполнила все, что было велено, хотя расставаться с Мэри Фрай (иначе говоря, с миледи Скотт) ей очень не хотелось: та всегда находила способ развлечь ее.

Воспользовавшись благосклонностью Лоренцы, жулики начали новую атаку. Улучив время, когда Бальзамо отсутствовал, Мэри Фрай пришла к Лоренце и, разрыдавшись, сообщила, что муж ее снова стал играть, просадил все деньги за игорным столом и ей больше нечем кормить троих детей. Доверчивая Лоренца рассказала обо всем Джузеппе и попросила помочь несчастной. Тот скрепя сердце назвал цифру 8, и в ближайшем же тираже на нее выпал выигрыш. А так как на этот раз мошенники поставили на угаданный Калиостро номер все средства, какие им только удалось собрать, они заработали в общей сложности более тысячи гиней. Решив, что отпускать колдуна нельзя, миледи явилась к нему и предложила разделить с ней выигрыш. Бальзамо-Калиостро отказался и, посоветовав ей с детьми уехать в провинцию, где с такими деньгами вполне можно устроиться, решительно выставил за дверь, велев более не возвращаться, дабы не навлечь на себя его гнев. Убедившись, что колдун непреклонен и вдобавок не нуждается в деньгах, а значит, ни в какие совместные аферы его вовлечь невозможно, Скотты снова решили действовать через Лоренцу. Они почувствовали, что твердостью характера миссис Пеллегрини-Калиостро не отличается; вдобавок Вителлини сообщил им, что она падка на всякие модные штучки. Тогда миледи Скотт (она же мисс Фрай), взяв с собой Вителлини — дабы в случае необходимости он мог выступить свидетелем, — отправилась к ювелиру на Принс-стрит и за 96 фунтов приобрела у него бриллиантовое ожерелье. Положив ожерелье на самое дно шкатулки, она наполнила ее целебными ароматическими

травами: в сыром английском климате Лоренцу часто одолевал кашель, и, чтобы смягчить горло, она пила травяные отвары. С помощью соглядатая Вителлини Фрай выбрала время, когда Лоренца осталась дома одна, и явилась к ней якобы выразить свою благодарность. Быстро свернув разговор на обычную для англичан тему погоды, она предложила миссис Пеллегрини попробовать новейший «горячительный отвар», помогающий переносить лондонскую сырость. Услужливая Блевари, посвященная Вителлини в планы жуликов, тотчас заварила принесенную траву. Лоренце напиток понравился, и тогда гостья чуть ли не на коленях умолила ее принять в подарок шкатулку с травами. Едва шкатулка оказалась в руках у Лоренцы, Скотт-Фрай стремительно ретировалась.

Когда на следующий день Лоренца обнаружила бриллиантовое ожерелье, спрятанное на дне шкатулки, она немедленно показала его Джузеппе. Тот сначала возмутился и велел вернуть подарок, но, остыв, решил, что миледи может обидеться на то, что они так поздно возвращают ожерелье, и разрешил жене оставить шкатулку. Возможно, он полагал, что потом вновь приобретет какую-нибудь вещь гораздо большей стоимости и Лоренца вручит ее своей приятельнице. Но за текущими делами Джузеппе о шкатулке забыл, тем более что клиентов, жаждущих узнать у покойного дядюшки, где он зарыл свои денежки, увеличить размер жемчуга, получить из ничего золото и вырастить на пустом месте алмаз — стараниями четы Скотт и их компаньонов Вителлини и Блевари — становилось все больше. И Джузеппе принял разумное в его положении решение: сменить место жительства, дабы избавиться от постоянно роившихся возле дверей его дома посетителей. Тем более что, как говорят, и в выращивании драгоценных камней, и в угадывании номеров лотереи стали происходить сбои и избавляться приходилось уже не только от жаждущих припасть к мистическим тайнам древних египтян, но и от разгневанных клиентов, считавших себя обманутыми.

Перебравшись в дом на Саффолк-стрит, Калиостро действительно избавился от наплыва легковерных англичан, но не от мошенников Скотта и Фрай. Получив от Вителлини новый адрес колдуна, Фрай тотчас сняла комнату в том же доме и снова пошла в атаку. Явившись по-соседски к своим «дорогим друзьям», она принялась умолять сообщить ей очередной выигрышный номер, ибо муж окончательно бросил ее, а для переезда в деревню ей не хватает ста фунтов. Номер Джузеппе ей не назвал, но вручил 50 фунтов, а хозяину дома сказал, что, как только дама, проживающая на втором этаже, съедет с квартиры, он

оплатит все ее долги.

Но съезжать Фрай не собиралась. В Лондоне у нее имелась еще одна квартира, которую она снимала вместе с «супругом» и в которой тайно встречалась с Вителлини. Скотта очень интересовало, перевез ли колдун на новую квартиру лабораторию, и, получив положительный ответ, он принялся выспрашивать секретаря, по-прежнему ли его хозяин изготовляет золото при помощи порошка совершенства и на месте ли заветный шкафчик с бумагами. Мошенник полагал, что, если ему удастся завладеть записями волшебника, он сам сможет получать золото и определять счастливые цифры. Однако квартира практически не пустовала: Лоренца чаще всего оставалась дома, а вместе супруги выходили редко. Не зная ни языка, ни города, не имея знакомых, мадам Бальзамо, в сущности, было некуда ходить, и даже походы к модистке ее не развлекали, так как покрасоваться в новом платье было не перед кем. Пойти на взлом Скотты не решались, ибо английские законы наказывали взломщиков крайне сурово. Следовало что-то придумать. И Мэри Фрай придумала. Призвав в свидетели своего слугу Брода, она подала королевскому прокурору Рейнольдсу жалобу на некоего господина Калиостро, задолжавшего ей 190 фунтов, в результате чего (предположительно вечером 7 февраля) в квартиру супругов Бальзамо-Калиостро, предъявив мандат на обыск и постановление об аресте господина иностранца, ворвались шестеро полицейских во главе с прокурором. За их спинами виднелись наглая физиономия Скотта и не вызывающая доверие рожа Брода. Пока Джузеппе, не зная английского, пытался понять, что происходит и в чем его обвиняют, Скотт и Брод проскользнули в квартиру; со слов Вителлини они знали, где хранятся интересующие их вещи. Бросившись к шкафу, что стоял в дальней комнате, они изъяли из него таблицы, 200 фунтов, флакон с розовым порошком, шкатулку с бриллиантовым ожерельем и еще кое-какие бумаги — из тех, что подвернулись под руку. Впоследствии Калиостро пытался вернуть украденное, но ему не удалось.

Проведя ночь в участке, Джузеппе был отпущен под залог в тысячу фунтов; не имея наличности, ему удалось уговорить полицейских принять в залог драгоценности. А чтобы (как думал Джузеппе) избежать подобных неприятностей в дальнейшем, он подарил начальнику участка Саундерсу пресловутую трость, украшенную алмазами. Но чутье изменило Калиостро: неприятности только начинались. На следующий вечер полиция снова явилась к нему в дом, и опять на основании жалобы Мэри Фрай, на этот раз обвинившей Джузеппе в колдовстве, а Лоренцу — в занятиях черной магией. И вновь пришлось вносить залог.

Через день повторилось то же самое. Колесо английского правосудия отлаженно крутилось, каждая жалоба не оставалась без ответа, а казна и карманы служителей Фемиды исправно пополнялись. Правда, прокурор Рейнольдс осторожно намекнул чародею, что, если он раскроет ему секрет чудесного порошка и объяснит, как пользоваться таблицами расчетов, порочный круг доносов может разомкнуться. В ответ Джузеппе рассмеялся и заявил, что профанам разъяснять таинства бесполезно. Возможно, не сдержавшись, он вспылил и наговорил прокурору массу неприятных вещей, а лицемер Вителлини, переводя гневную речь магистра, добавил кое-что от себя… Словом, чем дальше, тем жизнь Джузеппе становилась все более невыносимой. Неожиданно к нему на помощь пришел Саундерс (то ли подарок его растрогал, то ли в нем заговорила совесть): он предложил магистру временно пожить у него в доме, куда полиции входить запрещалось. В сущности, в доме у Саундерса Калиостро находился под домашним арестом, но там ему, по крайней мере, не грозили ночные вторжения. Однако суда иностранному магу избежать не удалось.

Как пишут многие биографы, процесс, в который оказался втянутым Калиостро, стал его «первым делом об ожерелье»: мошенница Фрай обвиняла магистра в том, что тот уговорил ее приобрести для него ожерелье из мелких бриллиантов, пообещав химическим способом превратить оные в крупные. Защищаться Джузеппе пришлось самому, с помощью Вителлини в качестве переводчика, так как защитник его, подкупленный Скоттом, сбежал накануне суда. В ответ на обвинение Фрай в краже ожерелья Калиостро отвечал, что получил искомое ожерелье от вышеуказанной Фрай в подарок, а точнее, в знак благодарности за правильные комбинации цифр, кои он сообщил означенной Фрай. В результате долгих прений и препирательств суд просвещеннейшей страны приговорил Бальзамо-Калиостро вернуть долг в 190 фунтов и бриллиантовое ожерелье. Но ни нужной суммой, ни ожерельем магистр к этому времени уже не располагал, ибо ожерелье украл и надежно спрятал Скотт, а залоги окончательно опустошили его кошелек. Обычно в таких случаях на выручку приходила Лоренца, но постоянные преследования сказались и на ее здоровье, и на состоянии духа, а посему ни один добрый самаритянин не соблазнился ее прелестями и не пришел к ней на помощь. Тогда Калиостро решил обратиться к соотечественникам, с которыми он успел познакомиться за время своего пребывания в английской столице, и некто Бадиоли согласился внести за него залог. Однако он почему-то быстро об этом пожалел, обманом привез Калиостро

обратно в тюрьму и забрал залог.

Несмотря на превратности судьбы, во время своего второго пребывания в Англии[29] Бальзамо совершил, наверное, главный шаг в своей жизни, определивший всю его дальнейшую судьбу: он вступил в масонскую ложу и, как говорят, сразу прошел все три степени — от ученика до мастера. (В английской системе три степени посвящения: ученик, подмастерье и мастер.) Впрочем, когда речь идет о Калиостро, любой, даже общеизвестный факт, следует брать под сомнение. Ряд исследователей подчеркивает, что нельзя с точностью утверждать, что 12 апреля 1777 года Джузеппе Бальзамо был принят вложу Надежды, являвшуюся ответвлением от Великой ложи Англии, ибо документальных подтверждений тому нет[7]. Но если обман удался, то чем он хуже правды? Не все ли равно, стал Джузеппе масоном несколько ранее на Мальте, или вступил в ложу в Лондоне, или не вступал в нее вовсе, а все придумал сам, включая обряд посвящения и полученную им высшую степень? Во всяком случае, именно после второго посещения Англии Бальзамо окончательно принял новое звучное имя Алессандро Калиостро, добавив к нему не менее громкий титул графа, а супруге велел именоваться Серафиной. Лоренце новое имя понравилось, а титулу она обрадовалась особенно. Для Калиостро же супруга действительно часто оказывалась подлинным ангелом-спасителем, пусть даже по ангельским меркам и падшим. А вступил ли он в масоны или нет, не так уж и важно. Главное, что отныне он действовал сообразно высокому масонскому градусу, то есть представлялся высоким масонским чином, владеющим высшими тайнами и секретами. А так как убеждать он умел, то и принимали его соответственно…

Есть основания полагать, что из долговой тюрьмы Калиостро вытащили его новые братья-масоны. Как пишет М. Авен, через несколько месяцев в тюрьму к Калиостро явился ирландец О'Рейли и привел с собой адвоката, который сумел быстро найти поручителей, раздобыть деньги для залога и в конце концов добился снятия обвинений со своего клиента и полного его оправдания. Хозяина трактира, у которого собиралась ложа Надежды, также звали О'Рейли. Вряд ли мы имеем дело с простым совпадением имен…

Английское дело об ожерелье, обошедшееся Калиостро в 3 тысячи 500 гиней, исчерпало его финансовые ресурсы. Поэтому, очутившись в ноябре 1777 года на свободе, магистр, издерганный и без средств, быстро покинул Англию, страну, где, по его словам, «не признают ни правосудия, ни признательности, ни гостеприимства». Поблагодарив своего спасителя О'Рейли, Калиостро оставил молодому адвокату Слиндону доверенность,

дабы тот в судебном порядке (иного выхода магистр не видел) заставил Скотта вернуть украденные бумаги и флакон с красным порошком.

Спустя несколько лет, а именно в 1780 году, когда Калиостро обосновался в Страсбурге, ему сообщили, что в результате процесса, начатого Слиндоном против Скотта, мошенника признали виновным в краже со взломом и ему грозит виселица. Не желая быть виновником чьей-либо смерти, Калиостро тотчас отозвал свою жалобу и предложил Скотту 500 гиней, если тот вернет ему порошок и бумаги. Скотт от денег отказался и вещи не вернул — скорее всего, он давно выбросил их за ненадобностью. А через 10 лет Калиостро, будучи в Англии, узнал, что всех его прежних клеветников настигла злая смерть: Блевари скончалась от тяжелой болезни; Фрай разорилась и умерла в нищете; ее любовник и слуга Брод скончался, не дожив до старости; Скотт умер жалкой смертью в Шотландии; арестованный за бродяжничество, Вителлини умер в тюрьме; адвокат, подкупленный Фрай, судья, вынесший несправедливый приговор, мировой судья, выдвинувший обвинение против Калиостро и Лоренцы, подкупленный защитник, сбежавший накануне суда, и даже директор тюрьмы, где сидел Калиостро, умерли в расцвете лет. Прокурора приговорили к позорному столбу, а проявивший сочувствие Саундерс получил пожизненное заключение за должностные преступления. «Я всегда верил в правосудие Господа», — задумчиво изрек Калиостро…

Почему Калиостро выбрал именно ложу Надежды? Во-первых, в Лондоне она являлась единственной, где говорили по-французски, то есть на понятном ему и Лоренце языке. Во-вторых, это была так называемая адоптивная ложа, имевшая организацию не только мужскую, но и женскую. Членами ложи состояли в основном итальянцы и французы, главным образом ремесленники — куаферы, кондитеры, пирожники, музыканты, башмачники, так что взнос был невелик — всего 5 гиней. Собирались члены ложи в довольно грязном районе Сохо, в таверне «Голова короля», принадлежавшей масону, ирландцу Питеру О'Рейли[8]. Всегда неравнодушный к роскоши и почестям, Калиостро сразу дал понять «братьям», что они имеют дело с вельможей: среди скромных костюмов обойщиков и пекарей его парадный полковничий мундир выделялся словно оперенье селезня среди серых уток. Серафина также была довольна: наконец-то у нее появился повод пощеголять в новых нарядах. Громкий голос, уверенные манеры, проникновенные, не всегда внятные, но всегда возвышенные речи нового брата заставляли членов ложи взирать на него с почтительным восхищением.

Ритуал посвящения необычайно впечатлил Калиостро. Если для Серафины он заключался в том, что ей велели дать клятву хранить молчание о принадлежности к ложе и на ночь надевать на бедро специальную подвязку с девизом, побуждающим блюсти «Братство, Верность и Молчание», то супруг ее подвергся гораздо более сложному и на первый взгляд даже опасному испытанию. Сначала его ввели в погруженную в полумрак комнату, где вдоль стен выстроились члены ложи, чьи лица из-за темноты невозможно было разглядеть, и приказали произнести клятву: «Я, Джузеппе Калиостро, в присутствии великого архитектора мира, а также моих начальников и почтенной ассамблеи клянусь делать все, что мне прикажут мои начальники, клянусь повиноваться слепо, без лишних слов и не открывать секретов ни словом, ни жестом, ни письменно»[9].

После того как в гробовой тишине отзвучали последние слова клятвы, к новичку подошли несколько членов ложи в черных масках и завязали ему глаза. По спине Джузеппе пробежал холодок: хотя он прекрасно понимал, что это всего лишь игра, проверка крепости нервов, он испугался. В то время за ним по пятам уже ходила английская полиция, натравленная на него мошенницей Фрай, и на миг ему показалось, что англичане руками масонов решили с ним разделаться. Поэтому, когда его, обвязав вокруг талии веревкой, начали поднимать ввысь, он почувствовал себя отвратительно. А так как маг успел изрядно располнеть, то веревка, не выдержав, оборвалась и он упал на пол, повредив себе руку. Когда же он стал призывать на помощь, ему объяснили, что испытания еще не окончены. Кое-как поднявшись, он увидел, что все те же люди в масках стоят вокруг стола, а один из них заряжает пистолет. Затем ему снова завязали глаза и, вложив в руку пистолет, приказали выстрелить себе в голову: ведь он дал клятву послушания! Рука болела, спина ныла, мрак и духота действовали угнетающе, однако стреляться Джузеппе точно не собирался. Неожиданно он услышал, как кто-то выкрикнул: «Ну давай же, трус!» Такого оскорбления сицилиец стерпеть не мог и, не раздумывая, быстро поднес пистолет к виску и нажал на спуск. Раздался гром, дым, запахло порохом, но ничего не произошло. Пистолет кандидату в масоны дали незаряженный, а рядом выстрелили из другого оружия. Когда шум стих, братья сняли с Калиостро повязку, и тот, с облегчением вздохнув, отер с лица пот. Итак, он стал масоном самого высокого — третьего — градуса. Трудно сказать, почему для Калиостро традиционное положение во гроб кандидата в мастера заменили пистолетом и вдобавок сразу присвоили ему градус мастера. Скорее всего, формальное изменение ритуала (чтобы стать

мастером, необходимо пройти через символическую смерть) обусловливалось невозможностью оборудовать по всем правилам заднюю комнату трактира. А третью, высшую степень посвящения, по мнению ряда биографов, ему присвоили сразу потому, что в ложу он вступал как мальтийский рыцарь[10].

Не все биографы согласны с тем, что Калиостро являлся членом рыцарского ордена. Рассуждая на эту тему, придется забежать вперед и задаться вопросом: если Калиостро действительно стал мальтийским рыцарем, зачем он пытался вовлечь в масонскую ложу посла ордена в Риме, компрометируя тем самым и орден, и его членов? Будь Калиостро членом ордена, возможно, мальтийцы выступили бы в его защиту перед инквизицией или хотя бы попытались повлиять на ход процесса… Все же зацепка есть: таинственный незнакомец, явившийся накануне казни Калиостро к папе и что-то шепнувший понтифику на ухо, после чего тот заменил смертную казнь на пожизненное заключение, вполне мог быть мальтийцем, ведь за семь столетий своего существования орден накопил немало тайн, раскрытие которых могло повлечь за собой скандал, затрагивающий и Церковь, и самого папу. Хотя думается, что незнакомец сей является персонажем легенды о Калиостро. В Англии же магистр, скорее всего, величественно предъявил письма с гербами и печатями, коими снабдил его гроссмейстер Роган, и вострепетавшие от благоговения члены ложи решили, что имеют дело если не с самим командором, то по крайней мере с важным членом ордена…

Перед отъездом, более походившим на бегство, у букинистов Калиостро по случаю приобрел рукопись, принадлежавшую некоему Кофтону (Костону, Гостону, Копстону). Что побудило не читавшего по-английски Калиостро приобрести ее? Впрочем, значительная часть биографов предполагает, что заветный манускрипт был написан по-французски и лежал в толстой связке бумаг, ранее принадлежавших ирландскому католическому священнику по имени Джордж Кофтон. Калиостро приобрел всю связку и, разбирая ее, обнаружил рукопись устава и ритуала Египетского масонства. Надо отметить, что существование и Кофтона, и его (собственной или только принадлежавшей ему?) рукописи не доказано и по сей день[11]. А Калиостро впоследствии станет утверждать, что он отыскал чудесный фолиант под пирамидами, среди папирусов Древнего Египта…

Ознакомившись с искомыми бумагами, Калиостро пришел в восторг. В них говорилось о совершенно новом масонстве, корнями своими уходившем в египетские мистерии. Учрежденное с целью физического и нравственного возрождения человечества,

Египетское масонство соединяло в себе древнюю магию, алхимию и организационное начало нынешнего масонского братства, членом коего только что стал Калиостро. Глава египетских масонов именовался Великим Кофтой и наделялся способностью возвращать своим адептам молодость и состояние первородной невинности, утраченной вследствие первородного греха[12]. Великий Кофта владел акациной — камнем мудрецов или первовеществом, позволявшим ему вызывать духов и извлекать разлитую в природе тинктуру, с помощью которой низкие металлы можно было превращать в золото… Иначе говоря, в руках у Калиостро оказался поистине чудесный инструмент — готовая масонская система, насквозь пропитанная мистицизмом, с готовым уставом, ритуалами и таинствами, к которым прилагался рецепт омоложения. Джузеппе Бальзамо получил шанс создать собственное Египетское масонство, открыть масонские ложи Египетского ритуала по всей Европе, а самому стать Великим Кофтой. Правда, масонское общество Африканских архитекторов, учрежденное в 1766 году в Пруссии Карлом Фридрихом Кеппеном, уже называло себя Египетским, и первый его градус именовался «ученик египтян»[13], но Калиостро об этом не знал, а если бы и знал, это его не остановило бы. Хотя масонское свидетельство он получил совсем недавно, но уже понял, что среди вольных каменщиков существуют определенные разногласия и многие рядовые братья, жаждущие отыскать свет истины, в поисках этого света мечутся от одного учителя к другому. Значит, у него есть шанс явить этим жаждущим истину самую правильную и привлекательную. Вспомнив испытания, которым подвергся при посвящении, он твердо решил, что не станет пугать кандидатов до полусмерти: хватит нескольких черных занавесок в комнате для размышлений, парочки черепов, быть может, даже нарисованных, один-два скелета и одиноко горящая свеча. И разумеется, он станет принимать в свои ложи женщин, хотя эти хрупкие создания не умеют хранить тайны, докучливы и не в меру любопытны. Но Серафина в роли великой магистрессы будет смотреться прекрасно!

В декабре 1777 года, исполненный радужных надежд, граф Алессандро Калиостро в сопровождении графини Серафины отбыл на континент, увозя с собой заветную рукопись.

Глава 4
Франкмасон мистического послушания

Не буду с вами спорить! Во всяком случае, он столь искусно показывал фокусы, что быстро проашвился, и теперь его приглашают на все модные вечера, где он демонстрирует свое умение и таким образом зарабатывает себе на жизнь.

Ж. Ф. Паро. Дело Николя Ле Флока

В конце 1777 года началось новое, масонское турне графа и графини Калиостро. Несмотря на пережитые потрясения, супруги держались великолепно и выделялись из толпы сошедших на берег в Кале пассажиров. Диковинный полувоенный мундир графа сверкал галунами, каскад белокурых кудрей графини ниспадал на богато расшитую золотом шаль, накинутую поверх голубого, в тон мундира супруга, платья. Обряд посвящения, казалось, преобразил и Джузеппе, и Лоренцу, придал им уверенности в движениях и твердости в походке. Но, несмотря на надменный вид, внутри у Калиостро все трепетало: оправдаются ли его надежды на братьев-масонов, можно ли рассчитывать на их поддержку? И самое главное: сумеет ли он убедить масонов принять новый ритуал? Для него ответ на этот вопрос являлся особенно важным, ибо он решил, что принимать в свои ложи будет только тех, кто уже имеет посвящение; по крайней мере для мужчин это условие станет обязательным. Почему? Масоны умели хранить тайны, а он хотел быть уверенным, что никто не донесет на него как на чернокнижника. «У нас есть свои тайны — особые рисунки и священные слова; при помощи этого тайного языка и условных знаков мы можем общаться друг с другом на больших расстояниях, по ним мы узнаем своих братьев, где бы мы их ни встретили и на каком бы языке они ни говорили. […] Наше сообщество не похоже на иные сообщества, ибо наши ложи были открыты и получили распространение во всем цивилизованном мире. Но, несмотря на столь великую численность наших членов, никогда и никто из братьев не выдал наших секретов», — писал известный масон кавалер Рамсей[1].

Как скоро Калиостро основал свою ложу Египетского ритуала? Одни полагают, что уже в своем первом масонском вояже магистр основал несколько лож в Голландии и Бельгии, другие — что первая ложа была открыта только в Страсбурге. В любом случае опасения Калиостро оказались напрасными: впечатляющие декорации, где помимо обычных масонских символов (циркуль, наугольник, молоток, фартук, отвес) и эмблем смерти присутствовали изображения египетских богов и иероглифов, звучали не слишком понятные речи и обещание Великого Кофты вывести членов ложи на верный путь, снискали Египетскому масонству множество адептов.

Называя свой масонский ритуал египетским, Калиостро извещал, что знания его происходят из главного источника эзотеризма, а именно из Египта, родины Гермеса Трисмегиста, чье учение соединило в себе философию природы и магию. Возможно, поэтому ряд биографов приписывает Калиостро авторство рукописной книги под названием «Святейшая Триософия»[30], листы которой обильно украшены египетскими иероглифами, арабской вязью и иными загадочными и символическими рисунками; говорят, магистр создал сей труд во время заточения в замке Святого Ангела в Риме[2]. Адепты Сен-Жермена оспаривают авторство Калиостро, подчеркивая, что надпись на форзаце гласит: «Эта книга является единственной копией рукописи “Святейшей Триософии” графа де Сен-Жермена, который уничтожил ее во время одного из своих путешествий», и подпись: «J. B. C. Philotaume». Французский язык рукописи и аккуратнейший округлый почерк также не свидетельствуют в пользу Калиостро, писавшего размашисто и — по его собственному признанию — только на итальянском. К тому же в темной камере ни бумаги, ни чернил магистру не давали, так что возможности для создания более чем стостраничной рукописи (не считая цветных (sic!) картинок и таинственных таблиц) у него не было. Но в предисловии автор (?) рукописи сообщает, что созданы «эти строки в пристанище преступников, в застенках инквизиции», а граф Сен-Жермен, насколько известно, узником инквизиции никогда не был. Тогда, быть может, как предполагает ряд биографов, Сен-Жермен подарил сей труд Калиостро и тот возил его с собой? Ведь подпись «J. B. C. Philotaume» вполне можно расшифровать как «Joseph Balsamo Cagliostro philotaume» — то есть «Любитель Чудес». Но тогда придется согласиться с тем, что данный (единственный!) экземпляр вышел из-под пера переписчика…

Рукопись «Триософии» наверняка привлекла внимание почитателей Калиостро описанием инициационного обряда,

напоминающего древнеегипетские мистерии, о которых любил поговорить магистр: в нем присутствуют и пещера под землей, и подземная река, и огненное препятствие, и меч, разящий страшных змей, и величественный и мудрый старец в белом… Описания древних таинства Калиостро, скорее всего, черпал из широко известного в то время философски-аллегорического романа аббата Террасона «Сет» (1732); автор выдавал свое сочинение за перевод рукописи греческого мудреца из Александрии времен Александра Македонского, и многие этому верили; возможно, поверил и Калиостро. А если не поверил, то впечатлялся: героев, проходивших через мистериальные испытания, спускали под землю, погружали в воду, опускали в чаны с загадочными жидкостями, заставляли проходить сквозь огонь и ступать по раскаленному железу… Огонь, вода и медные трубы[31]. Впрочем, медные трубы Калиостро оставлял для себя. Ради медных труб славы его бурная фантазия и изобретательность скоро развернутся во всей своей красе. Говорят, обдумывая будущий сценарий посвящения в египетские масоны, он полагал использовать не только благовония, но и галлюциногенные травы, с действием которых познакомился еще в монастыре Милосердных братьев…

Из Кале дорога вела в Париж, но Калиостро, не будучи уверенным, что въедет во французскую столицу победителем, снова не дерзнул избрать ее. Он решил начать с Голландии, где в то время активность масонов вполне могла соперничать с активностью их братьев в Англии. Чутье магистра не подвело: голландские масоны с восторгом встретили своего собрата, с благоговением выслушали его продолжительную речь о таинствах, а провожая, выстроились в две шеренги и, высоко подняв шпаги и скрестив клинки, образовали стальной свод, под которым гордо прошествовал реформатор. Такие почести масоны обычно воздавали царствующим особам и принцам крови. В Гааге Калиостро предположительно удалось организовать первую адоптивную ложу Египетского масонства, куда принимали и мужчин, и женщин; отличия в церемониале принятия были существенны. У женщин при посвящении отрезали прядь волос, а после завершения обряда прядь вместе с парой перчаток вручали вступившей и просили отдать оба предмета тому, к кому она более всего расположена. (Мужчинам с той же целью вручалась пара женских перчаток.) Посвящая женщину, великая магистресса дыханием своим обдувала лицо кандидатки, а затем говорила: «Вдыхаю в вас этот дух, чтобы зародилась и разрослась в вашем сердце истина, которой мы обладаем; вдыхаю в вас этот дух, чтобы укрепить ваши добрые намерения и утвердить вас в вере

ваших братьев и сестер. Мы сделаем вас законною дочерью истинного египетского приема и этой достойной ложи»[3]. Далее кандидатка приносила клятву верности: «Клянусь в присутствии великого единого Бога, моей начальницы и всех тех, которые здесь находятся, никогда не открывать — ни письменно, ни словесно, ни через других — того, что происходит здесь на глазах моих; и осуждаю себя в случае преступления на те наказания, которые предписаны в законе великого учредителя и прочих моих начальников. Обещаю также соблюдать и другие шесть должностей, то есть любовь к Богу, почтение к моему Государю, к Религии и законам, любовь к ближнему, совершенную преданность нашему ордену и слепое повиновение предписаниям и законам наших особливых обрядов, которые сообщит мне моя начальница»[4].

Роль великой магистрессы бесспорно отводилась Серафине. Она прекрасно смотрелась в длинной белой тунике, перетянутой широкой голубой лентой с вышитыми серебром словами: «Добродетель, Мудрость, Согласие». Такая же лента, затканная серебряными розетками, с вышитым посередине словом «Молчание», была переброшена через плечо. Калиостро с трудом удалось убедить жену повязать еще и передник из тончайшей белой кожи с тисненными синим словами «Любовь и Милосердие». Серафина считала, что передник пристал исключительно горничным, и только убедившись, что действо будет происходить в полумраке, согласилась надеть его: если несильно затягивать завязки, он будет незаметен на белом платье. У стены ложи принятия, задрапированной белыми и голубыми тканями, стоял трон под небесно-голубым балдахином; на заднике был вышит треугольник, стороны которого составляли головки ангелочков. Когда Серафина садилась на трон, ее голова с ниспадавшими на плечи золотистыми кудрями оказывалась в самом центре треугольника; в обрамлении златокудрых ангелочков чистое, точеное личико Серафины казалось неземным ликом ангела. В чаше треножника, высившегося у подножия трона, к вершине коего вели три затянутые белым ступени, мерцающим пламенем горел винный спирт, над курильницами вокруг трона вился благовонный дымок… Великая магистресса упивалась своей ролью и исполняла ее с видимым удовольствием. Наблюдая за церемонией в отверстие в занавесе, там, где был нарисован храм Соломона, Калиостро решил, что для следующего посвящения непременно закажет для жены котурны на самой высокой подошве. В трепещущем свете огненных язычков тень невысокой и не слишком хрупкой Серафины то непомерно удлинялась, то сворачивалась. Когда магистресса принялась

обходить кандидаток, производя ритуал обдувания лица, несколько посвящаемых оказались значительно выше ее, и ей пришлось высоко задирать голову, что не соответствовало величию ее роли. Сам себе режиссер и оформитель, Калиостро подумал, что в следующий раз надо бы подготовиться к церемонии получше. По крайне мере, к церемонии принятия женщин, для которых, как, впрочем, и для его собственной супруги, занимательная театральность обряда была едва ли не главной его составляющей. Оформление ложи потребовало немалых затрат, и хотя денег в Гааге Калиостро получил немало — как от тамошних масонов, так и от новых, египетских, в качестве вступительных взносов, — он решил взять с собой все, что можно увезти. Впереди предстояли затраты на достойное оформление мужской ложи: несмотря на сходство ритуалов, он хотел, чтобы ритуальные помещения декорировали по-разному. А еще требовалась комната для размышлений неофитов… Для учеников и подмастерьев декор комнаты для размышлений полагался темный, но для мастеров Калиостро сделал его в своих любимых — голубых и белых — тонах. Эти цвета напоминали ему лазурное море и белые паруса… а может, белые облака или белые барашки волн.

В Бельгии, куда вместе со всем своим реквизитом направился Калиостро, представление под названием «египетский ритуал» прошло с еще большим успехом. Спектакль был дан в Льеже, в доме, где собиралась тамошняя ложа Совершенного равенства. Сверкали серебряным шитьем белые и голубые драпировки, над курильницами поднимался синеватый дым, круживший голову неофитам, величественно двигались облаченные в длинные белые одеяния великий магистр и великая магистресса (не отличавшийся высоким ростом Калиостро заказал котурны не только для Лоренцы, но и для себя), и откуда-то из-под купола торжественно звучали вопросы:

«— Вы — масон египетский?

— Да, в силу убеждений и без пристрастности.

— Откуда вы прибыли?

— Из далекого Востока.

— Что вы там увидели?

— Великую силу основателя нашего.

— Чему он научил вас?

— Познавать Бога и самого себя.

— Что посоветовал он вам, прежде чем вы покинули то место?

— Избрать две дороги: философию естественного и философию сверхъестественного.

— Что есть философия естественного?

— Свадьба Солнца и Луны и знание семи металлов.

— Указал ли он вам правильный путь, как постичь сию философию?

— Он поведал мне свойства семи металлов, он сказал: “Qui agnoscit mortem cognoscit artem”[32].

— Могу ли я уповать на познание всех тех светлых искусств, коими обладаете вы?

— Да, но для этого сердце ваше должно быть правдивым, справедливым и благодетельным. Надобно отринуть любое тщеславие и любопытство, истребить порок и отречься от недоверия.

— Достаточно ли будет этих добродетелей для приобщения к высшим знаниям?

— Нет, недостаточно; надобно, чтобы Бог возлюбил вас и взял под свою защиту; надобно покориться ему и почитать его; надобно возлюбить своего ближнего и не менее трех часов в день посвящать уединению и медитации.

— Как следует использовать эти три часа?

— Преисполняться величием, мудростью и всемогуществом божества; рвением нашим приближать себя к нему и делать все, чтобы наши физические и духовные сущности соединились теснейшим образом; тогда мы сможем постичь философию естественного и философию сверхъестественного…»[5]

Не станем утверждать, что именно в этот раз Калиостро впервые использовал свой талант чревовещателя, просто напомним, что многие современники утверждали наличие его у магистра. В Льеже вся ложа Совершенного равенства присоединилась к египетскому обряду Калиостро[6]. Магистр торжествовал: наконец-то он добился своего! Вспоминая, как новые адепты взирали на него, словно на Бога, он чувствовал, что в нем самом пробуждается новый человек. Великий Кофта не может быть рожден в пыльном палермском переулке, бегать от полиции и втридорога продавать легковерным паломникам самодельные амулеты. Новое имя он себе выбрал, предстояло создать новую биографию.

Вряд ли Калиостро занимался анализом процессов, происходивших в то время в масонском движении; скорее всего, обладая превосходной интуицией и будучи чрезвычайно эмоциональным и впечатлительным, он чувствовал, что тогдашним масонам не хватало именно мистики. Масонство как дружеское и братское общество людей возникло в начале XVIII века; оно было организовано по образцу средневековых цехов каменщиков-строителей. В свое время каменщики, занятые на

строительстве городских зданий, получали целый ряд привилегий, в частности освобождение от налогов и сборов, отчего их и стали именовать свободными каменщиками (англ. free mason, фр. francs maçons). Ложами же в Средние века называли дома-времянки, где селилась выполнявшая работы артель каменщиков; в дальнейшем ложей стали называть место, где масоны встречались друг с другом. «Ложа — это место, где собираются и работают масоны; следовательно, Ассамблея, или должным образом организованное Общество… называется Ложей, и каждый брат принадлежит к одной из них…» — написано в «Конституции»[7], составленной в 1722 году пастором Андерсоном, собравшим и изложившим основные правила и обязанности вольных каменщиков. Зародившееся в Англии[33] масонство быстро перебралось на континент, и ко времени, когда на арену масонского движения вышел Калиостро со своим египетским ритуалом, о котором ему якобы поведали тысячелетние жрецы, хранящие тайны пирамид, вся Европа была охвачена сетью лож.

Что влекло людей в масонские ложи? С одной стороны, ложи, внутри которых все члены именовались братьями, являлись своего рода клубами по интересам, тем идеальным местом, где находило конкретное выражение каждодневное общение и обмен чувствами, где добродетели и полезные таланты являлись единственным ключом к достижению успеха и общественному признанию. Создавая иллюзию равенства, ложи позволяли своим участникам из низших социальных слоев на равных общаться с аристократами[34], и многие клерки, в том числе и служители Фемиды, занимавшие незначительные должности, вступали в ложи в надежде завести там знакомства, полезные для продвижения по службе. Лица, исключенные по каким-либо причинам из гражданской жизни (например, католики в Англии или протестанты во Франции) находили в масонских ритуалах своеобразную компенсацию за свое гражданское молчание. Под видом праздников и более или менее странноватых ритуалов нередко скрывалась взаимопомощь, которую оказывали друг другу члены ложи, особенно если в ней состояли представители третьего сословия. Многие ложи (а в одной только Франции число их с 1774 по 1789 год увеличилось с 400 до 700) собирались в трактирах, давая дополнительный приработок трактирщикам, устраивали шумные братские трапезы и играли в карты; кареты масонов, прибывших на собрание ложи, нередко заполоняли всю улицу, создавая заторы и мешая движению. По таким заторам полиция легко могла определить место, где собирались масоны. Туманные и расплывчатые идеалы масонов подходили для любого сословия. Так, первый параграф

«Конституции» Андерсона гласил: «Масон, если он хорошо уразумел свое искусство, подчиняется законам морали и не может стать ни тупоумным богоотступником, ни нечестивым вольнодумцем. […] обязательна для всех единственно та всеобщая религия, с которой все согласны и которая обязывает нас быть добрыми, верными долгу, честными и совестливыми, исполненными чистосердечия, каким бы именем ни называлось наше вероисповедание, какие бы догматы ни отличали нас. Верность сим началам превратит масонство в объединяющий центр, поможет связать узами искренней дружбы людей, доселе бывших друг другу чужими»[8]. Если прежде роль объединяющего центра брала на себя Церковь, то в XVIII столетии ее застывшая и сухая обрядность уже не устраивала многих. Сформировался целый слой людей, которые, не причисляя себя к атеистам, переставали посещать храмы и исполнять церковные обряды. Для них масонские ложи стали своеобразной заменой церкви, моральной отдушиной, тем более что многие ложи активно занимались благотворительностью. Душевное томление, стремление к «естественному состоянию» и царству разума, неотделимому от равенства (ибо разум присущ каждому), порождали адептов масонского учения. Однако, несмотря на стремление отбросить сословные различия и вернуть человечество к изначальному равенству, масоны отвергали и политическую борьбу, и социальный протест.

С другой стороны, модный рационализм порождал моду на тайны и, соответственно, моду на масонство: масонское посвящение с его сложным ритуалом само по себе погружало в атмосферу таинственности. Масонство покоилось на фундаменте, в основание которого легла легенда о Хираме (Адонираме), строителе (архитекторе) иерусалимского храма Соломона. Хирам, руководивший работами по постройке храма, желая избежать путаницы при выдаче жалованья, поделил всех рабочих на три разряда: учеников, подмастерьев и мастеров. Для каждого разряда существовали свои тайные знаки, рукопожатия и слова. Однажды трое подмастерьев решили узнать у Хирама слово мастера, но Хирам отказался им его сообщить, и тогда они решили убить его. Чтобы осуществить свой замысел, они спрятались в храме, каждый у своей двери, и, когда Хирам вошел в храм, один нанес ему удар линейкой, другой — наугольником, а третий — колотушкой. Закопав тело мастера на горе Ливанской, убийцы воткнули над его могилой ветку акации. Через семь дней девять мастеров, посланных Соломоном на поиски Хирама, отыскали его тело. Когда мастера разрыли могилу, на которой выросла акация, они воскликнули: «Макбенак!» — что означало:

«Плоть уже покинула кости». С тех пор было условлено, что слово это станет новым тайным словом мастеров, ибо прежнее слово было утеряно. Согласно одной из версий, подмастерья, испугавшись расплаты, сами лишили себя жизни; согласно другой — убийцы Хирама скрылись, а посвященные поклялись отомстить за его смерть. Легенда о гибели Хирама нашла отражение в обряде посвящения в степень мастера, происходившем в помещении, обитом черным крепом с вышитыми на нем белыми скелетами, посреди которого стоял черный гроб, освещенный потайными фонарями из человеческих черепов.

Несмотря на торжественную теафальность масонских обрядов, многие, особенно те, кто жаждал тайной мудрости и тайных знаний, стали требовать усложнения ритуалов и, как следствие, увеличения степеней посвящений. Своеобразную основу для усиления мистической стороны масонского учения заложил кавалер Рамсей: в речи, произнесенной в 1737 году, он соединил масонскую легенду с легендой о тамплиерах, расширив, таким образом, фундамент масонской истории и создав целую шкалу масонских тамплиерских градусов. А от тамплиеров, иначе храмовников (temple по-французски храм), рукой подать до храма Соломона, который также присутствовал в тамплиерской легенде, где основательно переплелись вымысел и история, причем скромная история довольно быстро отошла на второй план, уступив дорогу величественной легенде. Официально тамплиеры именовали себя «бедными рыцарями Христа и Соломонова храма»: вступая в орден, рыцарь давал обет бедности, а его имущество отходило ордену; в отвоеванном Иерусалиме тамплиерам отвели место поблизости от храма Соломона. Основатели ордена, девять рыцарей во главе с Гугоде Пейном, решив выступить на борьбу с неверными, приняли монашеский обет. Созданный в 1119 году орден стал одним из ударных отрядов крестоносцев на Востоке. Рыцари-храмовники подчинялись только своему гроссмейстеру, а он, в свою очередь, самому папе. Выведенный из-под юрисдикции и светских, и местных церковных властей, орден не облагался ни налогами, ни податями, а потому скоро сосредоточил в своих руках огромные богатства. Когда Иерусалимское королевство окончательно захватили неверные и основная задача ордена — охрана паломников и владений крестоносцев в Святой земле — отпала сама собой, орден как военная организация остался не у дел. Тогда тамплиеры сосредоточили свою деятельность в экономической, прежде всего в финансовой, сфере. Став крупнейшими банкирами Европы, тамплиеры, по мнению ряда историков, изобрели банковские чеки. Они активно

финансировали строительство храмов, а следовательно, имели дело с каменщиками и архитекторами, хранителями масонской мудрости. Легенда гласит, что, пребывая в храме Соломоновом, рыцари проникли в тайны древних каменщиков, но не в практические секреты ремесла, а в их тайную веру, идущую из глубины тех времен, когда человек был чист и светел и еще не ступил на стезю греха. Большая часть тамплиерских командорств находилась во Франции, и король Филипп IV Красивый, усмотрев во все возраставшем могуществе ордена угрозу собственной власти, начал гонения на храмовников, обвинив их в ереси, идолопоклонстве и тайных богопротивных оргиях. В результате орден был распущен, несколько десятков или даже сотен тамплиеров погибли на кострах инквизиции, а последний гроссмейстер ордена Жак де Молэ был сожжен в Париже в 1314 году. Перед смертью он отрекся от сделанных под пыткой признаний, проклял своих мучителей и призвал на скорый Божий суд папу Климента V и короля Франции. И Божий суд решил дело в пользу оболганных тамплиеров: папа скончался через две недели, а Филипп IV через полгода. Но проклятие Жака де Молэ продолжало преследовать королей Франции: все три сменившие друг друга правящие династии — Капетингов, Валуа и Бурбонов — прервались в результате насильственных смертей. Говорят, когда под ножом гильотины пала голова Людовика XVI, кто-то воскликнул: «Свершилось проклятие тамплиеров!» Градусы шотландского масонства, высший (30-й, а по некоторым источникам — 24-й) из которых именуется рыцарь Кадош, символически воспроизводят историю тамплиеров и смерть на костре магистра Жака де Молэ.

В этой системе место Хирама занял Жак де Молэ, убийц Хирама — король Филипп Красивый, олицетворявший политическую тиранию, папа Климент V, олицетворявший тиранию духовную, и палачи, казнившие тамплиеров. Утраченным же словом стало слово «свобода». Смешение Соломонова храма, рыцарей-храмовников, построения храма всемирного человеческого счастья, загадочных ритуалов и таинств, суть которых понимали лишь мастера, породило смятение умов и предоставило повод амбициозным личностям и шарлатанам устраивать новые ложи, увеличивать количество градусов (степеней посвящения, число которых может доходить до 90 и 95) и придумывать новые системы масонства.

Стремительно обраставшее преданиями, возводившими истоки масонства едва ли ни к временам Сотворения мира, вольное каменщичество становилось конкурентом Церкви, и Рим забеспокоился. Однако первыми — в 1735 году — осудили

масонов голландцы. Булла (In eminenti…) папы Климента XII, обвинявшая вольных каменщиков в притворстве, ереси и извращениях, появилась 26 апреля 1738 года; на ее основании виновным в принадлежности к секте грозило отлучение. Менее чем через год, 14 января 1739 года, был издан специальный эдикт, согласно которому каждому истинному католику в папских владениях вменялось в обязанность доносить как на членов секты франкмасонов, так и на тех, кто высказывал желание вступить в нее. Повинных в недоносительстве ждала смертная казнь. Преемник Климента XII, Бенедикт XIV, в булле от 15 июня 1751 года (Próvidas Romanorum Pontiftcum…) возобновил запреты предшественника и подчеркнул печальные последствия, ожидающие примкнувших к богомерзкой секте. В том, что масоны угрожают католической религии, папа не сомневался. Ибо масонам предписано строго хранить тайну, а преступления всегда совершаются втайне: честные поступки никто не станет скрывать. Во Франции буллу зарегистрировать отказались; в германских землях в масоны вступали сами государи, а вот в Испании немало масонов поплатились жизнью за участие в ложах. В Риме ответом на папскую буллу стали едкие памфлеты шевалье де Люси, под именем которого скрывался барон Теодор Анри де Чуди. Вынужденный бежать из Италии, Чуди добрался до России, где ему пришлось заниматься всем понемногу: он был и актером, и личным секретарем фаворита Елизаветы И. И. Шувалова, и воспитателем придворных пажей и даже разоблачил французского шпиона. Когда пришла пора покинуть Россию, он отправился во Францию, где создал устав ордена Пламенеющей звезды, с пятиступенчатой системой посвящения.

Во времена Калиостро в масонских ложах состояла едва ли не вся европейская интеллектуальная элита. Кого только не притягивало к себе масонское искусство! Его называли королевским, ибо для английской знати, что после «славной революции» 1688 года[35] эмигрировала из Англии во Францию и основала там первые масонские ложи, это было искусство восстановить на престоле династию Стюартов; для тех, кто всерьез увлекся тайноведением, это означало высшее искусство, сродни алхимическому, стремящееся восстановить мир в его блаженном первозданном состоянии. Для одних постижение высшего искусства означало изучение человека, для других — науку этим человеком управлять. Правда, второе невозможно без первого. Масонство, прибывшее из Англии, носило социальный, в определенной степени прагматический характер; на континенте же масоны все чаще склонялись к эзотеризму. Примером великого эзотерического общества служил таинственный орден

розенкрейцеров, явившийся, словно мимолетный луч света, из мечтаний о совершенном мире и совершенном человеке, наделенном поистине безграничными возможностями. Рыцари Розы и Креста придали поискам философского камня духовный смысл, полагая, что с его помощью можно открыть те сферы духа, откуда на человека прольется свет истинных и возвышенных знаний. Масоны подхватили и развили этот смысл, постановив, что философский камень символизирует человеческое совершенство. Вот небольшой отрывок из «Пламенеющей звезды», посвященный философскому камню:

«— Какая цель масонских исследований?

— Узнать, как сделать совершенным то, что природа оставила несовершенным в человеке.

— Какая цель философских исследований?

— Узнать, как сделать совершенным то, что природа оставила несовершенным в минералах, и увеличить силу философского камня.

— Тот ли это камень, которого символ означает нашу первую степень?

— Да, это тот самый камень, который франкмасоны желают отесать»[9].

Немалое число адептов привлекло общество избранных коэнов, основанное в 1754 году загадочной личностью, португальцем (?) Мартинесом Паскуалисом (Мартинишем Паскуалишем; 1727–1779). Учение Мартинеса, которое следовало бы называть «мартинесизмом», смыкавшееся с христианским аскетизмом («Все в этом мире является испытанием и наказанием») и противостоявшее оптимизму Просвещения, подхватил и развил его ближайший ученик и последователь Луи Клод де Сен-Мартен (1743–1803). От его имени учение в конце концов получило название «мартинизм». Исторический мартинизм соединил в себе собственно мартинизм и сен-мартинизм. И Паскуалис, и Сен-Мартен ставили своей целью духовное возрождение человека, но подходили к нему по-разному. Паскуалис положил в основу своего учения теургический принцип и создал систему избранных коэнов, для которых установил девять степеней посвящения. Посвященный в высшую степень получал вдохновение от Божественного духа, постигал тайные науки и получал право руководить людьми. Сен-Мартен, долгое время служивший секретарем Паскуалиса, опирался в большей степени на морально-философские принципы. Он изложил свои взгляды в книге «О заблуждениях и истине» (1774), где объяснял, что все беды общества происходят от того, что, оступившись и впав в грех, человек отпал от Бога и

утратил естественное состояние всеобщего равенства. Чтобы вернуться в прежнее блаженное состояние, человек должен отказаться от ложных религий, от несправедливых (и неспособных быть справедливыми) законов, от неразумных правительств и правителей и подчиниться принципу деятельной и разумной любви. А пока состояние равенства не наступило, следует подчиняться тем, кто способен любить и обладает желанием сделать людей счастливыми. Путь же к любви и совершенству пролегает через молитву. Несмотря на довольно резкую критику общества, мартинисты, следуя примеру незлобливого Сен-Мартена, революций не замысливали, а предавались самоусовершенствованию.

Совершенствовать людей и созидать общество всеобщего счастья намеревались также иллюминаты. Основатель системы иллюминизма, иначе говоря «просветления», профессор Адам Вейсгаупт(1748–1830) из Ингольштадта поставил целью превратить род человеческий — без различия званий, наций, занятий — в одну счастливую и добрую семью. Конечная цель основанного им в 1770 году ордена сообщалась всем его адептам, однако пути, ведущие к ней, были ведомы только руководителям, кои, как вскоре разнесла молва, постановили возможным устранять монархов путем убийства оных, дабы освободившиеся народы могли достичь всеобщего счастья. Организация строилась по модели общества Иисуса (в юности Вейсгаупт был воспитанником иезуитского коллежа): жесткая дисциплина и абсолютное повиновение старшим. Иллюминаты просуществовали недолго: заносчивый и подозрительный Вейсгаупт, стремившийся к абсолютной власти, насаждал внутри ордена атмосферу всеобщей слежки и недоверия, подтачивавшую его изнутри. Честолюбивые устремления руководства иллюминатов, желавших подчинить себе все масонское движение, создать всеобщую религию и всемирное государство, стали известны за пределами ордена, вызвав страх и гнев как правителей Баварии, где был основан орден, так и церкви. Как и тамплиеров, иллюминатов обвинили во всех смертных грехах и предали анафеме. В 1785 году общество иллюминатов попало под запрет и перестало существовать, а бывшие его члены, опасаясь преследований, спешно покинули Баварию. Атак как многие иллюминаты, включая самого Вейсгаупта, состояли еще и в масонских ложах, герцог Баварский закрыл заодно и ложи. Мрачный образ тайных врагов веры и государства, именуемых иллюминатами, не лучшим образом повлиял на восприятие масонства в целом. Сам же орден «просветленных» стараниями молвы превратился в тайную, глубоко законспирированную

организацию, готовящую государственные перевороты.

Говорят, во время своей поездки по германским землям, где были ложи едва ли не всех существовавших в то время обрядов и ритуалов, во Франкфурте-на-Майне Калиостро был принят в ложе Строгого послушания, близкой к иллюминатам. После дружеского ужина несколько его участников подошли к магистру и загадочным шепотом предложили ему совершить небольшую поездку за город. Карета доставила Калиостро к развалинам замка, где сопровождавшие его братья завязали ему глаза и, попросив пригнуться, ввели внутрь и вместе с ним по длинной лестнице спустились куда-то вниз. Когда с Калиостро сняли повязку, он обнаружил, что находится в просторном подвале, посреди которого стоял накрытый черной тканью стол, а на нем в окружении горящих свечей высился железный ящик. Магистра подвели к столу, и он увидел, что в ящике лежит свернутый в трубку пергамент. Знаками его попросили взять его и прочесть. Развернув пергамент и вчитавшись в начертанные кровавыми чернилами строки, Калиостро уразумел, что перед ним призыв к освобождению народов от тирании. Лица, написавшие этот призыв, клялись уничтожить монархов, дабы освободить от них мир. Первым пасть от рук тираноборцев предстояло королю Франции. А после того как во Франции воцарится свобода, наступит очередь Италии и Рима. По спине магистра забегали мурашки: истребление тиранов в его планы не входило. Посмотрев на имена лиц, подписавших сей зловещий документ, ему стало страшно: в списке из одиннадцати имен первым стояло его собственное, а дабы никто не усомнился, напротив кто-то нарисовал змею с яблоком во рту. «Видишь, ты уже наш, — раздался глухой голос. — Нам не хватает только твоей подписи». Стараясь не выдать охватившей его дрожи, магистр наотрез отказался поставить под документом кровавый росчерк. Внутренне он уже приготовился к самому худшему; былые его страхи пробудились, и на миг ему показалось, что невидимый во мраке свод пещеры вот-вот обрушится ему на голову. Однако ничего страшного не произошло, Калиостро снова завязали глаза, вывели наружу и посадили в карету. Когда он отъехал порядочно от загадочного места, с него сняли повязку и, пожелав доброго пути, снабдили деньгами на дорогу[36].

Разоблачительные сочинения об участии масонов и иллюминатов в подготовке Французской революции появились вскоре после падения якобинской диктатуры. А так как считалось, что Калиостро предсказал разрушение Бастилии, а после взятия твердыни деспотизма отправил письмо Генеральным штатам, расписав свои заслуги перед революцией, то его причислили к

тем опасным личностям (в частности, Мирабо, герцогу Орлеанскому[37], Дантону, Робеспьеру, Дюмурье, Лепелетье де Сен-Фаржо), которые под видом изучения возвышенных материй готовились сбросить ярмо религии и разрушить Французскую монархию. Главой этих личностей, по мнению Каде де Гассикура, автора книги о тайных обществах[38], являлся загадочный Томас Хименес, распоряжавшийся средствами заговорщиков, хранившихся в банках Лондона, Роттердама, Генуи, Венеции и Амстердама. Деньги на счета поступали от 80 тысяч масонов, среди которых истинных масонов-тамплиеров насчитывалось всего 800; каждый масон платил в год по 5 луидоров членских взносов. Ложи, коих основано было 20 тысяч, включая те, что находились в Африке и Америке, каждый год в День святого Иоанна платили взносы по 25 луидоров каждая. Понятно, что указанные цифры соответствовали не действительности, а разумению автора.

Из этих денег Калиостро за его содействие якобы и было выдано 600 луидоров.

Впоследствии подтверждением участия магистра в масонско-иллюминатском заговоре сочли найденный в его вещах крест с буквами «LPD» (Liliapedibus destrue — «Поприте лилии ногами», подразумевая королевские лилии Бурбонов). Однако значение вышеуказанных букв Калиостро узнал только от инквизиторов, ибо, направив мысль в иную сторону, их вполне можно было трактовать как Loi de la perfection divine — «Закон божественного совершенства». Масоны изменили порядок букв на LDP, что обозначало Liberté de penser — «Свобода мыслить», а для непосвященных: Liberté de passer — «Свобода перейти», ибо, начертанные над изображением моста, они означали добровольный переход от Знания к Просветлению. А еще эти три буквы означали Lumière, Proportion, Densité — «Свет, Пропорция, Сплоченность»; Loi, Príncipe et Droit — «Закон, Принцип, Право», а также кредо божественного Парацельса: Libertas, Debitum, Potentia — «Свобода, Обязанность, Сила»[10].

Многие современники магистра, равно как и позднейшие оккультисты, считали Калиостро агентом иллюминатов, исполнявшим некую секретную миссию (возможно, агента влияния), во исполнение которой в его распоряжение предоставили неограниченные средства. В романе «Жозеф Бальзамо, или Записки врача» Дюма поставил Калиостро во главе тайного международного ордена, подготавливающего освобождение человечества и свержение монархий, иначе говоря, претворяющего в жизнь основную цель иллюминатов. Маркиз де Люше, именовавший иллюминатов сектой маньяков, на

основании свидетельств современников рассказал о ритуале посвящения в члены зловещего общества:

«По темной лестнице кандидат спускается в огромную пещеру или залу, где своды, полы и стены затянуты черной тканью, усеянной серебристыми искрами и вышитыми серебром устрашающими змеями. Посреди залы стоит гроб; в неверном свете трех тусклых надгробных светильников можно различить лежащий в гробу скелет, обернутый креповыми лентами. Из костей сложен стоящий на возвышении алтарь, на котором высится стопка книг; на их страницах кровью начертаны проклятия предателям и истории о том, сколь страшна месть невидимых духов. Восемь часов кандидат проводит в подземелье в полном одиночестве. Через указанное время появляются призраки в истлевших саванах; они проходят через залу, обходя кандидата с обеих сторон, и исчезают во мраке.

Еще 24 часа кандидат стоит во тьме, окруженный леденящей душу тишиной. От голода мысли его начинают путаться.

Неожиданно он замечает у ног своих три чаши с зеленоватым напитком. Жажда вынуждает его поднести их, одну за одной, к губам, но каждый раз страх побеждает, и он, не сделав ни глотка, ставит чаши обратно на землю.

Наконец появляются две фигуры в серых балахонах, и измученному испытуемому кажется, что сама смерть прислала за ним своих слуг. Обвязав голову кандидата красной повязкой с вышитыми на ней серебряными буквами и изображением Лоретской Богоматери, призраки вручают ему медное распятие размером в два дюйма, а на шею вешают амулет, обернутый в фиолетовую тряпицу. Затем призраки снимают с него одежду и кладут ее в костер, разведенный в конце залы, а на обнаженном теле кандидата кровью рисуют крест. Затем к дрожащему от холода и страха испытуемому приближаются пять призраков в запятнанных кровью одеждах; лица их скрыты под масками; в руках призраков мечи. Разостлав ковер, пришельцы опускаются на колени и молятся. Когда одежда в костре догорает, молитва смолкает и все пятеро призраков начинают биться в конвульсиях. Из догорающего костра выступает прозрачная фигура; подняв руку, она замогильным голосом произносит: “Именем распятого Сына поклянитесь разорвать узы, что связывают вас с матерью и отцом, братьями и сестрами, супругами и родственниками, друзьями и благодетелями, королями и начальникам, со всеми, кому вы обязаны верой, благодарностью или службой.

С этой минуты вы свободны от клятв, данных близким вам людям и вашим повелителям. Поклянитесь, что будете докладывать новому начальнику обо всем, что узнали, увидели,

прочли или догадались, а также все, что удалось выведать или выследить.

Чтите и уважайте аква тофану[39] как скорое и надежное средство для очистки мира посредством умерщвления или устранения тех, кто хочет осквернить истину или вырвать ее из наших рук.

Избегайте Неаполя, Испании, избегайте всех проклятых стран. Подавляйте в себе искушение рассказать о том, что вы узнали. Даже молния не столь быстра, как скор кинжал, разящий предателей.

Живите во имя Отца, Сына и Святого Духа".

После того как заплетающимся языком кандидат произнесет требуемую от него клятву, перед ним водружают подсвечник с семью черными свечами, к ногам его ставят чашу с человеческой кровью и явившиеся из мрака призраки омывают ею его тело. Затем ему подносят полстакана крови, и он, леденея от ужаса, выпивает его и вновь произносит клятву. Братья простираются на полу, а кандидат, обливаясь холодным потом, стоит, обессиленный, ожидая своей участи. Перед глазами его плывут светящиеся круги, и, чувствуя, что он вот-вот упадет, он закрывает глаза, а когда открывает их вновь, видит, что лежит в ванне и служитель теплой водой омывает его тело. Потом ему подносят стакан крепкого бодрящего отвара из кореньев и помогают облачиться в новую привычную одежду». Свой рассказ де Люше заключал словами: «Страшно жить в странах, где есть подобные общества, ибо никогда не знаешь, не ходит ли рядом с тобой злодей, всегда готовый на любое преступление».

Пишут, что инквизиторы получили признание Калиостро в том, что он исполнял поручения иллюминатов, но хорошо известно, что инквизиция умела заставить человека признаться в чем угодно. Деньги у иллюминатов Калиостро, скорее всего, брал, ибо, как и другие братья-масоны, они сами давали их ему, но использовал он их для собственных целей. Ко времени встречи с соратниками Вейсгаупта Калиостро уже был достаточно известен как прорицатель и основатель масонства египетского ритуала, пользовавшегося все большей популярностью, так что сотрудничество с подозрительной в глазах властей сектой ему было ни к чему. Магистр помнил, что исключительно благодаря Лоренце он избежал тюрьмы, куда его приготовился засадить Марано; а ведь история с Марано могла всплыть в любой момент, и неизвестно, окажутся ли чары его супруги снова столь же действенными. Таинственность, загадочность, намеки и иносказания — среди масонов Калиостро чувствовал себя как рыба в воде; масонство открыло простор для его богатой

фантазии и бурного темперамента; с первых шагов на поприще Великого Кофты ему сопутствовал успех… Нет, заговоры в его планы явно не входили. А вот размышления о египетском ритуале теперь не покидали его ни на минуту. Режиссер Калиостро приспосабливал под себя пьесу Кофтона:

«— Я много слышал о философском камне и теперь желал бы знать, существует ли он на самом деле.

— А разве вы этого не поняли, когда я говорил вам о свадьбе Солнца и Луны?

— Увы, нет, ибо ум не настолько просвещен, чтобы самому понять, что означает этот брак, мне требуется помощь вашего светлого разума.

— Слушайте меня внимательно и постарайтесь понять.

Благодаря знаниям, полученным мною от основателя нашего ордена, я знаю, что первовещество было создано Господом до сотворения человека и что Господь сотворил человека бессмертным, но так как человек злоупотребил добротой божества, дар этот был оставлен только очень малому числу избранных: pauci sunt electi (мало избранных). В самом деле, нам известно, что Моисей, Енох, Илия, Давид, Саломон, царь Тира и некоторые другие великие мужи, отмеченные благоволением божества, познали первовещество и приобщились к тайнам его, равно как и к философии сверхъестественного.

— Но, прошу вас, поведайте мне, что есть это бесценное первовещество и каково его действие?

— Знайте же, что первовещество находится в руках избранников Господа, и, чтобы получить его, нет нужды быть великим, богатым или могущественным; но, как я уже вам сказал, надобно, чтобы Господь возлюбил тебя и взял под свое покровительство…»[11]

Калиостро продолжал свой путь по Германии, где едва ли не в каждом городе была своя ложа или, на худой конец, некое тайное общество, занимавшееся духоведением, поисками философского камня и смысла жизни. Немецкие князья запрещали своим подданным обсуждать политические темы, а состоявший в ложе Трех Земных Шаров Фридрих Великий лично следил за деятельностью своих братьев, так что немецким масонам ничего не оставалось, как заниматься оккультизмом и обсуждать проблемы эзотерические. Калиостро увидел в них родственную душу, ведь по части мистики он успел изрядно поднатореть и мог заткнуть за пояс любого, кто бы попытался ему возразить или, например, сказать, что Египетское масонство не самое главное, важное и правильное. А еще ему нравились пышные банкеты, устраиваемые в его честь местными ложами.

Выросший в многолюдном квартале, где не умолкал шум разноголосой рыночной толпы, он на ассамблеях чувствовал себя как рыба в воде, а сознание, что он является причиной всей этой кутерьмы, наполняло его неизъяснимой гордостью. Серафина тоже была довольна: наконец-то у нее появилась возможность блистать — то в сверкающих одеждах загадочной великой магистрессы, то в модных платьях. А восторженные взоры мужчин!.. Они устремлялись в ее сторону на каждой ассамблее. Теперь супруги редко ссорились, и Джузеппе даже не мыслил поднять на нее руку (говорят, прежде с ним это случалось), щедро снабжал ее деньгами и более не заставлял торговать своей красотой. Однако немало недругов Калиостро утверждали, что богатство мага источником своим имело вовсе не масонские деньги, а красавицу Серафину, чье очарование стоило все дороже и дороже. Опровергнуть эти утверждения, равно как и подтвердить их вряд ли возможно.

Le comte de Cagliostro

Палермо, переулок графа Калиостро

В этом переулке родился Джузеппе Бальзамо

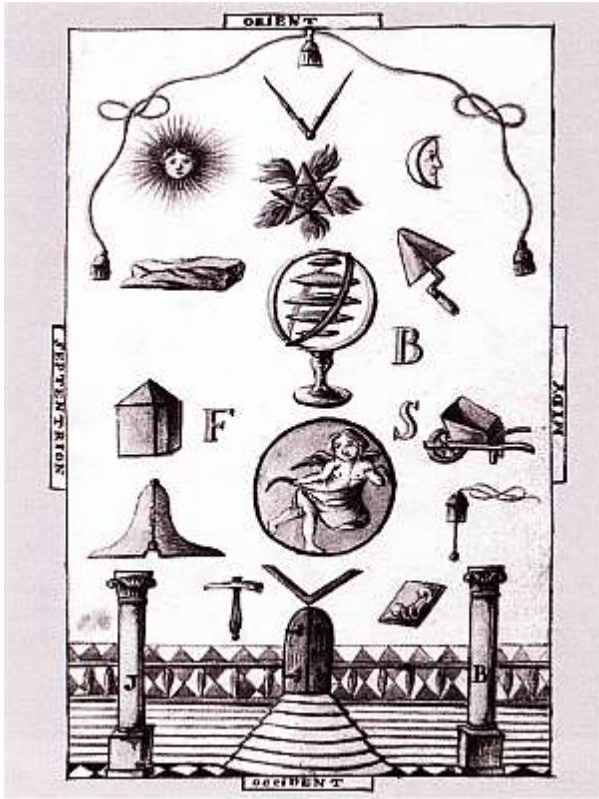
Лоренца Феличиани

Дворец герцогов курляндских в Митаве (Елгаве). Современный вид

Элиза фон дер Реке. Портрет 1785 г.

THE
CONSTITUTIONS
OF THE
FREE-MASONS.
CONTAINING THE
History, Charges, Regulations, &c.
of that most Ancient and Right
Worshipful *FRATERNITY.*
For the Use of the LODGES.
T.C.
LONDON:
Printed by WILLIAM HUNTER, for JOHN SENEX at the Globe,
and JOHN HOOKE at the Flower-de-luce over-against St. Dunstan's
Church, in Fleet-Street.
In the Year of Masonry —— 5723
Anno Domini —— —— 1723

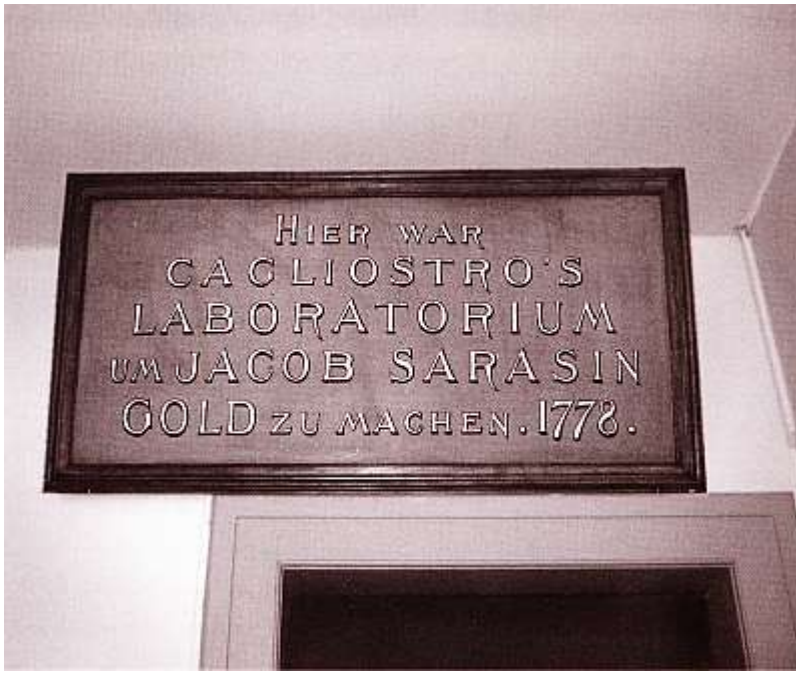
Фронтиспис и титульный лист «Конституции Андерсона»



Символы масонской ложи

Масонский передник, предположительно принадлежавший Вольтеру

Герцог Филипп Орлеанский — с 1772 года гроссмейстер ложи Великого Востока Франции



«Здесь находилась лаборатория Калиостро, где он изготовлял золото для Якоба Саразена».

Но в 1778 году Калиостро еще не был знаком с Саразеном и золото для него тоже никогда не изготовлял...

Средневековая алхимическая лаборатория, над которой висит вышеуказанная табличка.

Реконструкция. Базель, Музей истории фармацевтики

Сосуд для хранения териака, универсального терапевтического и профилактического средства, применявшегося в медицине с незапамятных времен и вплоть до Нового времени. XVIII в.

Аптекарский инструмент. XVIII—XIX вв.

Деревянный павильон, предназначенный для духовного и физического возрождения, построенный по указаниям Калиостро неподалеку от Базеля

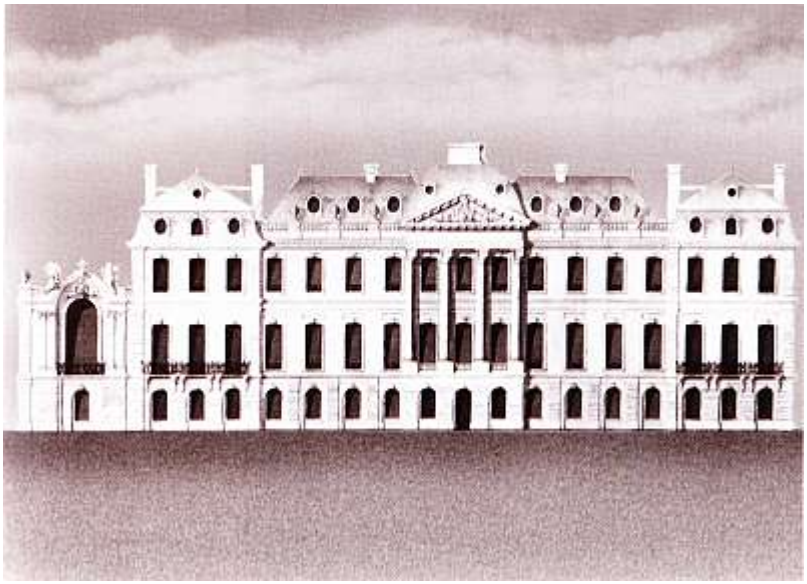
Якоб Саразен (1742—1802)

Гертруда Саразен (?—1791)

Белый дом Саразена в Базеле (внутренний двор)

Граф Алессандро Калиостро.
Бюст работы Гудона. 1786 г.

Дом-фонарь в Страсбурге, в котором проживал Калиостро



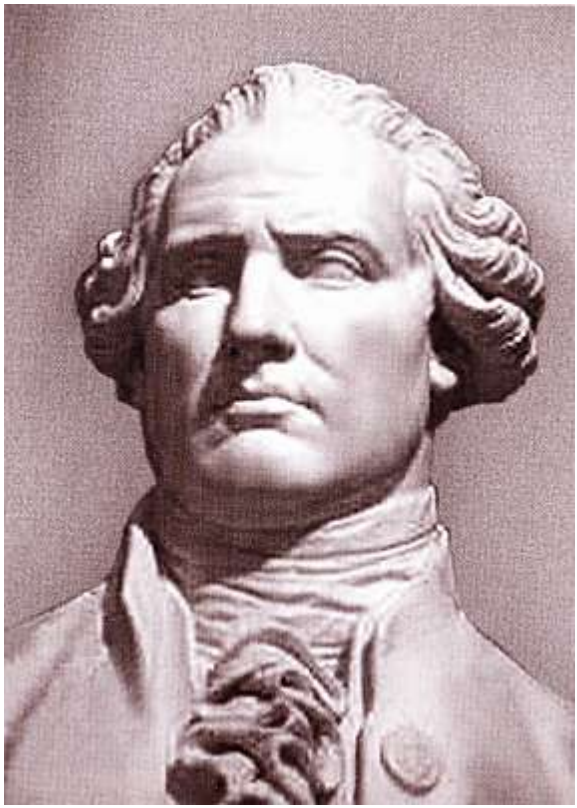
Фасад дворца Роганов в Страсбурге.
Рисунок XVIII в.

Кардинал Луи Рене Эдуар Роган, князь-епископ Страсбургский (1734—1803)

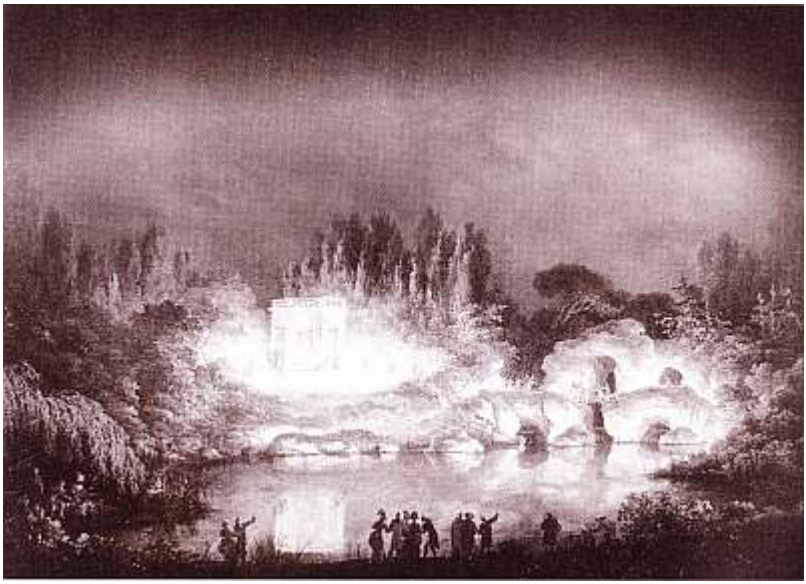
Шарль де Роган, принц Субиз (1715—1787)

Ожерелье королевы

Графиня Жанна де Ла Мотт (1756—1791)



Граф де Ла Мотт (?)



Версальские сады времен Марии-Антуанетты

Ювелиры Бемер и Бассанж

Николь Леге, «баронесса д'Олива»
Рето де Вилет

Париж, квартал Марэ, улица Сен-Клод, 30. Дом. в котором проживал Калиостро. Современный вид

Пишут, что в Нюрнберге к Калиостро явился некий господин и спросил его: «Кто вы, благородный иностранец?» «Имя мое ничего вам не скажет, — отвечал Калиостро, — зато вот это скажет многое». — И он показал свой знак — изогнувшуюся и вставшую на хвост змею; во рту змея держала яблоко, а туловище ее было пронзено стрелой. Увидев это изображение, господин,

похоже, решил, что перед ним находится один из невидимых владык мира, и пал ниц. Потом, поднявшись, он с поклоном почтительно преподнес магистру кольцо с огромным бриллиантом. Калиостро был поражен: он не ожидал такого поклонения. Вечером, приглядевшись, он сообразил, что изогнувшаяся змея очень напоминает букву S, а пронзившая ее стрела — I: Supérieur Inconnu (Божественный Незнакомец). Такое определение магистра вполне устраивало, и он подумал, что при случае этими буквами надо бы воспользоваться. Серафина от кольца пришла в полный восторг: такого крупного камня она никогда не видела. Примерив драгоценность на свой изящный пальчик и с сожалением обнаружив, что оно ей велико, она стала просить супруга вынуть камень и вставить его в другую оправу. Не в силах отказать жене, Калиостро выполнил ее просьбу. Здесь, в Германии, когда дела его пошли в гору, он старался исполнять любое ее желание, любую причуду; не мысля себя без Серафины, он по-прежнему ревновал ее. Каждый раз, глядя в зеркало и замечая, что залысины продвигаются все дальше, а чрево из-под расшитого камзола выпирает все больше, он со страхом думал, что любой юный щеголь может вскружить голову его кокетливой женушке. И эти мысли побуждали его не слишком задерживаться на одном месте.

Из Нюрнберга Калиостро отправился в Берлин, где. возможно, ему довелось услышать историю Розенфельда, начавшего проповедовать около 1760 года. Розенфельд утверждал, что он является истинным мессией, Христос же — лжепророк, а король Фридрих Великий — сам Сатана. Несмотря на столь рискованные заявления, у него оказалось немало приверженцев; отобрав среди них семь юных девушек, он убедил родителей отпустить их к нему. В ожидании, пока великое предприятие увенчается успехом, Розенфельд жил в полном согласии со всеми семью женами. Лет десять или двенадцать прожил он такой мирной жизнью, не переставая проповедовать, но однажды один из его адептов, устав ожидать обещанных чудес, донес на него Фридриху. «Короля особенно позабавило, что доносчик, нисколько не сомневаясь в том, что Розенфельд настоящий Христос, полагал также, что Фридрих, будучи Сатаной, то есть второй законной властью, может заставить мессию совершить обещанные чудеса. Фридрих отправил мессию в тюрьму до тех пор, пока чудеса не совершатся». — писал Стендаль[12].

Из Берлина путь Калиостро лежал в Лейпциг, где в то время пребывал Антуан Жозеф Пернети (1716–1796), бывший монах известной своими учеными трудами конгрегации святого Мавра.

Пернети создал свое общество просветленных, члены которого, исповедуя доктрину шведского теософа-мистика Сведенборга, в практике использовали масонские обряды. Пернети не чуждался алхимии и занимался вызыванием духов. В 1779 году, когда его посетил Калиостро, Пернети, предвосхищая физиогномическую науку Лафатера, завершал труд о том, как по овалу лица определять душевный склад человека.

В Лейпциге проживал еще один собрат Калиостро по чародейско-масонскому ремеслу — трактирщик Иоганн Георг Шрепфер (1730–1774), открывший в 1772 году у себя в трактире ложу шотландского обряда. Там он принял и Калиостро, в честь которого устроили роскошный обед; на столах всего стояло по три — в честь Троицы, кою обязаны были чтить масоны. Но ходит слух, что магистр этого не заметил и вообще вел себя неучтиво, так что хозяева едва не обиделись; видимо, Калиостро в тот раз был не в духе. В египетском ритуале масонскому числу «три» уделено особое внимание, так что вряд ли магистра следует уличать в забвении магических свойств этого числа.

«— Почему масоны делают все трижды или же трижды три раза и почему вы велите мне не забывать об этом числе?

— Потому, что оно напоминает об одном из самых важных знаний, кое я могу сообщить вам: вы должны знать, что человек был создан в три приема и что состоит он из трех сущностей: нравственной, физической и силы духа. А дабы не заблудиться в операциях философствования и самоусовершенствования, вы должны понять, что д ля достижения совершенства все, что вы делаете один раз, всегда требуется сделать трижды или же трижды три раза»[13].

В задней комнате своего трактира Шрепфер не только собирал масонов, но и занимался вызыванием стихийных духов и призраков умерших. Но однажды его разоблачил любопытный зритель. Во время одного из сеансов, проходивших в темной комнате, где свечи горели только на столе у Шрепфера, сей зритель незаметно забрался под стол, за которым сидел некромант, и когда, как обычно, в облаке дыма появился призрак, сидящий под столом разглядел на ногах у окутанной дымом фигуры добротные башмаки с серебряными пряжками. На следующий день все тот же усомнившийся, не став пить пунш, который перед сеансом подносили всем собравшимся, незаметно пробрался к черному ходу и закрыл дверь на задвижку. В тот вечер духи отказались почтить сеанс своим присутствием.

А вот как описывает духопризывательный сеанс Н. М. Карамзин: «…ввели всех в большую залу, обитую черным сукном, и в которой окна были затворены. Шрепфер поставил всех

зрителей вместе, очертил их кругом и не велел никому трогаться с места. Шагах в трех от них, на маленьком жертвеннике, горел спирт — чем единственно освещалась зала. Перед сим жертвенником Шрепфер, обнажив грудь свою и взяв в руку большой блестящий меч, бросился на колени и громко начал молиться, с таким жаром и с таким рвением, что М*, пришедший видеть обманщика и обман, почувствовал трепет и благоговение в своем сердце. […] Надлежало вызвать тень одного известного человека, недавно умершего. По окончании молитвы он начал призывание сими словами: "О ты, блаженный дух, переселившийся в бесплотный и смертным неизвестный мир! Внемли гласу оставленных тобой друзей, желающих тебя видеть" и проч., и проч. Зрители почувствовали электрическое потрясение в своих нервах, услышали удар, подобный громовому, и увидели над жертвенником легкий пар, который мало-помалу густел и наконец образовал человеческую фигуру; однако же М* не приметил в ней большого сходства с покойником. Образ носился над жертвенником, а Шрепфер, который сделался бледен как смерть, махал мечом вокруг головы своей. М* решился выйти из круга и приблизиться к Шрепферу; но сей, приметив его движение, вскочил, бросился на него и, устремив меч к его сердцу, закричал страшным голосом: ты умрешь, несчастный, если хотя один шаг вперед ступишь! У М* подкосились ноги, так он испугался грозного голоса и блестящего меча его! Тень исчезла. Шрепфер от усталости растянулся на полу и велел выйти всем зрителям в другую комнату, где подали им на блюдах свежие плоды. — Многие приходили к Шрепферу как в спектакль и хотя знали, что вся тайная мудрость его состояла в шарлатанстве, однако же с удовольствием смотрели на важные комедии, им играемые»[14].

Возможно, Калиостро побывал на сеансе Шрепфера или же слышал рассказы других зрителей; во всяком случае, когда впоследствии он сам стал устраивать подобные спектакли, то отгораживал зрительские места шелковым шнуром, дабы между креслом, в котором возникал дух, и зрителями оставалось пустое пространство.

Экзальтированный и самоуверенный Шрепфер, уверовавший в свою высокую миссию, сумел привлечь на свою сторону немало адептов, но когда его уличили в мошенничестве, он застрелился. А вскоре прошел слух, что во время встречи с Шрепфером Калиостро предсказал духовидцу скорую смерть, а Шрепфер в ответ завещал магистру свое искусство вызывать духов. Или все же скорая гибель была предсказана загадочному Сьеффорту (Сциффорту), которого Дюма называл «русским посланцем»[40]?

Путешествие по Германии, несомненно, принесло Калиостро немалую пользу, ибо такого количества шарлатанов-мистиков, как в немецких государствах, подданные которых славились своей мечтательностью и богатым воображением, в то время, пожалуй, не было ни в одном уголке Европы. Изобретательности господам мистикам было не занимать.

Среди немецких масонов снискал известность некий Штайнер, чревовещатель, духовидец и откровенный фокусник, устроивший с помощью зеркал настоящую магическую комнату; вход в комнату в отсутствие мэтра был запрещен, нарушившему запрет грозила смерть от небесного огня. Когда же мэтр, облачившись в одежды, напоминавшие одеяние епископа, входил в святилище, с потолка начинала звучать небесная музыка, в воздухе разливались дурманящие ароматы, а в дыму над курильницами возникали тени ангелов; у членов общества кружилась голова, а мэтр, взмахнув руками, начинал беседовать с духами. Однажды во время сеанса мэтр предложил зрителям отдать все имевшиеся у них с собой предметы из металлов: кольца, часы, табакерки, золотые монеты. Когда предметы собрали, положили на алтарь и чародей накрыл их черной тканью, раздался гром, в алтарь ударила молния и заклубился дым. Когда дым рассеялся, предметы исчезли, а Штайнер призвал всех возблагодарить небесных духов за то, что они приняли дары, а следовательно, будут благосклонны к дарителям. А дабы никто не усомнился в том, что он общается с потусторонним миром, он увлек троих зрителей в небольшой придел, где посредине был расстелен ковер. Расставив свидетелей по углам сего ковра, где, как предупредил Штайнер, горели свечи «из человеческого жира», мэтр шагнул на ковер и исчез, а через несколько минут появился снова. Подобные сеансы повторялись не раз и не два, так что несколько постоянных зрителей разорились окончательно, а один с горя даже пустил себе пулю в лоб. Полиция заинтересовалась Штайнером, и он бежал в Берлин, где с помощью влиятельных друзей-розенкрейцеров получил место придворного духовидца и вызывал тени великих героев древности для наследника прусского престола Фридриха Вильгельма.

«— Почему у меня забирают большую часть одежды и все, что сделано из металлов?

— Чтобы вы поняли, что каждый, кто хочет стать истинным масоном или настоящим избранником, должен отказаться от любых почестей, сокровищ и славы, а для достижения желаемого необязательно обладать богатством, властью и влиянием»[15].

В своем ритуале посвящения Калиостро тоже освобождал кандидатов от металлических предметов, но, видимо, у него все

происходило с полного согласия адепта; во всяком случае, никто на магистра в полицию не жаловался.

Не меньшую, чем Штайнер, известность снискал Готлиб Фрейхер Гугомос, разъезжавший по Европе под разными именами. Впервые Гугомос объявился в 1752 году в Праге, где был принят вложу Трех колонн. Затем Гугомос появился в Вене при дворе Франца I и Марии-Терезии и, выдавая себя за чудо-целителя, сумел, как говорят, вытянуть из императора целое состояние. Успев вовремя покинуть двор, он под новым именем обосновался в Баварии и поступил на службу к герцогу Ангальт-Бернбургскому. Став герцогским секретарем, он пообещал поправить расстроенные финансы герцога, изготовив с помощью философского камня необходимое количество золота и серебра. Начав процесс изготовления, Гугомос заявил, что для экстракции добытых алхимическим путем драгоценных металлов требуется некоторое количество настоящего золота и серебра; получив несколько золотых слитков и серебряный сервиз, Гугомос покинул двор и затерялся где-то на дорогах Европы. Опасаясь насмешек, герцог не стал его преследовать.

Разъезжая по Германии, Калиостро не мог не заметить, что ложи Строгого послушания, ориентированные на тамплиерскую легенду, долгом своим (по крайней мере на словах) почитали мстить за гибель Жака де Молэ и его товарищей. Выросшему под жарким солнцем Сицилии Калиостро тамплиерская легенда казалась слишком мрачной; по духу ему были ближе ложи Высокого послушания, членов которых в основном интересовали тайны природы и герметические искусства. Свое же Египетское масонство он хотел сделать не похожим ни на какое иное ни по духу, ни по форме. Чего стоил один только придуманный им костюм магистра: зеленый фрак, тигровый жилет, такие же штаны-кюлоты и чулки, гусарские сапоги и красная лента через плечо. Просто райская птица!

Хотя магистр уже поднаторел в роли великого масонского реформатора, всякий раз, когда выступление ему удавалось, он радовался как ребенок. Однако в глубине души, наверное, еще скрывалось волнение, и, чтобы окончательно побороть его, он стал искать встречи с тем, с кем хотел сравняться, — с загадочным графом Сен-Жерменом, признанным оккультистом, алхимиком и масоном. Слухи, ходившие о волшебном даре Сен-Жермена, никто даже не пытался опровергнуть, но Калиостро, сам подвизаясь на поприще алхимика и знатока тайных наук, не очень-то в них верил. Но Сен-Жермена везде принимали как чародея, великого магистра всех оккультных братств, поэтому, если Калиостро получит его благословение, оно не принесет ему

ничего, кроме пользы. Вдобавок у графа наверняка можно чему-нибудь научиться: граф умел не только плавить алмазы, но и заваривать особый чай, снимавший усталость и поднимавший настроение. Говорят, секрет заварки этого чая граф подарил матросам эскадры своего друга, графа Алексея Орлова. И еще: Сен-Жермен покорил Париж, а он, Калиостро, пока еще объезжал этот город стороной. Серафина тоже была не прочь посмотреть на столь известную личность и, возможно, проверить на нем действие своих чар. За время странствий по Германии она успела вскружить голову не одному брату-масону.

Большинство современников, а следом за ними и биографов Калиостро считают, что встреча двух великих адептов произошла в Гольштейне[41], где Сен-Жермен посвятил Калиостро в тамплиерские таинства и дал ему мистические степени. М. Авен, напротив, полагает, что ко времени этой гипотетической встречи Калиостро уже не нуждался ни в каком посвящении, и если встреча все же состоялась, для магистра она не имела никакого значения. Возможно, поэтому ряд биографов факт встречи категорически отрицает[16].

Тем не менее последуем за оккультистами и памфлетистами и посмотрим, что происходило в конце 1778-го — начале 1779 года в местечке Альтона неподалеку от Гамбурга, где в то время обосновался Сен-Жермен.

В два часа ночи Калиостро и Серафина, в белых туниках с алыми поясами, подошли к воротам замка. Едва они остановились, как кто-то невидимый спросил их, кто они, откуда пришли и чего хотят. Склонившись до земли, Калиостро ответил:

— Я пришел воззвать к Богу верящих, к Сыну Природы. Отцу Истины, пришел, чтобы стать его рабом, апостолом и мучеником. Хочу, чтобы мне раскрылась 1700 тайн, известных ему одному.

— А что скажет спутница, что сопровождает тебя в твоих странствиях?

— Я пришла подчиниться и служить.

Со скрипом опустился подъемный мост, навстречу прибывшим вышел закутанный в хламиду старец и повел их под темные своды замка. Едва они вступили в зал, как вспыхнул ярчайший свет и осветил престол, на котором восседал Сен-Жермен в затканном алмазами одеянии. У подножия, держа в руках золотые чаши с курившимися в них благовониями, сидели двое служителей. Поодаль стояла белая фигура с хрустальным сосудом; на сосуде мерцала надпись: «Эликсир молодости». В глубине зала матово поблескивало огромное зеркало, перед которым, словно часовой, двигался туманный призрак. Над зеркалом горела надпись: «Хранилище блуждающих душ».

— Горе тому, кто не выдержит испытаний! — вновь прогремел голос.

Супругов разделили; первой пройти испытания предстояло Серафине. В комнате, куда ее отвели, ее ждал бледный худой человечек с неприятным взглядом. Поведав ей о своих несметных богатствах, человечек потребовал отдать ему украшавшие ее прическу бриллианты, и она с радостью отдала ему все. Тогда человечек повел ее в подвал, где корчились в муках мужчины и женщины. Палачи пытали их, стегали бичами, рубили головы, жгли железом и подносили яд. «Ты видишь здесь тех, кто пострадал за свои добродетели, — зазвучал у нее в ушах все тот же голос. — Вот так люди вознаграждают нас за дела наши». Серафина устояла, и ее провели в третью комнату, где ее встретил любезный кавалер, немедленно начавший ее обхаживать и соблазнять. Но и тут она устояла, и в конце концов кавалер вручил ей бумагу, подтверждавшую ее непоколебимую добродетельность.

Калиостро подвергли иным испытаниям. Сначала невидимые существа пытались пробудить его гнев и ревность, потом уязвляли его тщеславие и, наконец, решили ослабить его мужество: они прочитали ему отрывок из Книги судеб, гласивший, что в конце земного пути его ожидают преследования и страдания. Но предсказание не испугало Калиостро и не лишило его веры.

После испытаний обоих супругов отвели в храм, где голос сообщил, что они допущены к участию в священных мистериях.

Взволнованные и трепещущие, Калиостро и Серафина внимали таинственному голосу:

— Помните, что первейшей движущей силой природы, политики и общества является воспроизведение себе подобных, что заветная мечта всех смертных — стать бессмертными, узнать будущее, хотя они еще толком не познали настоящее, и проникнуть в тайны духа, хотя и сами они, и все, что их окружает, суть материя.

После этих слов к ним приблизились служители, сняли с них одежды и, умастив ароматными маслами, даровали Серафине красоту, а Калиостро могущество. Обновленные, супруги вслед за проводником вернулись в зал, где ожидал их Сен-Жермен.

Едва они вошли, как раздался голос графа:

— Да будет известно вам, что величайшая наша тайна — это искусство управлять людьми, но единственный пригодный для этого способ — это не говорить людям правды. Отбросьте здравый смысл, не слушайте советов разума, а смело совершайте поступки нелепые и абсурдные, и все вам поверят. Люди всегда

поклоняются явлениям сумасбродным и чтят вещи неправдоподобные.

Политика — наука обмана,

война — наука убивать,

философия — мания говорить нелепости,

физика — мечты о прекрасной природе,

теология — знание несчастий, к которым приводит человеческая гордыня,

история — печальное изучение людского коварства и заблуждений.

Отсюда следует, что

политик — ловкий обманщик,

герой — знаменитый безумец,

философ — знаменитый чудак,

ученый — слепец, достойный сожаления,

теолог — одержимый проповедник,

историк — продавец слов.

Бог, что царит в этом Храме и в душе моей, научил меня смотреть на предметы с иной стороны; для меня равно важны и живущие сейчас, и жившие прежде. Я знаю, и знания мои остаются при мне; у меня есть сокровища, и я ничем не обязан никому, даже королям; я распоряжаюсь элементами вещества, предоставляя другим распоряжаться людьми.

И снова служители вывели Калиостро и Серафину, переодели их в роскошные одежды и отвели на пир. На том пиру из вин подавали только токайское, кое Сен-Жермен именовал эликсиром жизни; в конце трапезы граф сказал, что по необходимости сей эликсир можно окрасить в красный или зеленый цвет.

По завершении пира, напутствуя своих гостей, великий мэтр произнес: «Идите и вините во всех бедах людей умных, а глупым льстите и пускайте пыль в глаза. Говорите загадочным шепотом, что граф Сен-Жермен живет уже пятьсот лет. Делайте золото. Но главное — одурачивайте простаков». Последний абзац, бесспорно, принадлежит перу одного из памфлетистов, которые еще при жизни Калиостро выдвинули немало дерзких гипотез о той инициации, кою прошел магистр у Сен-Жермена (утверждали, например, что инициация была сексуальная…)[17].

Еще один возможный вариант отношений графа Калиостро и графа Сен-Жермена представлен И. Тецлаф в ее биографии Сен-Жермена, составленной с привлечением едва ли не всех тех немногих документальных источников, на которые опираются историки, пытаясь выяснить подлинную биографию великого авантюриста. Согласно ее версии, Калиостро приехал к Сен-Жермену в Гольштейн, когда тот гостил во дворце ландграфа

Карла Гессенского. Увидев на постели в гостевой комнате роскошное голубое покрывало, расшитое золотыми драконами, Сен-Жермен поинтересовался, кто поселится в сей комнате. «Этот господин приезжает к вам, граф! — ответил Карл. — Его зовут Калиостро, он засвидетельствует вам свое уважение и окажет мне честь». «Бальзамо? — изумился Сен-Жермен. — Говорят, он мошенник, заклинатель духов и колдун! А для меня — просто честолюбец. Будучи магистром коптов, русских византийских масонов, он стал весьма влиятелен… и опасен для сильных мира сего, для светских правителей и князей церкви! И этот Калиостро хочет меня навестить?»

Калиостро приехал в карете, запряженной шестеркой белых лошадей, в сопровождении многочисленных разноязыких слуг. В намерения его, похоже, входило не столько выразить свое почтение Сен-Жермену, сколько «показать себя», ибо он сразу пригласил собравшееся в замке общество в парк, на берег пруда, где он намеревался провести спиритический эксперимент. Улыбнувшись, Сен-Жермен согласился ассистировать «волшебнику».

И вот погасли свечи, стих гомон заинтригованных зрителей и в кромешной тьме появилось голубоватое свечение. Спиралью поплыло оно по зеркалу пруда, постепенно вырастая в фигуру женщины в убранстве египетских цариц. Белое лицо видения напоминало царицу Клеопатру, владычицу обоих египетских царств, что отдалась великому Цезарю, дабы из семени Запада взрастить плод Востока. Проплыв над озером, образ медленно растаял во мраке, оставив после себя голубое свечение. Но и оно длилось недолго. Пока зачарованные зрители приходили в себя, Бальзамо-Калиостро и Сен-Жермен беседовали о сверхъестественном. Но Калиостро даже не подозревал, что фантом вызвал не он, а его «ассистент»[18].

Глава 5
От обожания до негодования

Меня предупреждали, что пребывание в России действует разлагающе на некрепкие умы…

Г. Горин. Формула любви

В тяжелой четырехместной берлине на полу стояла жаровня с тлевшими угольями, под скамьями позвякивали крышками фарфоровые ночные сосуды, выложенные изнутри ароматным сеном, а на сиденье, обложившись подушками и закутавшись в плащи и одеяла, сидели супруги Калиостро. Джузеппе надвинул на лоб подбитую мехом шляпу, Серафина накинула на голову теплую шаль. Но мороз все равно пробирал обоих до костей, особенно Серафину. Она всегда плохо переносила холод и сырость, и это путешествие на Север давалось ей нелегко. И хотя рядом, забившись в угол, сидела служанка, готовая и помочь воспользоваться сосудом, и растереть ноги, начинавшие коченеть вместе с остывающей жаровней, чувствовала себя Серафина отвратительно. Зачем она согласилась ехать на этот заснеженный край света? Нет, она решительно не ожидала, что изысканный и утонченный Сен-Жермен отправит их в такие ужасные края, где останавливаться на ночлег приходится в покосившихся деревянных домах, где клопы столь свирепы, что даже Джузеппе не может их изгнать и они всю ночь не дают ей спать. Конечно, можно ночевать и в карете, но Джузеппе этого не любит: постоянная темнота угнетает его, и он становится злым и раздражительным.

Джузеппе действительно ощущал себя не в своей тарелке. Во-первых, он знал, что Серафина сердита на него: в Германии ей понравилось, и она не хотела оттуда уезжать. А если уезжать, то почему бы не вернуться в Италию или на худой конец во Францию? Супружеского скандала избежать не удалось. Правда, он вовремя опомнился: без неоценимой помощи Серафины ему не обойтись. Поэтому, прибыв в Кёнигсберг, он первым делом приобрел жене тяжелый и длинный, подбитый пушистым мехом голубой плащ, украшенный шитьем и с огромным воротником из серебристого соболя. Себе же он выбрал красный плащ, подбитый черным мехом. Собственно, на этом его пребывание в этом городе и завершилось, ибо канцлер фон Корф, ненавидевший иезуитов,

почему-то счел приезжего их агентом и быстро настроил против него все благородное общество. И назвал его лакеем — правда, не в глаза, а за спиной. Столь холодного, граничащего с враждебным приема Калиостро не ожидал, а потому настолько растерялся, что даже не призвал на головы непочтительных жителей гнев духов и богов, которым он обычно грозил нерадивым трактирщикам и станционным смотрителям, когда те пытались заставить его заплатить втридорога за дрянной обед или запрячь в карету старых кляч. Еще никогда и нигде его так дурно не встречали. А мороз, сердитое лицо жены и неблагоустроенная гостиница Шенкена в узком переулке под корявым и непроизносимым названием Кервидергассе окончательно его обескуражили. В результате он без боя покинул Кёнигсберг, где все его силы ушли на то, чтобы уехать с гордо поднятой головой. И вот они снова трясутся в дорожной карете, держа путь в столицу герцогства Курляндского.

Прибыв 29 февраля 1779 года в Митаву, граф и графиня Калиостро с удивлением обнаружили, что общество сей провинциальной столицы пребывает в ажиотационном ожидании: из Германии дошли слухи, что к ним едет маг, духовидец и масон-реформатор Калиостро. Тот самый, что предсказал смерть главы лейпцигских безбожных масонов Шрепфера! Как и в любом провинциальном городе, развлечений и зрелищ в Митаве явно недоставало, поэтому приезд Калиостро взбудоражил всех, особенно местных масонов и алхимиков, кои, как пишет Е. Карнович[42], были «плохие и легковерные». Возглавлявший здешнее закрытое общество иллюминатов профессор философии Штарк, не желая, видимо, встречаться с известным конкурентом, временно покинул город. Ходили слухи, что на заседаниях члены его общества занимались черной магией. Численности местных иллюминатов не знал никто, но все трепетали.

Калиостро сразу попал в объятия старинного курляндского дворянства во главе с графом Иоганном фон Медемом и его экзальтированной дочерью Элизой. В семнадцать лет Элизу выдали замуж за барона Георга фон дер Реке, оказавшегося грубым прусским солдафоном, и три года назад, после рождения дочери, Элиза сбежала от супруга в родительский дом. Ее дочь умерла в прошлом году, а вскоре в Страсбурге ушел из жизни Фридрих, любимый брат Элизы, с которым она вместе воспитывалась. Ходили слухи, что он сделал это добровольно, начитавшись гётевского «Вертера». Впоследствии, прибыв в Страсбург, Калиостро остановится в той самой гостинице, той самой комнате, где оборвалась жизнь юного Медема, и в нем пробудится надежда вновь установить незримую связь со своей

любимой ученицей. Но к этому времени Элиза уже выйдет из-под его влияния настолько, что в 1787 году опубликует разоблачительное сочинение под названием «Описание пребывания в Митаве известного Калиостро на 1779 год и произведенных им там магических действий, собранное Шарлоттою Елисаветою Констанциею фон дер Реке, урожденною графинею Медемскою», кое императрица Екатерина II с целью разоблачения шарлатана Калиостро сочтет необходимым немедленно перевести на русский язык и щедро вознаградит переводчика, выдав ему 400 рублей. Однако это в будущем. Пока же Элиза пребывала в угнетенном состоянии духа и дела мирские, в том числе и предстоящая свадьба ее младшей сестры Доротеи с курляндским герцогом Петром Бироном (состоится в ноябре 1779-го), ее нисколько не волновали: она с головой ушла в мир мистических измышлений. Особенно ее интересовали духовидение и духовызывание, и она, как говорят, пыталась проникнуть на тайные заседания иллюминатов, но, кажется, безуспешно. Надеясь узреть тень усопшего брата, она проводила много времени в молитвах и на кладбищах[1], но магическим искусством вызывания умерших овладеть не сумела. Атак как Калиостро везде и всюду рассказывал о своем даре общаться со срединными духами, служащими посредниками между людьми и потусторонним миром, то по приезде мага Элиза немедленно стала самой пылкой и восторженной его почитательницей.

Калиостро и Серафине предоставили комнаты в Митавском дворце[43], строительство которого по проекту знаменитого архитектора Растрелли начал покойный отец тогдашнего герцога Эрнст Иоганн Бирон, фаворит российской императрицы Анны Иоанновны. Трехсот, а может и более, комнат великолепного барочного дворца вполне хватало и герцогу, и его придворным, и высоким гостям. Впоследствии дворец станет пристанищем для многих французских аристократов, бежавших из своей страны во время революции. Пока же приезжий маг устроил в одной из отведенных ему комнат небольшую алхимическую лабораторию, а так как по дороге кое-что из его личного оборудования разбилось и пришло в негодность, местные алхимики охотно предоставили магистру собственное оснащение — в надежде поприсутствовать, так сказать, на мастер-классе. Но первые недели магистр ничего не делал, не демонстрировал, а лишь рассуждал на излюбленные темы: египетские пирамиды, мистерии Исиды и Осириса, стихийные духи, нумерология, каббала, гематрия… отделение тонкого от грубого, соединение сил верхних и нижних, прозрение вещей твердых и извлечение вещей тонких… Как напишет впоследствии Элиза, «с каким искусством умел Калиостро

пользоваться случаями, заводить людские ожидания и, питая надеждою души их, властвовать над ними!»[2] Иногда, увлекшись, граф начинал пересыпать свою речь и вовсе не понятными словами, слыша которые, Серафина невольно заливалась краской, надеясь, что под толстым слоем белил никто этого не заметит. Ибо за годы, проведенные с Джузеппе, она узнала множество площадных ругательств на его родном диалекте; к счастью, его понимали далеко не все.

Слова из самых разных языков (за время путешествий чего только не услышишь!) в речи темпераментного магистра сливались в единый бурный поток, руки приходили в движение, и вокруг графа мгновенно образовывалось свободное пространство, не позволявшее ему затеряться среди гостей. Калиостро умел говорить так, что речи его воспринимались как откровение и глаза окружавших его людей загорались неземным огнем энтузиазма. Он говорил глазами, лицом, ладонями и всем своим корпулентным, но очень подвижным телом. Помимо уверенности в себе магистр явно обладал актерским даром, для вящей реализации коего он использовал костюмы и декорации. Его пристрастие к платью, отличному от обыденных одежд, не только выделяли его из толпы, но и помогали внутренне настроиться на роль мага или хотя бы оригинального человека. Обычно Калиостро ходил в красном полковничьем мундире с синими обшлагами, не скрывавшем большого живота, а изобильно представленные бахрома и галуны скрадывали его и без того невысокий рост. Однако М. Авен пишет, что походка у него была бодрая, летящая, свидетельствующая о мускульной энергии и жизнелюбии. Когда же Калиостро «говорил о том, что его интересует, зрачки его расширялись, он принимался расхаживать, размахивая руками, повышая голос и откинув назад густые, словно грива, волосы. Лоб его краснел от циркуляции крови»[3].

По воспоминаниям одного из жителей Кёнигсберга, приезжий маг был «приземистый, чрезвычайно широкоплечий, с круглой головой, черными волосами, выпуклым лбом, густыми бровями, черными жгучими глазами, постоянно вращающимися, широким носом, закругляющимся на конце. Губы круглые, толстые. Подбородок твердый, выдающийся, челюсть круглая, как бы железная. Нежные маленькие уши, маленькие мясистые руки и небольшие, красивые ноги. Он был чрезвычайно полнокровен, с громким и звонким голосом»[4]. Впрочем, не обладай Калиостро звучным голосом, разве смог бы он удерживать внимание людей в течение целого вечера? А посему неудивительно, что многие считали Калиостро личностью необыкновенной и в салонах, где его принимали, народу набивалось немерено. «У нас Калиостр

весьма тесно соединял между собой закон и магию, но часто без малейшей причины с запальчивостью на нас он бросался; впрочем, во всех своих разговорах вел он себя кротко. Он уверял нас, что те, которые желают иметь с духами сообщение, должны противоборствовать всему тому, что есть вещественно; а для того и сам он старался слишком умеренным казаться, как в пище, так и в питии, хотя в самом деле он и не был таков»[5]. Всем хотелось послушать загадочного чужестранца, а главное, увидеть собственными глазами обещанные чудеса. Однако уже с первым чудом не заладилось. Когда магистр, во всеуслышание заявлявший, что знает секрет плавки высоко ценимого в Курляндии янтаря, начал диктовать рецепт приготовления раствора, необходимого для процедуры, записывающий растерялся: высокий гость называл составляющие всем известного курительного порошка! Уличенный Калиостро не смутился, а, напротив, пошел в наступление, обвинив курляндцев в меркантильности: он послан к ним для высших материй, а не для расплавления каких-то там камней![6]

По сравнению с супругом Серафина выглядела этакой серенькой мышкой, она даже решила не надевать своеобычных бриллиантов. Графиня «вышла на работу». Если в задачу Джузеппе входило разведать обстановку и понять, каких чудес ждет от него местное общество, то Серафине предстояло войти в доверие к дамам и собрать всевозможные сведения, слухи и сплетни, знание которых Калиостро-ясновидцу было необходимо как воздух. Наблюдательность, интуиция и рассказы Серафины являлись тремя важными составляющими его успеха прорицателя. Он «всякую малость умел обращать себе на пользу». А еще Серафина, которой к тому времени исполнилось двадцать семь, выдавала себя за престарелую матрону и утверждала, что у нее есть взрослый сын и он в настоящее время служит офицером в Голландии. А выглядит она столь молодо исключительно благодаря эликсиру молодости, изготовленному ее супругом по его собственному, никому иному не известному рецепту. (Возраст супруга, разумеется, не поддается определению, ведь он разговаривал с самим Иисусом Христом!) Скромность Серафины, ее природная свежесть, не затмеваемая блеском драгоценностей, служили лучшим доказательством правдивости ее слов, и эликсир, а заодно и притирания раскупались нарасхват. Калиостро ликовал: он долго не решался выступить на поприще зельеварения, а тут первый же эксперимент оказался успешным. Но публика требовала чудес: превращения низких металлов в золото и серебро и конечно же спиритических сеансов. Вдобавок каждый вечер за ним по пятам ходила высокая статная красавица

с зачесанными назад волосами и неутомимо твердила о дорогом Фрице, скончавшемся вдали от родного дома. Черт бы побрал этого Фрица, решившего ни с того ни с сего переместиться в мир иной!

Отдохнув среди гостеприимных митавцев, Калиостро, гордо называвший себя полномочным главой всех масонов Северных земель, приступил к созданию собственной Египетской ложи. Так как граф Медем, его брат маршал Отто фон Медем и бургомистр фон Ховен в 1741 году в Галле приняли масонское тамплиерское посвящение и к настоящему времени успели достичь высоких степеней, то кандидаты для всех трех степеней наличествовали. И разумеется, следовало основать ложу принятия, куда войдут женщины, эти негласные правительницы маленького митавского мирка. Впервые магистра обуревали противоречивые чувства: с одной стороны, он ощущал себя вырванным с корнем растением, а с другой — новая почва оказалась на удивление благодатной. Отсутствие конкурентов позволяло ему развернуться со всей полнотой его фантазии. И он заявил, что сам бессмертный Великий Кофта поручил ему возродить утраченные на протяжении веков истинные египетские таинства и посвятить в них здешних масонов.

«Сидя на троне, Досточтимый магистр приказывает ввести кандидата; инспектор подводит кандидата к трону и велит ему опуститься на колени. Досточтимый магистр встает и обращается к кандидату: “Вам уже сообщили, что цель наших трудов столь же далека от легкомыслия, как обычное масонство далеко от истинного философского знания. Все наши действия, таинства и поступки имеют единственную цель: прославление Бога и проникновение в священные тайны природы. Однако путь в святилище природы не прост; но, затратив труд, терпение и время, определенные законами нашего основателя, вы можете надеяться, что работа ваша увенчается успехом. Прежде чем облечься в священные одежды нашего ордена и стать одним из его членов, повторяйте за мной, слово в слово, клятву, кою я требую от вас от имени Бога и всех наших братьев”.

Пока кандидат готовится произнести клятву, в чаше на алтаре загорается винный спирт; кандидат протягивает правую руку и, держа ладонь над чашей с пламенем, произносит следующую клятву: “Обещаю, присягаю и клянусь никогда не открывать тайн, доверенных мне в этом храме, и слепо подчиняться моим начальникам”.

По знаку Досточтимого магистра на кандидата надевают талар, Досточтимый обвязывает талию кандидата голубым шнуром и вручает ему две пары перчаток[44], одну мужскую и

одну женскую; затем он объясняет ему значение этих вещей, а после показывает ему тайные знаки и называет тайные слова»[7].

В ложу египетского ритуала вступили едва ли не все значимые лица в городе: граф Медем с братом Отто фон Медемом, старший сын Отто фон Медема, доктор Либ, нотариус Хинц, скептик и надворный советник Швандер, обербургграф фон Ховен. А также прекрасные дамы: госпожа Гротхаус и ее кузина госпожа Кайзерлинг, Луиза — кузина Элизы фон де Реке, и, разумеется, сама Элиза. В результате в женской ложе дам-основательниц оказалось едва ли не больше, чем простых членов. Но это никого не смутило, тем более что роль великой магистрессы, как всегда, исполняла Серафина, а ей знатное окружение чрезвычайно льстило. На заседания ложи графиня Калиостро являлась во всем блеске, затмевая даже сверкавшие разноцветными камнями одежды супруга. Надо сказать, постоянное присутствие Элизы рядом с Калиостро начинало раздражать Серафину. Баронессу фон дер Реке нельзя было назвать красавицей, ростом она значительно превосходила магистра, однако Серафина заметила, что Джузеппе все чаще бросал на нее отнюдь не равнодушные взоры. Говорят, в Митаве между супругами произошла бурная сцена ревности, во время которой графиня заявила мужу, что таким старым толстяком, как он, могут прельститься только уродливые мегеры. Неизвестно, ответил ли Калиостро супруге в том же духе, намекнув на ее более чем братские отношения с фон Ховеном; известно только, что его попытка добиться милостей от своей главной почитательницы провалилась. Уговаривая молодую баронессу уступить, он сулил ей узнать у духов о потусторонней судьбе ее любимого брата Фридриха и обещал провести ее по всем ступеням посвящения и наделить едва ли не тем же могуществом, каким обладал он сам. Посулы не помогли: Элиза магу отказала и упрекнула его в шантаже. Калиостро разозлился, но на следующий день прислал баронессе письмо, поздравив ее с успешно пройденным искусом, которому он ее подверг по велению высших сил, кои теперь неотрывно наблюдают за ней. Скорее всего, письмом этим он потешил собственное уязвленное самолюбие.

От ухаживаний магистра и его откровенных предложений у Элизы голова шла кругом: с одной стороны, внимание его льстило ей, но с другой — его брутальная мужская сила напоминала ей бывшего солдафона-супруга. Но если тот умел изъясняться только языком плацдарма, то загадочные речи магистра, его голос, становившийся на удивление проникновенным, заставляли дрожать глубинные струны ее души.

Однако черная тень брата Фрица не давала ей покоя, необходимого, чтобы разобраться в собственных чувствах: она ужасно боялась, что брат, возможно, ушедший из жизни добровольно, попал в ад. И отказав магистру, она продолжала требовать от него чуда. Впрочем, и другие члены Египетской ложи тоже намекали, что хорошо бы магистру явить какое-нибудь чудо, дабы они бесповоротно уверовали в его могущество. Едва скрывая досаду и на отказавшую ему баронессу, и на жаждущих чудес «братьев», а особенно «сестер», Калиостро со свойственной ему экспрессией пускался в рассуждения о подвластных ему таинственных силах, позволявших совершать путешествия на иные планеты, ибо, как известно, Христос, Моисей и Илия создали множество миров. «Мои верные последователи, — Калиостро выразительно смотрел на Элизу, — также смогут путешествовать по иным мирам. Они познают вселенскую мудрость и обретут вечное блаженство». Магистр любил говорить о египетских богах и их волшебном зелье, с помощью которого они овладевали смертными женщинами; отпрыски, рожденные от такого союза, являлись теми избранными, кому боги поверяли свои тайны. Выдержав паузу, загадочным тоном граф сообщал, что присутствующим выпало счастье встретить избранника богов. Чопорные курляндские аристократы в недоумении переглядывались. Однажды, после одной из подобных речей, Элиза принялась умолять Калиостро назвать ей слово-ключ, способное открыть перед ней врата герметизма, дабы ее душа могла слиться с душою брата. Вместо ответа магистр затопал ногами и закричал, что она находится под влиянием злых духов, намерения ее корыстны, а посему она этих знаний недостойна… пока не очистит свои мысли от скверны, неожиданно тихим, шипящим голосом заявил он и, тряхнув тяжелой гривой волос, перевитых зеленой лентой с вышитыми на ней золотыми скарабеями, покинул зал. От любви до ненависти… В тот вечер из комнат, занимаемых графом и графиней Калиостро, долго доносились громкие голоса, удары и звон разбиваемой посуды. На следующий день слуга, подбирая осколки, слышал, как Калиостро уговаривал своего лакея принять в подарок баночку целебной мази, от которой синяки пройдут моментально, словно их и не было.

Решив наконец показать свою власть над природой, Калиостро устроил небольшой алхимический сеанс: нагрел брусок свинца, посыпал его волшебным порошком, потом расплавил брусок и вылил расплавленный металл на поднос, где вскоре застыла крохотная серебряная лужица. Зрители восхитились, но сомнения явно продолжали их грызть. А

Калиостро уже объявлял о следующем чуде: он готов связаться с духами. Только в качестве медиума ему понадобится невинное дитя, послушное и в нежном возрасте, а именно лет шести-семи. Выбор пал на племянника Элизы, младшего сына ландмаршала фон Медема.

В соответствии с ритуалом юных медиумов, как мальчиков, так и девочек, или, как называл их Калиостро, «голубков» и «голубиц» (colombe), «воспитанников» и «воспитанниц» (pupille), начинали готовить к сеансу накануне. «В день накануне прорицания надобно велеть отроку опуститься на колени, затем возложить левую руку ему на голову, а потом, взяв в правую руку меч, трижды коснуться его мечом: сначала правого плеча отрока, потом левого плеча отрока, а затем его головы. После следует обдуть ему лицо и велеть ему поручить себя Предвечному, а также велеть ему хранить свою невинность, полагаться на величие и доброту Бога и на могущество Великого Кофты. После наставления Магистр или Магистресса нежно целует голубка в лоб. Таким образом Магистр или Магистресса совершают мистическую жертву, посвящая нежное создание Предвечному»[8]. Накануне или непосредственно перед сеансом магистр нередко давал «голубкам» что-то выпить, скорее всего какое-то одурманивающее средство.

Интересно, что в 1843 году некий санитарный инспектор Анри признался, что в десятилетнем возрасте он несколько раз побывал Калиостровым «голубком». Анри утверждал, что никаких фокусов магистр не проделывал, но после сеанса он всегда все забывал. Очевидно, Калиостро умел погружать детей в состояние гипноза[9]. Впоследствии Калиостро станут упрекать за «нежный поцелуй», обвинят в попытках соблазнения невинных «голубков», в излишней чувственности и даже в «нетрадиционной ориентации». Впрочем, есть и противоположное мнение, утверждающее, что магистр отличался исключительной фригидностью: занятия магией буквально высасывали из него все силы, поэтому он даже на измены Серафины смотрел сквозь пальцы. Но это из области догадок.

В тот вечер Калиостро отступил от ритуала. Попросив гостей посторониться, он подошел к мальчику и, делая руками пассы над его головой, одновременно принялся нараспев читать псалмы Давида. Потом он взял ребенка за руку, вывел на середину гостиной и, усадив на стул, шпагой очертил вокруг стула круг, велев зрителям ни в коем случае не переступать его границу, иначе духи, которые станут отвечать устами ребенка, не явятся на его зов. Ставший неожиданно мелодичным голос магистра звучал с переливами, словно убаюкивал испуганного ребенка. Затем, не

прерывая речитатива, он помазал мальчику лоб маслом мудрости (по предположениям, опиумным маслом или смесью опия с оливковым маслом). Вскоре детское лицо словно подернулось туманом, и Калиостро, не переставая гладить ребенка по голове, попросил задавать вопросы. Не желая пугать мальчика, Медем захотел узнать, что сейчас делают его оставшиеся дома жена и дочь. Склонившись к ребенку, магистр повторил вопрос (во всяком случае, всем так показалось), а потом, произнеся каббалистические слова Мелион, Гелион, Тетраграмматон[45], приказал «голубку»: «Говори!» Помедлив, отрок сообщил, что сестра его прижала руки к груди, а потом вместе с матерью бросилась обнимать старшего брата Шарля. А так как все знали, что старший сын ландмаршала находится в военном лагере, расположенном более чем в семи милях от города, то домой к нему немедленно послали нарочного, дабы узнать, что там происходит. И каково же было всеобщее удивление, когда нарочный вернулся и сказал, что сын Медема действительно только что приехал из лагеря повидаться с родными! Звезда Калиостро вспыхнула ярким светом, затмив все прочие звезды. А Элиза окончательно поверила, что Калиостро может устроить ей встречу с покойным братом.

Несмотря на размолвку, Элиза продолжала требовать от магистра явить ей Фрица; мысль о том, что брат ее пребывает в муках за прегрешения, совершенные, когда они были в разлуке, сводила ее с ума. Калиостро сдался. Однажды вечером он торжественно заявил, что сегодня перед сном Элиза должна прочитать специальную (магическую) молитву, дабы заснуть с ее словами на устах, и тогда, как сообщили ему духи, она увидит во сне брата и сможет спросить его обо всем, о чем захочет. В последнее время Элиза спала плохо, а услышав веление Калиостро, пришла в такое сильное волнение, что никакие молитвы не помогли и она всю ночь не сомкнула глаз. Измученная бессонницей, с покрасневшими глазами, она велела горничной поскорее одеть и причесать ее и помчалась к магистру. Упав в объятия оторопевшего Калиостро, она, не замечая насмешливого взора Серафины, с рыданиями умоляла магистра еще раз попросить духов послать ей сон, в котором к ней явится Фриц. Готовый пообещать все что угодно, лишь бы поскорее выпроводить непрошеную гостью, Калиостро сказал, что приедет к ней вечером и объяснит, какие слова ей следует говорить сегодня, ложась спать. Но и во вторую ночь Элиза не смогла заснуть. От величайшего нервного напряжения она не спала и третью ночь, но под утро, упав на кровать, проспала сутки без всяких сновидений. Бодрая и отдохнувшая, она после

пробуждения с новыми силами приступила к осаде магистра.

Пока баронесса фон дер Реке металась по кровати, безуспешно пытаясь заснуть, магистр размышлял, не пора ли ему покинуть гостеприимную Митаву. В маленьком городе, где каждый его шаг мгновенно становится известен, он не мог найти помощника, дабы исполнить фокус, которому научил его духовызыватель Шрепфер, и показать призрак злосчастного Фрица. Но, не поговорив с духом брата, назойливая девица не успокоится и может настроить против него общество. А если попробовать убедить ее, что время явления духа Фрица еще не пришло, и пригласить ее поехать с ним в Санкт-Петербург? Курляндская баронесса, рожденная в семье, обладавшей обширными связями, могла помочь ему проторить дорогу к императрице Екатерине и занять подобающее место в обществе. Он был уверен, что сумеет пробудить интерес Северной Семирамиды, надо только, чтобы его представили ко двору. Если русская императрица примет его, другие коронованные особы последуют ее примеру. В Берлине он пытался встретиться с прусским королем Фридрихом, но тот, хотя и числился братом-масоном, не только отказался его видеть, но и отозвался о нем весьма нелестно. Не привыкшему прощать обиды Калиостро пришлось стерпеть оскорбление. Но когда какой-то вельможа в его присутствии позволил себе пренебрежительно отозваться о его искусстве, Калиостро вызвал дух вельможи в цепях и железном ошейнике, после чего у обидчика весь вечер болело горло. Подобного рода рассказов о чародее Калиостро великое множество, но так как создавала их стоустая молва, отделить правду от вымысла можно только посредством логики и разума.

И все же Калиостро назвал своей неприступной почитательнице дату и время духопризывательного сеанса, во время которого высшие силы разрешат ему показать ей Фрица. На роль «голубка» снова был взят племянник Элизы. Живой и подвижный, мальчик во время сеансов становился на удивление послушным, а когда разговаривал с духами, голос его звучал совсем как у взрослого. Сеанс был обставлен необычайно торжественно. Всем членам Египетской ложи велели избавиться от металлических предметов, а потом провели в комнату, затянутую белой тканью с изображением масонских символов и египетских иероглифов. Дверь напротив вела в небольшое помещение, скорее всего чулан, также затянутый белым. Посреди чулана стоял стол, покрытый белой скатертью, и стул. На столе горели расположенные треугольником свечи, а в центре треугольника стоял белого стекла графин с водой. Рядом с графином лежала бумага с загадочными письменами, среди

которых выделялись три знакомые буквы: «Ф. ф. М.»: Фридрих фон Медем.

В масонском облачении и со шпагой в руке, Великий Кофта ввел мальчика в белую комнатушку и, совершив ритуал наложения рук и помазания маслом мудрости, плавно поманая шпагой, словно желая сконцентрировать мысли «голубка», в нескольких произнесенных нараспев словах изложил цель сегодняшнего обращения к духам. Затем он усадил мальчика на стул перед графином, закрыл дверь и повернулся лицом к собравшимся. «Воспитанник» остался один перед светящимся алтарем. Услышав перешептывания, магистр приятным мелодичным голосом затянул псалом Давида, взмахом шпаги предлагая зрителям последовать его примеру. Когда отзвучали последние слова псалма, Калиостро повернулся к двери и, пророкотав: «Мелион, Гелион, Тетраграмматон», громко спросил мальчика, не видит ли он в воде ангела.

— Да, я вижу ангела, — донесся из-за двери звонкий голос.

— Спроси у него, не может ли он показать тебе брата Элизы?

— Да, ангел его знает. Вот он, стоит в красном мундире и улыбается.

— А что он сейчас делает?

— Он прижимает руку к сердцу и смотрит на меня ласково.

Калиостро повернулся к баронессе.

— Твой брат на небесах, — торжественно заявил он, и возбужденная до крайности Элиза от восторга залилась слезами.

Когда сеанс закончился, она попыталась подробно расспросить племянника о Фрице, но Калиостро, увидев ее рядом с «голубком», сурово запретил ей приближаться к нему. «Мальчик ничего не помнит, — сказал он. — Ангелы являются к нему только во время сеанса, а потом духовные ворота закрываются, ребенок перестает их видеть и обо всем забывает. Задавая ему вопросы, вы заведомо провоцируете его на ложь».

Не все зрители верили в вызываемых Калиостро духов. Так как магистр заранее готовил «воспитанников» к сеансам, прошел слух, что он показывал детям картинки, которые потом прятал под тонкую скатерть или под графин, чтобы ребенок в нужный момент мог их описать, или даже сам отвечал за него, используя тщательно скрываемый дар чревовещания. В ответ возмущенный маг стал брать «голубков» буквально из толпы; единственным условием оставался их нежный возраст. В дальнейшем ему придется прибегать к услугам «голубок» постарше, и тогда единственным условием для них будет состояние девственности. Говорят, однажды Калиостро довелось работать сразу с пятью десятками девушек, хотя сие сомнительно. Духопризывательные

сеансы, любимый конек, на котором магистр въезжал в аристократические салоны, раз от раза становились разнообразнее. Если в Митаве ангелов и персон из потустороннего мира видели лишь «голубки», позднее в Версале зрители смогли увидеть оживших призраков, явившихся по зову магистра из иного мира[10].

Уговаривая Элизу отправиться с ним в Санкт-Петербург, Калиостро обещал ей покровительство всех планетарных ангелов: Анаила, Михаила, Рафаила, Гавриила, Уриила, Иобикаила и Анахиила. Предложение магистра показалось баронессе заманчивым: если она окажется под опекой столь высоких по чину небожителей, возможно, через их посредничество она сможет сама общаться с потусторонним миром. Видя, что девица готова уступить, магистр стал склонять на свою сторону отца Элизы. По наблюдениям Серафины, с некоторых пор граф фон Медем внимательно прислушивался к речам Калиостро и подмечал в них вздор, так что следовало немедленно вернуть его на стезю адепта. Улучив момент, Калиостро доверительно сообщил графу, что уже две недели он борется с черными духами, препятствующими ему поведать бывшее ему откровение. Откровение состояло в следующем: магистру открылось, что в лесу возле селения Вилце, подле фамильного имения Медемов, под корнями дуба шесть сотен лет назад зарыли бесценный клад. Помимо сокровищ там спрятаны древние рукописи, которые ни в коем случае не должны попасть в руки черных магов, иначе зло заполонит весь мир и никто не сможет его одолеть. В подтверждение своих слов Калиостро немедленно набросал на бумаге небольшой лесок с огромным дубовым пнем на поляне, окруженной зарослями берез, осин и разношерстного подлеска. На другом листке магистр нарисовал графский дом. От изумления фон Медем не знал, что сказать, ведь приезжий чародей никогда не бывал в его родных краях! Видя произведенный его рисунками эффект, Калиостро многозначительно произнес: «Срединные духи, коими я повелеваю, мыслию перенесли меня в тот край». (В своей книге Элиза напишет, что магистр либо посылал в Вилце лазутчика, либо незаметно выведал у ландмаршала все о расположении вилценского имения.) Выдержав паузу, магистр уже хотел предложить Медему организовать экспедицию в родовое владение, как тот сам заговорил об этом. Предложение съездить в Вилце и выкопать клад с энтузиазмом встретили и брат графа, и все дамы семейства Медем, включая Элизу. Успокоившись относительно потусторонней участи Фрица, молодая баронесса постепенно возвращалась к делам земным и как-то раз даже

попросила Калиостро раздобыть для нее алхимическим способом некую сумму, необходимую ей для улаживания семейных дел. Узнав, что деньги нужны Элизе не для благотворительности, магистр ответил, что Небо «конечно, может дать денег, и даже много, но прежде, следуя примеру Христа, надобно научиться сопротивляться искушениям сего суетного мира». Поэтому, узнав о кладе, Элиза пришла в восторг и стала торопить отца и дядю.

В конце апреля 1779 года две дорожные кареты, в которых разместились граф фон Медем, его нынешняя молодая супруга (третья по счету), ландмаршал Медем, обербургграф фон Ховен, Калиостро, Серафина и Элиза с маленьким племянником, покатили по земгальским землям. Серафина с супругом ехали в разных каретах, однако оба выглядели вполне довольными. Всю дорогу, занявшую целый день, ибо колеса тяжелых карет то и дела увязали в грязи, магистр, сверкая глазами, рассказывал, как его Египетское масонство, привлекая к себе все новых и новых адептов, в конце концов объединит человечество и поможет ему вновь воссоединиться с Богом. Или что-то в этом роде…[46] А потом переводил речь на поездку в Санкт-Петербург и убеждал Элизу, что ее демарши перед русской императрицей пойдут на пользу прежде всего Курляндии, ибо просвещенная императрица обратит свой великодушный взор не только на Калиостро, но и на герцогство. Элиза пребывала в растерянности: с одной стороны, поездка могла благотворно подействовать как на нее саму, так и на будущее устройство Курляндии, а с другой — ехать придется с супругой мага, а та того и гляди выцарапает ей глаза. И так она уже смотрит на нее зло и старается обойти стороной. Обидно, ибо как мужчина граф Калиостро нисколько не привлекал Элизу. Но если им придется ехать в одной карете, ночевать в одних и тех же гостиницах… кто знает, что может случиться. После бегства от супруга Элиза твердо решила, что сама будет выбирать себе мужчин; зачем только Калиостро со своими предложениями опередил ее… Ладно, сначала пусть он найдет клад, а потом она посмотрит.

Но, может, все было иначе. Баронесса фон дер Реке говорила, что, подготавливая детей к сеансам, Калиостро запугивал их и одновременно обещал осчастливить и их самих, и всех их родных…[11] Поэтому в Вилце граф Калиостро ехал в карете не с Элизой, а со своим «голубком» и ландмаршалом. Когда последний задремал, а потом и захрапел, магистр принялся наставлять мальчика, что ему делать и что говорить, когда они прибудут на место — к старому-престарому, поросшему мхом дубовому пню с толстыми, выступающими над землей корнями, расползающимися в разные стороны, словно змеи из гнезда.

Возможно, даже пригрозил, что корни задушат его, если он сделает не так, как ему велят. А в случае успеха пообещал новый мундирчик (и слово сдержал). Или что-нибудь в этом роде. Элиза отмечала, что Калиостро угощал «голубков» чем-то сладким.

Таланты «голубка» понадобились магу не сразу. В ближайшие пару дней, благо погода способствовала, Калиостро кружил вокруг пня, читая нараспев какие-то непонятные тексты из потрепанной тетради, куда не давал никому заглядывать. Как и все итальянцы, он был очень музыкален, и, стоило ему начать напевать, как слушательницы были готовы простить ему любую чушь. Серафина гуляла вместе с дамами в рощице; время от времени дамы выходили на поляну к старому пню и наслаждались Калиостровыми распевами. Серафина узнавала сицилийские мелодии, которые во множестве знал ее супруг, обладавший прекрасной памятью; разумеется, она об этом никому не говорила.

Через пару дней Калиостро известил общество, что ему удалось прогнать духов зла, и теперь с помощью «голубка» они могут проверить, на месте ли клад. К счастью, в Вилце установилась прекрасная погода, и все под предводительством Калиостро радостно отправились к пню. Там магистр, как обычно, совершил пассы и помазание отрока, а потом попросил его закрыть глаза, дабы яркий солнечный свет не отвлекал его.

— Я расчистил путь ангелам света, — пояснил Калиостро, — и теперь он увидит их внутренним взором.

Вытянув вперед руки, «голубок» подошел к пню с той стороны, где у подножия выгорела большая дыра, и, устремив руки в сторону этой дыры, стал совершать движения пловца, рассекающего волны.

— Что ты видишь? — замогильным голосом спросил Калиостро.

— Вижу длинный-предлинный коридор, в конце его что-то блестит. Я иду туда, иду, вот я уже в пещере. Там на золотых слитках сидят и ждут меня ангелы в одеждах с крестами, они протягивают ко мне руки и хотят обнять меня.

— Обними же их и поцелуй! — велел Калиостро.

Мальчик задвигал руками, словно по очереди обнимал семь человек. Одновременно в воздухе послышались звуки поцелуев.

— Что говорят ангелы? — спросил Калиостро.

— Они показывают мне пожелтевший пергамент, исписанный какими-то значками, — отвечал «голубок». — Они говорят, что Великий Кофта должен его спасти от демонов, не дать им раскрыть содержащиеся в нем тайны.

Неожиданно мальчик задрожал, заплакал, замахал руками и закричал:

— Они улетают, они улетают! Потолок дрожит, с него падает земля!

— Открой глаза! — приказал ему Калиостро и, подтолкнув ребенка к отцу, схватил шпагу и принялся яростно ею размахивать. — Бегите прочь! Злые силы вернулись! Ангелы обрушили клад в центр Земли! — закричал он, обращаясь уже ко всем, и запрыгал, звучно топая сапогами по земле и выкидывая вперед руку со шпагой, словно поражая невидимого противника.

Неожиданно из-под корней раздался громкий хлопок, запахло гарью, и зрители в ужасе бросились прочь. Серафине очень хотелось остаться: она не подозревала, что ее располневший лысеющий супруг может так скакать. А злые силы… они, видимо, не рассчитали пороховой заряд.

Общество вернулось в замок; примерно через час к нему присоединился покрытый копотью Калиостро. Он рассказал, что стал свидетелем битвы за клад между темными и светлыми силами. Светлые ангелы отстояли клад, но им пришлось сбросить его в самый центр Земли. Когда угроза похищения минует, они вновь поднимут клад на поверхность, и тогда он, Калиостро, его непременно достанет. На вопрос, как скоро ангелы поднимут клад, магистр не ответил, а лишь презрительно пожал плечами. Еще Калиостро сообщил, что ему удалось удержать духов под землей, иначе, если бы они вырвались на поверхность, и дом, и лес, а может, и сама Митава были бы сметены с лица земли. Дамы всплеснули руками и заохали. А Элиза окончательно решила, что не поедет с магистром в Санкт-Петербург. Вдруг злые силы будут его преследовать?

Последние две недели в Митаве Калиостро не устраивал ни духовидческих сеансов, ни показательных выступлений в лаборатории; он занимался изготовлением эликсира про запас, уделяя малую толику Серафине, выгодно сбывавшей его страждущим омолодиться дамам. С Элизой Калиостро виделся редко, при встречах холодно кивал в ответ на церемонный поклон. Однажды баронесса сама заговорила с ним: она напомнила, что хотела бы перейти на следующую ступень посвящения, на что Калиостро ответил: «Боюсь, вами движет не искреннее стремление к истинному знанию, а тщеславие. Но любопытство, тщеславие и жажда власти могут стать причинами несчастий, и не только нынешних, но и грядущих. Если вас толкает в мистицизм иное желание, нежели делать добро, лучше не ходите туда». Вскоре Элиза принесла ему нитку крупного жемчуга и попросила увеличить его, но Калиостро отказался,

сославшись на занятость. Истинная же причина отказа заключалась в том, что он узнал жемчуг: однажды он уже «увеличивал» его в Лейпциге. Но подношения фон Ховена (800 дукатов и перстень с алмазом), равно как и некой знатной особы принял с чистой совестью…

Накануне отъезда Калиостро устроил прощальный сеанс общения с духами, на который специально пригласил Элизу. «Голубок» сидел за занавеской, глядя на прозрачный шар, наполненный водой, а Калиостро стоял в магическом круге. Неожиданно он подошел к Элизе, взял ее за руку, ввел в круг и, не отпуская руки, спросил у мальчика, что он видит перед собой. Тот ответил, что видит деву, похожую на Элизу, с часами в руках, стоящую на коленях перед Калиостро; затем появился ангел в белом плаще с золотой короной на голове и красным крестом на груди. Калиостро попросил мальчика спросить имя ангела, но тот ответил, что ангел забыл его. Тогда Калиостро произнес несколько слов на непонятном языке и вывел Элизу из круга.

Прощаясь после сеанса с собравшимися, магистр задумчиво произнес: «Один из вас станет для меня Иудой. Но я не открою вам его имя… Рыцарь не назвал своего имени, значит, и вам не надобно знать ничьих имен… Я буду за него молиться, а вы молитесь за меня…»

Из Санкт-Петербурга Калиостро написал Элизе:

«Любезная дочь и сестра!

Из сего вы можете видеть, сколько я вас почитаю; ибо я еще никогда к женщинам не писал. Сии суть первые узы, которые я разрываю ради вас, для того единственно, что я вас высоко почитаю. Другие доставят вам сведения о моих действиях. Между тем, дорогая моя! Не забывайте моего совета и братской любви. Молчание может поставить вас на истинный путь сих савских жен и соединить со славою небес, так что вы всякие труды с превеличайшим удовольствием сносить будете. Сим способом узнаешь ты, любезная сестра, что я всегда тот же для тебя и употреблю всевозможное старание, чтобы тебе угодить. Но я еще тебе повторю, что молчание всего на свете лучше.

Между тем даю вам завет ко всей ложе братьев и сестер, что я надеюсь вскоре самолично их облобызать; а особливо вашего любезнаго родителя и родительницу и сестру, которым вы можете сделать то, что сердце ваше вам велит.

Еще я возлагаю на вас молиться обо мне великому Богу, ибо я вижу себя окруженным неприятностями и горестями преисполненным, вместе с супругою моею, вашею любезною сестрою.

Теперь я не могу более ничего вам сказать, но буду говорить

впредь. А в заключение объявляю почтение от жены моей как вам, так и братьям всем и сестрам. А чтоб не быть слишком велеречиву, оканчиваю письмо сие и в сердце вас объемлю, равно как и всех братьев и сестер.

Ваш навсегда, который сердечно вас любит».

Внизу вместо подписи шли подчеркнутые тремя чертами цифры: 1255, в сумме дающие магическое число 13, и росчерк в виде перечеркнутой буквы Z[12].

На каких врагов, на какие неприятности намекал Калиостро своей — в то время еще верной — поклоннице Элизе фон дер Реке? Впрочем, верность магистру Элиза будет хранить недолго. Когда в 1780 году Калиостро проследует из Санкт-Петербурга в Варшаву, не заезжая в Митаву, где Элиза будет ждать его вместе с другими почитателями, уверенными, что он приедет и поселится среди них навсегда (возможно, даже займет место герцога Курляндского!), баронесса фон дер Реке затаит обиду на магистра. Так что, когда спустя два года Элиза встретит в Санкт-Петербурге яростного противника Калиостро князя Понинского, она с готовностью выслушает все гадости, которые князь наговорит ей, и, вернувшись домой, начнет собирать «компромат» на того, кого еще недавно превозносила до небес. Результатом сей работы станут упомянутое выше «Описание…» и несколько статей в берлинских газетах, разоблачающих Калиостро как эмиссара иезуитов. Действительно, от любви до ненависти…

Впрочем, благодаря книжке фон дер Реке митавский период жизни Калиостро оказался одним из наиболее известных. А что касается его романа с Элизой, то здесь каждый может дать простор собственной фантазии, ибо во время визита Калиостро в Митаву баронесса фон дер Реке пребывала в состоянии крайнего нервного возбуждения, а «Описание…» создано значительно позже, на холодную голову. И хотя Элиза выстроила ее в форме комментария к собственным юношеским восторгам, истины о себе она могла и не рассказать…

«— В какую игру играешь? — В жмурки. — Малые дети играют? — И малые, и большие. — Каковы те большие дети? — Те, кои, беспрестанно обманывая других, многократно сами в обман вдаются» (Екатерина II).

«…Вступил в масоны — по любопытству и тщеславию; роботы в них почитал игрушкою; брат в воображении, а в существе вельможа; для человека, некоторые понятия в науке имеющего, все в масонах наших деяние кажется игрою невеликого разума или по

крайней мере мне казалось игрой людей, желающих на счет вновь приемлемого забавляться, иногда непозволительно и непристойно» (И. П. Елагин).

В июне 1779 года граф и графиня Калиостро прибыли в Санкт-Петербург и поселились в самом центре города, на Дворцовой набережной. Восхищенный Зимним дворцом работы Растрелли, Калиостро про себя посетовал, что неподалеку от такого великолепия находится темница Петропавловской крепости. «Почему великим государям непременно нужны бастилии?» — думал он, и по спине его бежали мурашки. Правда, бастилия Северной Семирамиды была не столь устрашающа и производила впечатление скорее обширной пустоши, обнесенной издали кажущейся невысокой стеной. И над этой стеной возвышались не мрачные башни, а изящный золоченый шпиль храма Святых Петра и Павла. Странной северной ночью, когда все видно как днем, Калиостро, созерцая крепость и устремленные в небо остроконечные навершия храмов, вряд ли мог предполагать, что спустя десять лет служители другого храма упрячут его в свою бастилию. Ибо не было ни единой малости, с помощью которой духоповелитель Калиостро мог бы провидеть собственное будущее.

Для вящей презентабельности Калиостро решил использовать патент полковника (он все еще питал слабость к этому чину) испанской службы графа Феникса (сохранившийся у него со времен дружбы с проходимцем Альято); Серафина же, не отставая от мужа, утверждала, что происходит из графского рода Санта-Кроче. Супругам казалось, что чем больше звонких титулов, тем легче завоевать здешнее общество. А чтобы вернее войти в местный масонский круг, Калиостро привез с собой рекомендательное письмо от фон Ховена к его земляку и масону Карлу Генриху Гейкингу, служившему в то время в императорской гвардии.

«Около этого времени в Петербург прибыл известный Калиостро, прямо из Митавы, где он всем вскружил голову. От фон-дер-Ховена он имел ко мне рекомендательное письмо, которое непосредственно по своем приезде мне передал. Так как он заговорил на плохом французском языке, то я ответил ему по-итальянски. Его речь на этом языке и выражения, которые он употреблял, свидетельствовали о человеке низкого происхождения и весьма малого образования. Он пригласил меня посетить его жену, графиню, которую он называл гроссмейстериной ордена “de l’Adoption”. Дорогой он мне

сообщил, что графиня, его жена, — урожденная княжна della Croce, и нахвастал массу вздору, не хуже клоуна ярмарочной труппы.

Жена его по внешнему виду была особа перезрелая, красноватые глаза ее свидетельствовали о пролитых слезах, а осанка ея и речь, менее вульгарная, чем у мужа, выдавала одну из тех жалких комедианток, которых заставляют плясать против воли.

— Обними, — закричал он ей исступленным голосом, — этого именитого брата; он нашего ордена!

После короткого обычного разговора К сказал:

— Я приехал для того, чтобы видеть великую Екатерину, эту Семирамиду севера, и чтобы распространить великий (он особенно любил употреблять слово великий) свет здесь, на востоке. Воспитанный в пирамидах Египта, я получил сокровенныя науки и состою главой князей Р*** Л***

Он поднялся, показал мне звезду и красную чалму.

— Вот знаки моего звания, — сказал он.

Я посмотрел на звезду; это была просто звезда ордена Станислава, с которой был снят шифр короля, а на место его была вставлена красная роза. Я позволил себе заметить, что это была Станиславская звезда, если не считать только розы. Он как будто слегка замешался, но скоро оправился.

— Вы правы, — сказал он. — В действительности мне ее дал брат Г***, так как мою звезду у меня дорогою украли. — Знаете ли вы это? — произнес он тоном насмешливого превосходства.

В руках у него был лист бумаги, покрытый каббалистическими иероглифами, подобными тем, которые я видел у алхимиков Бернарди, Дету, Шлиха, Пуца и др.

— Мне неизвестно значение этих иероглифов, — сказал я, взглянув на лист, — но если вы желаете, я вам принесу завтра десяток таких листов, из которых вы так же, как и я, ровно ничего не поймете.

— Я прощаю вам, — возразил он, приняв оскорбленный вид, — ваше неверие и ваше невежество. Несмотря на ваше звание франкмасона, вы еще дитя в ордене. Но если бы я захотел, — прибавил он тоном настоящего ярмарочного крикуна, — я бы мог привести вас в дрожь.

— Быть может, если бы вы напустили на меня лихорадку.

— Что такое лихорадка для графа Калиостро, который повелевает духами! Разве ваш друг Ховен вам ничего не написал о моем могуществе?

— Ни одного слова…

— Так знайте же…

Здесь нас прервал вошедший слуга испанского поверенного в делах, который просил господина Калиостро, испанского подданного, сейчас же к нему явиться. Слова так и замерли на устах Калиостро. После того, несколько оправившись, он сказал мне, но уже не голосом вдохновеннаго:

— Что хочет от меня этот маленький поверенный в делах, с которым я ничего не имею общего? Я отправлю его (Калиостро употребил итальянское выражение гораздо более сильное, которое воспроизводить неудобно) на все четыре стороны…

— Не советую вам этого делать, он может спустить на вас полицию.

Калиостро ответил посланному, что он придет к поверенному в делах на другой день, а меня просил остаться у него обедать, так как было уже около часу. Я принял предложение, ибо меня забавляло ближе ознакомиться с человеком, который казался бессовестнейшим и невежественнейшим шарлатаном. Начатая нами беседа обнаружила, например, что у него ни одной здравой мысли не было ни о физике, ни о химии.

— Химия, — сказал он, — глупость для того, кто знает алхимию, а алхимия — пустяк для того, кто властвует над духами. Что касается меня, то у меня есть и золото (он ударил по карману, где были дукаты), и брильянты.

При этом он показал кольцо с маленьким, весьма плохо оправленным брильянтом.

— Но все это я презираю и счастье мое нахожу в том духовном могуществе, которое имею над существами. Я представляю первую ступень сверхчеловеческую; души умерших я заставляю, путем заклинаний, являться и отвечать мне на мои вопросы.

Я не мог удержаться, чтобы не усмехнуться.

— Я не сержусь на ваше неверие, — сказал он, — вы не первая крепкая голова, которую я подчиню и обращу в прах. Кого из ваших умерших родственников вы желаете видеть?

— Моего дядю, но с одним условием.

— Каким?

— В ту сторону, откуда покажется дух, я буду иметь право выстрелить из пистолета. Так как это будет лишь дух, то никакого вреда я ему причинить не могу.

— Нет, вы чудовище! Я вам никогда ничего не покажу; вы этого недостойны.

С этими словами он бросился в соседнюю комнату. Жена его, делая вид, что испугана, сказала мне, что его гнев приводит ее в трепет.

— А меня смешит; все это может пугать лишь детей.

Он отсутствовал в течение нескольких минут, затем вернулся с ясным выражением лица.

— Он храбр, — сказал он про меня. — Я его испытал и вижу, что он храбрый мужчина.

Он, казалось, был от меня в восхищении и сказал мне:

— Со временем вы узнаете, что такое граф Калиостро и каково его могущество.

После этого он со мною о духах уже не говорил.

На другой день он отправился к г-ну Нормандесу, испанскому поверенному в делах, который обошелся с ним как с проходимцем и запретил называться испанским графом и полковником испанской службы. Но Калиостро сумел привлечь на свою сторону графа Мелиссино, кавалера С*** и многих других, пока, наконец, не сняли с него личины и не приказали убраться из Петербурга.

Помощью какого наваждения этот человек расположил к себе во время пребывания в Митаве большинство курляндского дворянства? Граф Медем, его дочь госпожа фон дер Реке, фон-дер-Ховен и многие другие считали его высшим существом. Эта нравственная слепота необъяснима; но это было безумием того времени, подготовившим и другие глупости. Самое вздорное мнение, становясь всеобщим, смущает надолго разум и здоровое суждение»[13].

Визит Гейкинга явился своего рода моральной пощечиной магистру. Но если презрение родовитого дворянина к простолюдину Калиостро можно объяснить, то как объяснить столь нелестный отзыв барона о Серафине? Многие современники сомневались в ее скромности, однако в привлекательности супруге магистра никто не отказывал. «Она была молода, среднего росту, круглолица, бела, не худа, не толста, нежна, трогательна и приятна в походке и физиономии — одним словом, легко могла возбуждать страсти»[14]. Тем более что большинство в один голос утверждает, что на нее положил глаз сам всесильный фаворит Екатерины князь Григорий Потемкин, и полагает, что именно увлечение Потемкина прекрасной графиней стало причиной изгнания Калиостро, ибо Екатерина приревновала своего фаворита. Но некоторые считают, что мадам Калиостро никак не могла стать причиной неудачного конца петербургского путешествия магистра, так как императрица «всегда относилась снисходительно к любовным капризам самого капризного и вечно увлеченного» фаворита. Одни говорят, что Потемкин заплатил Калиостро, чтобы тот закрыл глаза на его интрижку с графиней, другие — наоборот, Екатерина дала 20 тысяч рублей магистру, чтобы он увез жену из России. Есть авторы, уверенные, что

Екатерина сама вызвала Серафину в Царское Село, чтобы посмотреть на конкурентку, и, посчитав ее опасной, дала ей 30 тысяч рублей и приказала немедленно убираться вон[15]. А Потемкин якобы предложил красавице деньги взять, но Петербург не покидать… Даже если приведенные версии вымышленные, они свидетельствуют о том, что Серафина в то время была очень привлекательна.

Из сферы домыслов и слух о том, что Калиостро, желая убедить Потемкина в своих магических способностях, предложил увеличить втрое его золотой запас. Князь согласился пожертвовать на опыт изрядную сумму, как говорят, исключительно из симпатии к графине Калиостро. Вряд ли он доверил все свое состояние иностранцу, которого считал проходимцем. Супруг графини поколдовал над золотом, и его якобы стало втрое больше. Изумленный Потемкин отдал магистру честно заработанную треть. Гораздо более правдоподобным кажется утверждение, что Калиостро посоветовал Потемкину использовать для пуговиц на мундирах красную латунь вместо рассыпавшегося на морозе олова. Впрочем, есть мнение, что он лишь обещал Потемкину изобрести новый сплав для пуговиц, но обещания не сдержал[16].

С самого начала в Санкт-Петербурге у Калиостро все пошло вкривь и вкось. Нормандес не только запретил Калиостро именоваться испанским графом и полковником, но и зловеще напомнил о злосчастной трости с алмазами, обманом увезенной «полковником Пеллегрини» из Кадиса[47]. Открыть масонскую ложу египетского обряда надежды не было никакой. Положение здешних масонов оказалось далеко не таким прочным, как Калиостро казалось издалека. Императрица не слишком благоволила к вольным каменщикам; скорее, она их просто терпела. Иван Перфильевич Елагин, государственный деятель, управлявший театрами при Екатерине II, масон, занимавший пост провинциального великого магистра, поклонник магических талантов Калиостро, в чьем доме в Петербурге магистр устраивал духовидческие сеансы и даже жил некоторое время, полагал, что императрица неправильно поняла главную заповедь масонов «познай самого себя». Она посчитала ее за эгоизм, в то время как там эгоизма нет, ибо цель масонов — «исправлять самих себя, а своим примером и прочих, вне нашего общества находящихся, приводить к познанию добродетели. […] Наш орден есть средняя линия между религией и гражданским законом. Тот, кто с нами соединится, обязан все должности, налагаемые на него духовною и светскою властью, исполнять во всей точности, а не по единой токмо наружности»[17]. Но речь шла отнюдь не о понимании

масонского кредо, а о политике. Как подчеркивают историки, есть много косвенных свидетельств, указывающих на то, что цесаревич Павел Петрович тайно вступил в ложу между 1777 и 1779 годами[18]. Екатерина же, пришедшая к власти путем переворота, устранившая с пути супруга и отстранившая от власти сына, очень боялась заговора, направленного против ее персоны. А так как главным атрибутом масонских практик была тайна, то, разумеется, вольных каменщиков можно было заподозрить в любой заговорщической деятельности. За таинственные обряды и тайные собрания монархи не жаловали масонов и одновременно их боялись. Просвещенный абсолютизм противился всему, что не подчинялось его контролю. Правда, если верить Каде де Гассикура, «среди монархов масонов не боялись только Фридрих и Екатерина»; но он мог ошибаться.

Не сумев отличиться на масонском поприще, Калиостро начал давать сеансы магии, алхимии и вызывания духов. Это известие быстро распространилось по всему Петербургу; магистру даже не пришлось рекламировать себя в «Санктпетербургских ведомостях», как это делали тогдашние артисты: «Еквилибрист и кунстшпилер Гейльман объявляет, что ежели господа пожелают видеть его искусства, могут призывать его к себе, а он живет по Вознесенской улице, в угловом доме вдовы Вернеръ»[19]. Сначала граф проводил опыты во дворце своего нового друга Елагина. Островное местоположение дворца (впоследствии остров получил название Елагина) особенно нравилось магистру, так как вода издавна считалась прекрасным проводником для астрального света, равно как и великолепным медиумом. Выступления Калиостро проходили в самом дворце (до нашего времени не сохранившемся) и в принадлежавшем к дворцовому комплексу павильоне Ротонда (Под флагом). Говорят, после одного из сеансов, на котором присутствовало немало членов масонских лож Петербурга, Калиостро под страшным секретом сообщил, что, как поведали ему духи, под фундаментом Ротонды сокрыт саркофаг Гомера и бесценные древние рукописи. Начать работы по извлечению саркофага никто не рискнул; а может, просто по обыкновению «долго запрягали», то есть собирались, и в конце концов хозяин дома велел засыпать подвал — чтобы соблазну не было… В наши дни во время реставрации дворцовых построек подвал расчистили и нашли сосуды неизвестного предназначения, но обещанного Калиостро клада не обнаружили. В этой истории наиболее интересно то, что Калиостро, точно уловив настроения тогдашних русских масонов, занятых духовным строительством, поисками истины и путей к нравственному совершенствованию, посулил им клад, имевший

не материальную, а исключительно духовную ценность…

Демонстрируя свои алхимические таланты, Калиостро превзошел самого себя: выращивал светящийся камень, о который на глазах у зрителей зажигал свечи, превращал железо в золото, а свинец в серебро. «У княгини Волконской вылечил больной жемчуг; у генерала Бибикова увеличил рубин в перстне на одиннадцать каратов и, кроме того, изничтожил внутри его пузырек воздуха; Костичу, игроку, показал в пуншевой чаше знаменитую талию, и Костич на другой день выиграл свыше ста тысяч; камер-фрейлине Головиной вывел из медальона тень ее покойного мужа, и он с ней говорил и брал ее за руку, после чего бедная старушка совсем с ума стронулась… Словом, всех чудес не перечесть…»[20] Неискушенные зрители платили за билет, всплескивали руками от восторга, но не более того. Хотя, говорят, одному князю он предсказал отставку, а девице какой-то и вовсе смерть. Однако к императрице его так и не пригласили. Полагают, что выступал Калиостро вплоть до самого отъезда: «В ноябре, по вечерам, четыре раза в неделю давал представление итальянец Пинчи, или, вернее, Калиостро, в доме Перкинса, на углу Невского и Адмиралтейского проспектов, не уехавший еще из Петербурга»[21]. Видимо, эти представления приносили ему существенный доход.

Не желая уподобляться банальным «еквилибристам и кунстшпилерам», явившимся в Петербург поймать за хвост Фортуну, Калиостро попытался отыграться на поприще целительства. К роли эскулапа он готовился давно: толпа страждущих у дверей дома парижского целителя прочно засела у него в памяти. А в Митаве он успел приготовить кое-какие снадобья, которые и привез с собой. Магистр брался исцелять любые недуги, причем денег с несостоятельных больных не брал, а даже наоборот, помогал нуждающимся. Впрочем, если судить по разделу объявлений в «Ведомостях», не один Калиостро занимался благотворительностью по отношению к страждущим. Так, например, в марте появилось объявление, уведомлявшее, что прибывший из Парижа зубной врач Шоберт приглашал «бедных немоществующих приходить к нему в дом по понедельникам, средам и субботам пополудни, где пользовать и лечить будет все могущие у них случиться гортанные болезни и снабжать их надлежащими лекарствами безденежно», а также призывал «о бедных соболезнующия особы», прочитавших сие уведомление, «споспешествовать его намерениям, дабы через то привести бедных к способности пользоваться оным»[22].

Сведения об исцелениях Калиостро столь же противоречивы, как и все, что о нем написано и сказано. Полагают, что из-за его

экстравагантной манеры одеваться (шелковая хламида с золотыми иероглифами, через плечо лента зеленая с золотыми скарабеями и парчовые египетские повязки на голове), темпераментных манер и быстрой непонятной речи русский человек от него шарахался. А Калиостровому жизненному эликсиру, в состав которого «входило вино мальвазии, и получался он от перегонки семени некоторых животных и сока многих растений»[23], жители Петербурга явно предпочитали «эликсир» Василия Ерофеича Воронова — крепкую водку, настоянную на ароматных травах. Говорят, даже императрица «ерофеевкой» не брезговала. Тем не менее слухи об успешном целителе Калиостро ходили, и на отсутствие пациентов магистр вроде бы не жаловался. Среди исцелившихся называли Ивана Исленьева, асессора, страдавшего от саркомы, Василия Желугина, из которого Калиостро якобы изгнал дьявола, «баронессу Строганову», «у которой от нервов случались приступы безумия»… Во всех случаях магистр использовал не столько лекарства, сколько обращение к духам и силу внушения, словно соблюдая заповедь из древнеегипетского папируса: «Заклинания благотворны в сопровождении лекарств, лекарства благотворны в сопровождении заклинаний…»

Вот как описывают современники исцеление магистром бесноватого (коего именуют то Иваном Желугиным, то бароном Строгановым, то братом (сыном) министра): «Несчастный брат высокопоставленного вельможи обезумел и, возомнив себя Божеством, стал бросаться на людей и богохульствовать, отчего пришлось его удерживать в цепях. Когда Калиостро пришел к бесноватому, тот с криками “Не сметь беспокоить Божество!” пытался наброситься на него. Но Калиостро ему ответил, что его зовут Марс и он является Богом над всеми Богами. Затем, протянув бесноватому руку, он сказал, что пришел помочь ему, а если он и далее будет встречать его столь же худо, то он, Калиостро, уничтожит его. С этими словами магистр дал бесноватому пощечину, да такую сильную, что тот упал. А Калиостро велел принести ему обед и стал есть на глазах у бесноватого, дабы тот смирился. Съев все, он разрешил, наконец, принести еды и для больного. А когда тот поел, Калиостро велел отвезти безумца на берег Невы и бросить в воду, где, чтобы тот не утонул, уже караулили специальные люди. Холодная вода отрезвила несчастного; закутанного, его привезли в дом, и там Калиостро проникновенно сказал ему: “Ты не Божество, и я не Марс. Не нам тягаться с Предвечным. Демон гордыни обуял тебя, и я пришел изгнать его. Если ты хочешь избавиться от демона, стань таким же, как все прочие смертные”. И бесноватый перестал

бросаться на людей, позволил заботиться о себе и вскоре исцелился окончательно».

Самым разительным примером «трансцендентного искусства, нахальства и смелости» Калиостро называют исцеление младенца (сына князя Г., сына князя Гагарина, сына богатой купчихи). Узнав, что десятимесячный мальчик неизлечимо болен и врачи от него отказались, Калиостро пообещал младенца вылечить, но поставил условием, чтобы малыша перевезли к нему в дом и месяц (две недели) родители к нему не наведывались. По истечении указанного срока родители явились к Калиостро, и тот вернул им здорового младенца. От денег магистр отказался, однако отец мальчика «забыл» в прихожей целителя 5 тысяч золотом. Когда же через несколько дней мать заподозрила подмену и родители явились призвать Калиостро к ответу и забрать деньги, магистр сказал им, что про деньги знать не знает, а младенца он действительно подменил, ибо настоящий скончался и он подверг его труп палингенезису, дабы посредством магической силы в урочное время возродить мальчика. История из разряда «хотите — верьте, хотите — нет». Во всяком случае, произошла она очевидно не с князем Гаврилой Петровичем Гагариным, чей сын, Павел Гаврилович, родившийся в 1777 году, дожил до года 1850-го.

Почувствовав то ли конкуренцию, то ли обиду за свое искусство, практикуемое с дозволения государственной медицинской коллегии, придворный лейб-медик англичанин Джон Самюэль Роджерсон, или, как его именовали в России, Иван Самойлович, явился в дом к Калиостро и бросил незаконному целителю вызов. Увидев разгневанного доктора, магистр сказал, что ежели Роджерсон пришел вызвать на дуэль графа Калиостро, то он немедленно велит слугам выкинуть его вон, ибо он научен людей лечить, а не убивать. А ежели доктор желает вызвать своего собрата по профессии, то он, Калиостро, предлагает ему свою дуэль: он примет четыре пилюли с самым опасным ядом, а потом свое противоядие, и Роджерсон примет те же четыре пилюли, а потом противоядие свое. Чье противоядие окажется действенным, тот и лучший доктор. Роджерсон вызова не принял, заподозрив в приезжем коварство. Впрочем, не он один. Шевалье де Корберон, бывший в то время поверенным в делах Франции в России, масон, открыто покровительствовавший Калиостро, писал: «Полагаю, Калиостро никакой не шарлатан; разумеется, исцелять ему удается не всех, но многих, и это благодаря своим познаниям в химии и физике; однако человек сей может представлять опасность, и, разумеется, я никогда не стану с ним связываться, ибо он обладает гибельными познаниями»[24].

Вроде бы и покровителей светлейших имел граф Калиостро, и деньги текли рекой в его карманы, но главной цели своей — быть представленным императрице — он не достиг. «Я никогда его не видела, ни вблизи, ни издалека, да и не делала попытки увидеть, потому что не люблю шарлатанов», — напишет через год после отъезда Калиостро императрица. А еще через несколько лет из-под пера Екатерины выйдут три комедии: «Обманщик» (1785), «Обольщенный» (1785) и «Шаман сибирский» (1786), разоблачающие масонов, алхимиков и прочих шарлатанов. В «Обманщике» некий субъект с экзотическим именем Калифалкжерстон (смотри Калиостро), сулящий сварить на огне золото и увеличить в размере алмазы, на деле забирает драгоценности хозяина дома и пытается с ними бежать. Но поклонник хозяйской дочери задерживает мошенника, возвращает драгоценности и в награду получает руку девушки. Автор же излагает мораль: «Шарлатанство — когда вещи или себе приписываешь свойство, коего не имеешь»…

«…Должна сказать вам, что появились две русские комедии, одна под названием “Обманщик”, другая — “Обольщенный”, первая изображает Калиостро в его настоящем виде, а вторая — поддающихся его обману. Публика наша в восторге от них, и они действительно очень забавны. Я говорю вам об этом для того, чтобы вы знали, как относятся у нас к иллюминатам; говорят, они пользуются удивительным успехом в Германии, я думаю, что это ради моды, так как французы без ума от них»[25]; — напишет Екатерина в январе 1876 года Циммерману. А следом, в феврале того же года, сообщит об этом своему постоянному корреспонденту Гримму: «…За комедией “Обманщик” последовала другая — “Обольщенный”. И та, и другая имели успех изумительный, и то превосходное последствие, что сдержали и остановили прыть обманщиков и обольщенных. Теперь у нас еще в работе “Февей”, комическая опера, и “Сибирский Шаман”, комедия. Все это будет по возможности весело: шаман — теозоф, который проделывает все шарлатанства собратий Парацельса»[26]. По словам же Пыпина, Екатерина считала Калиостро тайным орудием иезуитов и не издала бы своего сочинения, «ежели бы не была уверена, что кроме Калиостро, Шрепфера и Гасснера[48] есть еще многие тихим образом ползающие орудия властолюбивых иезуитов»[27].

Холодным осенним днем граф и графиня Калиостро покидали Санкт-Петербург, где они не пробыли и года. Серафина, скорее всего, радовалась их отъезду: с графом Потемкиным ее связывал исключительно деловой роман, а иных развлечений у

нее здесь не было. Ложу Джузеппе организовать не сумел, занимался своей магией, одну ее никуда не пускал, да ей и не с кем было. К холоду она не привыкла, а здесь даже ее меховой плащ с собольим воротником не всегда спасал от ледяного ветра. Калиостро испытывал гнетущее чувство разочарования и с трудом сдерживался, чтобы не сорвать дурное настроение на жене. Он долго откладывал отъезд, всякий раз надеясь, что уже завтра его непременно представят императрице… Но все чаще он слышал о чудных исцелениях, производимых в Париже посредством магнита главным врачом господином Месмером, а некоторые, не разобравшись, начинали требовать, чтобы и он пользовал их магнитом. Этого он стерпеть не мог: его нельзя путать с каким-то Месмером! Приходится уезжать…

Согласно существовавшим в те времена правилам всякий отбывавший из России за границу обязан был трижды публиковать уведомление о своем отъезде. Сделал это и Калиостро. В «Прибавлениях» к «Ведомостям» от 1, 4 и 8 октября были напечатаны имена отъезжающих: «Иоганн Готлиб Бунт, мясник, живет в Малой Мещанской подле Ревельскаго трактира в Воронцовом доме; Г. граф Калиострос, гишпанский полковник, живет по Дворцовой набережной въ доме г. генералъ порутчика Миллера; Габриель Шмить, башмашник, живет на стрелке у трактирщика Канна»[28].

Путь Калиостро лежал в Варшаву, куда его пригласил масон князь Адам Понинский, основатель ложи Карл в трех шлемах, тот самый, который потом станет ненавистником магистра и подтолкнет Элизу фон дер Реке к написанию книги против Калиостро. Членом ложи Понинского состоял тогдашний (последний) король Польши Станислав II Август (бывший князь Понятовский, бывший фаворит Екатерины II). Говорят, уже в детстве астролог предсказал ему, что в будущем его ждет и возвышение, и падение. Возможно, поэтому этот король-меценат, избранный на трон в 1764 году, старался сделать как можно больше: построить, издать, основать… пока в 1795-м его не вынудили отречься от престола. В его царствование при участии известного масона де Ту де Сальверта возникла первая польская масонская ложа (1767), а уже в 1779 году в Варшаве основали ложу Екатерины под Северной звездой, названной так из почтения, а точнее, из желания подольститься к грозной русской императрице, обратившей свой грозный взор на польское масонство.

После раздела Польши, произошедшего в 1772 году, страна пребывала в состоянии внутренних противоречий; магнаты рвались к власти, шляхта пребывала в апатии. И все жаждали

чуда. Князь Понинский, как и многие из его окружения, верили в могущество алхимии и получение золота путем трансмутации, в таинства магии и каббалы. А так как Калиостро слыл великим знатоком оккультных наук, то Понинский обратился к нему с просьбой обучить его арканам алхимии. Калиостро не только пообещал все, что хотел от него Понинский, но и посулил передать в полное его распоряжение одного из подвластных ему демонов, дабы тот исполнял все приказы вельможи. Разумеется, не бесплатно.

Понинский устроил Калиостро в своем загородном поместье Воля, где магистр оборудовал алхимическую лабораторию. Но то ли князь в чем-то усомнился, то ли ему кто-то что-то шепнул, но в помощники Калиостро он дал химика-любителя графа Августа-Фредерика Мошинского (Мосна-Мошинского), заранее настроенного скептически ко всему, что исполнял заезжий маг. Мошинский не понимал и не ощущал великой духовной силы, исходившей от Калиостро, но обладал зорким глазом, пониманием химических процессов и убеждением, что имеет дело с шарлатаном. В результате его наблюдений появилось сочинение «Каллиостр, познанный в Варшаве, или Достоверное описание химических и магических его действий, производимых в сем столичном городе в 1780 году. Изданное очевидным свидетелем графом М.»[29]. Интересно, что граф М., или «чудовище», как называл Калиостро своего соглядатая, не только разоблачил алхимические и спиритические экзерсисы магистра, но и отметил, что приехал тот «с женою своею без белья и едва имея некоторое посредственное платье»[30]. Замечание, звучащее в унисон с жалобами прусского консула на переданные ему графом Калиостро векселя на сумму в 5 тысяч рублей, кои при предъявлении в банк оказались фальшивыми. Похоже, пребывание в Петербурге не обогатило магистра — как, впрочем, и пребывание в других городах. Искусство добывания денег сочеталось у него с неуемным расточительством; деньги буквально струились у него между пальцев; все, что он имел, он возил с собой. Конечно, никто в точности не знал, какими сокровищами владел Калиостро, но если верить современникам, камни, которыми он так любил себя украшать, были столь ярки и крупны, что наверняка являлись фальшивыми.

Демонстрировать свое могущество в Варшаве Калиостро начал с духопризывательных сеансов. Первый сеанс не удался. Калиострова «голубица», девочка лет восьми, несмотря на проведенную накануне подготовку, отвечала принужденно и односложно. Второй сеанс оказался удачнее. Зрители оживились, когда магистр попросил их поставить подписи на листе бумаги, а

потом на глазах у всех сжег этот лист. Через несколько минут к ногам медиума упал листок, запечатанный масонской печатью; Калиостро поднял его, развернул и показал присутствующим их собственные подписи. Следующей «голубке» было 16 лет, но она быстро отказалась служить посредницей между Калиостро и ангелами, заявив, что за содействие магистр обещал ей счастье и удачное замужество, но слова не сдержал. А во время вызывания духа Великого Кофты «голубок», увидев толстого седобородого Кофту в белом одеянии и белой чалме, во всеуслышание заявил, что видит перед собой Калиостро в маске и с привязанной бородой. После таких слов свечи в комнате тотчас погасли, а когда зажглись, перед зрителями уже сидел сам магистр, сообщивший, что Великого Кофту духи срочно отозвали в Египет[31].

Несмотря на неубедительные сеансы общения с духами, желающих стать египетскими масонами оказалось достаточно, и Калиостро с большой помпой провел ритуал принятия в ложу, после чего ознакомил братьев с основами герметической философии, почерпнутыми из «Герметической философии» Федерико Гвальди, а затем посулил достижение духовного совершенства тем, кто станет особенно усердно трудиться во славу ложи.

«— Могу ли я надеяться получить большую власть, нежели та, кою имею сейчас?

— Да, можете; вы даже можете стать равным своему магистру.

— Каким образом?

— Посредством воли, мудрости, достойного поведения и в точности исполняя все, что вам поручат.

— Расскажите мне, что понимаете вы под суеверием.

— Дитя мое, каждый, кто, стремясь к познанию сверхъестественного, не изживет из себя дурные принципы, утратит покровительство Бога и знание истины, будет сброшен в пропасть, унижен и опустится столь низко, что собственной кровью подпишет преступное соглашение с низшими духами-посредниками и навсегда утратит власть, кою уже имеет»[32].

От желающих исцелиться отбоя не было; дамы благоволили к магистру, первые красавицы искали его общества. Калиостро, раздуваясь от гордости, вещал вдохновенно, хотя, по словам графа М., «всякое слово его означало чрезмерное его хвастовство, или дело, совсем на правду не похожее»[33]. Калиостровы большие, навыкате, глаза выхватывали из толпы то одну, то другую восторженную красавицу, и они, словно завороженные, замирали, боясь пропустить слово или жест кумира. Очаровательной

княгине Сангушко, умолявшей предсказать ей будущее, Калиостро сказал: «Вскоре вы отправитесь на воды, где встретите одного очень знатного человека, и он настолько придется вам по сердцу, что вы выйдете за него замуж. А чтобы доказать вашу безграничную любовь, вы, несмотря на советы друзей, передадите ему все свое состояние. Но я могу отвести от вас грядущие несчастья: я даю вам талисман, и, пока он будет с вами, вам ничего не угрожает. Но как только вы отпишете ваше состояние будущему супругу, в ту же минуту талисман покинет вас и очутится у меня в кармане». Каролина Сангушко действительно вышла замуж за принца-авантюриста Карла Генриха Нассау-Зигенского (воевавшего вместе с Потемкиным в Крыму и удостоившегося от императрицы чина адмирала), однако, по свидетельствам современников, это была вполне счастливая пара. Но талисман все же перекочевал в карман магистра[34].

Еще одна радость: король наконец-то удостоил Калиостро аудиенции, разговаривал с ним милостиво и очень интересовался вопросом получения золота в атаноре. Счастье Калиостро омрачало только одно: настала пора приступать к лабораторным работам, а в помощниках у него «мрачное чудовище» — граф М.; у Серафины, с головой окунувшейся в развлечения, совсем не оставалось времени помогать супругу. Возможно, поэтому «16 июня Великий Кофта поссорился со своею любимицей; она есть женщина, имеющая язык сварливый; вот все ее свойства», — ехидно заметил граф М.[35]. Тем не менее день рождения графини отпраздновали с подобающей пышностью; осыпая Серафину дарами, многие поклонники не забывали попросить красавицу замолвить за них словечко перед могущественным супругом, дабы тот с помощью магии поспособствовал поправлению их дел, в основном финансовых.

Приехав в Волю, Калиостро пригласил всех в лабораторию, где начал с демонстрации простого фокуса — превращения ртути в серебро. Ассистенту, графу М., пришлось отвешивать «фунт ртути», «вычищать» воду, «дабы сыскать в ней самую сущность, которую Каллиостр называет чистою землею или второю материею» и готовить «выжимки свинцовые». Затем, смешав последовательно все вышеуказанные составляющие, М. слил их в глиняный тигель, заполнившийся наполовину, и протянул его Калиостро. Исполненный важности, магистр явил на свет маленькую бумажку, служившую «оберткой» двум другим, из которых последняя содержала в себе красный, похожий на кармин порошок весом примерно 10 гран[49]. Порошок был торжественно засыпан в тигель, а Калиостро, по словам графа М., «сожрал все

три обертки». После того как ассистент обмазал сосуд жидким алебастром, Калиостро взял его, добавил еще алебастра и велел поставить сосуд на горячие уголья, дабы алебастр подсох. Через пару минут тигель с угольев сняли и поместили в емкость, наполненную горячим песком, оную емкость поставили в печь на решетку и развели под ней огонь. Примерно через полчаса емкость достали, тигель извлекли, разломали и нашли на дне слиток серебра, «тяжестью 29 лотов три осьмых, который сверху был гладок, но снизу до трети наполнен маленькими скважинами». Масоны радостно аплодировали — все, кроме Мошинского. Тот был уверен, что, когда он на несколько минут выпустил из рук тигель, Калиостро подменил его своим, где уже лежало расплавленное серебро. Ибо огонь, на котором нагревали тигель, был недостаточно жарким для плавки металла, в лаборатории стоял полумрак, а Калиостро орудовал в широком глухом фартуке, под которым вполне можно было скрыть потребный сосуд. И граф М. припомнил, что «под предлогом разговора с духами Калиостро накануне заперся на ночь в лаборатории, где и упражнялся в плавлении великом, ибо ящик с углем уменьшил свое содержимое». (Надо сказать, настоящие алхимики никогда не использовали уголь.) Вдобавок вот уже несколько дней его не пускали в лабораторию под предлогом, что на полу магистр изобразил чертежи, при виде которых рассудок простого смертного непременно помутится. Да и обертки от порошка магистр съел, и полученное серебро — что возмутительно! — назвал философским золотом…

В общем, когда в отхожем месте граф М. обнаружил выброшенный тигель, он окончательно уверовал, что Калиостро — мошенник. И немедленно стал убеждать в этом других. К этому времени до короля Станислава дошли известия, что императрица Екатерина не жаловала Калиостро, и монарх задумался. С одной стороны, он был не прочь воспользоваться плодами магии приезжего иностранца, а с другой — не мог противоречить ни могущественному соседу, ни своей бывшей возлюбленной, нежные чувства к которой все еще хранил в глубине сердца. Пребывая в нерешительности, Станислав для начала отказал супругам Калиостро от двора. Для графа это был крайне чувствительный удар по самолюбию. Второй удар нанес Понинский, полностью ставший на сторону «чудовища». Калиостро гневался, однако с удвоенной энергией продолжал труды по исцелению страждущих, съезжавшихся в устроенную его агентами больницу со всей Польши. Своим адептам, принявшим Египетское масонство, он пообещал превратить полученный слиток обратно в философский порошок. Понинский, с некоторых

пор приветствовавший магистра холодно, на опыт согласился, и Калиостро снова засел в Воле. Там он под бдительным оком графа М. растер слиток в порошок, затем положил его в склянку, добавил два объема водки, хорошенько перемешал, вылил в тигель и, поставив в печь, держал там до тех пор, пока материя внутри не оказалась черной. Назвав сию операцию перегонкой, Калиостро семикратно повторил ее, всякий раз добавляя потребное количество соли и водки, и каждый раз материя меняла свой цвет, пока, наконец, после седьмой процедуры не стала красной. Тогда Калиостро шепнул по секрету графу М., что, если осуществить еще одну перегонку, порошок вновь обратится в золото. М. не поверил. Теперь он ходил кругами вокруг алюдели, философского яйца (иначе говоря, сосуда), где за восемь дней Калиостро обещал вырастить философский камень. Общество, собравшееся в Воле в ожидании чуда, все больше проникалось скепсисом; любая усмешка, любой насмешливый взор приводил Калиостро в ярость: он топал ногами, ругался и кричал, что окружавшие его люди недостойны звания египетских масонов. Однако впечатления его крики не произвели, и магистр, бросив заведомо неудачный эксперимент, покинул неблагодарных адептов. По приезде в Варшаву он с изумлением узнал, что ему велено вернуть деньги и драгоценности, врученные ему в качестве подношений в надежде на успех алхимических опытов. Вдобавок кто-то из окружения Серафины проговорился, что красавица втайне от магистра время от времени намекала, что супругу ее для «возвышенных трудов» не хватает небольшой суммы, и всегда находился тот, кто откликался на ее просьбу. Словом, спектакль не удался, и зрители требовали возврата денег… Сумма набежала солидная — пребывание Калиостро в Варшаве обошлось его поклонникам в общей сложности в 8 тысяч дукатов. Одни говорят, что Калиостро безропотно вернул все. Другие, наоборот, утверждают, что магистру предложили солидную сумму только за то, чтобы он как можно скорее убрался из польской столицы, но тот с презрением отверг эту взятку. От любви до ненависти… Во всяком случае, в Польше Калиостро не задержался и в августе — сентябре 1780 года раздраженный и надменный более чем обычно покинул пределы страны.

Глава 6
Страсбургские игры

Все люди разделяются на тех, которым что-то нужно от меня, и на остальных, от которых что-то нужно мне.

Г. Горин. Формула любви

Раздумывая, куда держать путь, Калиостро обращал свой взор к Франции, но в памяти всплывала неприятная история с Дюплесси, и он в очередной раз объезжал желанную страну стороной. Сам он давно простил Серафине ее недозволенный роман с французом, а с недавних пор окончательно перестал следить за ее кавалерами. По некоторым признакам он догадывался, что жена о той истории не забыла, и боялся, что если он нечаянно коснется больного места, то окончательно потеряет свою помощницу. Он не сомневался, что его фиаско в Варшаве не было бы столь разгромным, если бы Серафина не ушла с головой в развлечения и флирт. Только ли флирт… Как бы там ни было, помощи от нее в Варшаве не было никакой.

Уезжать из Польши пришлось наспех, и, может, поэтому он принял половинчатое решение: ехать во Францию, но не в Париж, а в Страсбург, вольный имперский город, окончательно ставший частью Франции всего сто лет назад. Давняя торговая активность и университет притягивали в Страсбург людей со всей Европы, в том числе и с северных ее окраин — Швеции и России. В таком городе легко и затеряться, и прославиться, иначе говоря, есть время осмотреться, дабы сделать правильный выбор поприща, на котором стоит трудиться. Алхимические опыты надоели (не признаваться же, пусть и самому себе, что он еще не оправился от удара, нанесенного мерзким чудовищем Мошинским), следовательно, надо выбирать между созданием ложи и врачеванием. Последний род занятий привлекал магистра все больше и больше, ибо толпы, стекавшиеся к нему в Варшаве, не шли ни в какое сравнение с небольшим числом желающих стать египетскими масонами. К тому же он видел, как те небольшие деньги, которые он раздавал беднякам, те бутылки травяных настоек, смешанных с вином и сахаром, действительно помогали тем, у кого не было ни гроша за душой, возвращая им веру в человеческую доброту и надежду на лучшее будущее. Каждое

слово благодарности вселяло в него уверенность в собственную способность творить чудеса. Масонство являлось для него азартной игрой, врачевание возносило его над людьми и тешило его гордыню. И одновременно пробуждало чувства доброты и сострадания, о которых часто напоминал ему отец-аптекарь в монастыре Милосердных братьев. В погоне за ускользающей Фортуной он давно позабыл о них, увлекшись алхимической и масонской круговертью. Согласно косвенным свидетельствам современников, Калиостро-целитель не был подвержен приступам гнева, разговаривал ровным тоном, чрезвычайно ласково обходился с женой и не обрушивал проклятия на головы «клеветников и предателей». О себе он часто говорил в третьем лице и обращался на «ты» ко всем вне зависимости от титула и звания. Он по-прежнему ничего не писал, но его высокопоставленные друзья охотно исполняли роль секретаря; магистру оставалось только поставить подпись. Но в присутствии атеистов у Калиостро начинались «особые содрогания».

Говорят, в Страсбурге Калиостро хотел открыть лечебницу, где бы он занимался целительством, используя — по его словам — методы египетской медицины, основанные на взаимосвязи духа и материи, а также уникальных алхимических знаниях. На создание сей лечебницы Калиостро якобы намеревался пожертвовать 50 тысяч экю — при условии, что допускать до работы в ней будут только тех, кого выберет и обучит он сам. Вряд ли заведение магистра стало бы лечебницей, скорее — благотворительным приютом; однако в городе, где медицинский факультет университета пользовался непререкаемым авторитетом, подобный замысел изначально был обречен на провал. Знал ли Калиостро об этом, сказать трудно. Но мы забегаем вперед: магистр только едет в Страсбург, а мы лишь предполагаем, чем по дороге могли быть заняты его мысли. Не исключено, что он не строил планов на будущее, а вспоминал свое поражение и в ярости кусал кулаки, выкрикивая самые страшные сицилийские ругательства и срывая гнев на Серафине…

Возможно, в Страсбург его влекло давнее стремление приблизиться к трону, осуществить которое ему до сих пор не удалось. Нет, удалось — в Польше, но ненадолго и безрезультатно. В Страсбурге же в то время епископом был кардинал Луи де Роган, принадлежавший к славному древнему роду Роганов, чей девиз несомненно импонировал магистру: «Королем быть не могу, принцем не желаю, я — Роган». Разве не похоже: «Я тот, кто я есть»? (Так говорил о себе вознесшийся на вершину славы Калиостро.) Роганы с XV века присутствовали при дворе французских монархов. С одним из Роганов —

гроссмейстером Мальтийского ордена Эммануилом де Роган-Польдюк — Калиостро уже был знаком, так что в чемоданах магистра наверняка лежали и дожидались своего часа рекомендательные письма и верительные грамоты, подписанные гроссмейстером Роганом.

Биографы считают страсбургский период самым счастливым в жизни Калиостро. Однако о том, чем занимался в то время Калиостро, с кем водил знакомства и кого лечил, пишут разное. Разногласия начинаются уже в рассказах о прибытии магистра в город. Одни полагают, что Калиостро с Серафиной приехали поздно вечером, никем не замеченные и остановились в скромной гостинице, в номере, где некогда ушел из жизни брат Элизы фон де Реке. Какое-то время магистр старался сохранять инкогнито, занимаясь (то ли самостоятельно, то ли через наемных агентов) устройством больницы, где он намеревался вести прием. Но слух о нем постепенно просочился в город; как только все узнали о прибытии знаменитого графа Калиостро, великого пророка, целителя и алхимика, просители хлынули к нему рекой, и он вынужден был снять более просторное помещение, способное вместить хотя бы часть жаждущих получить у него аудиенцию. Переезжал великий маг со всей подобающей своему званию роскошью.

Другие описывают поистине королевский въезд Калиостро в Страсбург. Граф и графиня сидели в большой черной карете, покрытой лаком и изукрашенной золотом, запряженной шестеркой черных коней. Карету сопровождали не менее двух десятков лакеев в ярких ливреях с золотыми позументами; конюхи вели под уздцы лошадей, запряженных в повозки, нагруженные багажом четы Калиостро. Когда супруги медленно ехали в карете по Кельскому мосту через Рейн, из толпы зевак, выстроившейся по обеим сторонам моста, неожиданно выскочил плохо одетый человек с растрепанной шевелюрой и с воплем: «Где мои шестьдесят унций?!!» бросился наперерез карете. Это был ювелир и ростовщик Марано, первая жертва «магических» талантов Калиостро; в свое время Марано поклялся отомстить обидчику и теперь намеревался исполнить клятву. Прильнув к окну, дабы узнать причину криков, магистр тотчас узнал в нарушителе торжественного шествия обманутого им когда-то ростовщика из Палермо, в испуге откинулся на сиденье и невольно вжался в подушки. Он прекрасно помнил, как несколько лет назад Марано едва не упек его в тюрьму; тогда благодаря чарам Серафины дело было прекращено, но окажутся ли французские законники падкими на женскую красоту? Взяв себя в руки, магистр высунулся из окошка кареты и громко приказал

своим лакеям убрать с дороги безумца, одержимого адскими духами. Толпа разразилась восторженными криками.

Где поселился приехавший с такой помпой граф? В гостинице или сразу снял дом? Известно, что в Страсбурге Калиостро проживал в доме, прозванном горожанами «фонарем» по причине многочисленных (60!) окон, а также «домом с Мадонной», ибо на углу, в небольшой нише, стояла статуя Святой Девы. Предполагают, что сначала граф обосновался в гостинице (снял дом) возле площади д'Арм (сегодня площадь генерала Клебера), а потом по просьбе кардинала Рогана, не желавшего надолго разлучаться с новым другом и учителем, перебрался в «дом-фонарь», расположенный буквально в трех шагах от дворца Роганов. Чаще всего пишут, что все три года, с 1780-го по 1783-й, Калиостро прожил поблизости от дворца, куда, несмотря на ничтожность расстояния, предпочитал ездить в карете.

Говорят, в первый же вечер граф дал ужин избранному обществу, во время которого гости потребовали от магистра явить свои магические способности. Калиостро выступил во всем блеске — и как актер, и как режиссер; даже сомнительно, что он за один день смог все продумать и подготовить. Наверное, все же сеанс состоялся через несколько дней после его приезда (или переезда). Ибо для гостей, жаждавших общения с духами, оборудовали специальное помещение с загадочным мерцающим освещением, так что, когда в него вошли дети, из которых предстояло избрать «голубка», сосчитать их зрителям оказалось сложно. Следом за детьми появился сам Великий Кофта. В черной хламиде, расшитой алыми иероглифами, со множеством косичек на голове, обвязанной золотой жреческой повязкой, украшенной крупными драгоценными камнями, в ожерелье из золотых скарабеев, с висящим на поясе красным мечом с крестообразной рукояткой, он выглядел необычайно импозантно. Судя по тому, каким высоким он казался, он явно надел котурны. Великого Кофту сопровождали двое слуг в одеждах египетских рабов. Выбрав «голубка» (остальных детей рабы увели), Кофта дал ему выпить рюмку эликсира, а затем подвел к круглому столику, сделанному, по всей вероятности, из слоновой кости. Повернувшись к зрителям, большинство из которых были дамы, заранее обмиравшие от любопытства и ужаса, он принялся проделывать руками непонятные движения, периодически касаясь «голубка» — то лба его, то груди, то глаз. Завершив движения, Кофта торжественно возложил руки на голову мальчика; тотчас приблизился раб, неся на вытянутых руках подушечку с лежащим на ней мастерком с рукояткой из слоновой кости; одной рукой Калиостро взял мастерок, другая рука его по-прежнему покоилась

на голове мальчика. Действо, совершавшееся в однообразном ритме, настолько заворожило зрителей, что никто не заметил, как на столике очутился большой хрустальный шар с водой; на поверхности воды плавал кусочек зажженной камфары. (Калиостро нередко использовал во время сеансов камфару, ибо пары ее способны вызывать галлюцинации.) Ударив мастерком о край столика, магистр обратился к «голубку»:

— Что сейчас делает тот, кто утром дерзко осмелился оскорбить Великого Кофту?

Глядя в шар, «голубок» отвечал:

— Спит.

Где довелось в ту ночь спать несчастному Марано, медиум не уточнил. Но это и не важно, ибо больше сей субъект на пути Калиостро не встречался — то ли расстался с мыслью о мщении, то ли угодил в тюрьму за оскорбление «необыкновенного человека».

Как уверяли завистники, под столом, на котором стоял Калиостров сосуд с водой, размещалось особое устройство, и с его помощью на дне сосуда появлялись разнообразные изображения или написанные крупными буквами коротенькие слова, помогавшие «голубкам» дать правильный ответ. Поэтому дети отвечали только на простые вопросы, и отвечали коротко.

Затем настал черед вопросов из зала. Некая дама спросила, сколько лет ее мужу; дух ответил, что вопрос не имеет смысла, ибо у дамы нет мужа. Другая дама написала свой вопрос на бумажке; когда Калиостро зачитал его на ухо «голубку», тот ответил: «Не получит». Оказалось, дама спрашивала, получит ли сын ее в скором времени полк. Еще одна особа поинтересовалась, где сейчас ее мать, и «голубок» ответил: «В театре, сидит в ложе между двумя пожилыми мужчинами». Проверка подтвердила правильность ответа.

Гадание (предсказание, вызывание духов) с помощью воды издавна пользовалось популярностью на Востоке. Не исключено, что, гуляя по базару где-нибудь в Каире, Калиостро не раз наблюдал, как мальчишки, окруженные облаком благовонного дыма, налив на ладошку воду, смотрели на нее и рассказывали стоящему рядом здоровенному мужчине в чалме, что ждет его в будущем. «У восточных факиров Калиостро перенял приемы профессионального фокусничества и искусство массового гипноза. Мистический багаж, вывезенный с Востока, помог ему взволновать доверчивую и жадную до чудес Европу», — пишет врач-психиатр В. Е. Рожнов[1]. Но даже если Калиостро не доехал до Востока, у себя в Палермо, на рынке Балларо, а затем в портах юга Франции, Испании и Португалии он вполне мог свести

знакомство с фокусниками из далеких стран и кое-чему у них научиться. А о необходимости создавать соответствующую атмосферу во время сеансов магии и духопризывания Калиостро догадался сам. Поэтому к каждому представлению он тщательно готовился, дабы любой вопрос встретить во всеоружии. Однажды, желая застать его врасплох, на одном из сеансов кардинал Роган попросил показать ему его возлюбленную; Калиостро немедленно выполнил просьбу.

Магистр жаждал славы и потому не мог ограничиться стенами лечебницы и исцелением недужных бедняков. Гордыня и тщеславие, никогда не покидавшие вспыльчивого и самоуверенного сицилийца, требовали своего. Посещая аристократические салоны и принимая у себя, он громогласно рассказывал о методах своего лечения, основанного на ваннах, каплях и настойках, а также об используемых на Востоке мазях и опиатах. По мнению Калиостро, истоки всех болезней следовало искать в крови; однако в отличие от парижского медика Ги Патена[50], чье пристрастие к кровопусканиям и диетам врачи разделяли на протяжении почти полутора столетий, магистр не применял ни первого, ни второй, полагая, что его настойки и капли активно способствуют кроветворению, а следовательно, выздоровлению.

Там, где другие врачи прописывали диету и воду, Калиостро советовал больному красное вино и пищу. Главным же секретом своего лечения магистр полагал убеждение, иначе говоря, слово. «Масон, который вызвал врача, — не масон, ибо масонская наука тесно связана с искусством врачевания»[2], любил повторять он, заодно напоминая всем о своей высокой масонской миссии. И ранним утром, и поздним вечером Калиостро мог отправиться к больному, будь то вельможа или бедняк. Говорят, он излечивал гангрены, дурные болезни, принимал роды, когда другие отказывались, исцелял застарелые раны… Многие современники, встречавшиеся с Калиостро в Страсбурге, отзывались о нем с теплотой — даже те, кто полагал его шарлатаном. Дипломат барон Глейхен писал: «Правда, его тон, ухватки, манеры обнаруживали в нем шарлатана, преисполненного заносчивости, претензий и наглости, но надобно принять в соображение, что он был итальянец, врач, великий мастер масонской ложи и профессор тайных наук. Обыкновенно его разговор был приятный и поучительный, поступки его отличались благотворительностью и благородством, лечение же его никому не делало никакого вреда, а, напротив, бывали случаи удивительного исцеления. Платы с больных он не брал никогда»[3].

По словам Башомона[51], «лечение, применявшееся

господином Калиостро, весьма напоминало лечение того чудотворца, что недавно проезжал через Лион и Гренобль в карете, запряженной шестеркой лошадей, и со множеством часов, заменявших ему фрачные пуговицы»[4]. Тем не менее Башомон признавал, что Калиостро «все же хорошо лечит», и приводил в пример драгунского капитана шевалье деЛанглуа, коего Калиостро за три месяца исцелил от черной меланхолии и мигреней. Там же, в Страсбурге, Калиостро поставил на ноги 29-летнюю дочь казначея Базельской республики, которая на протяжении десяти лет страдала гастритом и язвой и медленно угасала, ибо питалась только молоком. Граф вылечил от гангрены господина Лемонье, секретаря маркиза де Ла Саля. Когда врачи сказали, что жить Лемонье осталось не более двух суток, призванный Калиостро дал больному несколько капель своего бальзама, и на следующий день язвы на ноге затянулись; в результате у секретаря отняли всего лишь большой палец, нога же осталась цела. (По мнению врачей сегодняшних, речь скорее шла не о гангрене, а о рожистом воспалении.) Большую известность получило спасение роженицы Катерины Гребель, к которой страсбургский доктор Остертаг уже попросил прислать священника для последней исповеди. Отец Загелиус, явившийся к несчастной женщине, переходившей все мыслимые сроки и задыхавшейся от тяжести нерожденного ребенка, решил прибегнуть к последнему средству спасения и отправился к Калиостро. Магистр прибыл немедленно, успокоил страждущую, дал ей своего эликсира, и через пару дней под присмотром Калиостро женщина родила здорового мальчика. Узнав об этом, доктор Остертаг написал в городской совет письмо, в котором уверял советников, что Калиостро — шарлатан и использует колдовство. В ответ отец Загелиус тоже написал письмо, в котором уверял советников, что женщина родила без вмешательства потусторонних сил, а лишь благодаря врачебной помощи целителя Калиостро. В тот раз сторонники Калиостро победили: совет счел жалобу Остертага выпадом на почве личной вражды.

Остертаг не успокоился и отправил к Калиостро своего соглядатая. В его роли выступил приехавший из Испании больничный служитель (или все же зубодер?) Карло Саки. Услыхав, как Калиостро упомянул, что в 1771 году он посетил Валенсию, Саки уцепился за эти слова и немедленно напомнил магистру о благодеяниях, кои тот якобы оказал ему там и в то время, и рассыпался в благодарностях. Вспомнил ли Калиостро Саки или видел его в первый раз — неизвестно, однако на службу к себе он его взял, поручив раздавать больным лекарства. Но

вместо того чтобы раздавать, Саки стал лекарства продавать, причем втридорога, уверяя при этом, что действует от имени магистра. Одновременно он распустил слух, что в Испании он лечил Калиостро и его супругу от дурной болезни, подхваченной в злачных местах. (Впоследствии в крепости Сан-Лео врач найдет у Калиостро застарелый и плохо пролеченный сифилис.) Еще он говорил, что Калиостро — шарлатан, не знающий медицины и презирающий врачей, а потому лечиться у него нельзя. «Я тоже мог бы так кривляться, как он, и продавать бурду, не стоящую и лиара, но я честный человек!» — заявлял Саки. Когда же его спросили, отчего он не бросит обвинения в лицо самому Калиостро, он ответил, что боится, ибо магистр в гневе может и прибить. «Дайте мне солдат для охраны, тогда я скажу ему всю правду», — дерзко заявил мошенник. Один из благодарных исцеленных вывел Саки на чистую воду перед Калиостро, и целитель выставил горе-помощника вон. Обозленный Саки попытался «наказать» «предателя», тот подал на него в суд, и суд приговорил бывшего зубодера (санитара) к изгнанию. Не желая прекращать кампанию, Саки отбыл на другой берег Рейна, в маленький городок Кель, где снова пошел в атаку, потребовав Калиостро заплатить ему, Саки, 125 луидоров за услуги. Не уставая поносить графа, Саки попытался составить ему конкуренцию: пока служил у Калиостро, он научился смешивать несколько составов и сам начал изготовлять излюбленный бальзам целителя, именовавшийся египетским вином. Продавал он это вино под названием «Желтые капли, или Бальзам графа Калиостро». Бальзам шел на ура. Когда Калиостро узнал об этом, он, опасаясь, что лекарство, произведенное руками невежды, навредит больным, напечатал предупреждение: «Прослышав, что публике по дорогой цене предлагают капли, именуемые “Каплями графа Калиостро”, господин Калиостро долгом своим почитает заявить, что лица, сии капли распространяющие, истинного их состава не познали, отчего господин Калиостро не полагает возможным нести ответственность за вредное их воздействие, кое вышеуказанные поддельные капли произвести могут. Создатели же таковых капель являются мошенниками, а капли Калиостро прописывает господин Калиостро лично, и никому иному сие право не дано»[5].

Настойки и бальзамы Калиостро, состоявшие из множества растительных компонентов, могли разве что расстроить желудок из-за обилия пряностей, но так как он прописывал их по каплям, то вреда они не причиняли. Например, для получения эликсира, назначавшегося при нарушениях пищеварения, следовало взять (в переводе на современные меры): гвоздики — 1,5 г; корицы

цейлонской — 1,5 г; муската — 1,5 г; шафрана — 0,5 г; горечавки — 0,5 г; лапчатки прямой — 0,5 г, алоэ *succotrina* — 5 г; мирры — 25 г; териака[52] — 5 г; мускусных зерен — 0,02 г; все ингредиенты поместить в дистилляционную колбу, залить 0,3 л водки крепостью 56 градусов и настаивать 15–20 дней; затем процедить, смешать настойку со 150 г сладкого сиропа, разбавить восемью литрами воды и добавить для аромата флёрдоранжевую воду (общий объем жидкости не должен превышать 12 л). Для приготовления общеукрепляющего эликсира: гвоздика — 150 г; корица китайская — 150 г; мускат — 150 г; шафран — 45 г; горечавка — 40 г; лапчатка прямая — 40 г; алоэ *succotrina* — 500 г; мирра — 250 г; териак — 500 г; ингредиенты следовало смешать, залить 7,5 л спирта крепостью 85 градусов и оставить на 3 дня, дабы ингредиенты отдали свои свойства и ароматы спирту; затем фильтровали и, если на выходе получалось менее 7 л жидкости, доливали водой до указанного объема. Добавляли 10 кг распущенного на огне рафинированного сахара; 0,3 л мускусной настойки; 0,6 л флёрдоранжевой воды, все как следует перемешивали, с помощью шафрана или карамельного сахара придавали приятную окраску и еще раз фильтровали[53]. Судя по количеству воды, речь в данных рецептах идет о приготовлении эликсиров, так сказать, в «промышленных» масштабах.

Калиостро не имел привычки делиться своими секретами, к коим, без сомнения, принадлежали и рецепты приготовления его настоек и тинктур. Однако известно, что своему другу, почитателю, благодетелю и банкиру Саразену (речь о котором пойдет ниже) он все же сообщил состав некоторых своих лекарственных средств. Так, из «Книжечки рецептов» Саразена мы узнаем, что для получения египетского вина необходимо 8 дней вымачивать в белом вине корицу, калган, цитварный корень, мускатный орех, мускатный цвет, рыльца гвоздики, мелегетский перец и кардамон. Если же надобно приготовить желтые капли, к указанным компонентам следует добавить кубебу, имбирь и шафран, все тщательно растереть в порошок, залить трижды очищенным спиртом, настаивать в течение суток, а затем дистиллировать. Желтые капли служили лекарством от простуды, заразных болезней, приливов и нервов, а также противоядием и обезболивающим. Мадам де Шарьер[54] писала, что, если смочить этими каплями виски, проходит мигрень; помогали капли и от зубной боли.

Для изготовления «королевских пилюль» требовались алоэ, ревень, амомум, мускус, кардамон, цитварный корень, мускатный орех, рыльца гвоздики, шафран, сенна и различные виды терминалии. В эти пилюли Калиостро часто добавлял золото.

В состав настоя, которым, как говорили, Калиостро исцелил от гангрены секретаря Лемонье, входило более тридцати компонентов, в том числе цветы шалфея, розмарин, базилик, майоран, мята круглолистная, лавровый лист, цветы бузины, алоэ, кожица можжевеловых ягод, апельсиновая корка, перец длинный, перец круглый, гвоздика, мускатный орех, имбирь, кардамон, корица, сухой инжир, изюм, сладкий миндаль, сосновые почки, мякоть фиников и белый мед. К вышеуказанным ингредиентам в равных весовых долях добавляли сахар; смесь толкли, помешали в дистилляционный куб, заливали водкой и оставляли на двое суток; затем куб нагревали на слабом огне, и полученную настойку несколько раз подвергали дистилляции.

Для улучшения пищеварения магистр прописывал своим пациентам сахарное масло (*oleum sacchari*). Чтобы его приготовить, брали крутое яйцо, разрезали пополам, выбирали желток и заполняли освободившееся пространство белым кристаллическим сахаром, соединяли обе половинки, обвязывали веревочкой, опускали в кувшин, накрывали крышкой и ставили на сутки в темный погреб. По прошествии суток в яйце образовывалась светлая жидкость, получившая название сахарного масла; его целительные свойства также использовались при лечении ран.

Для изготовления минеральной воды от Калиостро требовалась 1 унция римского купоросу и 6 горшочков свежей воды; купорос соединяли с водой, состав выдерживали трое суток, время от времени помешивая, и раз в сутки фильтровали.

Шевалье де Корберон высоко ценил Калиострову мазь от прыщей. Чтобы ее приготовить, брали 8 унций сладкого миндального масла, 4 унции спермацета, 2 унции желтого воска, квасцы сирийские и квасцы жженые а также камфорный спирт[6].

Увы, рецепта эликсира молодости в «Книжечке рецептов» Саразена не нашлось. Его составом Калиостро не желал делиться ни с кем…

Хвалебный хор исцеленных и злобный вой злопыхателей равно способствовал славе целителя Калиостро. «Это доктор, глубоко изучивший каббалистику, особенно ту часть этой науки, которая руководит в сношениях с элементарными силами, душами мертвецов и с отсутствующими. Калиостро посвящен во все тайны розенкрейцеров и знает все доступные человеческому уму науки; он умеет превращать металлы из одного в другой и особенно в золото; это благодетельный сильф, излечивающий бедняка задаром и продающий долголетие богатым. Расстояние для него не существует, потому что он легко может переноситься в отдаленнейшие страны, употребляя на путешествие лишь

несколько часов. Говорят, граф Калиостро обладает всеми чудесными тайнами великого адепта и открыл секрет приготовления жизненного эликсира. Вся его фигура носит не только отпечаток ума, но даже гения, а глаза проникают внутрь души. Он говорит почти на всех европейских и азиатских языках с удивительным всеувлекающим красноречием. Носит он почти постоянно восточное платье, спит не в постели, а в креслах два или три часа в сутки и ест весьма мало и почти только одни макароны. Любимый и уважаемый всеми, он посвящает большую часть своего времени на посещение и безвозмездное исцеление больных и на вспомоществование бедным. Он принес к нам истинную химию и медицину египтян и, не входя в сношения с учеными и врачами, с успехом лечит даром всякаго, кто прибегает к нему… Тратит он весьма много денег и за все платит наличными»[7].

Рассказы об исцелениях Калиостро разлетелись далеко за пределы Страсбурга. Среди тех, кто уверовал в чудесного врачевателя, оказался швейцарский банкир из Базеля Якоб Саразен. Будучи прекрасно образован и обладая живым характером, Саразен собирал в своем Белом доме на берегу Рейна лучшие умы города. В 1770 году Саразен женился на дочери богатого базельского торговца Гертруде Батье, и та за девять лет брака родила ему пятерых детей. Но в 1799 году Гертруда почувствовала себя плохо: у нее пропали сон и аппетит, ее часто мучили приступы лихорадки, она могла выпить 24 бутылки воды за день, а во время припадков ее с трудом удерживали четверо слуг. Через два года ей стало совсем плохо, врачи практически отказались ее лечить, и Саразен решил обратиться к Калиостро. Так как для больной путь был чреват изрядными трудностями, банкир решил сначала узнать, готов ли знаменитый целитель принять ее, и попросил своего друга Лафатера, богослова и автора «Физиогномики», давно интересовавшегося загадочной знаменитостью, отправиться в Страсбург. Прибыв в город в конце января 1781 года, Лафатер довольно быстро удостоился аудиенции. Обошелся, однако, Калиостро с ним довольно жестко, сразу предупредив гостя: «Если из нас двоих больше знаете вы, то вам не нужен я, если больше знаю я, то мне не нужны вы». Лафатер не смутился и задал свои, ставшие знаменитыми, три вопроса: «Откуда проистекают ваши знания? Где вы их получили? В чем они заключаются?» Как единодушно пишут современники, Калиостро, предпочитавший не раскрывать свои секреты, ответил кратко: «В словах, в травах, в камнях» («*In verbis, in herbis, in lapidibus*). Физиогномика ли помогла Лафатеру или его собственная наблюдательность, но он сразу угадал определяющие

черты характера магистра: заносчивость и вспыльчивость. «О, если б он был прост сердцем и смиренен, как дитя, если б он понимал простоту Евангелия и высоту Господа! Кто сравнялся бы тогда с его величием! Калиостро часто говорит неправду и обещает то, чего не исполняет. И однако я не считаю его операции обманом, хотя он не представляет из себя того, что утверждает»[8], — вспоминал потом Лафатер. Вряд ли швейцарской знаменитости удалось узнать все, что хотелось, тем не менее поручение Лафатер выполнил: Калиостро согласился принять на лечение Гертруду Саразен. В апреле чета Саразен прибыла в Страсбург, где Якоб оставил супругу на попечение целителя, а сам вернулся по неотложным делам в Базель. В мае Саразен снова отправился в Страсбург, где нашел супругу практически здоровой: от лихорадки не осталось и следа, на лице играл румянец, она с аппетитом ела и с удовольствием ходила гулять, не испытывая при этом приступов слабости. Предполагают, что Калиостро излечил мадам Саразен от лихорадки и хронической желтухи (болезни Боткина)[9].

За время, что Гертруда провела в Страсбурге, она подружилась с Серафиной, и, когда из Базеля приехал ее супруг, обе семьи стали жить вместе и устраивать совместные трапезы. Здоровье мадам Саразен настолько окрепло, что в 1782 году она родила сына, названного Александром в честь Калиостро, а спустя немногим более года — дочь, названную Серафиной. Растроганный Саразен сделался верным адептом магистра и — главное! — его безотказным банкиром, открыв ему кредит во всех крупных городах Европы. С тех пор связь между Саразеном и Калиостро не прерывалась до самого ареста мага. Саразен регулярно получал сведения о графе от его учеников, называвших магистра «дорогим учителем», а его супругу «маменькой»…

Роскошные выезд, дом и стол, постоянная благотворительность графа заставляли многих задуматься об источниках его средств. Некоторые считали, что Калиостро у себя в лаборатории производит золото, но так как никто не видел, чтобы он продавал золотые слитки, эта версия отпадала. Единственным лежащим на поверхности объяснением являлась благодарность Саразена, позволявшая Калиостро проживать 30 тысяч ливров в год[10]. Саразен настолько проникся восхищением к магистру, что, когда на того посыпались обвинения со стороны официальной медицины, немедленно написал письмо в его защиту; письмо опубликовал «Журналь де Пари» («Journal de Paris») от 31 декабря 1781 года. «Полагаю, излишне подробно расписывать процедуры и способы лечения, применяемые графом Калиостро, — писал швейцарец. — Я сам видел, сколько трудов

прилагает сей знаменитый друг человечества для облегчения страданий недужных. Изготовление и продажа бальзама, заполучить который жаждут многие, не является для него самоцелью. Творить добро ради добра — вот его принцип, и награду он находит в своих собственных добродетелях. Мне трудно выразить свою признательность, ибо мне не хватает слов, дабы описать обуревающие меня чувства».

Тот же «Журналь де Пари» напечатал и благодарственное письмо шевалье де Ланглуа: «Я всем обязан графу Калиостро. Он мой спаситель. На протяжении восьми лет жизнь моя находилась под угрозой, и ни одно лекарство из тех, что прописывали признанные врачи, мне не помогало. Меня ожидала полная утрата умственных способностей и смерть. Граф вернул меня к жизни, вернул мне здоровье, разум и счастье. Меня перестали мучить боли, я достиг полного выздоровления. И не только я, но и множество других больных»[11].

Хвалебные отзывы о Калиостро находим мы у английского путешественника Вильяма Кокса и французского мецената и музыканта Жана Бенжамена Лаборда, ставшего рьяным почитателем Калиостро. Кокс, в частности, писал: «Сударыня, о нем ходит много шуток. Он Антихрист, ему 500 или 600 лет, у него есть философский камень, универсальное лекарство, это один из тех посланцев Создателя, которых тот посылает иногда на землю в человеческом облике. Если это так, то дух сей достоин всякого почтения; он говорит почти на всех языках Европы и Азии, его красноречие поражает, даже если он и не всегда хорошо говорит, о его исцелениях пишут медицинские журналы. Из 15 000 больных, которых он пользовал, умерли всего трое, да и то не по его вине.

Простите, сударыня, только что был на аудиенции у этого удивительного человека. О, как бы вы стали его ценить, ежели бы видели его, как я: бегущего от одного бедняка к другому, со страстью перевязывающего ужасные раны, исцеляющего недуги, поддерживающего надежду, раздавая лекарства страждущим, осыпая их благодеяниями, и только потому, чтобы утешить страдающего человека и насладиться неоценимой сладостью быть на земле образом благодетельного Божества.

Представьте себе, мадам, огромный зал, заполненный несчастными, почти все они лишены поддержки и помощи, они протягивают руки к небу, чтобы умолить милосердного графа. Он слушает их, одного за другим, и иногда выходит и возвращается с лекарствами. Но им нужен бульон, чтобы поддержать силы, не только лекарства; Калиостро делит между ними содержимое своего кошелька. Несчастные обнимают его колени, словно к

Богу, тянут руки… слезы текут из глаз… он сам рыдает, это радость сердца»[12].

Приведенный выше пассаж, взятый из защитительной речи Калиостро на процессе по делу об ожерелье, вызвал сомнения: не является ли он плодом фантазии самого магистра? Будущий знаменитый революционер Мирабо, в частности, писал: «Я не мог найти оригинал этого письма, но, возможно, в нем ничего не преувеличено. Письма сего я не нашел в собрании сочинений Кокса. И в переводах оного Кокса тоже не говорится ни о Калиостро, ни о Страсбурге. Сочинение Вильяма Кокса посвящено леди Герьер, графине де Пемброк, и состоит из писем, адресованных господину В. Мельмоту, но в письме, которое цитирует Калиостро, адресатом является дама!.. Калиостро говорит, что это перевод писем, сделанный Карбоньером. Но кто это? Когда это?»[13]

В Страсбурге Калиостро держал открытый дом, и Серафина всегда с готовностью приносила лишний прибор. Народу за столом собиралось много, ибо всем было любопытно посмотреть на Великого Кофту и целителя. Однажды два студента-медика, задумав разыграть Калиостро, явились к нему на прием, и один из них попросил поставить диагноз его тяжелобольному другу. Взглянув на пациента, Калиостро сказал, что готов оставить мнимого больного у себя на две недели, дабы лечить его диетами, но студент в ужасе отказался. Тогда Калиостро молча написал на бумажке диагноз и протянул ее друзьям; те прочли: «Возбуждение зависти у господ с медицинского факультета». Приятели устыдились, а Калиостро пригласил их к обеду, и с тех пор они стали верными адептами магистра.

За столом в доме Калиостро собирались не только его поклонники или безобидные шутники. Некий шевалье де Нарбонн (возможно, наслушавшись речей Саки) захотел спровоцировать Калиостро и опрокинул соус на платье сидевшей рядом с ним Серафины, чем довел ее до слез. «Зачем вы сели рядом с этим молодым человеком? — спросил супруг. — Он же наглец, и это известно всем». Шевалье вспылил и заявил, что, будь он в другом месте, он бы обошелся с Калиостро, как подобает обращаться с зарвавшимся шарлатаном. «Для больных я врач, — ответил граф, — для здоровых я человек чести и готов покарать наглеца». «Я прикажу побить вас палками», — надменно бросил шевалье. «У меня людей больше, — ответил Калиостро, — так что на ваши двадцать ударов я отвечу сотней». Шевалье хотел заставить Калиостро драться, но тот сказал, что больные прежде всего, и отправился на прием. Пока он вел прием, маршал де Контад посадил шевалье под арест. Отметим: ряд современников

утверждает, что случай сей произошел не в доме Калиостро, а на обеде у кардинала Рогана в Саверне и шевалье де Нарбонн не опрокидывал соус, а бросил тарелку, метясь в голову Калиостро (тарелка пролетела мимо). Но где бы скандал ни случился, выйдя из-под ареста, шевалье де Нарбонн продолжил нападки на магистра, поддержав тем самым закулисную кампанию Остертага. Однажды ночью в Страсбурге с ведома Остертага расклеили листовки с пасквильными стишками, где высмеивался Калиостро — шарлатан и ловелас. Возможно, недруги заметили, что магистр слишком часто посещал одну из своих адепток, графиню N***, чьим лечащим врачом и духовным учителем он являлся. Но заметила ли это Серафина?

Неизменное присутствие супруги и отсутствие прямых свидетельств не позволяет вести предметный разговор о романах Калиостро. Они, несомненно, имели место, но были недолговечны, ибо он редко задерживался на одном месте; поддержание магической ауры также требовало времени. Наверняка его одолевали любопытные поклонницы, к которым его — возможно — ревновала Серафина. Но эти случайные вспышки страсти вряд ли играли существенную роль в насыщенной жизни магистра; основные душевные переживания Калиостро были связаны с Лоренцей-Серафиной.

Бурление страстей вокруг Калиостро не могло оставить равнодушным кардинала Рогана, проживавшего в то время неподалеку от Страсбурга, а именно в Саверне, епископской резиденции, где он руководил работами по завершению реконструкции дворца Роганов. Денег катастрофически не хватало, и золото, которое мог добыть знаменитый алхимик, пришлось бы очень кстати.

Кардинал Луи Рене Эдуар Роган, князь-епископ Страсбургский, имел целую кучу должностей, званий и почестей: великий сборщик податей Франции, аббат Нуармутье и Шез-Дье, бывший посол в Вене, член Французской академии, командор ордена Святого Духа, доктор Сорбонны, князь Священной Германской империи, ландграф Эльзасский. Никто не отказывал ему в уме, но вот в здравых суждениях… Все единодушно утверждали, что кардинал всегда отличался удивительным легковерием, граничащим с легкомыслием. Он слыл любимцем женщин, обожал пирушки и кутежи и не чурался никаких светских развлечений. 17 апреля 1770 года ему выпала честь встречать в Страсбурге юную дофину Марию-Антуанетту. Любвеобильный князь церкви сразу положил на нее глаз. За этот плотоядный взгляд, за то, что кардинал почувствовал в ней женскую сущность, понял, как страстно она жаждет любви,

дофина возненавидела его. Вскоре Роган получил пост посланника в Вене, где, наперекор пуритански настроенной императрице Марии-Терезии, вел жизнь развеселую и разгульную. Нелюбовь матери к Рогану еще больше укрепила неприязнь Марии-Антуанетты, в то время как тот всерьез надеялся на ее благосклонность. Случайно узнав, что Роган состоит в частной переписке с мадам Дюбарри (последней любовницей Людовика XV) и в неподобающе насмешливом тоне расписывает ей характер императрицы, дофина особенно разгневалась. Хотя, по словам аббата Жоржеля, с злосчастным письмом, вызвавшим гнев дофины, произошло недоразумение. Это было частное письмо, отправленное не дипломатической почтой и адресованное герцогу д'Эгийону для вручения лично королю. «Непонятно, отчего герцог отдал его Дюбарри, коя действительно извлекла его во время ужина и прочла вслух»[14]. Став королевой, Мария-Антуанетта сделала все для отозвания Рогана. Место посланника при австрийском дворе занял унылый и суровый Бретейль, и все, кто только что возмущались легкомысленным повесой Роганом, немедленно стали о нем жалеть. Так Роган заработал врага в лице Бретейля. Семена аферы, известной под названием «Дело об ожерелье», были посеяны. Когда Роган познакомился с Калиостро, семена дали первые всходы.

Сначала кардинал пригласил магистра к себе, но получил отказ. «Скажите Рогану, — заявил кардинальскому посланцу Калиостро, — что если он болен, то пусть приезжает, и я его вылечу. А если он здоров, то ни он не нуждается во мне, ни я в нем»[15]. Ответ, напоминающий ответ Лафатеру. Похоже, магистр нашел верный способ подогревать интерес к собственной персоне. Дерзость возмутила вельможу, но любопытство оказалось сильнее гнева, и при очередном приступе астмы Роган позвал к себе не врача, а Калиостро. Говорят, пока магистр пользовал кардинала, между ними возникла столь сильная симпатия, что вскоре кардинал уже не мог обходиться без нового друга. В Саверне он отвел ему специальный флигель, а в Страсбурге убедил поселиться рядом с дворцом. Калиостро же, дабы больше времени уделять вельможному другу, стал вести прием страждущих через день.

Принадлежавшая к старинному дворянству баронесса Оберкирх писала: «…мне довелось пробыть некоторое время в Страсбурге, куда мы прибыли в конце ноября и где в то время все были заняты знаменитым шарлатаном, который с невероятной ловкостью производил свои фокусы, по причине коих он и стал играть выдающуюся роль. Я расскажу вам обо всем, что видела,

предоставив читателям судить о том, чего я понять не смогла.

Тотчас после прибытия мы отправились засвидетельствовать свое почтение кардиналу Рогану, князю-епископу Страсбурга. В Саверне он обустроил одну из наиболее очаровательных резиденций мира. Прелат — красивый, любезный, очень любит женщин… и очень легковерный, что стоило многих слез нашей несчастной королеве во время истории с ожерельем. […] У него было 14 дворецких и 25 лакеев.

И вот, когда течет приятная беседа, дворецкий объявляет: “Его превосходительство граф Калиостро!”

Я уже слышала разговоры об этом авантюристе и теперь с удивлением обнаружила, сколь торжественно о нем докладывают. Но еще более я была удивлена, видя, какого почтительного приема он был удостоен. Он пребывал в Эльзасе с сентября, но о нем уже говорили, что он исцеляет все болезни. Так как денег за лечение он не брал, а, напротив, раздавал милостыню, он привлекал к себе толпы, хотя и не всех вылечивал. Полиция следила за ним весьма плотно, и оттого он вел себя нарочито вызывающе. Говорили, что он араб, однако акцент его был скорее итальянский или пьемонтский. Потом я узнала, что он из Неаполя. В то время, чтобы произвести впечатление на публику, надо было совершать чудачества. Он спал только в кресле и ел только сыр.

Он не был красив, однако я никогда не видела столь примечательной физиономии. У него был глубокий, почти сверхъестественной глубины взгляд; я бы не смогла описать выражение его глаз: это были пламя и лед одновременно, он притягивал и отталкивал, внушал страх и непреодолимое любопытство. Были написаны два его портрета, разных, но весьма схожих с оригиналом… а вместе с тем оба похожи и одновременно ужасно не похожи. Он носил на рубашке и на пальцах огромные бриллианты восхитительной воды; если это не стразы, то это поистине королевские камни. Он уверял, что сам их создал. От таких заявлений издалека несло шарлатаном.

Кардинал вышел ему навстречу и повел его к нам, но я быстро села, давая понять, что не хочу иметь с ним дела. Однако вскоре мне все же пришлось иметь с ним дело, и сегодня я скажу, что я не раскаиваюсь, так как всегда меня интересовало необыкновенное.

Вскоре с помощью кардинала завязалась общая беседа. Калиостро постоянно смотрел на меня, и муж сделал знак, что пора уходить. Я знака не видела, но видела, как Калиостро буравит меня взглядом. Неожиданно Калиостро прервал Рогана и, уставившись на меня, произнес: “Сударыня, у вас нет матери, вы

почти не знали ее и у вас есть дочь. Она ваша единственная дочь, ибо у вас больше не будет детей”.

Я озиралась по сторонам, желая понять, как может Калиостро с такой бесцеремонностью вести себя в присутствии кардинала. “Отвечайте, сударыня”, — произнес кардинал. “Сударь, мадам говорит только с теми, кто ей ровня”, — ответил за меня муж.

Повернувшись к мужу, Роган произнес: “К господину Калиостро нельзя относиться как к обычному человеку, ибо он ученый. Так что позвольте мадам ответить. — И, переведя взгляд на меня, попросил: — Умоляю, ответьте ему. Ведь он прав?” “Во всем, что касается прошлого”, — отвечала я. “И во всем, что касается будущего, я тоже никогда не ошибаюсь”, — зычным голосом сообщил Калиостро»[16]. Баронесса Оберкирх находила в Калиостро нечто демоническое, завораживающее душу и подавляющее ум, а потому несколько раз предостерегала Рогана от излишнего увлечения магистром. В ответ Роган показал ей огромный бриллиант с гербом Роганов, который он носил на мизинце, и сказал, что бриллиант сей сотворен Калиостро из ничего, равно как и 5 или 6 тысяч ливров.

Окружение Рогана быстро разделилось на поклонников Калиостро и его противников. К первым примкнул исполняющий обязанности интенданта барон де Планта, ко вторым — аббат Жоржель, бывший секретарь посольства в Вене и доверенное лицо Рогана. Жоржель негодовал за спиной кардинала: «Не знаю, какое чудовище, враг счастья добрых друзей, изрыгнуло в наши края эмпирика-энтузиаста, который захватил своих прозелитов и прочно их удерживал». В своих мемуарах Жоржель писал: «Его религиозные воззрения на Высшее Существо, на природу и на долг человека подогревали экзальтированные умы. Он учил, что вера, самая достойная Бога, это вера библейских патриархов: Адама, Еноха, Ноя, Авраама, Исаака и Иакова; только они знали путь к Богу, а он постоянно с ними общался. Только следуя за патриархами и им самим можно прийти к истине. Еще он уверял, что общался с ангелом света и ангелом тьмы. Исповедовал принцип: “Не делай другому того, что ты не хотел, чтобы сделали тебе”. Откуда этот человек — неизвестно: его выгнали из Санкт-Петербурга, Варшавы и Вены. В Страсбурге он делал все, чтобы вызвать любопытство, и добился своего. Никто не знал, откуда у него деньги, у него не было чеков и заемных писем, но он жил на широкую ногу. Бедных лечил бесплатно, к богатым не являлся. Любил, когда ему оказывали почтение»[17]. Возможно, верный секретарь почувствовал, что появление Калиостро в доме Рогана сулит последнему немалые беды. Когда же маркиза де Буленвилье представила кардиналу графиню Жанну де Ла Мотт,

урожденную Валуа де Сен-Реми, подозрений у Жоржеля, к сожалению, не пробудилось. А ведь именно Жанна де Ла Мотт станет мозгом и движущей силой будущей интриги дела об ожерелье. Впрочем, еще раньше она сделается любовницей кардинала, не привыкшего пропускать хорошеньких женщин.

Роган живо интересовался оккультными науками, считая их своего рода противовесом рассудочному атеизму Просвещения. Не имел он и ничего против масонов, которые, несмотря на осуждение их папами, против религии не выступали, а кавалер Рамсей в своей речи и вовсе заявил, что «масонство — дитя Церкви». Говорят, в Саверне кардинал принял масонское посвящение от Калиостро, основавшего там ложу египетского ритуала. Просвещенный прелат отличался завидной широтой взглядов и не мог смириться только с одним — с отсутствием денег. При его беспечном образе жизни денег ему вечно не хватало, несмотря на доходные должности. Втайне надеясь, что магистр наконец уступит и начнет делать для него золото, он старался как можно крепче привязать к себе Калиостро. Он даже оборудовал у себя в Саверне алхимическую лабораторию и отрядил в помощники магистру юного Рамона де Карбоньера, будущего известного политика и геолога. И хотя Карбоньер не отличался предвзятостью графа Мошинского, в своих записках он также указывает на бессмысленность химических экзерсисов и трансмутаций Калиостро[18].

Несмотря на покровительство кардинала, скандал вокруг шарлатана Калиостро разгорался все сильнее. Магистр пообещал, но не сумел исцелить глухого, а затем два (или три) пациента его скончались, и одним из них оказался генерал-лейтенант де Камбис. Хотя друзья Калиостро говорили, что генерал слишком долго доверял своим врачам и к магистру обратился поздно, когда уже ничего нельзя было сделать. Смерть эта доставила целителю немало неприятностей.

Несмотря на неудачи, Роган уговорил магистра съездить с ним в Париж, дабы он осмотрел его родственника, принца Субиза, коему врачи давно и безуспешно пытались вернуть здоровье, подорванное сильнейшей простудой (подругой версии — антоновым огнем). Но, как сообщают современники, Субиз решительно отказался видеть целителя, а тем более принимать его лекарства, отыскав в конце концов собственное средство, позволившее ему избавиться от недуга (злые языки утверждали, что это были юные красотки из Оперы…)[19]. Все же надо сказать, что в значительном числе источников отражена версия, согласно которой именно Калиостро своими каплями поставил принца на ноги. Когда все врачи предсказывали Субизу летальный исход,

Калиостро пришел к нему и пообещал, что если тот будет точно следовать его указаниям, то завтра он встанет с постели, через неделю сядет в карету, а через две сможет отправиться в Версаль. И прописал больному свои желтые капли: в первый день — 10 капель, во второй — 5 и в третий — 2 капли. Через три дня принц разгуливал по комнате, на четвертый съел на ужин куриное крылышко. А Калиостро вернулся в Страсбург. За то время, что он провел в Париже, к нему, остановившемуся во дворце Рогана на улице Вьей-дю-Тампль, наведалось немало страждущих, в основном женщин. Не покидая дворца Рогана, магистр сумел стать кумиром парижского общества, где заправляли женщины. Слухи о нем распространялись с быстротой молнии…

В Страсбурге кампания против Калиостро, возглавленная доктором Остертагом, набирала силу, и магистр подумывал, не поступить ли ему, как поступал он всегда, когда атмосфера вокруг него начинала накаляться, — то есть не уехать ли ему из города. Конечно, сейчас он имел покровителя, не только вставшего на его защиту, но и побудившего нескольких вельмож написать страсбургскому градоначальнику письма в защиту Калиостро:

«Копия письма графа де Вержена, министра иностранных дел, страсбургскому градоначальнику Жерару; писано в Версале, 13 марта 1783 года Я, сударь, не знаю лично графа Калиостро, но все отношения с тех пор, как он пребывает в Страсбурге, о нем превосходны, и человечество требует, чтобы ему было оказано почтение и спокойствие. Так как он иностранец и имеет столь прекрасные рекомендации, я рекомендую его вам, точнее магистрату, который вы возглавляете. Господин Калиостро просит лишь спокойствия и безопасности; гостеприимство ему и так будет обеспечено… Я уверен, что вы окажете ему необходимое гостеприимство и будете наслаждаться его обществом.

Имею честь и проч.

Вержен».

«Копия письма маркиза Мироменил, хранителя печатей, страсбургскому градоначальнику Жерару; писано в Версале, 15 марта 1783 года С тех пор, как граф Калиостро пребывает в Страсбурге, он облегчил

страдания многих бедных и несчастных, и мне известно также, сколько добрых дел совершил этот иностранец, который заслуживает, чтобы ему было оказано особенное покровительство. Я рекомендую его вам, а также магистрату, который вы возглавляете, чтобы он мог жить спокойно и в безопасности, как и должно иностранцу в государстве нашего короля, особенно когда такой иностранец полезен нам.

Пребываю, государь мой, и проч.

Мироменилль».

«Копия письма маркиза де Сегюра маркизу де Ла Салю от 15 марта 1783 года Достойное поведение господина Калиостро в Страсбурге, в котором меня уверили, сударь, а также почтенное использование своих талантов и способностей, кое он осуществил в этом городе, а также многочисленные примеры человечности, которые он выказал частным лицам, кои страдали от тяжких недугов, являются основанием, чтобы этому иностранцу было оказано покровительство правительства. Король возлагает на вас не токмо бдение, чтобы его никто не беспокоил в Страсбурге, если он решит туда вернуться, но чтобы отдавали ему почтение в сем городе за его услуги, которые он оказывает несчастным»[20].

Письма не помогли, атмосфера сгущалась. Припомнили, что Калиостро обещал вылечить кого-то от слепоты — не вылечил, лысый попросил вернуть ему волосы, но получил исключительно головную боль… Многие жители Страсбурга присоединялись к мнению профессора Мейнерса из Гёттингенского университета: собрав сведения о Калиостро, профессор пришел к выводу, что имеет дело скорее с «мошенником, нежели фанатиком».

«Так как Калиостро одинаково плохо изъясняется на всех языках, он, видимо, провел много лет в путешествиях, и, видимо, невозможно установить его национальность, ибо он и сам ее забыл. […] Он побывал в России и других северных странах, где выдавал себя за чародея, но, когда мода на него прошла, вынужден был бежать. В Страсбурге втерся в доверие к кардиналу; может симулировать припадок. Очевидцы говорят о его неукротимости, а также что смысла в нем не много. Когда его

стали обвинять, что он задорого продает лекарства, а потом обнаружилось, что цену устанавливал не он, а аптекарь, он снизил цену и сменил аптекаря. Сам он денег за труды не берет, играет в основном с дамами и крупно проигрывает. Можно без преувеличения сказать, что тратит он не менее 20 000 ливров в год. Но откуда он их берет? Свидетели утверждают, что у него всегда полно и денег, и драгоценностей. Видимо, делает золото. Старается окутать себя тайной. Мне кажется, он связан с обществом, которое через него проводит свои цели, ибо обществу легко содержать своего эмиссара и давать значительные суммы незаметно. Иначе придется поверить, что он делает золото. С горечью и сожалением пишу я эти строки, ибо этот человек обманул не только знатных людей, всегда готовых пойти на удочку шарлатану, но даже ученых и медиков, кои его принимали»[21].

Несмотря на уговоры кардинала, Калиостро решил уехать, тем более что и повод нашелся благовидный: из Неаполя пришло известие, что его друг, кавалер д'Аквино, тяжело болен и призывает графа к себе. Перед отъездом (или незадолго до него) магистр устроил публичный сеанс ясновидения, во время которого, по словам Жозефа Диса, егеря кардинала Рогана, предсказал революцию 1789 года. Правда, точной даты ее он не назвал, но поведал о грядущих ужасах, о страшной гибели королевской семьи, об установлении республики и о грядущем Цезаре, который раздавит Республику[22].

С июля по конец сентября 1783 года Калиостро пробыл в Неаполе, где жил во дворце своего друга, пытаясь исцелить его. Усилия не увенчались успехом, и 22 сентября кавалер д'Аквино скончался. Больше в городе Калиостро делать было нечего, тем более что в глазах полиции Неаполитанского королевства он по-прежнему оставался преступником, сумевшим избежать наказания по делу Марано. С самого приезда Калиостро старался как можно меньше появляться на людях, а незадолго до кончины д'Аквино начал бывать во французском посольстве, где в отсутствие посланника обязанности секретаря исполнял масон Доминик Виван Денон, в будущем первый директор музея Лувр. Есть основания полагать, что Калиостро хотел заручиться поддержкой посольства, ибо помимо висящего на нем дела Марано еще и супруга короля Неаполитанского Мария-Каролина, дочь Марии-Терезии и сестра Марии-Антуанетты, разделяла семейную неприязнь к принцу Рогану и, как следствие, ко всем его приближенным. Не говоря уже о действовавшем в королевстве запрете масонских лож.

Поэтому магистр несказанно радовался, видя, с каким

восторгом его встречает секретарь посольства. Магистр даже согласился тайно посмотреть нескольких больных, рекомендованных ему любезным секретарем. Свое восхищение «необыкновенным человеком» Виван Денон чистосердечно изложил в депеше министру иностранных дел Вержену, тому самому, который по просьбе Рогана отрекомендовал Калиостро страсбургскому градоначальнику, но, к великому удивлению, получил от него суровый разнос. «Надеюсь, сударь, — писал Вержен, — что так называемый граф Калиостро не сумел втянуть вас в свои махинации. Полагаю, что в дальнейшем, находясь на службе короля, вы станете оказывать прием исключительно тем, кто имеет рекомендации двора или посольства». В приписке же говорилось: «Министр выражает свое недовольство господину Денону за прием, оказанный оным так называемому графу Калиостро». Возмущенный Денон ответил министру, что, во-первых, у графа Калиостро имелись рекомендательные письма, подписанные всеми уважаемыми лицами, а во-вторых, он в любом случае оказал бы ему прием, коего заслуживает «человек необыкновенный»…

История поездки Калиостро в Неаполь по-прежнему остается не слишком понятной; одни полагают, что ее не было вовсе, другие — что Калиостро никак не был связан с кавалером д’Аквино. Не имея доказательств, рискнем предположить: а не был ли «необыкновенный человек» связан с зарождавшейся в то время мафией? Ведь в юности в круг его знакомств входило немало субъектов, промышлявших преступными промыслами и пребывавших не в ладах с законом. А тайны всегда притягивали к себе Калиостро как нектар пчелу. Но это рассуждение между строк.

Глава 7
Дела масонские

Одаренный от природы не столь щедро, как Сен-Жермен, он обладал не меньшим талантом привлекать к себе людские души.
Е. Парнов. Трон Люцифера

Виван Денон был уверен, что Калиостро отправился в Париж; но магистр еще не решил обосноваться в столице мира; 8 ноября 1783 года он прибыл в Бордо. Говорят, оттуда он хотел отплыть в Англию, но Серафина категорически воспротивилась и ему пришлось уступить. В те времена Бордо являлся крупнейшим (после Парижа) и старейшим центром масонства; в 1723 году там была основана первая ложа, а в 1760-е годы Мартинес Паскуалис основал храм своего ордена Избранных Коэнов. Так что в Бордо великий масон Калиостро вполне мог найти себе «дело по душе». Сначала, как и в Страсбурге, он пытался сохранить инкогнито, но его быстро раскрыли — как только он, уступив просьбам супруги, появился вместе с ней в театре, роскошное здание которого, построенное три года назад архитектором Виктором Луи, являлось истинным украшением города. Магистра узнал граф де Бривазак, знакомый с ним по Страсбургу, и немедленно сообщил новость своим друзьям. Один из них, шевалье Ролан, отправился к Калиостро и пригласил его и Серафину к себе в ложу, заверив, что они могут на нее рассчитывать каждый раз, когда им захочется посмотреть представление. На следующий день в городе появились листки с корявыми стишками, прославлявшими графа:

В Бордо приехал человек, что чудеса творит,
Спасу я вас от всех болезней, он людям говорит,
Откройте же глаза и уши, чтоб видеть и слышать вам его,
Ведь это он, он, любимый граф Калиостро!

Императорская гостиница, где остановились супруги, стала местом паломничества, и, чтобы многочисленные больные и нуждающиеся, коим граф раздавал мелкие суммы, не взяли ее

штурмом, городским властям пришлось выставить перед ней солдат для поддержания порядка. Не желая подвергать неудобствам других постояльцев, Калиостро снял отдельный дом, где при желании можно было начать целительскую практику и давать консультации. (По слухам, несколько месяцев подряд Калиостро с супругой пользовались гостеприимством графини де Бривазак; магистр настолько вскружил маркизе голову, что она начала полагать его самым замечательным и добродетельным человеком в мире.)

Целительство в планы Калиостро не входило; ему хотелось отдохнуть от сего занятия, сопряженного с постоянным отражением атак официальной медицины; вдобавок на новом месте у него обнаружился конкурент, некий пастор Эрвье, исцелявший, по примеру Месмера, животным магнетизмом. Но пастор оказался слабым противником и быстро исчез со сцены, предоставив ее в распоряжение Калиостро. А новые знатные друзья, среди которых магистр называл маршала де Муши, графа де Феме, герцога де Грийона, виконта де Амеля и Рея де Моранда (родственника Виллермоза), ставшего его добровольным секретарем, упросили его хотя бы изредка заниматься приемом населения. Магистр установил приемные дни: понедельники и вторники — для граждан первого и второго классов, сиречь знати светской и духовной, субботы — для бедняков, ремесленников и селян. Стоило только Калиостро выступить на поприще исцеления недугов, как повторилась страсбургская история: местные врачи дружно выступили против шарлатана. Тем временем секретарь от имени магистра писал Саразену, что и климат, и жители города Бордо на удивление дружелюбны, вот только он каждодневно не устает возмущаться, сколь невежественны там врачи.

В Бордо целительство не являлось главной задачей графа: здесь он желал предстать великим масоном; на собрании местной ложи он произнес речь о необходимости веры в существование Бога и бессмертия души, о почитании государей и о трудах масонских. «Масонские труды, — вещал он, — отличаются исключительной духовностью, ибо цель их — заслужить честь быть принятым в храме Бога. Человек, созданный по образу и подобию Божьему, является самым совершенным Его творением. Пока человек сохранял невинность, он повелевал всеми живыми существами и даже ангелами, выступающими посредниками между Творцом и творениями. Однако, обуреваемый любопытством, человек согрешил и был исторгнут из духовного мира. Дабы вновь вернуться к чистой, невинной жизни, требуется славить Бога, исповедовать милосердие и отбросить

предрассудки. Тому, кто воистину пожелает возродиться нравственно и физически, Бог пошлет помощника, который выведет его к свету…» В завершение своей речи он напомнил, что истинным масонством является масонство Египетское, ибо только египетский масон обретает подлинную свободу и способен раскрыть все свои возможности и способности. Речь встретили бурными аплодисментами.

По слухам, в Бордо Калиостро сумел убедить некую даму, что в ее загородном поместье зарыт клад, охраняемый злыми духами, и пообещал достать этот клад. Но злые духи оказались могущественнее магистра, и клад не отдали; тем не менее 5 тысяч ливров за труды Калиостро принял. Возможно, речь шла о графине де Бривазак, той самой, в чьем доме некоторое время жили супруги Калиостро. А может, это была та дама, которой, как говорили, Калиостро так увлекся, что стал каждый день бывать у нее, являя бурные свои восторги, — пока муж дамы не вышвырнул его в окно. От неудачного падения, а может, от простуды или разлития желчи магистр тяжело заболел. Во время болезни ему было видение, о котором он утром поведал братьям-масонам, явившимся справиться о его здоровье. В этом видении за ним явились двое в белых одеждах и отвели его в пещеру, где собралось множество таких же людей в белом; среди них он узнал нескольких масонов, отошедших в мир иной. В пещере было светло как днем, и граф решил, что он в раю. Тем временем на него надели белые одежды, вложили в руку огненный меч, и он, воздав хвалу Верховному существу, торжественно поклялся всюду нести свет Египетского масонства. В ответ раскатистый голос призвал его трудиться и надеяться. Выслушав рассказ магистра, братья выразили ему свое восхищение.

Несмотря на знак свыше, Калиостро основательно занялся строительством ложи не в Бордо, а в Лионе, негласно признанном столицей европейского эзотеризма. Ибо в Бордо нападки местных врачей становились все активнее, и, пробыв там 11 месяцев, Калиостро покинул город. В конце октября 1784 года граф и графиня Калиостро прибыли в Лион и остановились в «гостинице Королевы», где в ту пору часто останавливались масоны.

Лион, один из крупнейших по тем временам городов, где проживало около 146 тысяч человек, располагался на границе средиземноморского и северного миров. С трех городских холмов, высившихся над слиянием двух крупнейших рек Франции Роны и Соны, открывались великолепные виды, способствующие созерцательности и, как следствие, формированию характеров, склонных к мистицизму. Изготовление чудесного шелка, славящегося во всем мире, притягивало алхимиков, издавна

считавших окраску шелковых тканей своей привилегией. Состоятельная часть горожан обладала временем для досуга, и многие посвящали его поискам истины, иначе говоря, вступали в масоны. Кочевавшие по Европе космополиты-авантюристы и вольные каменщики считали своим долгом посетить Лион. В 1783 году число масонских лож в Лионе приближалось к двум десяткам. Наиболее яркой фигурой лионского масонства являлся просвещенный шелкоторговец Жан-Батист Виллермоз, основатель ложи Совершенной Дружбы (*Parfaite Amitié*), последователь Мартинеса Паскуалиса; в прошлом достойный шелкоторговец достиг высшей степени посвящения в основанном Паскуалисом ордене Избранных Коэнов. Согласно теории Виллермоза, ищущего надобно не учить, а помочь ему вспомнить, ибо тайное знание живет внутри нас; сумев приобщиться к нему, мы получим возможность общаться с духами. Учение Виллермоза привлекало прежде всего аристократию, людей образованных, способных отыскать в собственной душе храм и вступить в контакт с потусторонними силами.

Калиостро, разумеется, не мог принять учения, где ученики обладали достаточной степенью свободы выбора, так как сам претендовал на роль и посвященного, и учителя, и поводыря. В его замысел входило собрать лионских, а в дальнейшем и вообще всех масонов под своей эгидой, ибо единственно верным он полагал исключительно Египетское масонство, обряды коего он, по его словам, узнал из рукописи, найденной им под пирамидами Египта. Но Виллермоз не намеревался сдавать позиций. Поэтому, едва устроившись, магистр от имени графа Феникса пригласил к себе Виллермоза. «Через день после прибытия графа Феникса мне сообщили, что сей человек ждет меня у себя; и хотя имя это было мне подозрительно, я к нему отправился. По его манере разговаривать и вести себя я тотчас догадался, что передо мной известный граф Калиостро, и тот тотчас подтвердил мою догадку. Он сказал мне, что решил отказаться от занятий медициной, ибо из-за него он повсюду наживает себе врагов. Отныне он будет заниматься исключительно делами масонскими и наставлять масонов, кои пройдут у него отбор, ибо только он обладал знаниями единственно истинного Египетского масонства, кое масонство позволяло трудиться во славу Великого Бога, для собственного счастья и для счастья своего ближнего»[1]. В течение недели оба именитых масона встречались четыре раза и в конце концов бесповоротно рассорились. Есть сведения, что, желая поразить собеседника, Калиостро даже начал разговаривать с ним на латыни[2]. Но латынь впечатления не произвела. Во время последней встречи, длившейся четыре часа, зашла речь о природе

Христа, и Калиостро, по утверждению Виллермоза, сказал, что Христос не может быть Богом, ибо он всего лишь сын Божий, как и он сам, и такой же, как и он, философ. С тех пор Виллермоз стал говорить, что Калиостро плохой христианин, а точнее, и не христианин вовсе. Не исключено, что именно после той беседы прошел слух, будто однажды, проходя мимо распятия, Калиостро произнес: «А ведь я предупреждал его!»

После ссоры с Виллермозом Калиостро пребывал вне себя от бешенства: он понял, что стать единоличным главой эзотерического Лиона ему не удастся. Пришлось вернуться к прежнему, испытанному методу привлечения адептов: открыть прием больных. В те дни, по слухам, к нему тайно приезжал 88-летний герцог Ришелье, и магистр в специальном зеркале показал ему не только то, что ждет его в будущем, но и кое-что из прошлого, чем несказанно удивил старого насмешника и либертена. Завезенные с Востока фокусы с зеркалами получили известность еще в Средние века. Во времена Калиостро в Париже с ними подвизался некий Леон Ле Жюиф: в вогнутом зеркале пяти дюймов в диаметре он за соответствующую плату мог показать любого человека, любую картину. Единственным условием была непоколебимая вера в магию зеркала; тем, кто относился к этим прорицаниям скептически, зеркало не показывало ничего. Когда на мошенника пожаловались начальнику полиции, тот попросил фокусника тихо покинуть столицу. Говорят, Калиостро усовершенствовал технику работы с зеркалами, однако прибегал к ним крайне редко. В Польше, пытаясь после неудачных алхимических опытов вернуть расположение князя Понинского, он в своем волшебном зеркале показал князю красавицу Кепинскую. Впрочем, князь, кажется, просил магистра применить волшебство не для лицезрения красавицы, а для снискания ее любви… К визиту Ришелье Калиостро, возможно, не успел подобрать ни «голубков», ни «воспитанниц», а потому воспользовался зеркалом.

Калиостро недолго занимался целительством: довольно быстро ему удалось привлечь к себе членов изрядно захиревшей ложи Мудрости (*Sagesse*), жаждавших заполучить учителя, способного вдохнуть новую жизнь в их масонское сообщество. Калиостро, суливший привести своих адептов к истинному свету, пообещал, что если на то будет воля Господа, он передаст свою власть ученикам. А еще он обещал им двойное перерождение — физическое и нравственное; физическому обновлению способствовало найденное Великим Кофтой первовещество и эликсир вечной молодости, а нравственному перерождению — пятиугольник, амулет, возвращающий человека к первоначальной

невинности, утраченной по причине грехопадения Адама.

«— Как же изготовляется сей пятиугольник?

— С помощью специальных инструментов.

— И каковы же они?

— Шпага, мастерок, нож, кинжал, гвоздь, перочинный нож, три иглы, компас, линейка, металлическая чернильница и кусок свинца. У каждого из этих предметов должна быть специальной формы ручка. Каждый инструмент, имеющий железную часть, следует изготовить в день и час Марса; освящение всех инструментов должно произвести в день и час Солнца; при изготовлении каждый металлический инструмент надо нагреть до соответствующего цвета, а потом закалить. Необходимо также знать различия и цвета перьев, коими надобно пользоваться при письме.

Когда чудесный пятиугольник изготовлен, каждый из двенадцати присутствующих становится верховным начальником нашей священной школы; он обретает свою первозданную невинность и получает знания, коих у него не было ни прежде, ни сейчас и не могло быть в будущем. Ему даруется средство посрамления нечестивцев и неверующих и способ наглядно доказать им существование Бога Вечного, ангелов небесных и бессмертия души. Он может все как на земле, так и на небе, и могущество его распространяется на все, кроме божественных предметов и материй, находящихся в распоряжении Великого Создателя и тех, кто подвластен Ему одному.

Помимо правильного пятиугольника с семью печатями и семью знаками семи ангелов каждый из двенадцати мудрецов получает способность познать семь ангелов, печати и знаки коих изображены на пятиугольнике, отдавать им приказания и сообщаться с ними наяву. И еще он получает семь пятиугольников, на каждом из которых стоит печать одного из семи ангелов[55], и эти пятиугольники он может даровать семи смертным — как мужчинам, так и женщинам. Каждый смертный, владеющий малым пятиугольником, получит возможность познать ангела, чей знак и чья печать стоят на его пятиугольнике, сообщаться с ним наяву и отдавать ему приказания как старший»[3].

Как и прежде, тремя условиями посвящения в масоны Египетского ритуала являлись: вера в Бога (вне зависимости от конфессии и обрядности), вера в бессмертие человеческой души, членство в одной из масонских лож. Двенадцать членов ложи Мудрости (кажется, число выбрано не специально…), немедленно переименованной в Побеждающую Мудрость (*Sagesse Triomphante*), попросили сделать их ложу материнской ложей Египетского

ритуала; магистр согласился. Негоциант Алкье предоставил помещения для проведения собраний и посвящений, члены ложи провели подписку и собрали средства на строительство храма Мудрости. Так как основатели ложи обладали внушительными состояниями, они тотчас внесли по 600 ливров вступительного взноса и активно принялись за сооружение храма, постройка коего обошлась адептам в 130 тысяч ливров[4].

Тем временем Калиостро занимался оформлением своего ритуала, точнее, Ритуала Кофтона[56], в чем ему усиленно помогал Рей де Моранд. Калиостро не имел обыкновения писать, он предпочитал диктовать, тем более что желающих записывать за магистром хватало. Моранд представил на суд членов ложи составленный им под руководством Калиостро устав ложи Побеждающей Мудрости:

«Слава. Мудрость. Вечность. Добродеяние. Благоденствие.

Мы, Великий Кофта, учредитель и великий Мастер высокого Египетского масонства во всех восточных и западных странах земли, объявляем всем тем, кто будет читать сие писание, что во время пребывания нашего в Лионе по желанию многих членов обыкновенного масонства, составлявших ложу Мудрости, и по власти, данной нам свыше, учредили мы на востоке сего города Египетскую ложу на вечные времена. Да будет оная главной ложей во всех восточных и западных землях под именем Побеждающей Мудрости; и жалуем Великим Мастером или Высокопочтенным брата NN, ритором NN, хранителем печати NN, главным надзирателем NN, и проч. Сим чиновникам даем мы право держать ложу, принимать учеников, товарищей и мастеров, иметь переписку со всеми масонами Египетского обряда, учреждать ложи и проч. Повелеваем им иметь попечение о строгом исполнении наших законов, нами подписанных и запечатанных; и каждого из братьев просим постоянно шествовать путем добродетели и добрыми поступками своими доказывать, что он знает цели нашего ордена. Сей патент подписали мы собственною рукою и запечатали печатью, данною нами сей матери-ложе, равно как и нашею масонскою светскою печатью. Дано на востоке Лиона»[5]. Пишут, что после ареста Калиостро среди его бумаг нашли несколько медных пластин с выгравированным на них текстом устава в обрамлении масонских символов. Возможно, магистр хотел напечатать его для ложи, которую намеревался открыть в Риме…

Процедура нравственного возрождения, представленная в «Ритуале…», отличалась изрядной сложностью. Испытуемому предстояло подняться на гору Синай и войти в Сион. К счастью, Синаем можно было наречь любой холмик, где сооружался

трехэтажный павильон, получавший название Сион. Три этажа символизировали союз физической жизни, религиозного вдохновения и философского света. Комната в верхнем этаже имела форму квадрата со стороной в 18 футов, с четырьмя овальными окошками — по одному на каждой стене и с одной лестницей, в нее ведущей. Стены, пол и потолок красились белой краской. Комната среднего этажа была совершенно круглой, без окон вовсе, но достаточно вместительная, чтобы можно было поставить 13 кроватей. Из освещения допускалась одна лампада, прочие же ненужные вещи не допускались. Сия комната называлась Араратом, горой, на которой остановился Ноев ковчег; в этой комнате избранным масонам предстояло вкушать дарованное им Богом спокойствие. Комната в нижнем этаже служила столовой; вокруг нее размещались еще три закутка, из которых два служили для хранения съестных припасов, а в третьем лежали орденские одежды, знаки и орудия масонства. Рекомендовалось провести в сей павильон проточную воду, ибо мастерам предстояло пробыть в нем сорок дней.

«13 мастеров с нужными съестными припасами запираются в сем павильоне на 40 дней и занимаются масонскими работами по предписанному порядку. Шесть часов определены на размышление и покой, три на молитву, девять на святые упражнения, состоящие в приготовлении пергамента и в освящении других орудий, а последние шесть на беседу и восстановление нравственных и физических сил.

По прошествии 33 дней сии заключенные мастера будут иметь счастие видеть 7 старейших ангелов и узнать их тайные печати и шифры. Сии печати и шифры ставят они на пергамент, сделанный из кожи нерожденного ягненка, очищенного шелковою материей, или из младенческого места жидовки. Сия небесная благосклонность продолжится до 40-го дня, в который, совершив работу, каждый начнет наслаждаться ее плодами. Каждый получит для себя пятиугольник или часть тонкого пергамента, на котором старейшие ангелы изобразили свои шифры и печать. Все 13 мастеров исполняются божественным огнем, тело их становится чистым, как у младенца, прозорливость их безгранична, а власть неизмерима. Ум и сила их будут беспредельны, и они устремятся всей душой к совершенному покою и бессмертию, чтобы потом каждый сказал о самом себе: *ego sum qui sum* — Я есмь тот, кто я есмь.

Еще получат они по 7 других святых пятиугольников и могут раздать их друзьям. Они запечатаны только одним ангелом, поэтому владелец может повелевать только одним ангелом, и не во имя Божие, а во имя мастера, который дал им его, и они могут

действовать только его силою»[6].

Физическое обновление также требовало недюжинных усилий. По утверждению магистра, «дабы человек достиг духовной жизни сроком 5557 лет и жил здоровым, пока не будет взят на небо», требовалось раз в 50 лет подвергаться разработанной им процедуре омоложения. Кандидатов отбирали среди мужчина не менее 50 лет от роду, «чистых, как луч света», с безупречной репутацией, не имевших ни жен, ни любовниц, ни привычки развлекаться с дамами и обладавших состоянием, приносившим не менее 53 тысяч ливров ренты. «Лица с такими доходами редко соответствуют подобным требованиям…» — заметил Ж. де Нерваль[7].

Процесс регенерации заключался в следующем: «Кто стремится к совершенству, должен каждые 50 лет в майское полнолуние уединяться в деревне в одной комнате с другом и не вкушать ничего, кроме прохлаждающих и слабительных трав и легких супов, и не пить ничего, кроме майской дождевой воды. Всякий обед должен начинаться жидким блюдом или питьем, а кончаться твердой едой, то есть сухарями или хлебной коркой. На седьмой день такой жизни надо самому себе пустить кровь и принять известные белые капли — шесть утром и шесть вечером; и сие число надобно каждый день приумножать, прибавляя по две капли, и так до 32-го дня. В этот день опять пустить себе кровь. На 33-й день принимается первый гран первобытной материи, коя есть созданное Богом средство сделать человека бессмертным. Состав ее утратился вследствие грехопадения, и теперь мы можем получить его только по особой милости Всевышнего и через масонские операции. Приняв сей гран, человек на три часа лишается памяти и языка. Начинаются судороги, сильный пот и испражнения. Когда он придет в себя, его переносят на другую кровать и дают ему крепкий бульон из одного фунта мяса, сваренного с травами. Сие средство укрепит его, и на следующий день принимается второй гран первобытной материи; затем начинается озноб, бред, шелушится кожа, выпадают зубы и вылезают волосы. На 35-й день, если есть силы, надобно вымыться в теплой воде, на 36-й день принимается третий и последний гран первобытной материи в стакане старого вина и человек засыпает сладким и спокойным сном, во время которого снова вырастают кожа, волосы и зубы.

Пробудившись, он принимает ванну с ароматическими травами, а затем ванну с простой водой, смешанной с селитрой, потом одевается и начинает ходить по комнате. На 39-й день принимается 10 капель Калиостровa бальзама, разведенные в двух ложках красного вина; а на 40-й день человек выходит из

дому, будучи молод и совершенно здоров»[8]. Впрочем, некоторые источники указывали, что «такая же метода предписывается и женщинам для нравственного и физического возрождения».

Надо сказать, различные способы омоложения имели широкое хождение во времена Калиостро. Например, рецепт часовщика Форкасси заключался в следующем: «Чтобы достичь 500-летнего возраста, надо раз в 25 лет принимать эликсир великого делания, а затем, удалившись за город и сняв там уединенный дом в четыре этажа, затворяться в нем в комнате с четырьмя окнами, способствующими хорошему ее проветриванию. Нельзя брать с собой ни кошек, ни собак. Оставшись в одиночестве, самому пустить себе кровь на левом запястье и жить отшельником еще 15 дней, питаясь только бульоном. По истечении этих дней лечь спать на шерстяной матрас, между двух шерстяных одеял и не забыть надеть на голову колпак, дабы проспать три дня и три ночи беспробудно. Пробудившись, принять трехчасовую теплую ванну, после чего наступит полное обновление кожных покровов». Но если Калиостро так и не смог отобрать кандидатов, отвечавших поставленным им самим условиям, то Форкасси под видом эликсира великого делания дал одному из омолаживающихся ртуть, и с того клоками слезла кожа[9].

Отлично усвоив масонскую риторику, Калиостро мог внести дополнения или изменения в текст Кофтона. По словам самого магистра, он удалил из ритуала суеверие и магию, иначе говоря, области нечистого знания. Единственную рукопись «Ритуала…» с собственной печатью зеленого воска граф передал ложе Побеждающей Мудрости. Манускрипт сей не сохранился, однако с него сделали две копии, по мнению Авена, весьма несовершенные[10], одна из которых утеряна, а другая передавалась из рук в руки и переписывалась, пока не попала к ученому М. Морисону; с его текста в 1845 году масон Гийерме тщательно снял еще одну копию, которая и была опубликована в наше время. Впрочем, пишут, что в Риме при аресте Калиостро «Ритуал…» нашли в его бумагах и «писан он на французском языке и так хорошо, что, верно, не сам Калиостро писал его. Надобно думать, что он изобрел только материю и поручил обработать оную какому-нибудь знающему человеку»[11]. Но из такого заявления следует, что рукопись «Ритуала…» была не единственной…

Пожертвования благодарных больных и адептов позволили не только открыть материнскую ложу Египетского ритуала, но и соорудить великолепный храм, где место Верховного существа

занял Великий Кофта, чей бюст работы Гудона установили в комнате для мастеров. Еще два помещения храма предназначались для учеников и подмастерьев. Говорят, когда братья собирались вместе и исполняли гимны («*Veni Creator Spiritus*» — «Приди, дух животворящий» и «*Te Deum laudamus*» — «Тебя, Бога, хвалим»), а также псалмы Давида, в порыве экстаза они зачастую заменяли божественные имена на имя Великого Кофты.

Калиостро дал ложе свод правил и предписаний, где определил, какими качествами должен обладать вступающий в орден:

«Не следует принимать людей неблагодарных и извращенных, кои не верят ни в существование Верховного существа, ни в бессмертие души; такие люди запятнают храм и его приделы.

Принимать следует только тех, у кого в душе проклюнулись ростки этих двух великих истин; какой бы веры ни были эти люди, для них препятствий для вступления не будет.

Тот, кто пожелает приобщиться к таинствам высокого египетского масонства, должен сначала вступить в ложу обычного масонства и подтвердить вступление свое бумагами, подписанными его старшими начальниками»[12].

Когда на процессе Калиостро станет утверждать, что он, в отличие от других масонов, проповедовал веру в Бога и бессмертие души, ему в ответ зададут вопросы: почему он принимал только тех, кто уже вступил в обычные масоны; почему, если он истинный христианин, он не принимал тех, кто не был масоном? Магистр не сможет ответить, и его немедленно обвинят в том, что главным условием для вступавшего он ставил веру в самого себя и в псалмах Давида велел заменять имя Давидово на свое собственное…

«Если перед нами предстанут два кандидата и один будет иметь градус выше, чем у другого, то первым за усердие свое будет принят тот, чей градус выше.

Масон Египетского ритуала должен быть честен, умом склонен к учению и поведение иметь безупречное; тот, кто не будет соответствовать этим требованиям, не будет принят в египетские масоны.

Не ждите, что молоденькое деревце принесет плоды; не даруйте степень ученика тому, кому не исполнилось двадцати пяти лет.

Тот, кто удостоится чести быть принятым, должен пообещать перед лицом Господа и начальников своих нерушимо хранить наши тайны и молчать обо всем, что происходит в наших храмах,

а также строго соблюдать все предписания ордена.

Государи являются подобиями Божьими; египетский масон обязан свято чтить всех государей, а более всего своего собственного; он никогда не выступит ни против законов той страны, где он живет, ни против религии этой страны.

Любить ближнего своего является второй священной обязанностью египетского масона; везде и всюду он должен быть справедливым, творить добро и облегчать несчастия страждущих.

Дети мои, любите друг друга и утешайте друг друга в печали; горе тому брату, который не пожелает утешить своего брата, ибо Господь лишит его своей поддержки.

В чистом масонстве есть только три степени, и вы должны признавать только три степени: ученика, подмастерья и мастера.

Ученик может стать подмастерьем только после трех лет упорного труда и послушания; подмастерье может рассчитывать стать мастером только после пяти лет трудов.

Ученики, вы подчиняетесь подмастерьям, и они назначают вам труды; а вы, подмастерья, исполняете повеления мастеров; и да не поселится в ваших сердцах ревность, и да будет пребывать в них братское согласие»[13].

Не желая вызывать лишних споров и раздувать соперничество, Калиостро постановил, что после трех лет трудов мастер получает право стать наставником для 12 мастеров, 24 подмастерьев и 72 учеников. Мастера должны собираться раз в три недели, подмастерья — раз в пять недель и ученики — раз в семь недель.

В довольно запутанной системе подчинения начальником самого Калиостро являлся пророк Илия, который, как и патриарх Енох, был взят живым на небо; по словам магистра, оба этих святых мужа покровительствовали египетским масонам. Ученики Илии не умирали, а, подобно учителю, забирались живыми на небо — если не начинали заниматься черной магией. Ближе всех к магистру стояли те, кто прошли очищение и возродились, словно феникс из пепла, наделенные многими способностями; они подчинялись только Калиостро. Ступенью ниже стояли масоны попроще, получившие право распределять эликсир молодости — но только с ведома начальников. У них в подчинении находились масоны, владевшие тайной красного порошка, превращавшего металлы в золото. И так далее, причем чем ниже степень посвящения, тем больше угроза попасть в лапы злых духов; таким образом, каждый египетский масон обязан был совершенствоваться в масонских трудах, дабы не оказаться во власти нечистой силы.

Интересно, что среди членов Калиостровой ложи в Лионе

биографы находят сына акцизного чиновника Антуана Рето де Виллета, одного из будущих активных участников аферы с ожерельем, а Виллермоз прямо указывает на знакомство Калиостро и Рето[14]. Сразу возникает вопрос: почему Калиостро не сообщил следователям, что был знаком с Рето? Или речь идет об однофамильце афериста? Или Рето вступил в ложу после отъезда магистра из Лиона? Однозначного ответа, как всегда, нет. Как нет ответа и на вопрос, почему 27 января 1785 года Калиостро неожиданно покинул Лион. Потому, что, собрав средства, не пожелал расплачиваться за строительство храма? Или потому, что снова не сумел превратить свинец в золото? Говорят, незадолго до своего внезапного отъезда он собрал с адептов 500 золотых луидоров для проведения публичных сеансов трансмутации металлов. Но ни на одном из сеансов золота не получилось; по утверждению магистра, вся вина лежала на зрителях, среди коих непременно оказывались либо грешники, либо скептики, а, как известно, любое сомнение и любой грех сводят алхимическую реакцию на нет. Еще намекали на спекуляции графа с шелком, полученным им в качестве подношений; возможно, ему пришлось сорваться с места, дабы ускользнуть от внимания властей. Пишут также, что в Париж его призвал Рамон де Карбоньер, прослышавший о созыве всеобщего масонского конвента. А может, в его стремительном отъезде повинна Серафина? Или его призвал в Париж кардинал Роган, успевший к тому времени по уши увязнуть в интриге, придуманной Жанной де Ла Мотт? Калиостро тоже не останется (скорее, его не оставят) в стороне от поистине фантастической аферы с ожерельем. Так что 25 июля 1786 года, когда состоится церемония освящения храма Египетского масонства, Калиостро вынужден будет пребывать за пределами Франции и речь на открытии вместо него будет держать высокопоставленный масон Риголле:

«Братья мои, с горечью сообщаю я вам, что мы вынуждены проститься с нашим основателем, Великим Кофтой: он навсегда покинул Францию. Но мы должны быть благодарны ему, ибо все то время, кое пребывал он в этом королевстве, он посвящал почти полностью своим детям в Лионе и их счастью. Он хотел прибыть на открытие сие, однако Провидение воспрепятствовало ему. Мы не в силах проникнуть в секреты Верховного существа и должны лишь подчиняться Ему. Авраам согласился принести в жертву собственного сына, нам должно принести в жертву нашего отца. Но скажем, как Иов: Господь дал нам его, Господь и взял.

Прежде вы были слепы, теперь вам известно, какими чудесными милостями осыпало Верховное существо тех, кому позволило стать его учениками, коих он возлюбил. Так

вооружитесь же силой, мужеством и мудростью.

Силой, ибо каждый настоящий масон египетский, построивший в своем сердце святилище, достойное Предвечного, обрел надлежащее мужество, потребное для поддержки и защиты законов и предписаний Великого Основателя.

Мужеством, дабы отважиться вступить на новый и незнакомый путь, неведомый прочим смертным, дабы пренебречь опасностями и философски проживать и счастье и несчастье, кои суть две главные составляющие нашей жизни.

Мудростью, чтобы суметь постичь высшие знания, истинную герметическую философию, чтобы заслужить возможность в искомый день соединить Солнце с Луной, получить величайшую награду, кою только может даровать человеку Бог, и достичь истинного совершенства, духовного и физического, дабы стать Его избранником и обладателем первичной и всеобщей материи.

Любите Предвечного всем сердцем, препятствуйте распространению зла, любите вашего ближнего и служите ему как можете, советуйтесь с совестью и избегайте сомнений, ибо они ведут к преступлению, преступление к греху, а грех — к проклятию Божьему»[15].

Затем мастер велел всем принести обет молчания, ибо во время посвящения подмастерья могли невольно узнать тайны мастеров. Церемонию посвящения провели согласно ритуалу Великого Магистра, о чем достопочтенный брат Александр Террасой де Савена отчитался Калиостро в восторженном письме: «Сударь и мастер, ничто не может сравниться с вашими благодеяниями, разве только та бесконечная радость, кою они нам доставляют. Те, коих вы избрали, открыли ключами двери Храма, придав нам силу и далее славить величие ваше.

Никогда еще Европа не видела столь впечатляющей и столь благочестивой церемонии; и мы дерзаем заявить, что все, кто стали ее свидетелями, более, чем кто либо, прониклись величием главного Божества и более, чем кто-либо, благодарны вам за вашу несравненную доброту.

Каждую неделю братья с подлинным пылом предаются неустанным трудам в ложе. Товарищи наши, проявив истинное рвение, избрали двух мастеров, удостоив их чести представлять вас. Труды наши и молитвы продолжались три дня: собрались мы числом 27 и в течение 54 часов совершали ритуал.

Сегодня мы жаждем повергнуть к стопам вашим свою признательность, всю силу которой мы не в состоянии выразить. Мы не станем подробно расписывать в сем письме вышеозначенную церемонию, ибо надеемся, что вскоре один из братьев расскажет вам обо всем лично. Скажем только, что когда

мы попросили Предвечного дать знак, что он услышал наши обеты и что храм наш ему угоден, в воздухе возник первый философ Нового Завета; благословив нас, он взошел на голубое облако, кое еще ранее мы сумели материализовать, и сиянием озарил юную “голубицу”. Два великих пророка и законодатель Израилев дали нам ощутимые знаки своей доброты и своего подчинения вашим повелениям.

Коли вы и дальше будете осенять сыновей ваших своими крылами, счастию их не будет границ. Сейчас же они преисполнены благодарности за те слова, что передали вы им через “голубицу”: “Скажи им, что я люблю их и буду любить вечно”.

Они клянутся вам в любви, уважении и вечной признательности, и присоединяются к нашей просьбе дать нам свое благословение.

Ваши почтительные сыновья и ученики»[16].

Несмотря на восторженность многих адептов, среди египетских масонов постепенно начались склоки, возникли тяжбы по поводу взносов, через пару лет ложа пришла в упадок и к началу революции распалась окончательно.

30 января 1785 года Великий Кофта прибыл в Париж, где вскоре снял небольшой дом в Марэ на улице Сен-Клод, 30, — неподалеку от улицы Вьей-дю-Тампль, где стоял дворец Роганов (и где в настоящее время размещены Французские архивы), и рядом с улицей Нев-Сен-Жиль, 13, где обитала мадам де Ла Мотт. Выбор, скорее всего, был не случаен, ибо первые дни супруги Калиостро провели в особняке Рогана, и, возможно, как и в Страсбурге, кардинал захотел иметь магистра под рукой. Знаток старых парижских домов Гастон Ленотр писал, что Калиостро поселился в доме, некогда принадлежавшем маркизе д’Орвийе; дом этот имел пропорции неправильные и поражал воображение своим тревожным и загадочным видом. Узкий, зажатый со всех сторон постройками дворик выглядел мрачно и зловеще. В конце его за толстой дубовой дверью находилась конюшня, где стоял любимый скакун Серафины Джерид, огромный черный жеребец арабских кровей. Очаровательная графиня обожала прогулки верхом в Булонском лесу, куда обычно мчалась галопом, несмотря на возражения шевалье д’Уазмона, пылкого поклонника, сопровождавшего ее повсюду. Впрочем, роман сей был недолог: сначала мадам де Ла Мотт убедила подругу Серафину, что ей пристало иметь в поклонниках (сиречь в любовниках) не меньше чем принца, и обещала поспособствовать в подборе подходящей кандидатуры; а потом Бастилия, бегство в

Англию…

Время для приезда в Париж Калиостро выбрал подходящее: горожане стали свидетелями проводов Месмера, постановки «Женитьбы Фигаро», запуска воздушного шара братьев Монгольфье и пребывали в ожидании новых сенсаций. Двор обитал в Версале, парламент выступал оппозиционером двору, прево перед двором заискивал. В здании Оперы устраивали публичные балы, куда инкогнито приезжала потанцевать королева Мария-Антуанетта. Придворный фокусник — манипулятор и физик-демонстратор Джузеппе Пинетти — с успехом давал представления в королевском театре в предместье Пуассоньер, поражая зрителей своим магическим искусством. Не меньшим успехом пользовались представления физика и иллюзиониста Николя Филиппа Ледрю, выступавшего под псевдонимом Комус.

О немецком целителе Франце Антоне Месмере, прибывшем в Париж в 1778 году, следует сказать отдельно. Согласно теории Месмера, обычно именуемой теорией животного магнетизма, в человеческом, как и любом ином природном теле, циркулирует универсальный флюид; если направить флюид в нужную точку тела, можно вылечить болезнь, а если распределить флюид равномерно, наступит успокоение нервов. Прикладывая магнит к страдающей части тела (желательно в форме этой части), больной притягивал к ней флюид и исцелялся. К Месмерову чану с железными опилками и бутылками с намагниченной водой выстраивалась очередь, главным образом из нервически настроенных особ дамского пола. Для тех, кто не мог заплатить за билет на сеанс, Месмер магнетизировал деревья перед собственным домом и на бульваре, где нередко видели людей, привязывавших себя к «намагниченным» деревьям. Некоторые напрашивались к Месмеру на пансион, и тот брал с них по 10 луидоров в месяц. Пишут, что за 18 месяцев Месмер заработал примерно миллион франков[17]. В 1783 году Месмер основал общество Всеобщей Гармонии, членами коего могли стать только люди состоятельные, ибо первичный взнос составлял 100 луидоров. Филиалы «Всеобщей Гармонии» вскоре образовались и в Страсбурге, и в Бордо, и в Лионе. Возможно, в Лионе этот филиал вместе с ложей Виллермоза явился той конкурентной силой, с которой магистр отказался бороться и предпочел сбежать в Париж.

В 1784 году королевская комиссия во главе с Байи (в ее состав входили Бенджамен Франклин, Лавуазье и печально прославившийся впоследствии доктор Гильотен) признала, «что флюид жизненного магнетизма не познается ни одним из наших

чувств и не произвел никакого воздействия ни на них самих, ни на больных, которых они при помощи его испытывали… Они установили… что воображение без магнетизма может вызвать судороги, а магнетизм без воображения ничего не в состоянии вызвать»[18]. Постановление приняли единогласно: ничто не доказывает существование Месмерова магнетизма, а вера в сию химеру является опасной для нравственного и физического здоровья общества. Когда Месмер покидал Париж, над садом Тюильри висел воздушный шар с привязанным к нему рисунком: человек с чаном на голове, а внизу подпись: «Прощай, чан, виноград собран!»

В свое время алхимик и маг Сен-Жермен ввел моду на чародеев, подогрел интерес к оккультизму и удобрил почву для Месмера; приучив парижан к коллективным сеансам гипноза и сомнамбулизма, Месмер освободил вспаханное поле для сеятеля Калиостро. Всеобщее смутное недовольство повседневной реальностью, заставлявшее искать лучшую жизнь в мире потустороннем, жажда неведомых доселе знаний и упование на них гарантировали успех любому мало-мальски подкованному шарлатану. Общество не довольствовалось витавшими в воздухе идеями, воплощавшимися на бумаге, иначе говоря, в трудах философов и просветителей, оно жаждало «материализации духов», явных чудес, которые можно увидеть собственными глазами или даже пощупать. В архивах Бастилии содержится множество протоколов процессов, начатых против искателей кладов, чародеев и разного рода обманщиков-волшебников. Суеверных стало трудно отличать от мудрых…[19]

В Париже Калиостро немедленно занялся масонскими делами. Намереваясь и дальше продвигать Египетское масонство, он вступил в конфликт с основанной в 1773 году оккультной масонской сектой филалетов (друзей истины), решившей созвать всеобщий масонский конвент, дабы, собрав масонов разных обрядов, дать им единую цель. Первая ассамблея (о которой и узнал Рамон де Карбоньер) состоялась в ноябре 1784 года; председательствовавший тогда Савалетт де Ланж предложил пригласить Калиостро и Месмера. Кандидатура Месмера возражений не вызвала, но относительно Калиостро у многих братьев возникли сомнения: они опасались скомпрометировать конвент появлением на нем шарлатана. Однако ни сами братья, ни призванный на помощь Месмер не сумели «рассеять тьму, в которой блуждал конвент»; тогда филалеты, узнав, что Калиостро прибыл в Париж, отважились пригласить его. Магистр приглашение принял, но с условием, что прибудете несколькими своими адептами, и в частности с Лабордом. Филалеты допустить

«людей Калиостро» отказались. Магистр возмутился и 10 марта 1785 года направил конвенту письмо, в котором выражал свою готовность «простереть над ними свою длань и принести свет в потемки их храма» при условии, что филалеты «примут учение истинного масонства и подчинятся уставу, данному их верховным начальником», а также «очистят свое святилище», то есть «предадут огню свои архивы, ибо храм истины следует возводить, избавившись от заблуждений». От такой дерзости конвент растерялся; однако нашлись братья, объяснившие Калиостро, что конвент не является ложей, а потому не имеет ни архивов, ни возможности обратить филалетов в египетских масонов. Сменив гнев на милость, Калиостро согласился сохранить архивы, но потребовал, чтобы три филалета отправились в Лион и там прошли инициацию египетских масонов. Еще он потребовал от филалетов написать прошение в материнскую ложу Лиона. Не дождавшись письма из Парижа, лионская ложа сама отправила филалетам послание:

«Во славу Господа,

Во имя и волею Великого мастера ордена

Ложа Побеждающей Мудрости, материнская ложа Египетского обряда, местопребывающая в Лионе,

Друзьям своим, собравшимся в Париже.

Привет, Сила и Счастье.

Дражайшие наши братья, есть масоны, коих еще ни один уголок на земле не являл вашим взорам; их братский голос обращается к вам: не ищите более. Мы видели непреложную истину, она восседала среди нас на обломках сомнений и систем. Вы увидите ее, дорогие наши братья, она придет в ваши мастерские, как только вы отбросите все ваши материалы, полезные только тем, что они подтолкнули вас к поиску истины. Лишь безумец строит планы на песке.

Согласитесь принять наш устав, составленный главой истинных масонов; пришлите нам депутатов, облеченных полномочиями, и мы исполним указания нашего Мастера и дадим им необходимые наставления.

Как бы нам хотелось в скором времени заключить вас в наши братские объятия! Если нам удастся разделить с вами ваше счастье, мы станем еще счастливее.

Наши искренние чувства и пожелания, преданные вам братья Сен-Костар и другие»

В ответ конвент снова напомнил, что не является ложей и может только отправить посланцев, а будут ли они переходить в египетское масонство или нет — это их личное дело. Разгневанный Калиостро ответил: «Мы предложили вам истину, а

вы ее презрели. Мы предложили вам истину из любви к истине, а вы презрели ее из любви к форме. Но что значит форма, когда нет сути?»[20] И заявил, что отзывает свои предложения, не имеет более с филалетами никакого дела и продолжает трудиться ради всего человечества.

Открыв в Париже Египетскую ложу, состоявшую в подчинении у материнской ложи в Лионе, у себя в доме Калиостро принялся обучать египетскому ритуалу и посвящать в египетские масоны всех желающих. Многие вельможи, побывавшие членами разных лож, с благоговением внимали магистру и считали, что под его руководством они обретают истину. Среди жаждавших приобщиться к высшей мудрости оказалось очень много женщин — знатных, влиятельных, богатых красавиц. Их взяла под опеку графиня Калиостро, вернувшаяся к своим обязанностям великой магистрессы.

Прежде всего Серафина объявила, что открыть адоптивную ложу можно только при условии, что наберется 36 желающих; кандидатки нашлись в тот же день. Затем графиня сообщила условия приема: каждая кандидатка вносит в кассу 100 луидоров; в течение девяти дней воздерживается от общения с мужчинами; обязуется безоговорочно подчиняться приказам магистрессы, даже если покажется, что исполнение приказа причинит кандидатке вред. С условиями согласились все.

Если верить «Ритуалу…», принятие в адоптивную ложу преследовало цель укрепить духовную силу женщины, помочь ей воспарить духом и обрести мудрость. Если верить слухам, членами этой ложи становились дамы не слишком целомудренные, поэтому многие утверждали, что совместные заседания мужской и женской лож превращались в настоящие оргии, во время которых Калиостро играл роль отнюдь не блюстителя нравственности. Как знать…

Открытие адоптивной ложи состоялось 7 августа 1785 года. По словам поэта-романтика Жерара де Нерваля, чей рассказ[21] основан на воспоминаниях современников, церемония происходила в просторном доме на улице Верт-Сент-Оноре. Войдя в помещение первого этажа, кандидатки снимали юбки и панье, подвязки и корсеты, парики и украшения и облачались в белые хитоны с цветным поясом. Пояса были шести цветов (черного, синего, пунцового, фиолетового, розового, «цвета невозможности»), каждые шесть кандидаток имели одинаковый цвет пояса. Затем женщинам вручили тончайшие вуали, дабы те накинули их на голову, повязав концы на груди крест накрест, слева направо. Когда с переодеванием было покончено, кандидаток ввели в ярко освещенный храм с колоннами, где

стояло 36 кресел, затянутых черным атласом. Напротив двери на возвышении сидела Серафина, вся в белом, а по обеим сторонам ее трона стояли две фигуры в хламидах, более походившие на призраков, нежели на живых людей. Внезапно свет сделался менее ярким. Поднявшись с места, великая магистресса взмахнула рукой и повелела кандидаткам обнажить до колена левую ногу, а правой рукой опереться о ближайшую колонну. Когда повеление было исполнено, две женщины внесли в храм меч. Получив от Серафины шелковые ленты, женщины связали всех кандидаток по рукам и ногам. Когда процедура завершилась, великая магистресса обратилась к испытуемым: «Ваша поза, кою заставили вас принять, символизирует ваше положение в обществе. Мужчины не посвящают вас ни в свои тайны, ни в свои планы, ибо желают, чтобы вы всегда и во всем зависели от них. Женщина везде является рабой мужчины, будь то сераль, где один деспот угнетает сразу пять сотен наших сестер, или дикие земли, где в присутствии мужа-охотника супруга не смеет даже сесть. Но если мы сбросим постыдное мужское иго и объединимся для исполнения наших планов, то очень скоро вы увидите, как заносчивые мужчины станут ползать у наших ног и молить нас о милости. Пусть они ведут свои смертоносные войны и плутают в хаосе созданных ими законов! Мы станем управлять общественным мнением, очистим нравы, возвысим умы, поддержим прекрасное и уменьшим число несчастных. И эти высокие задачи нельзя сравнить с пустыми рассуждениями! Если кто-то из вас имеет иное мнение, пусть выскажет его». Речь была встречена всеобщим одобрением.

Тогда великая магистресса приказала снять путы и продолжила: «Я верю, ваша пылкая душа жадно внимает словам моим, ибо они открывают вам путь к свободе, первейшему благу всех живущих созданий. Но, чтобы понять самих себя, вам предстоит пройти испытания, и тех, кто выдержит эти испытания, я посвящу в тайны, приобщившись к которым, вы обретете истинное счастье.

Сейчас вы разделитесь на шесть групп, по цвету ваших поясов, и каждая группа отправится в предназначенный ей покой, где членов ее подвергнут испытаниям. Та, кто дрогнет, никогда более не войдет в сей храм; та, кто пройдет через испытания, станет победительницей».

Когда каждая группа вошла в скромно убранный зал, подоспели кавалеры и принялись уговаривать их отказаться от вступления в ложу. «Как могли вы поверить словам авантюристки? — вопрошали они. — Весь свет станет смеяться над вами». Но кандидатки не вняли коварным уговорам.

Затем к испытуемым явились их поклонники и возлюбленные и стали упрашивать их отказаться от своих замыслов. «Чем провинились мы перед вами? — вопрошали они. — Отчего у вас в душе фанатизм занял место любви?» Юная кандидатка по имени Леонора ответила, что не возлюбленных своих возненавидели они, а пол мужской и его тиранические законы. «Но, — возразил ей молодой граф Жедеон, — из мужчин вы знаете только меня, а разве я тиран?» Не зная, что ответить, трепещущая Леонора отдернула руку, кою возлюбленный ее пытался поцеловать.

Испытания продолжались долго и завершились только в 3 часа ночи. По завершении кандидаткам для подкрепления сил принесли ликеры. Затем их вновь провели в храм, и воцарилась тишина. Неожиданно послышались скрежещущие звуки, купол над головами женщин открылся, и оттуда спустился огромный золотой шар. На шаре восседал гений со змеей в руках; голову гения осияло пламя. (Другие источники сообщают, что гений восседал обнаженным.)

— Это гений истины, — сказала великая магистресса, — он раскроет вам тайны, которые столь долго от вас скрывали. Сей гений — это знаменитый, бессмертный, божественный Калиостро, вышедший непорочным путем из лона Авраамова, Калиостро, владеющий всеми знаниями прошлого, настоящего и будущего.

— Дщери земли, — вскричал тут гений, — если бы мужчины не держали вас в неведении, вы бы давно стали непобедимы. Вы кротки и нежны, и мужчины обязаны обожать вас и почитать. Вам неведомы пороки, будоражащие разум, чуждо исступление, повергающее государства в хаос. Природа наделила вас всем, что есть в ней прекрасного. Мужчины же возревновали и попытались принизить прекрасные творения природы. Так оттолкните же от себя лживый пол, взгляните друг на друга и откройте души для нежности.

Оратор умолк, а женщины обнялись. Свет сменился сумерками, и гений истины скрылся под куполом. Великая магистресса принялась обходить кандидаток, даруя каждой ободрение, утешение и поддержку.

Затем заиграла бодрая светская музыка, стало светло, пол опустился, а на его месте возник роскошно накрытый стол. Дамы поспешили за стол; едва они расселись, как вошли 36 духов истины, одетых в белый шелк и в шелковых же масках. Как и подобает неземным созданиям, духи в белом сновали по залу, прислуживая кандидаткам. В середине трапезы духи сняли маски, и испытуемые узнали своих возлюбленных. Великая магистресса объяснила, что целью Великого Калиостро является исправление зла, сотворенного обществом, противопоставившим мужчину и

женщину, в то время как в первозданном природном состоянии мужчины и женщины были равны. Мужчин пригласили присоединиться к трапезе, после чего бокалы с шипучим вином начали опустошаться значительно чаще. То тут, то там звучали шутки и остроты, кое-кто дерзнул обнять свою возлюбленную. И вот уже позабыты и гений истины, и заблуждения человечества: Амур берет свое. Покидая храм, великая магистресса произносит: «Амур торжествует, не будем ему мешать. Однако не забывайте про наши условия, и тогда душа ваша очистится». Недаром Гримм написал: «Собрания египетских масонов напоминали одновременно и балы, и академические собрания, и дружеские ужины».

Во время сеансов духопризывания Калиостро не ограничивался общением с потусторонними силами через «воспитанников»; он сам призывал духов и разговаривал с ними напрямую. Слух об «ужине тринадцати» облетел весь Париж; только имен шести знатных особ, приглашенных Калиостро, почему-то не называл никто. Зато все точно знали имена шестерых приглашенных на ужин призраков: герцог де Шуазель, Даламбер, Вольтер, Дидро, аббат Вуазенон и Монтескье. Сначала приглашенные особы стеснялись, но постепенно освоились и даже стали задавать покойным знаменитостям вопросы. «Какова жизнь на том свете?» — «Того света не существует», — ответствовал Даламбер. А ярый противник церкви Вольтер поведал, что, пообщавшись в мире ином с папами Бенедиктом XIV и Климентом XII (издавшими эдикты против масонов), он теперь считает их интересными и вполне приличными людьми. Шуазель посетовал, что «там» все лишены телесной оболочки, поэтому он не может наслаждаться женской красотой. Любопытно: некоторые утверждали, что на «ужине с призраками» председательствовала прекрасная Серафина…

Запомнился современникам и разговор с Даламбером, чей призрак, удобно устроившись в кресле, голосом магистра отвечал на вопросы отгороженных от него веревочкой зрителей. Магистр сам шепотом повторял зрительские вопросы на ухо философу… Узнав, что Калиостро может вызывать духов по заказу, народ хлынул к нему толпами. Несколько молодых людей предложили магистру тысячу луидоров за ужин с античными куртизанками и даже написали имена тех, кого хотели бы увидеть. Однако Калиостро резонно заметил, что неизвестно, в каком возрасте скончались означенные женщины; ужин с матронами молодых людей не прельстил.

Загадочные ритуалы, тщательно скрываемые от

непосвященных, целительский дар, неустанно нахваливаемый почитателями Калиостро, таинственные сеансы духопризывания — все это привлекало людей, пробуждая любопытство невежд и зависть членов иных сект. Изображения магистра смотрели на поклонников с вееров, чашек, табакерок, шкатулок; знаменитый Гудон изваял бюст магистра; «другу человечества» посвящали стихи:

Друг человечества изображен здесь явно; он лишь о пользе мыслит благонравно, и, став наградой, пребывает с ним дар щедро жить и помогать другим[57].

Те, кто не могли позволить себе приобрести большой бюст Калиостро, приобретали маленький или гравюру с его портретом. Правда, говорят, что непосредственных учеников у магистра в Париже числилось всего сорок, зато все они были буквально без ума от своего наставника. Невидимым спутником он сопровождал их повсюду, они разговаривали с ним, а когда садились за стол, ставили для него прибор… Поклонники и любопытные подстерегали магистра повсюду. Актер театра Французской комедии Флери, подкараулivший Калиостро в парке, где тот гулял после обеда, увидел, как граф забрался на качели, а супруга принялась его раскачивать. Услышав смех соглядатая, магистр ужасно разозлился и даже соскочил на землю, но потом сменил гнев на милость и важным тоном объяснил, что качаться на качелях после еды чрезвычайно полезно для пищеварения22.

Жак Клод Беньо из Бар-сюр-Об, в ту пору юный клерк и мимолетный любовник Жанны де Ла Мотт, познакомившись с Калиостро в парижском жилище своей любовницы, писал: «Калиостро говорил на какой-то смеси языков, наполовину французской, наполовину итальянской, перемежая речь цитатами на арабском. Он говорил один и успевал коснуться двух десятков тем, придавая им звучание и подробности, кои устраивали только его. И он постоянно спрашивал, понятно ли всем, и все кивали, дабы убедить его. Говорил он, прибегая к жестам, и повышал голос. Но мог он и прервать речь и начать отпускать комплименты хозяйке дома или начинал любезничать и иронизировать. Так вел он себя и за столом. Говорил же он о созвездиях, о небе, о великом аркане, о Мемфисе, о иерофанте, о трансцендентной химии, о гигантах, об огромных животных, о городе в центре Африки, что в десять раз больше Парижа и где у него свои корреспонденты; о невежестве нашем, ибо мы об этом не знали, он же знал все досконально…»23 Что ж, с начала своей авантюрной карьеры манеры магистра, похоже, нисколько не изменились, разве что материй в разговорах затрагивалось больше, костюм стал богаче и салоны, которые он теперь

посещал, были рангом повыше…

Глава 8
Куда исчезли алмазы?

Калиостро принадлежит к тем людям, которые иногда появляются ниоткуда. И очень странно, что он, вопреки привычкам такого рода людей, ни у кого не брал денег, платил аккуратно и занимался благотворительностью, и никто не знал, откуда средства.

Барон де Безанваль

Маркиза де Креки[58], в чьем парижском салоне побывали едва ли не все примечательные личности XVIII столетия, не оставила без внимания и Великого Кофту. На ее взгляд, граф Калиостро отличался дурным сложением и одевался не слишком хорошо: синий, военного покроя фрак из тафты, обильно расшитый галунами, чулки с золотой искрой, башмаки с огромными пряжками из сверкающих камней. Пальцы его унизывали перстни с крупными алмазами, не менее крупный камень сверкал в булавке для галстука, а алмазы помельче украшали многочисленные часы, кои он носил на цепочках. Пудреные волосы заплетал в косички, а потом собирал в хвост. Носил шляпу с белыми перьями, а когда увлекался и говорил особенно быстро, натягивал ее на самые уши. Большую часть года он ходил в просторной шубе из голубого песца с огромным трехрогим капюшоном; когда же он надевал сей капюшон, дети, что случались рядом, от страха разбегались в разные стороны. Черты лица у него были правильные, цвет лица приятный розовый и великолепные зубы. Но каков он на самом деле, сказать сложно, ибо он все время надевал на себя личину, коих у него не менее пятнадцати. А глаз таких, как у него, пожалуй, никто никогда не видел. Он притворялся, что плохо говорит по-французски, а когда разговаривал с лицами незнакомыми, и вовсе коверкал сей язык. Однако он всегда отличал людей изысканных и с хорошим вкусом, подмечал и высоко ценил элегантность и улавливал малейшие оттенки в поведении, манере держаться и разговаривать; столь тонкая наблюдательность была поистине удивительна.

Маркиза полагала, что отсутствие манер, броский безвкусный

костюм и многочисленная свита из лакеев в дорогих (по 20 ливров!) ливреях являлись не фанфаронством, а точным расчетом: грубость и вульгарность никогда не оставались незамеченными и притягивали людей, прежде всего таких же грубых и вульгарных, каковых всегда большинство. Люди недалекие почитали Калиостро великим оригиналом; он завораживал всех, кто к нему приближался. Сама маркиза симпатий к Калиостро не питала, и когда кардинал Роган попросил ее составить графу протекцию, решительно отказалась, мотивируя свой отказ тем, что не понимает ни занятий графа, ни его методов. «Все, что я могу вам сказать в пользу господина Калиостро, — заявила она, — так это что ум у него весьма разносторонен. И да будет угодно Господу, чтобы вам никогда не пришлось раскаяться в вашем к нему доверии». Какое уж тут доверие, когда, не имея видимых источников дохода, граф проживал 100 тысяч ливров в год (а именно такую сумму называют, подсчитывая годовые траты Калиостро в Париже)… Поэтому, несмотря на полное оправдание графа, многие до сих пор сомневаются в его непричастности к краже ожерелья. Дело это, претендующее на «аферу века», прогремело подобно взорвавшейся рядом с троном пороховой бочке: оно буквально потрясло основы королевской власти, забрызгав грязью и трон, и тех, кто его окружал. Но так как дело это давнее, позволим себе рассказать о нем подробно, поскольку оно имеет непосредственное отношение к созданию мифа о Калиостро.

Началось все с того, что два ювелира, Шарль Огюст Бемер и его зять и компаньон Поль Бассанж, осуществили давнюю мечту: создали ювелирный шедевр, который, как они полагали, останется на века, прославляя своих создателей. Шедевр — удивительной красоты ожерелье — состоял из 647 бриллиантов общим весом 2800 карат. Приобрести такое украшение, стоившее почти два миллиона ливров, могла позволить себе только Дюбарри. Но Людовик XV скончался, не успев сделать фаворитке бесценный подарок, Дюбарри немедленно удалили от двора, и ювелиры остались с ожерельем и по уши в долгах. Будучи поставщиками королевского двора, ювелиры предложили ожерелье Марии-Антуанетте, обожавшей дорогие украшения, но получили отказ. Людовик XVI робко намекнул, что в казне нет денег, и его юная супруга неожиданно пошла ему навстречу, произнеся историческую фразу: «Франции больше нужен корабль, чем украшение!» Стоимость ожерелья действительно равнялась стоимости хорошо оснащенного военного корабля. Португальский и испанский дворы, которым ювелиры попытались продать драгоценность, ответили отказом. В 1782 году, после рождения

дофина (старшего сына королевской четы, скончавшегося от болезни в 1789-м), Бемер и Бассанж сделали еще одну попытку предложить украшение королю, однако поражение французского флота в Карибском море вновь пробило брешь в бюджете и король отклонил предложение. Бемер решил обратиться напрямую к королеве, заявив, что утопится, если та не купит ожерелье. Королева попросила более ее не беспокоить и посоветовала, вместо того чтобы топиться, разобрать ожерелье и продать его по частям.

12 июля 1785 года по случаю крестин юного наследника престола ювелир передал королеве подарок от короля — эгрет и серьги с бриллиантами, приложив к шкатулке записку личного содержания: «Мадам, мы несказанно счастливы, ибо самое прекрасное алмазное украшение, какое только существует на свете, наконец послужит самой великой и самой прекрасной из королев». Королева не любила загадок и сожгла записку как ненужную (у Бемера осталась копия). 3 августа Бемер, встретив чтицу королевы мадам Кампан, спросил о записке. Узнав, что королева ее сожгла, он в отчаянии вскричал: «О, мои деньги!» Кампан напомнила, что за поднесенные украшения давно заплачено. И тут ювелир поведал изумленной чтице, что королева при посредничестве Рогана приобрела у них с компаньоном алмазное ожерелье, пообещав расплатиться в несколько приемов, и даже передала в качестве аванса 30 тысяч ливров, взятых, по словам кардинала, «из маленького шкафчика севрского фарфора, что стоит возле камина в ее будуаре в Версале». «Но после возвращения Рогана из Вены королева с ним не разговаривает!» — возмущенно воскликнула Кампан. «Вы ошибаетесь, — смиренно ответил ювелир. — Они находятся в прекрасных отношениях, однако общение их носит неофициальный характер. Королева взяла ожерелье в его присутствии». «Это кардинал вам сказал?» — «Да! Он говорил, что ее величество намерена надевать ожерелье по праздникам, а так как я его на ней не увидел, то дерзнул написать…» Встревоженная Кампан поведала о разговоре Марии-Антуанетте, и 9 августа та решила принять Бемера в Трианоне. Во время аудиенции ювелир понял, что королева и в самом деле ничего не знает и ожерелья у нее нет. Он и его компаньон стали жертвами мошенничества. Лишившись ожерелья, а с ним и надежд расплатиться с долгами, отчаявшийся ювелир заявил: либо королева платит, либо он делает покупку ожерелья достоянием гласности. Разгневанная Мария-Антуанетта поручила министру Королевского дома Бретейлю разобраться в этом странном деле. Бретейль без особой торопливости (чтобы с большей вероятностью «утопить» Рогана, как считал аббат

Жоржель) выяснил, что у ювелиров имеется расписка королевы, где та обязалась в три приема выплатить всю сумму — 1 600 000 ливров. Подле каждой даты выплаты стояла подпись: «Заверяю. Мария-Антуанетта Французская». Но Мария-Антуанетта была принцессой не «Французской», а «Австрийской» и вдобавок всегда подписывалась только именем! Подпись явно подделали.

Несколько лет назад, а именно в 1777 году, ловкая интриганка мадам Кауэ де Вилле связала имя королевы с крупными финансовыми махинациями: по поддельным распискам де Вилле долго получала из казны и от банкиров деньги якобы для нужд королевы; подделывая почерк Марии-Антуанетты, она ухитрилась поживиться даже за счет королевской модистки Розы Бертен. Когда подлог раскрылся, дело постарались поскорее замять, отправив даму сначала в Бастилию, а потом в глухой монастырь, где она и скончалась. Обманом вытягивала из королевы деньги и чета Гупиль: каждый раз, когда супруг-полицейский обнаруживал тираж листовок, направленных против ее величества, супруга, исполнявшая обязанности чтицы, сообщала об этом королеве и получала особое вознаграждение. А через некоторое время обнаружилось, что листовки сочинял и печатал сам инспектор Гупиль… Темная личность, авантюристка Франсуаза Вальдбург-Фроберг также изрядно скомпрометировала королеву, хвастаясь ее особым доверием…[1]

Каждый раз мошеннические проделки старались скрыть, но слухи о них, а особенно о растратах упорно просачивались за пределы дворца, так что в глазах общества афера с ожерельем явилась очередным подтверждением расточительности двора. Виновницей во всех случаях считали королеву: если бы она не тратила так много и с такой легкостью, кто бы стал верить каждому клочку бумаги, на котором нацарапано ее имя?

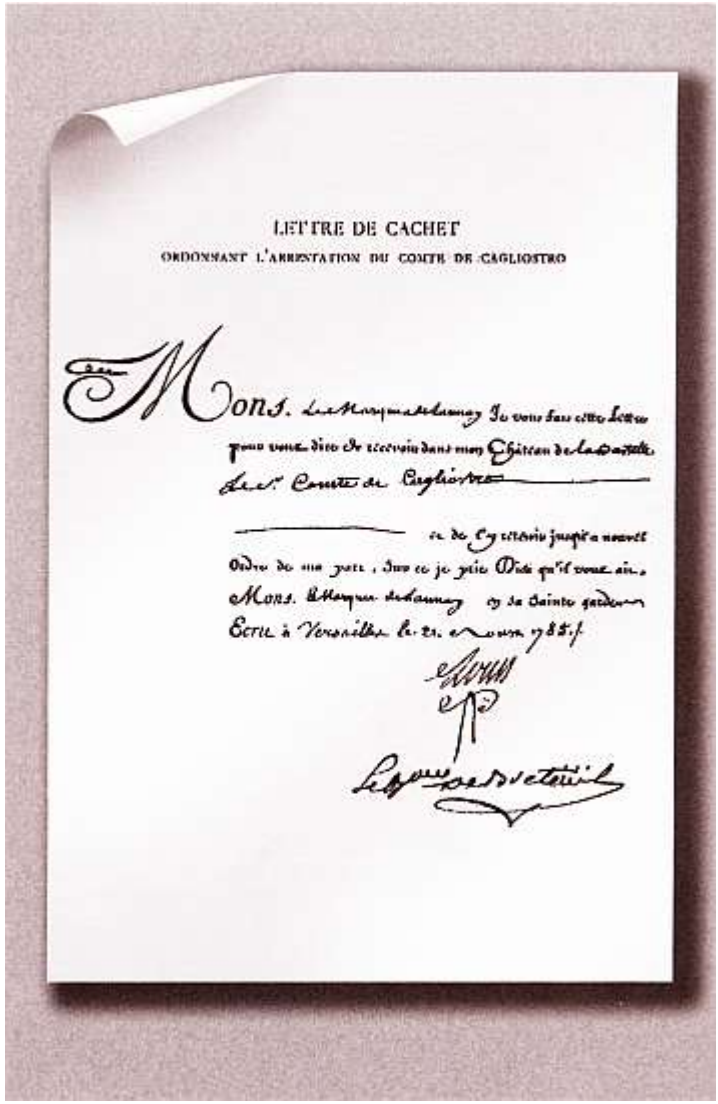
Кто на этот раз подделал почерк ее величества? Ювелиры поведали Бретейлю, что посредницей между ними и королевой выступала графиня де Ла Мотт-Валуа из близкого окружения Марии-Антуанетты; она пообещала уговорить королеву приобрести ожерелье, а потом пришла и сказала, что королева согласна, однако хочет провести сделку в тайне и в качестве посредника выбирает Рогана. Но — о ужас! — накануне дня платежа мадам Ла Мотт заявила, что ее величество отказывается оплатить покупку, и тогда они решили сами припасть к стопам королевы…

Жанна де Ла Мотт (1756–1791), происходившая (через графов Сен-Реми) по прямой линии от короля Генриха II, точнее, от одного из его бастардов, и имевшая право претендовать на фамилию Валуа, выросла в нищете, в которую вверг семейство ее

отец, спившийся барон де Сен-Реми. Встретившаяся на пути юного создания сердобольная мадам де Буленвилье прониклась жалостью к девочке, в жилах которой текла капля королевской крови, и поместила ее на воспитание в монастырь, откуда та сбежала, когда настоятельница принялась активно уговаривать ее принять постриг. В то время Жанне исполнилось двадцать три года. Не будучи красавицей, она отличалась известным очарованием: черные волосы, голубые глаза под черными изогнутыми бровями, аристократически удлиненное лицо, несколько крупноватый рот, великолепные жемчужные зубы, маленькие изящные руки и ноги, рост средний, фигура гибкая. Несмотря на хрупкую внешность, Жанна обладала железной волей, изобретательностью и беспринципностью. Судя по всему, в детстве она не верила, что действительно происходит из королевского рода, но бумагу, оставленную отцом, скончавшимся на больничной койке для бедных, бережно хранила. Мадам де Буленвилье показала бумагу д'Озье, главному генеалогисту королевства, и тот подтвердил происхождение Жанны. С этой минуты у девушки появилась цель: вернуть некогда принадлежавшие семье владения в городке Бар-сюр-Об и занять достойное место при дворе. Для этого она была готова на все.

Прежде чем выйти замуж за королевского жандарма Никола де Ла Мотта, Жанна сменила нескольких знатных любовников, каждый из которых был ей чем-то полезен. Не слишком образованный Ла Мотт устраивал Жанну: он не ревновал супругу, а когда речь заходила о деньгах, с готовностью внимал ее советам. В Саверне, где Жанна упала в объятия кардинала, она выхлопотала для мужа синекуру, позволившую ему приписать к своему имени титул графа, и стала именовать себя графиней. Получив от кардинала всё возможное на тот час, супруги Ла Мотт отбыли из Саверна в Париж, где сняли крошечный угол. Вместе с ними в столицу прибыл Ретоде Виллет, новый любовник Жанны, сумевший прекрасно найти общий язык с ее супругом. Рето был образован, обладал недурным голосом и умел виртуозно подделывать почерк. Еще Жанна сняла комнатушку в Версале, на площади Дофина, поближе к дворцу, куда и начала ходить едва ли не каждый день. Двери дворца были открыты для всех прилично одетых людей, и вскоре Жанна подробно изучила царившие там нравы и порядки и знала каждый уголок сада.

Джузеппе Бальзамо, граф Калиостро. 1785 г.



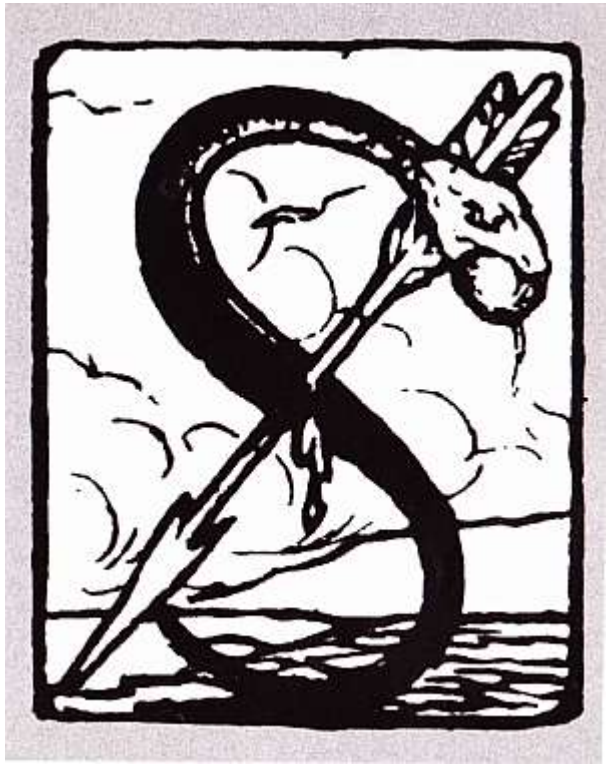
LETTRE DE CACHET

ORDONNANT L'ARRESTATION DU COMTE DE CAGLIOSTRO

«Письмо с печатью» (lettre de cachet), подписанное бароном де Бретейлем, на основании которого был арестован Калиостро

Барон де Бретейль (1730—1807), министр Королевского дома

«Когда требовалось подписать протокол допроса, магистр делал росчерк “граф де Калиостро”, а протоколист зачеркивал графский титул…»

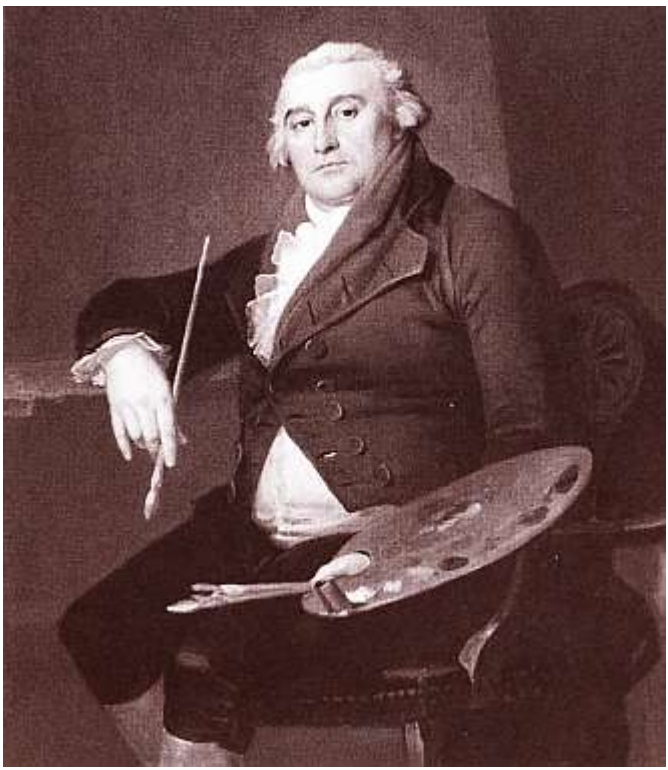


Печать великого Кофты

Шарль Тевено де Моранд (1741—1805)

Дом в Бьенне, в котором чета Бальзамо-Калиостро поселилась вместе с четой Лутербург

Английская карикатура на Калиостро-масона



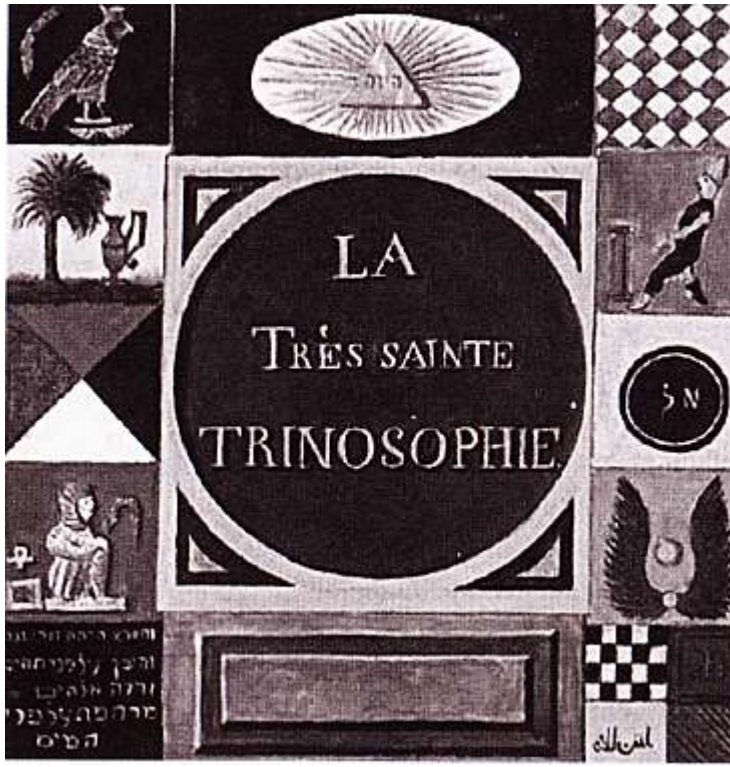
Художник Филипп Лутербург (1740—1812)

Рим, церковь Санта-Мария-сопра-Минерва, на паперти которой по приказу суда инквизиции Калиостро отрекся от ереси

Рим, замок Сант-Анджело

Папа Пий VI (1775—1779)

Вход в камеру Калиостро в замке Сант-Анджело



Обложка рукописной книги «Святейшая Триософия», авторство которой иногда приписывают Калиостро

Кардинал Франческо Саверио де Дзелада (1717—1801)

Крепость Сан-Лео

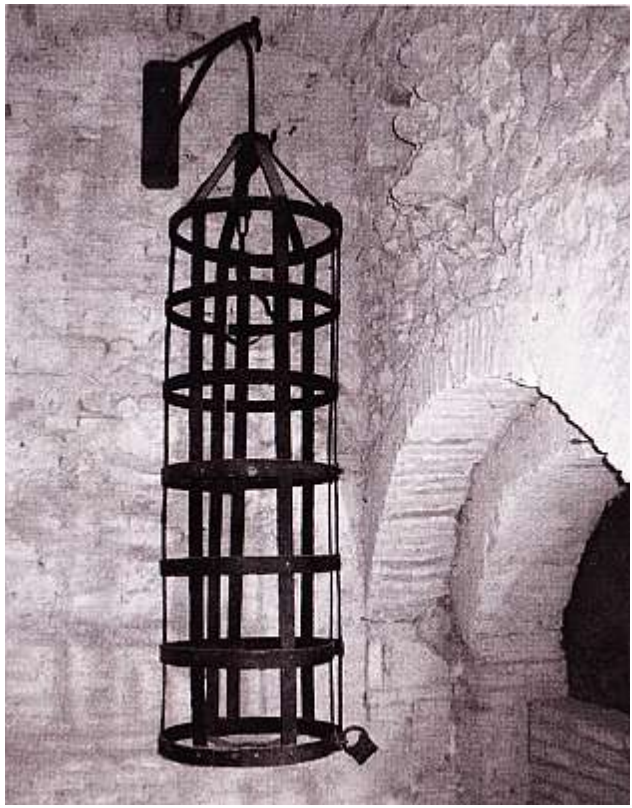
Внутренний двор крепости Сан-Лео

Калиостро поднимают в корзине в крепость Сан-Лео.
Рисунок того времени

Граф Семпронио Семпрони, комендант крепости Сан-Лео

В музее крепости Сан-Лео под этим портретом стоит подпись: «Калиостро», но кто и когда увидел графа таким?..

Железные маски для запугивания и пыток узников инквизиции. Музей крепости Сан-Лео

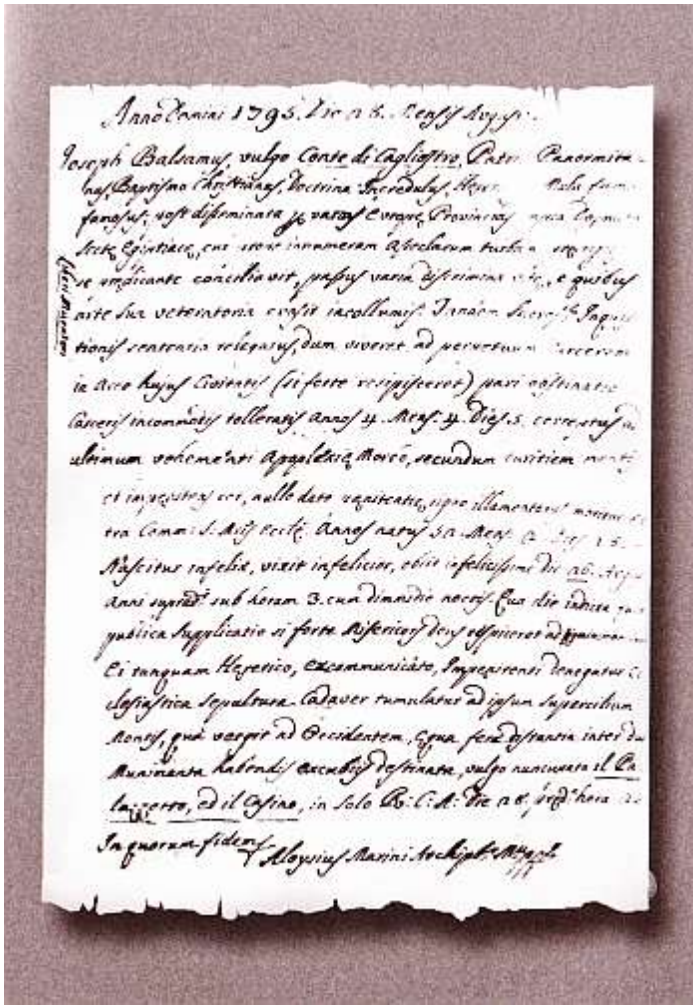


Железная клетка для непокорных узников инквизиции.
Музей крепости Сан-Лео

Камера Сокровищница (Tesoro) в крепости Сан-Лео

Камера Колодец (Rozzetto)

Люк в потолке камеры Колодец



Свидетельство о смерти Бальзамо-Калиостро

Скамья в камере Колодец, где скончался Бальзамо-Калиостро и куда нынешние поклонники Великого Кофты приносят цветы

Подготовившись, Жанна симулировала обморок в покоях принцессы Елизаветы; хитрость удалась, принцесса обратила на нее внимание, а услышав, сколько лишений пришлось претерпеть несчастной женщине из рода Валуа, распорядилась о ежемесячной пенсии в 1500 ливров для графини де Ла Мотт. Такая подачка Жанну не устраивала; ничтожные, по ее меркам, деньги не позволят ей даже рассчитаться с долгами. Она еще дважды прибегала к той же уловке, но понимания более не встретила, скорее наоборот, и четвертый раз падать в обморок

остереглась. Пришлось заводить знакомства среди мелкой сошки из обслуги, дабы получить возможность присутствовать при королевских трапезах, а потом подробно их расписывать, намекая собеседнику, что она часто обедает при дворе.

И тут в Париж приехал кардинал Роган. Жанна нанесла ему визит, и вскоре супруги Ла Мотт перебрались в дом на улицу Сен-Жиль — поближе к кардинальскому дворцу. В своих мемуарах мадам де Ла Мотт писала, что именно кардинал уговорил ее обратиться к королеве, уверяя, что только та сможет помочь ей восстановить справедливость. По совету Рогана Жанна бросилась к ногам королевы. Ее величество выслушала просительницу и, проникнувшись состраданием, обещала добиться у короля признания ее принцессой Королевского дома. «А пока, — заявила королева, — мы станем встречаться тайно, вдали от любопытных глаз». На прощание Мария-Антуанетта вручила графине туго набитый кошелек…

Жанне не составило труда узнать, что с той минуты, когда Роган увидел юную дофину, мечтой всей его жизни стало добиться ее расположения. И мадам Ла Мотт принялась настойчиво намекать на свою крепнущую дружбу с королевой и готовность помирить свою державную подругу с кардиналом. Однажды из очередной поездки в Версаль она приехала в придворном экипаже и немедленно похвасталась его преосвященству, что ее величество, желая облегчить подруге дорогу домой, предложила ей воспользоваться королевской каретой. Каким образом Жанна сумела раздобыть сей экипаж, осталось загадкой. Наверное, помогло знакомство с мелкой сошкой.

В небольшом разношерстном обществе, постепенно сложившемся на улице Сен-Жиль, мадам де Ла Мотт сыпала громкими именами и пересказывала свежие придворные сплетни, утверждая, что узнала их из первых уст. Ей верили: Мария-Антуанетта создала в Версале свой собственный мирок со столицей в Малом Трианоне, куда допускались исключительно близкие королеве люди; даже королю приходилось испрашивать разрешения, чтобы посетить сей уголок. Потайные покои, известные только приближенным королевы, имелись и в Версальском дворце. Жанне нельзя было отказать ни в остроумии, ни в искусстве рассказчицы, а ее собственная история, такой, какой она ее преподносила, и вовсе походила на роман, так что никто не сомневался, что королева, пребывавшая в постоянной погоне за развлечениями, могла приблизить к себе особу, подобную графине де Ла Мотт. Алчных и беспардонных личностей, наделенных талантом развлекать и сорить деньгами,

вокруг Марии-Антуанетты вращалось немало; например, ближайшая подруга графиня де Полиньяк со своим многочисленным семейством обходилась казне более чем в полмиллиона ливров в год. Поэтому кардинал не усомнился, что его любовница Ла Мотт стала наперсницей королевы. Все еще стройный, хотя и с первыми признаками полноты, видный, с приятным лицом, чистой кожей и юношеским румянцем, с прозрачными голубыми глазами, кроткий взор которых никак не вязался с всепоглощающим честолюбием, в свои пятьдесят лет кардинал продолжал пользоваться успехом у женщин и, видимо, искренне считал, что если он сумеет перебороть неприязнь королевы, то добиться ее расположения труда не составит.

К весне 1784 года Жанна, убедившая кардинала в своих доверительных отношениях с королевой, стала посредником в переписке между Марией-Антуанеттой и кардиналом. Уговорив Рогана отправить королеве покаянное письмо, она быстро доставила ему ответ — такой, о каком он мечтал. В письме, продиктованном мадам Ла Мотт и написанном рукой Рето де Виллета, от имени королевы сообщалось, что ее величество прощает кардиналу былые промахи. Письма посыпались дождем; но постепенно кардинал стал недоумевать, отчего, несмотря на благосклонность в письмах, встречая его в Версале, королева не только не подает виду, что он в фаворе, но даже не смотрит в его сторону. А так как Ла Мотт еще не удовлетворила свои аппетиты и от имени Марии-Антуанетты извлекала из кардинала лишь небольшие суммы — якобы для пожертвований, следовало срочно что-то придумать, дабы продолжать переписку. Большая игра впереди, и Жанна пока не знала, какой она будет, но что будет — знала точно. После непродолжительных размышлений графиня де Ла Мотт придумала и вместе с мужем и любовником осуществила постановку коротенькой сценки под названием «Свидание в версальском парке», вполне достойной пера Бомарше. Собственно, она и была навеяна той сценой из «Женитьбы Фигаро», где графиня Альмавива в костюме Розины отправляется на ночное свидание, чтобы уличить своего ветреного супруга.

Для исполнения роли королевы Никола де Ла Мотт в садах Пале-Рояля, завсегдатаем коих он являлся, нашел куртизанку по имени Николь Леге, лицом и фигурой отдаленно напоминавшую Марию-Антуанетту, а его супруга раздобыла для нее светлое платье в горошек (в нем королева изображена на одном из портретов кисти Луизы Виже-Лебрен). Примеряя платье на баронессу д'Олива[59], как она стала именовать Николь, Ла Мотт поняла, что свидание надо устраивать в плохо освещенном месте — принять баронессу Оливу за королеву мог только человек

близорукий или слепой от любви. Кардинала причислили к последним. Николь объяснили, что некая знатная особа (по другой версии — сама королева) пожелала подшутить над одним вельможей; Николь предстоит вручить этому вельможе розу и письмо и в нужный момент произнести две фразы, предварительно заучив их наизусть. За участие в фарсе девице пообещали 15 тысяч ливров. Скажем сразу: мошенники заплатили только аванс (чуть больше пяти тысяч ливров — в пять приемов чеками и наличными), но этой суммы хватило, чтобы купить молчание Николь.

Утром 11 августа Жанна торжественно сообщила кардиналу, что королева готова прийти к нему на свидание, дабы все объяснить ему лично. «Полагаю, вы понимаете, что свидание тайное, — понизив голос до едва слышного шепота, произнесла она. — Приходите сегодня в полночь к калитке парка, той, что возле купальни Аполлона. Там вас будут ждать и проведут к королеве». Ла Мотт недаром выбрала это место: неподалеку располагалась роща Венеры, излюбленное место уединенных прогулок Марии-Антуанетты, куда не допускались даже стражники, охранявшие Трианон. Не веря собственному счастью, остаток дня кардинал провел перед зеркалом и в гардеробной.

Вечером чета Ла Мотт привезла дрожащую от страха баронессу д'Олива в Версаль, в комнатушку Жанны, и в течение нескольких часов одевала ее и причесывала, одновременно заставляя молодую женщину повторять две сакральные фразы: «Вы знаете, что это означает» и «Можете надеяться — прошлое будет забыто». Удивительно, но некоторые детали постановки наводят на мысль, что королева и в самом деле была в курсе готовящегося фарса. Например, зачем присваивать куртизанке титул, если с ней имели дело только Ла Мотт и ее муж, прекрасно знавшие всю ее подноготную? Не значит ли это, что ее представили (о ней сообщили) кому-то, для кого участие в спектакле особы сомнительного поведения было бы неприемлемо? Биограф Марии-Антуанетты Э. Левер подчеркивает, что на допросе Николь поведала, будто, ободряя ее, Ла Мотт сказала: «Постарайтесь как можно лучше справиться со своей ролью, ведь на вас будет смотреть сама королева». «И мы возвратились в Париж в придворной карете», — смущенно добавила куртизанка. В мае 1786 года, накануне вынесения приговора по «делу об ожерелье», в письме королевы к посланнику австрийского двора графу Мерси д'Аржанто появится загадочная фраза: «Не стану ничего говорить о деле [об ожерелье); барон [де Бретейль] изложит вам мои соображения, главное, чтобы разговор не зашел ни о свидании, ни о террасе;

барон объяснит вам мои резоны». Ничего не доказывая, эта фраза вместе с тем содержит намек, что, возможно, о сцене в роще Венеры королева знала довольно много. Ведь если предположить, что Ла Мотт сумела войти в доверие к королеве, то, уверенная в ее неприязни к Рогану, авантюристка не стала бы действовать в интересах кардинала, а скорее приняла бы участие в спектакле, устроенном, чтобы посмеяться над ним[2].

Пока Роган в нахлобученной по самые уши шляпе вышагивал возле указанной калитки, супруги Ла Мотт, взяв под руки баронессу Оливу, вели ее в рощу Венеры. Взволнованная куртизанка спотыкалась и дрожала как осиновый лист. «Главное, вручите письмо и розу и скажите заученные вами фразы. Это займет не более пяти минут, и я немедленно уведу вас», — успокаивала ее Ла Мотт. Она надеялась привести девицу раньше, чем в сопровождении Ретоде Виллета прибудет кардинал. Ровно в полночь закутанный в плащ Рето подошел к Рогану и знаком пригласил следовать за ним. Кардинал так волновался, что, когда среди деревьев показался знакомый силуэт, позабыв об осторожности, бросился вперед и, упав перед воздушным созданием на колени, принялся целовать подол платья. Прижимая к губам тонкий муслин, он чувствовал, как трепещет скрытое под ним тело… С трудом подавив желание обнять давно любимую им женщину, он поднял голову и услышал сдавленный шепот: «Можете надеяться… прошлое будет забыто». Кардинал рванулся, но тут из-за кустов раздался тревожный шепот: «Мадам, скорее, сюда идут граф и графиня д'Артуа!» «Королева» неловким движением протянула кардиналу розу, и тот, одной рукой прижимая подарок к сердцу, другой перехватил руку «ее величества» и запечатлел на ней пылкий поцелуй. Выскочившая из-за кустов графиня де Ла Мотт стремительно набросила на «королеву» темную накидку и повлекла ее прочь. И хотя баронесса д'Олива неважно сыграла свою роль, позабыв половину текста и не передав письмо, кардинал был на вершине счастья. Проводивший его до кареты Рето де Виллет сказал потом Жанне, что лицо Рогана сияло, словно луна в полнолуние.

После свидания в роще Венеры кардинал оказался полностью во власти Ла Мотт. Еще бы! Если бы не она, разве сумел бы он облобызать ручку ее величества? Посмеиваясь в душе, Жанна от имени королевы стала замахиваться на более крупные суммы и выманила у кардинала сначала 60 тысяч, а потом и 120 тысяч ливров. Почему кардинал не удивился, что королева просит у него денег? Потому, что все знали, что ее Мария-Антуанетта пристрастилась к игре и ей никогда не хватает наличных денег для уплаты карточных долгов… Тем временем графиня де Ла

Мотт осуществила давнее свое желание: купила отличный дом в Бар-сюр-Об и шикарно его обставила. Ведь деньги, которые обремененный долгами кардинал с трудом собирал для «королевы», вручались ей…

Роман в письмах вновь грозил зайти в тупик… Но на помощь пришел его величество случай. Слух о некой графине де Ла Мотт-Валуа, пользующейся неограниченным доверием королевы, постепенно расходился по Парижу, и однажды вечером в гостиной дома 13 по улице Сен-Жиль появились адвокат парламента Жан-Батист де Лапорт и его отчим Луи-Франсуа Аше, которые, выговорив себе комиссию, уже который месяц безуспешно пытались продать ожерелье. Новые гости предложили подруге королевы самой взглянуть на ожерелье и, если оно ей понравится, предпринять еще одну попытку уговорить ее величество приобрести его. Разумеется, за свои труды графиня получит комиссию. Жанна согласилась, и 29 декабря Бассанж и Аше прибыли на улицу Сен-Жиль с ожерельем. При виде полыхавшего алмазным огнем чуда ювелирного искусства в голове у Ла Мотт мгновенно сложился фантастический по простоте план присвоения драгоценности. Вот он, тот большой куш, ради которого она столь долго морочила голову кардиналу! Успех ее замысла зависел исключительно от людской глупости и тщеславия, а эти слабости Жанна давно научилась использовать. И она пообещала ювелиру взять на себя труд поговорить с королевой.

На самом деле она отправилась к кардиналу и сообщила ему, что королева сгорает от желания приобрести ожерелье, но после того, как король публично отказался это сделать, она может купить его только тайно, через надежного посредника, способного выступить гарантом платежей. Окрыленный доверием любимой женщины, кардинал согласился взять на себя роль посредника и без промедления отправился заключать договор к Бемеру и Бассанжу. После непродолжительных переговоров стороны решили, что сумму в 1 600 000 ливров будут погашать в течение двух лет. Проценты оговаривались отдельно, ибо часть их шла на оплату комиссионных. 31 января 1785 года Ла Мотт увезла составленный контракт «в Версаль» и, вернувшись, явила его кардиналу: каждый пункт соглашения был одобрен и подписан: «Мария-Антуанетта Французская». Незнакомые с королевской канцелярией, аферисты допустили ошибку, которую, не пребывай кардинал в состоянии эйфории, он должен был заметить: короли всегда подписывались тольколичными именами. Нона Рогана словно дурман нашел. По мнению аббата Жоржеля, немалую роль в умопомрачении кардинала сыграл прибывший 30 января

Калиостро, к которому Роган отправился за советом. По настоянию кардинала магистр устроил во дворце Роганов сеанс духопризывания, и духи одобрили переговоры, проведенные кардиналом от имени королевы, и сообщили, что вскоре его высокопреосвященство сможет применить свои таланты на благо Франции и всего человечества. Но, по словам Калиостро, кардинал только в феврале намекнул ему, что провернул некое дело, от которого ожидает блистательных результатов. Узнав, о чем идет речь, Калиостро позволил себе усомниться, стоило ли ввязываться в такую сомнительную историю, но кардинал ответил, что все уже решено. «Тогда незачем мне об этом говорить»[3], — пресек дальнейшие рассуждения Калиостро.

Бемер и Бассанж не имели дела с расписками королевы, не имели оснований не доверять кардиналу, а потому утром 1 февраля 1785 года принесли ожерелье Рогану. Обман графини де Ла Мотт удался блестяще. Получив драгоценности, Роган помчался в Версаль, где в крохотной каморке передал Жанне шкатулку с бесценным ожерельем. Буквально в ту же минуту, словно по волшебству, в дверь постучали и уверенный голос произнес «Именем королевы!» В комнату вошел молодой человек в форме курьера, и Жанна вручила ему шкатулку. На миг кардиналу показалось, что он где-то видел этого курьера, но тот так быстро скрылся, что у кардинала не осталось времени проверить свои подозрения.

2 февраля, в праздник Сретенья Господня, королева появилась без ожерелья, и разочарованный Роган обратился с вопросом к Жанне. Та посоветовала ему подождать. Тем временем в доме супругов де Ла Мотт в Бар-сюр-Об Никола и верный Рето де Виллет потрошили ожерелье. Они так спешили, что, выламывая бриллианты из оправы, многие изрядно повредили. Но мошенников это не смущало, тем более что Жанна велела им как можно скорее обратить драгоценности в деньги. Рето отправился к парижским ростовщикам, где его арестовали, отправили в Шатле, допросили, а затем отвели к начальнику полиции Ленуару. Когда Рето признался, что продает драгоценности по просьбе знатной дамы де Ла Мотт-Валуа, его немедленно отпустили. Кое-какие мелкие камни продала сама Ла Мотт. Но стало ясно, что во Франции это дело хлопотное, и, взяв большую часть камней, Никола де Ла Мотт отправился в Англию. Английские ювелиры, к которым он явился, также заподозрили недоброе и сообщили о господине с кучей бриллиантов во французское посольство; оттуда отправили запрос на континент, не случилось ли там крупной кражи драгоценностей. О краже никто не заявлял, и англичане приобрели камни, заплатив

значительно меньше их реальной стоимости. Сумма, впрочем, получилась внушительной и Ла Мотта вполне устроила.

Королева по-прежнему не смотрела в сторону кардинала и не носила ожерелье. Успокаивая Рогана, Ла Мотт говорила, что королева не хочет надевать алмазы до окончания беременности, ибо опасается за благополучное ее разрешение. В марте, когда королеве предстояло родить, Роган попросил Калиостро провести сеанс духовидения. В качестве «голубки» Ла Мотт предложила свою четырнадцатилетнюю племянницу Латур, которой предварительно втолковала, что надобно отвечать. А дальше — то ли Латур со слов Ла Мотт предсказала счастливое разрешение от бремени, то ли Калиостро вывел «голубку» на чистую воду (она оказалась не девственницей и к тому же заснула во время сеанса), и сам предсказал счастливое рождение наследника… В общем, кардинал успокоился, продолжил внимать прелестным речам Ла Мотт и в мечтах видел себя на посту премьер-министра.

Но и после рождения наследника королева не появилась на людях в ожерелье, знаков внимания кардиналу не оказывала, и его преосвященство снова забеспокоился. Неумолимо приближалось 1 августа, срок первого платежа в размере трехсот тысяч ливров. Есть мнение, что в конце июля 1785 года Роган показал Калиостро договор; подпись королевы показалась магистру подозрительной. «Держу пари, это фальшивка», — сказал он. Роган ответил мрачно: «Поздно, назад ничего не вернешь!» Только теперь он сообразил, что подпись королевы подделана, а значит, и соглашение силы не имеет. Он поделился своими опасениями с Калиостро, и тот посоветовал все рассказать королю. Но затуманенный мечтами ум не мог оценить масштаб мошенничества: Роган был убежден, что ожерелье у королевы.

1 августа приближалось, у кардинала денег не было, от королевы известий не поступало. Наконец Ла Мотт сообщила, что ее величество хочет выплатить не 300 тысяч, а сразу 700 тысяч, но не сейчас, а через месяц; пока же она передает 30 тысяч ливров для уплаты процентов. Пожертвовав этой суммой, чтобы оттянуть развязку, Ла Мотт пошла ва-банк: явилась к ювелирам и заявила, будто Роган обнаружил, что подпись королевы подделана и, следовательно, Мария-Антуанетта платить не собирается. «Нас обманули! — с благородным негодованием в голосе заявила она. — Но кардинал богат, он заплатит сам». Тут она просчиталась: кардинал денег не нашел, а ювелиры пошли жаловаться королеве. Если бы Роган мог, он бы наверняка заплатил, и афера не стала бы достоянием гласности. Но перестройка замка в Саверне, равно как и многочисленные подачки той же Ла Мотт, окончательно опустошили его кошелек,

а попытка сделать заем в 700 тысяч у казначея морского министерства де Сент-Джеймса, банкира и по совместительству любимого ученика Калиостро, занимавшего важный пост в Египетской ложе, провалилась. На суде Сент-Джеймс указал, что Роган хотел занять у него деньги на покупку ожерелья, для изготовления которого банкир сам в свое время ссудил Бемеру 800 тысяч ливров. Слух о том, что Калиостро по просьбе кардинала согласился сделать необходимое количество золота, но не сразу, а за шесть недель, сам магистр не подтвердил.

Развязка наступила 15 августа, в праздник Вознесения, когда кардинал явился в Версаль, где в 11 часов ему предстояло отслужить торжественную мессу. В парадном облачении пурпурного цвета кардинал направился в часовню, но лакей остановил его и объявил, что король срочно желает его видеть.

В кабинете помимо его и ее величеств находились министр Королевского дома и недруг Рогана Бретейль и министр иностранных дел Вержен, тот самый, что не так давно написал рекомендацию Калиостро. Едва кардинал вошел, как Людовик резко спросил его:

— Кузен, вы купили бриллиантовое ожерелье у Бемера?

— Да, сир, — не задумываясь ответил Роган.

— И что вы с ним сделали?

— Передал для вручения ее величеству.

— Кому вы его передали?

— Графине де Ла Мотт-Валуа, доставившей мне письменную просьбу ее величества. Я был рад оказать услугу королеве и взял на себя посредничество в приобретении ожерелья.

Мария-Антуанетта не выдержала:

— Как вы могли такое подумать! Вот уже восемь лет, как мне противно даже смотреть в вашу сторону!

— Кто эта женщина и где ее искать? — спросил король.

— Не знаю, — слукавил Роган, хотя прекрасно знал, что Ла Мотт уехала к себе в Бар-сюр-Об.

— А где ожерелье?

— Полагаю, у нее… Сир, меня обманули; искреннее желание угодить ее величеству затмило мне взор. Но я заплачу…

И кардинал, желая смягчить гнев короля, извлек контракт. Однако вид сей бумаги произвел обратное действие: Людовик так разволновался, что перешел на крик:

— Как вы, принц из дома Роганов, могли принять эти каракули за почерк королевы?!! Неужели вы не знали, что королева подписывается только именем, данном ей при крещении? Как вы могли поддаться на такую грубую фальшивку?

Роган молчал; лицо его сделалось таким бледным, что

слилось с кипенным кружевом брыжей.

Устыдившись своей гневной вспышки, застенчивый и робкий от природы Людовик примирительным тоном попросил кардинала пройти в комнату рядом, где есть письменные принадлежности, и написать все, что он знает о пропаже ожерелья.

После его ухода в кабинете разгорелся спор. Королева кричала, требуя примерно наказать кардинала, а король пытался ее успокоить. Ему хотелось кулуарно, без шума уладить это дело; но у Марии-Антуанетты имелся сильный союзник в лице ненавидевшего кардинала Бретейля. Так что, когда кардинал принес в кабинет показания, судьба его, в сущности, была решена.

Рогана арестовали в зале Бычий глаз; не желая поднимать шума, Роган попросил Бретейля взять его под руку. Министр выполнил его просьбу, но как только они ступили в Зеркальную галерею, заполненную придворными, Бретейль, подозвав офицера королевской гвардии, громогласно приказал: «Именем короля! Сударь, арестуйте господина кардинала!» В ожидании тюремной кареты Рогана отвели к нему в апартаменты, где он написал записку и вручил ее одному из лакеев; загнав коня, лакей примчался на улицу Вьей-дю-Тампль, передал записку Жоржелю, и до прибытия Бретейля и судебных приставов секретарь успел уничтожить всю переписку Рогана с королевой: кардинал не хотел компрометировать ее величество. В Бастилию Рогана отвезли в карете коменданта де Лонэ.

Его преосвященство поместили в просторной камере, оставили при нем трех лакеев, позволили держать стол и принимать гостей. Новость об аресте Рогана мгновенно облетела двор; придворные, не удостоившиеся чести войти в число приближенных королевы, злорадствовали: наконец-то все увидели истинное лицо австриячки! Сторонники кардинала нацепили красно-желтые банты «кардинал на соломе» и во всеуслышание заявляли, что Роган стал жертвой ненависти королевы и Бретейля, а шепотом передавали друг другу, что интригу придумала сама королева. Думал ли так сам Роган — неизвестно, но в том, что Мария-Антуанетта покровительствовала Ла Мотт, был уверен.

В глазах короля Роган был виновен: он воспользовался именем королевы и подделал ее подпись, чтобы взять у ювелиров алмазов на 1 600 000 ливров. Не пытаясь переубедить его величество, Вержен советовал тихо, на основании «письма с печатью», заключить кардинала в какую-нибудь отдаленную крепость (*lettre cachet*), а еще лучше — чтобы не ссориться с

влиятельными представителями клана и церковью — отправить в какую-нибудь отдаленную епархию. Однако Мария-Антуанетта настаивала на публичном осуждении. Не смея ослушаться супруги, король тем не менее предоставил кардиналу выбор: королевский суд или суд парламентский. Чтобы публично оправдаться и восстановить честь своего имени, кардинал выбрал парламент. Потом, подумав, заявил: «Если бы я мог надеяться, что вашему величеству не чужда мысль, что вина моя заключается лишь в том, что я оказался жертвой обмана, тогда бы я дерзнул умолять вас, сир, судить меня согласно вашему правосудию». Людовик на мировую не пошел. Он все еще считал парламент послушным королевской воле, в то время как тот давно уже пребывал в оппозиции ко двору. Как только дело передали в парижский суд и его первый председатель Этьен Франсуа д'Алигр поручил Пьеру Титонуде Вилотрану и Жану Пьеру Дюпюи де Марсе вести допросы и очные ставки, как те немедленно потребовали разрешения допросить королеву. Возмущенный король запретил присылать судейских чиновников к супруге, но, чтобы не раздражать парламент, от ее имени пообещал, что она даст показания письменно. Он уже сожалел, что пошел на поводу у королевы, но обратного пути не было.

Постепенно всех участников фарса доставили в Бастилию. Ла Мотт, арестованная 18 августа в Бар-сюр-Об вместе с Рето де Виллетом, обвиняла во всем Рогана и Калиостро. (По другой версии, Рето арестовали только в марте 1786 года.) Калиостро, арестованный вместе с Серафиной 26 августа (по другой версии — сначала арестовали магистра, а через несколько дней его супругу), никак не мог понять, в чем его обвиняют. В конце октября из Брюсселя доставили Николь Леге. Никола де Ла Мотт успел бежать в Англию. Началась драма, финал которой разыграли на подмостках парижского парламента; действующими лицами являлись прелат, авантюристка королевской крови, куртизанка, сомнительный дворянин, жандарм, загадочный иностранец — то ли шарлатан, то ли заговорщик — и королева Франции. Причем последняя из пострадавшей стремительно превращалась в обвиняемую. Если Роган — жертва обмана, значит, он невиновен, а если виновен, что стремилась доказать королева, значит, одно из двух: либо он от имени королевы купил ожерелье с целью присвоить его, либо он приобрел его по приказанию Марии-Антуанетты. Но если бы он присвоил ожерелье, то не стал бы просить ювелиров написать королеве благодарственное письмо…

Общественное мнение встало на сторону кардинала. Если бы королева не вела веселую жизнь у себя в Трианоне, не проводила

ночи за карточным столом, не отправлялась инкогнито на поиски приключений, кто бы поверил, что она может вести тайную переписку с мужчиной, приближать к себе подозрительных личностей, ходить на ночные свидания, выманивать у подданных деньги! Куда смотрит король! Впрочем, толстяк с развесистыми рогами давно под каблучком австриячки, проматывающей государственную казну! Памфлеты, зло высмеивавшие и осуждавшие королеву, плодились, как грибы после дождя. Мария-Антуанетта памфлетов не читала, жила по-прежнему в своем мирке, уверенная, что мерзкий кардинал будет наказан.

Арест прорицателя и масона Калиостро придал делу дополнительную окраску. Кто-то негодовал, что князь церкви связался с шарлатаном, приблизил его к себе и поверил, что мошенник сможет увеличить камни ожерелья, умножив тем самым их ценность во многие сотни раз. Кто-то вспоминал о загадочном и неблагонадежном обществе иллюминатов, к коему имел отношение вышеозначенный шарлатан. «Теперь Калиостро предстал в ином аспекте, а именно как один из глав секты, именуемой в Германии иллюминатами, в Лионе мартинистами, а в Париже теософами. Трудно понять, в чем заключается учение этой секты, ибо адепты ее несут чушь — если судить по нескольким опубликованным ими книгам. […] те, кто знает графа Калиостро, упрекают его в злоупотреблении доверчивостью кардинала»[4]. Оскорбленная в лице кардинала Церковь осыпала упреками Людовика XVI за то, что он позволил судить Рогана светским судом; папа Пий VI прислал королю гневное письмо. Обрушилась Церковь и на Калиостро. Прохвост избрал своей жертвой духовное лицо, чтобы опорочить всю Церковь! Ну и что, что при подписании соглашения о покупке ожерелья Калиостро не было в Париже? Давно зная и Ла Мотт, и Ретоде Виллета, он руководил ими на расстоянии, пустив в ход свои колдовские штучки. Сумел же он околдовать кардинала и затуманить его ум! О колдовских способностях Калиостро твердил и адвокат графини де Ла Мотт мэтр Дуало. По словам Беньо, авантюристка вскружила голову почтенному мэтру (Дуало было под семьдесят), и тот верил во все сказки, которые она ему рассказывала. Предстоящий процесс радовал, пожалуй, только масонов, уверенных, что история с ожерельем случилась как нельзя кстати. Кардинал-мошенник и королева, замешанная вделе о подлоге! Чем больше грязи налипнет на жезл и скипетр, тем скорее наступит торжество свободы!

Калиостро не ожидал, что кому-то придет в голову связать его имя с исчезновением ожерелья, и, когда к нему в дом пришел отряд жандармов во главе с комиссаром Шеноном, не сразу

понял, в чем, собственно, дело. Тем временем пристав по имени Дебрюньер на глазах у графа схватил четыре бутылки бесценного бальзама, приготовленного с добавлением очень дорогих специй, и засунул их в свои бездонные карманы. Несмотря на бурные протесты магистра, жандармы, перевернув вверх дном его жилище, сложили в коробки бумаги, драгоценности и кое-какие вещи, погрузили их в телегу и увезли. А потом, схватив за шиворот хозяина дома, пешком доставили его в Бастилию. Хотя, кажется, по дороге Калиостро все же сумел уговорить их взять фиакр… Очутившись в крепости, граф утешился мыслью об оставшейся на свободе Серафине. Он не знал, что его жену арестуют следом за ним и поместят едва ли не в соседнюю камеру, о чем известно ему станет значительно позднее. И еще: ни комиссар Шенон, ни кто-либо из сопровождавших его жандармов не удосужились наложить печати на секретеры, шкафы и двери его дома, и многое из имущества было украдено.

Супругов Калиостро арестовали без всякого обвинения, на основании письма с печатью, то есть по воле, а точнее, по произволу короля. «Хорошо бы министрам, выдающим письма с печатью, посидеть полгодика в Бастилии и подышать тамошним воздухом, может, тогда они станут более человечными», — писал анонимный памфлетист в «Письме королевского стражника»[5]. В камере Калиостро стояли кровать, стол и два кресла; свет проникал через узкое окошко, забранное тройной решеткой. По иронии судьбы, на содержание графа отвели всего три ливра в день, в то время как главной обвиняемой Ла Мотт полагалось 10 ливров. К счастью, друзья не забывали магистра и в изобилии присылали ему фрукты, паштеты и прочие деликатесы. Но несмотря на поддержку, на искренние старания своего адвоката, молодого и рьяного мэтра Жана Шарля Тилорье, с первых же дней пребывания в крепости Калиостро почувствовал себя так плохо, что забеспокоился даже комендант де Лонэ. Магистр не выносил темных замкнутых пространств, в них ему становилось дурно, страшно, а в голове, словно в клетке, билась единственная мысль: скорее на свет, на свободу! Возможно, пытаясь справиться с охватившей его дрожью, Калиостро пожалел, что пошел на поводу у кардинала, пожелавшего иметь под рукой собственного чудотворца, а потому попросившего Рамона де Карбоньера подыскать для магистра дом неподалеку от кардинальского дворца. От улицы Сен-Клод до Бастилии рукой подать, он даже не успел сообразить, что можно бежать, оставив шубу в руках жандармов… Впрочем, наверное, по летней погоде, на Калиостро был надет только его любимый голубой бархатный фрак с красными обшлагами; да и бегун из него, пожалуй, уже

неважный… Надменность, гнев, гордыня, вспыльчивость — все эти свойства характера Калиостро остались за пределами толстых каменных стен. В Бастилии сидел немолодой, отчаявшийся, удрученный безысходностью своего положения человек, вызывающий искреннее сочувствие и сострадание. Небольшая деталь: когда требовалось подписать протокол допроса, магистр делал росчерк «граф де Калиостро», а протоколист зачеркивал графский титул. Очень болезненный укол для самолюбия магистра.

В камере он пером нарисовал портрет де Лонэ, вложив все свое отчаяние и гнев в злобный подозрительный взор коменданта Бастилии. Гравюра с рисунка Калиостро имела хождение в революционном Париже; только на заднем плане добавили изображение головы коменданта, насаженной на пику санкюлота.

Сохранились три собственноручных письма Калиостро, написанных им в Бастилии и адресованных Серафине[60]:

«14 ноября 1785

Дражайшая Серафина, любезная моя супруга, горько мне тебе сообщать, что чувствую я себя очень плохо, а все потому, что не имею прогулок на свежем воздухе. С каждым днем плачевное состояние мое все ухудшается, так что прошу тебя, доченька, сделай все, что можешь, и попроси друзей помолиться Господу Нашему за меня. А еще прошу тебя, любезная моя, диктуй письма свои мадам Фламар, письма твои по-прежнему единственное мое утешение, ибо я молю Господа, чтобы Он попустил мне умереть в твоих объятиях.

Нежно обнимаю тебя, дражайшая моя, и прощай».

«26 декабря 1785

Возлюбленная супруга моя, страдания мои все сильнее, и каждый день к ним прибывают новые, а единственно, что утешить меня способно, так это писать тебе и получать от тебя весточки, что доставляют мне по понедельникам, средам и пятницам. Без них мне совсем невмочь, и не могу я поверить, что мадам Буасоньер столь жестока, что готова несчастия мои преумножить, будто бы сейчас несчастия мои невелики; уверен я, что ею написанное было бы лучше, да и нравится мне почерк ее больше. А сейчас даже слова в письмах твоих не такие, как прежде, а потому именем Господа умоляю,

ответь мне, в чем дело, поелику я так страдаю, что лучше бы уж Господь призвал меня к Себе в вечность: там бы обрел я счастие. Несравненная моя Серафина, сказано мною было, да и еще раз повторю, что ведомо мне о положении твоем бедственном, но чего ж мне еще сказать тебе, кроме как призвать тебя уповать на Провидение, кое позаботится о нас всенепременно и невиновность нашу докажет.

А еще напиши мне, не позабыли ли нас друзья, а особенно Лаборд, что трудится нынче ради облегчения положения нашего. И очень мне хочется обрести спокойствие, ибо одолевают меня размышления печальные и черные, а я, душа моя, не хочу волновать тебя и писать о них не стану.

Доченька, запасайся терпением, и не забывай, сколько добра я сотворил, помни о друзьях, что радеют о нас, о Господе, что не оставит нас без защиты Своей, ибо гроза пройдет, и мы до того времени доживем непременно.

На этом все, крепко и со всей нежностью души своей обнимаю тебя и благословляю от имени Всевышнего, и передаю наилучшие пожелания всем друзьям, а особенно мадам Буасоньер, и от всего сердца обнимаю Моранда и Лаборда, и передаю привет Франческе и Агостино[61].

Твой несчастный супруг, любящий тебя более, чем самого себя.

Прошу графа Люксембургского и мадам де Фламар[62] порадеть, дабы страдания мои поскорее закончились, и уповаю на их великодушие».

«17 января 1786

Любезнейшая супруга, наконец-то получил от тебя письмо, но почерк, коим оно написано, мне не ведом, он не похож на почерк мадам Буасоньер, и прогнать волнение ради хотелось бы мне знать, точно ли письмо это от тебя. Все у меня по-прежнему, а временами чудится мне, что я теряю рассудок, и этого я боюсь, а потому поручаю себя Господу. В письмах друзья уговаривают меня есть как следует, но я потерял и аппетит, и сон. Передай благодарность мою Лаборду за паштет, а мадам де Фламар за рябчика, бекасов, каштаны и апельсины, и скажи им, чтобы они про нас не забывали.

Я получил две книги о швейцарцах, о коих просил.

Шлю признательность свою всем друзьям своим, а особливо графу Люксембургскому и мадам Фламар, и от всего сердца посылаю им свои наилучшие пожелания.

А еще прошу Моранда вовремя отправлять мне письма, потому как без них меня одолевает печаль, ибо время, отведенное нам в этом мире, впустую проходит.

И то же самое скажи мадам Буасоньер и ее близким, а еще ее любезной подруге; жаль мне весьма, что они занедужили; за всеми делами я не забыл, что хотел бы знать, кто мне пишет, посему как почерк принадлежит совсем иной руке. Наидостаточные пожелания мои Моранду и Грийе; поручаю себя Господу и передаю приязнь свою твоей Франческе и Агостину тоже»[6].

Серафина не умела писать и свои письма диктовала. А чтобы супруг ее ничего не заподозрил, офицер, записывавший по приказу коменданта за мадам Калиостро, относил письма мадам Буасоньер, проживавшей по соседству с графом и графиней, и та своей рукой переписывала их. О чем в течение почти полугола писала графиня мужу, вводя его в заблуждение о своем истинном положении? Есть мнение, что Серафина пользовалась всеми послаблениями, что предоставлялись знатным узникам, и к ней, как и к кардиналу, допускали посетителей. Второй раз Лоренца-Серафина приехала в Париж и второй раз оказалась в парижской тюрьме. Не промелькнула ли у нее мысль, что и на этот раз в ее заточении повинен супруг, скрывший от нее какие-то свои интрижки? Может, именно в бастильской камере у нее впервые возникла мысль расстаться с Калиостро?

По словам Беньо, молодой адвокат Польвери, призванный защищать супругу магистра, настолько был ею очарован, что написал в ее защиту письмо, где именовал свою подзащитную «ангелом в человеческом облике, посланным на землю скрасить дни необыкновенного человека» и «идеалом совершенства». «При чем здесь она и уголовный процесс?» — резонно вопрошал адвокат. Но так как обвинений Серафине не предъявляли, ибо арестовали ее заодно с супругом по письму с печатью, письмо адвоката действия не возымело. В феврале к Серафине допустили Тилорье; от него граф узнал, что супруга его в Бастилии и здоровье ее чрезвычайно ослаблено. Сообщение Тилорье потрясло Калиостро. Как, почти полгода он сидит в Бастилии, ведет переписку с женой, полагая, что та находится на свободе и исполняет его поручения, а она, оказывается, узница той же

самой тюрьмы! И тоже арестована ни за что! От имени Калиостро Тилорье немедленно подал прошение об освобождении Серафины: «Просит всепокорно граф Александр Калиостро сим письмом и яко муж Серафины Феличиани […] имея причину надеяться, что главный Французский Сенат не отвергнет прошения иностранца, требующего свободы для супруги своей, умирающей в челюстях Бастилии… Определен будучи под уголовный суд, челобитчик ничего для себя не просит и ожидает в оковах той минуты, когда правосудие явно засвидетельствует его невинность: но моя супруга, которая определена под суд без обвинения и даже не была, как сказывают, призвана в свидетельство, но которая однако ж пять месяцев находится в заключении и при всем том не попущено было челобитчику с ней видеться; об ней он только просит — он ничего не говорил, покамест у супруги его здравие не переменилось; но ныне, как он знает, она опасно больна и жизнь ее угрожаема смертию. […] Пускай врата Бастилии останутся для нее закрытыми, но да попустят по крайней мере ее несчастному супругу иметь единое удовольствие, чтобы подать ей помощь или, когда оная бесполезна, чтобы сомкнуть ей глаза…»[7] Высокочувствительное послание не соответствовало действительности, а посему комендант, заявив, что никаких иных болезней, кроме обычных женских, у графини не наблюдается, отпускать ее отказался. Если же верить слухам, комендант просто не хотел расставаться с красавицей, ставшей его любовницей. Ох уж эти слухи! Сколько их витало над Парижем — да что там над Парижем, над всей Европой — во время процесса! Кто-то внимал душераздирающим историям о страдавшей в сыром каменном мешке графине Калиостро, кому-то, напротив, осведомленные лица сообщали, что и граф, и графиня устроились весьма недурно для заключенных: у Калиостро есть лакей и собственный повар, а его жене дозволено свободно гулять в стенах крепости. Сохранилось множество свидетельств об узниках Бастилии, покупавших себе довольно сносные условия содержания. Например, переведенный в 1784 году из Венсенской крепости в Бастилию небезызвестный маркиз де Сад сам обставил отведенную ему камеру, потратив на это более 20 тысяч ливров; еду маркиз заказывал у лучших трактирщиков.

Когда жалостливое прошение стало достоянием гласности, видный член парижского парламента Дюваль д’Эпремениль (по совместительству тесть Тилорье) взял дело освобождения Серафины в свои руки. Видный оппозиционер, пользовавшийся поддержкой герцога Орлеанского, активно ненавидевшего королеву, д’Эпремениль прекрасно понимал, что любое

поражение двора является победой оппозиции. Адепт Калиостро и член Египетской ложи, д'Эпремениль нажал на нужные рычаги и добился освобождения графини: 26 марта она вышла на свободу. Но прежде чем отпустить Серафину, комендант предложил ей подписать документ, согласно которому она признавала, что получила деньги, бриллианты и украшения, взятые у нее в доме при аресте. «Господин комендант, — ответила Серафина, — я, конечно, плохо разбираюсь в формальностях, но, по-моему, это несправедливо. Как я могу утверждать, что получила назад свои вещи? Я ничего не получала!» «Не волнуйтесь, мадам, — ответил комендант, — это простая формальность. Через несколько дней все вещи будут вам возвращены». Серафине не терпелось покинуть мрачные стены Бастилии, и она подписала бумагу. Точнее, изобразила значок, который обычно ставила вместо подписи. Тяжелые двери распахнулись, опустился подъемный мост, и Серафина, жадно глотая свежий весенний воздух, покинула твердыню абсолютизма. Дома ее встретили верные Франческа и Агостино; после разгрома, учиненного жандармами, слуги привели дом в порядок, но возместить ущерб они, разумеется, не могли.

Узнав, что комендант де Лонэ и комиссар Шенон фактически обокрали его, Калиостро ужасно возмутился и через Тилорье попытался убедить де Лонэ вернуть, как он и обещал, драгоценности и деньги графине. Но де Лонэ ответил, что не брал на себя никаких обязательств по отношению к графине Калиостро; относительно же имущества — пусть проситель сначала выйдет из Бастилии, а там посмотрим. Ответ коменданта разозлил не только магистра, но и его адвоката, и незадолго до решения суда они составили прошение в парламент. В этом прошении Калиостро, по сути, обвинял де Лонэ и комиссара Шенона в неисполнении служебных обязанностей и — называя вещи своими именами — в краже. Ибо «в протоколе об аресте комиссар Шенон не упомянул ни о деньгах, ни о драгоценностях; господин же де Лонэ сумел получить бумагу, согласно которой графине Калиостро вернули все ее имущество». Калиостро просил «выдать ему документ», подтверждавший незаконность изъятия драгоценностей и денег, и признать недействительной бумагу, которую де Лонэ заставил подписать его супругу. И разумеется, потребовал вернуть ему изъятое. Забегая вперед скажем, что кое-какие бриллиантовые украшения Серафине все же вернули, но суммы, указанные Калиостро — «47 чеков на 100 ливров, 15 колбасок по 50 дублонов каждая, 24 квадрупля испанских, 1233 цехина венецианских и римских»[8], — нет. Впрочем, возможно, это были не чеки и не колбаски, а бумажник со ста тысячами ливров.

В любом случае сумма крупная…

Процесс по делу об ожерелье тянулся девять месяцев: допросы, очные ставки, поиски свидетелей, выяснение личностей иностранцев, именующих себя графом и графиней Калиостро… Основной поединок происходил между Ла Мотт и Калиостро. Впрочем, это не удивительно: Калиостро и Ла Мотт имели немало общего — и наглость, и напор, и беспринципность, и великолепные актерские способности, и знание человеческой натуры, главным образом ее слабостей. С первой минуты знакомства авантюристка почувствовала в лице Калиостро опасного конкурента в борьбе за кошелек Рогана. И на перекрестных допросах как с цепи сорвалась: швыряла в магистра чем под руку попадется, изрыгала страшные ругательства, топала ногами, говорят, даже швырнула в него горящий факел; к счастью, он пролетел мимо и упал на солому, где его быстро загасили. Калиостро сам был подвержен подобным приступам ярости, но темная бастильская камера, похоже, сломила его; когда же — не без помощи Тилорье — он оправился от депрессии, то, по совету адвоката, не стал вступать в споры с Ла Мотт, а лишь величественно отвергал обвинения авантюристки. Говорят, своими возвышенными речами он даже сумел убедить Ретоде Виллета признаться в изготовлении фальшивок: «Я час внушал ему долг честного человека, говорил о Провидении и любви к ближнему. Я вселил в него надежду на милость Господа и правительства. Докладчик из парламента сказал, что Рето был бы чудовищем, если бы не внял моим увещеваниям, ибо я говорил с ним как с небесным существом»[9]. Адвокат Тилорье старался вовсю, и выступления Калиостро, выходившие из-под его пера, отличались величием, многословием и сентиментальной фантазией. Тилорье можно считать соавтором первой «восточной» биографии Калиостро, той, где магистр именовал себя Ахаратом… ну и так далее.

Почувствовав, что могущественный клан Роганов не отдаст кардинала на растерзание, Ла Мотт решила сделать козлом отпущения Калиостро и принялась громоздить одну ложь на другую. Желая заручиться поддержкой публики, адвокат Дуало опубликовал ее «Записку», или, как говорили во времена Калиостро, «Мемориал» под названием «Mémoire fait par M. l’avocat Doillot pour dame Jeanne de Saint-Remy de Valois, épouse du comte de La Motte, pour l’ffaire du fameux collier». «Мемориал» Ла Мотт подогрел интерес к процессу и его участникам. Сообщив, что кардинал сильно нуждался в деньгах, ибо хотел выдать замуж некую даму из Германии, от которой у него был ребенок, и он мечтал дать ему имя будущего супруга дамы, она заявила, что

Калиостро вручил его преосвященству шкатулку, полную алмазов. С присущей ей фантазией Ла Мотт описала, как в темную комнату, где горели тридцать свечей, а на столе лежал кинжал с рукояткой в форме креста, бесшумно вошел Калиостро и, протягивая кардиналу шкатулку, откинул крышку, отчего в комнате стало светло. Затем, повернувшись к ней, Калиостро велел ее попросить супруга съездить в Англию и продать бриллианты, а деньги привезти кардиналу. В ответ Тилорье от имени своего подзащитного опубликовал «Опровержение графа Калиостро» («Réfutation de la partie du Mémoire de la comtesse de La Motte qui concerne le comte de Cagliostro»), продолжив создавать трепетный и благородный образ ученого магистра и бескорыстного целителя: «Утеснен, обвинен, оклеветан… заслужил ли я сию участь? Я снисхожу во глубину моего сердца и обретаю в нем спокойствие, в котором люди мне отказывают. Я много путешествовал: известен во всей Европе и в большей части Азии и Африки; повсюду являю я себя другом мне подобных. Познания мои, время, стяжание всегда и беспрестанно употребляемы были к облегчению несчастных. Я учился, упражнялся во врачебной науке, но не постыдил корыстолюбивыми соображениями сего благороднейшего и утешительнейшего искусства. Единая склонность, единое побуждение привлекало меня к страждущему человечеству, и я сделался врачом. Довольно будучи богат, дабы исполнять делом предначертанное мною благотворение, умел я сохранить свою независимость, давая всегда и ничего назад не приемля; тонкость чувствований моих до того простиралась, что я отрекался от благодеяний самих государей. Богатые втуне получали мои лекарства и советы. Но бедных наделял я лекарствами и деньгами. Никогда не заходил я в долги и смею сказать, что нравы мои непорочны и даже строги к самому себе; никого никогда я не оскорбил ни словом, ни делом, ни писаниями. Нанесли кто мне обиды? Обиды я прощал; содеял ли какое благо, сделал оное в тайне. Чужд, но всюду, повсюду исполнял должности гражданина; повсюду благоговел к вере, чтил законы и правление»[10].

Публика, жадно ловившая каждое слово, вылетавшее из стен парламента, дежурила возле дверей книгопродавцев, чтобы успеть схватить еще пахнувшие типографской краской брошюры. Еще бы, ведь в деле были затронуты интересы главных лиц государства! Почтовые кареты развозили тираж по городам, везли за границу. Началась кампания, чем-то напоминавшая нынешнюю «войну компроматов». Читатель утонул в «Мемориалах», «Прошениях», «Жалобах»: «Réflexion rapides sur le mémoire de la

dame de La Motte pour M. le cardinal de Rohan»; «Requête de sieur Vilette, ancient gendarme»; «Requête du Comte de Cagliostro»; «Réponse pour la contesse de Valois-La Motte au Mémoire du comte de Cagliostro»; «Mémoire pour la demoiselle Le Guay d'Oliva»… Французские и иностранные газеты пестрели материалами о процессе и его участниках, не отставали и газеты рукописные, коих в те времена было немало. Так как волей-неволей дело затрагивало двор, то материалы его публиковались даже в правительственном издании «Французская газета» («Gazette de France»), Екатерина II, запомнившая посетившего ее столицу масона и шарлатана, писала своему европейскому корреспонденту Циммерману: «Читала мемуар Калиостро, что вы мне послали, и если бы не была убеждена, что это честный шарлатан, то мемуар его меня бы в этом убедил; но почему парижский Парламент не призовет арабского переводчика, чтобы убедиться, что он не говорит по-арабски? Это гнусный проходимец, коего надобно повесить; это бы остановило новую эпидемию веры в оккультные науки, коими сейчас весьма увлекаются в Германии, в Швеции и которые и здесь начинаются, но мы наведем порядок. Другой мемуар доказывает мне, что его преосвященство тоже наглый жулик, который проводит свою жизнь в обществе мошенников»[11]. В грубовато-нелицеприятном духе отзывался о Калиостро и компании автор «Письма королевского стражника»: «Это не он [Калиостро] прославлял себя, это делали те дураки и простаки, что давали ему золото и врали публике, убеждая ее, что человек сей превыше всех людей. Так что ежели вы хотите его [Калиостро] наказать, так наказывайте и тех, кто ему поверил»[12].

Не только «Мемориал…», но и само выступление Калиостро в суде, куда он явился в зеленой с золотыми иероглифами хламиде, его несомненный артистизм и загадочные речи о свете с Востока и небесных ангелах способствовали неслыханному росту популярности его личности[13].

«Я не принадлежу ни одному времени, ни одному месту; вне времени и пространства моя духовная сущность живет своим вечным существованием, и когда я погружаюсь мыслью своей во глубину веков, когда я направляю дух свой к образу существования, далекому от того, какой видите вы, я становлюсь тем, кем желаю быть. […] я сообразую действия свои с тем, что окружает меня. Имя мое — это имя деяний моих, ибо я свободен; страна моя — та, где я сейчас нахожусь. Я тот, кто я есть.

У меня всего один отец: различные обстоятельства моей жизни заставили меня понять великие и волнующие истины; но тайна происхождения и отношения, кои соединяют меня с

неизвестным отцом моим, останутся моей тайной; пусть те, кто призван тайну сию раскрыть, поймут меня и согласятся со мной. […] Что же до места, где мое материальное тело около сорока лет назад образовалось на этой земле, что же касается семьи, кою выбрал я для этого, я не хочу ее знать. Я родился не из плоти человека и не по его воле; я рожден из духа. Мое имя, это имя, данное мне и исходящее из меня; то, которое избрал я, чтобы показаться среди вас. Имя, коим звали меня при рождении, то, кое дали мне в юности, те, под которыми в иные времена и в иных местах меня знали, я эти имена оставил, как оставил устаревшие и ставшие ненужными одежды.

Я благородный путешественник, все люди мои братья; мне любезны все страны; я проезжаю их, чтобы всюду Дух мог снизойти и найти путь к вам. Я прошу у королей, власть которых я уважаю, всего лишь гостеприимства на их землях, и, когда оно мне дается, я проезжаю, творя как можно более добра вокруг себя. Я Калиостро».

(После такового заявления некоторые современники всерьез стали утверждать, что Калиостро произошел от ангела.)

«Зачем вам знать больше? Если бы вы были детьми Божьими, если бы душа ваша не была столь суетна и столь любопытна, вы бы уже все поняли!

Но вам нужны детали, знаки и притчи; так вот слушайте! Давайте обратимся в прошлое, если вы того хотите.

Весь свет пришел с Востока; вся инициация из Египта; мне было три года, как вам, затем семь лет, затем я достиг зрелого возраста, и, начиная с этого возраста, я перестал считать свои года. Три раза по семь лет составят двадцать один год, и за это время человеческое развитие раскрывается во всей его полноте. В раннем детстве, подчиняясь закону строгости и справедливости, я страдал в изгнании, подобно Израилю среди чужих народов. Но как Израиль чувствовал рядом присутствие Бога, как некий Метатрон хранил его на его путях, так же и меня хранил могучий ангел, он руководил моими поступками, просвещал мою душу, развивая дремавшие во мне силы. Он был моим учителем и моим проводником.

Разум мой формировался и оттачивался; я задавал вопросы, учился и осознавал то, что происходит вокруг меня; я совершил несколько путешествий, много путешествий, как вокруг комнаты моих размышлений, равно как и в храмах и в четырех сторонах света; но когда я хотел проникнуть к истокам моего существа и подняться к Богу в порыве души, тогда бессильный разум мой умолкал и предоставлял меня на волю моих догадок.

Любовь, коя импульсивно привлекала меня к каждому

существу, неутолимое честолюбие, глубокое осознание своих прав на каждую вещь на земле и в небе толкали меня к жизни и погружали в нее, приумножали мои силы […]…я был брошен в пустыню и подвергся искушению в пустыне; я боролся с ангелом, как Иаков, с людьми и демонами, и они, побежденные, открыли мне тайны, касающиеся империи мрака […] я получил милость быть принятым, словно Моисей, перед Создателем. […] Вот мое детство, моя юность, каковую ваш беспокойный ум, жаждущий слов, требует; но длилась ли она столько или же еще столько лет, прошла ли она в краю ваших отцов или же в ином краю, какое вам до этого дело? Разве я не свободный человек? Судите по нраву моему, то есть по моим поступкам; скажите, хороши ли они? и более не посвящайте свое время выяснению моей национальности, моего звания и моей веры».

Разумеется, после таких речей граф сразу оказался в центре внимания и прессы, и пересудов, тем более что о нем и ранее ходили самые разные слухи.

«— Каков ваш возраст:

— 37 или 38 лет.

— Ваше имя?

— Алессандро Калиостро.

— Место рождения?

— Я не могу утверждать, что родился на Мальте или в Медине, я был все время с гувернером, который говорил, что я благородного рода и потерял своих родителей в возрасте трех месяцев.

— Как долго вы в Париже?

— С 30 января 1785 года.

— Вы много тратите, много раздаете. Откуда у вас деньги?

— Это к делу не относится. Но я отвечу. Какое вам дело до того, сын ли я короля или бедняка, откуда я беру деньги? Ведь я уважаю законы страны и религию, раздаю милостыню бедным и никогда не делаю дурного, только хорошее. У меня есть банкир во Франции — это Саразен. Это мои средства, и мне известно, откуда я их беру.

— Откуда у вас графский титул?

— Я всегда уважал религию, соблюдал ее правила. В Европе я носил имя Калиостро. Что же касается титула графа, то вы можете судить по моему воспитанию, и по тому уважению, кое мне оказывали шериф Мекки муфтий Салахаим, великий магистр Пинто, папа Реццонико и большинство суверенов Европы, можно понять, что титул мой всего лишь дань уважения моему знатному роду.

— Как поступили вы со склаважем?

— Я никогда не видел этого склаважа. У меня достаточно бриллиантов, и склаважа мне не надобно… Вам интересно знать, откуда мои богатства; так знайте, я обладаю оккультным сокровищем, а потому мне не было нужды потрошить сей склаваж. Если человек достаточно богат, чтобы позволить себе отказываться от даров, не соискивать милостей суверена, это не должно его компрометировать…»

И на пафосной ноте Калиостро завершил свою речь:

«— Я сказал достаточно для закона, но не намерен говорить ради праздного любопытства. Зачем вам, французы, знать отечество, имя, побуждения и средства чужестранца? Мое отечество — это первое место вашего государства, где я подчинился вашим законам, мое имя — то, которое я прославил среди вас, мое побуждение — Бог, мои средства — секрет. Когда благодеяния творят от имени Бога, не надо ни подтверждений, ни имени, ни отечества, ни залога.

Если вы любопытны — читайте, что я сказал.

Если вы добры и справедливы, то не спрашивайте ни о чем…»[14]

Справедливо полагают, что, не будь дела об ожерелье, Калиостро забыли бы гораздо раньше, чем Месмера. Процесс, ставший центральным событием не только Франции, но отчасти и Европы, не только прославил его имя, но и придал ему некий героический флер. Оказавшись волею судьбы в стане противников двора, он немедленно получил не менее широкую поддержку, чем кардинал.

Когда 30 мая, после выступления на открытом заседании парламента, Калиостро и кардинала выводили из зала, со всех сторон звучали крики, призывающие освободить их обоих. Раскланявшись, как истинный актер, Калиостро бросил в толпу свою шляпу, и ее тотчас разорвали на сувениры. Однако оживились не только поклонники Калиостро, но и те, кто раньше видел в нем авантюриста и мошенника; процесс лишь укрепил их в своем мнении. «Исповедь графа Калиостро», «Мемориал графа Калиостро», «Каллиостр, познанный в Варшаве», «Описание пребывания в Митаве известного Калиостро»… целый поток разоблачительных сочинений, и правдоподобных, и откровенно бредовых. Любопытство и тяга к чудесному сделала Калиостро модным персонажем.

Приговор суда огласили 31 мая 1786 года: кардинал и Калиостро — невиновны и полностью оправданы; Ла Мотт — приговорена к наказанию плетьми, клеймению и пожизненному заключению в тюрьме Сальпетриер; Никола де Ла Мотт — к пожизненной каторге (заочно); Рето де Виллет — к пожизненному

изгнанию из страны; судебное преследование против Николь Леге прекратить. Оправдательный приговор снимал с кардинала обязанность приносить извинения королеве. Публика ликовала и кричала «Да здравствует кардинал!» — столь велика была нелюбовь к двору и королеве.

Впоследствии Роган письменно признал свой долг по отношению к Бемеру и Басанжу — на 1 919 892 ливра — и гарантировал выплату доходами от одного из принадлежавших ему аббатств. Но во время революции имущество духовенства конфисковали в пользу нации, долг остался неуплаченным и ювелиры разорились.

Через год Ла Мотт бежала из тюрьмы: говорят, она соблазнила сторожа. Она уехала в Англию, где принялась писать мемуары, поливая в них грязью королеву. В 1788 году вышли «Мемуары…» Ла Мотт («Mémoires justificatifs de la comtesse de Valois de La Motte, écrits par elle-même»), в которых авантюристка утверждала, что королева сама организовала сцену в роще. А через несколько лет Ла Мотт по необъяснимым причинам выбросилась из окна в Темзу и утонула. Однако есть версия, что она всего лишь имитировала самоубийство, а на самом деле инкогнито уехала в Россию, в Санкт-Петербург, где дожила до преклонных лет…

Приговор разозлил королеву: она была уверена, что кардинала примерно накажут. Чтобы хоть как-то спасти лицо, король отправил Рогана в провинцию, в захолустный приход в Шез-Дье, а Калиостро прислал приказ в 24 часа покинуть Париж, а через три недели и Францию.

Восторженная толпа, встретившая Калиостро у ворот суда, с радостными криками проводила его до дома, время от времени порываясь поднять его и пронести на руках. Несмотря на поздний час, женщины осыпали его цветами и посылали воздушные поцелуи. Довольный магистр потирал руки и строил планы по дальнейшему завоеванию Парижа. Возбужденные люди, окружившие дом Калиостро, равно как и дом кардинала, не расходились до самого утра, поздравляя друг друга с победой: оправдание кардинала означало поражение королевы и двора. А утром магистру доставили приказ его величества…

На оставшееся время Калиостро поселился в столичном пригороде Пасси, пока Серафина в Париже пыталась собрать остатки вещей. Разгневанный причиненным ему ущербом, Калиостро оценил свои пропавшие бумаги в 100 тысяч ливров и в 50 тысяч — «упущенную выгоду». Он подал иск, заявив, что 50 тысяч пожертвует на улучшение условий содержания узников Шатле. Ему ответили, что так как арестовали его по письму с

печатью, следовательно, никто не был обязан заботиться о сохранности его имущества. Подобная оголтелая несправедливость возмутила Калиостро, но сделать он ничего не мог, тем более что время его пребывания во Франции стремительно сокращалось.

Пасси стало местом паломничества адептов Калиостро; говорят, в те дни его посетил сам таинственный Томас Химинес, кассир и банкир иллюминатов. 13 июня, накануне отъезда, пятьдесят почитателей магистра устроили в Сен-Дени, в двух лье от столицы, прощальный обед. После первой перемены блюд Калиостро, обретший прежний апломб, встал и сказал, что высылка из страны явилась для него неожиданностью, а потому он не сможет взять с собой все необходимые алхимические приборы и в Англии ему придется приобретать все заново. Поэтому он предлагает всем участникам обеда собрать ему достойную сумму, дабы Великому Кофте не пришлось краснеть перед англичанами. И адепты немедленно собрали 500 луидоров[15].

Покинув вечером Сен-Дени, 15 июня Калиостро прибыл в Булонь. По словам магистра, во Франции у него, возможно, осталось не слишком много учеников, зато они самые горячие его поклонники. Растроганный торжественными проводами, он писал: «Воистину, французы — самая великодушная и самая гостеприимная нация… Я никогда не забуду, как трогательно вы переживали за судьбу мою, как лили слезы, провожая меня… Этот день стал мне наградой за все мои страдания… Жители счастливой страны, любезный и чувствительный народ, я прощаюсь с вами и смею надеяться, что заслужил и уважение ваше, и сожаление. Я уехал, почитая долгом своим безропотно покоряться воле королей. Уехал, но сердце мое с вами. И где бы ни пришлось мне жить, верьте, я навсегда останусь другом тех, кто именует себя французами»[16].

Вспомнил ли Калиостро, стоя на палубе пакетбота и кутаясь в шубу с трехрогим капюшоном, что оба предыдущих его приезда в Англию фортуна упорно отворачивалась от него? Или, напротив, ехал в полной уверенности, что извечная соперница Франции с радостью откроет свои объятия жертве произвола французской монархии? И что думала в это время Серафина? Она не любила Англию и, возможно, даже пыталась уговорить мужа уехать в какую-нибудь страну на континенте. Одно утешение: несмотря на учиненное французской полицией разорение, верные адепты (а также, по слухам, Химинес) снабдили магистра достаточной суммой для безбедного житья.

16 июня 1786 года граф и графиня Калиостро снова ступили

на берег туманного Альбиона.

Глава 9
В тумане Альбиона

Когда уходишь от погони, ни о чем другом уже не думаешь.

Г. Горин. Формула любви

Лондон, 20 июня 1786 года

«Пишу вам, дорогой мой N***, из Лондона… Я здоров, и жена моя тоже. Очень хочется рассказать вам о своем путешествии. О, какие трогательные проводы устроили мне друзья, следовавшие за мной повсюду! Последней вехой стала Булонь. Все население этого доброго города высыпало на берег! Люди тянули руки к пакетботу, осыпали меня благословениями, просили меня благословить их!.. Ах, сколь сладостны и в то же время сколь горьки мои воспоминания! Я изгнан из Франции! Французский король обманут! Надобно жалеть королей, у которых такие министры. Я немало наслышан о своем гонителе, бароне де Бретейле. Что я ему сделал? В чем он меня обвиняет? Что кардинал почтил меня своей дружбой? Что я нашел в нем друга? Что я не бросил его? Что у меня везде, куда я приезжаю, есть друзья? Что Господь поддерживает меня в стремлении найти и защитить истину? Что я помогаю человечеству, что мои лекарства, советы и милосердие облегчают его страдания? Неужели это преступления? Увидев мой бюст у кардинала, Бретейль процедил сквозь зубы: “Всюду он! Пора с этим кончать. И я с этим покончу!” На меня надели оковы, бросили в Бастилию, но и оттуда я не переставал бороться за торжество истины, бросая ее в лицо и клевретам Бретейля, и судьям, и королю, и всей Европе. Полагаю, мое поведение поразило его; я же избрал единственно приставший мне тон, и уверен, на моем месте он бы заговорил по-другому. А теперь, друг мой, проясните мне ситуацию. Даже не выслушав меня, король отправил меня в изгнание. Неужели, друг мой, участь всех французов зависит от злой воли одного человека? Если это так, мне жалко ваших соотечественников, особенно когда столь опасные письма[63] находятся в руках Бретейля. Доколе он будет безнаказанно обманывать короля? Доколе, по наветам клеветников, будет высылать и казнить, бросать в тюрьму невиновных и отдавать их дома на разграбление? Король обязан прекратить подобный произвол! И я уверен, что я прав. Разве здравый смысл французов,

коих я так люблю, иной, чем у других людей? Но оставим свое дело в стороне и поговорим в целом.

Если король подписывает приказ об изгнании или о заточении в тюрьму, значит, он прогневался на несчастного и решил его наказать. Но почему он на него прогневался? На основании доклада министра? Но на чем строился доклад этого министра? На неизвестно чьих жалобах, на непроверенных сведениях, а иногда и просто на слухах, клеветнических слухах, порожденных ненавистью и подхваченных завистью. При чем тут правосудие? Письмо с печатью — это личный произвол министра! Полагаю, если эти размышления дойдут до короля, он непременно задумается.

А сколько зла причиняют такие письма! Мысль о том, что все государственные темницы похожи на Бастилию, приводит меня в ужас! Вы даже не представляете себе, какие жестокости там творятся: циничное бесстыдство, ложь, притворное сострадание, безграничная озлобленность, несправедливость и смерть — вот тамошние правители. Вы не знаете, что такое ужасы Бастилии. Я шесть месяцев находился в 15 футах от жены и не знал этого. Многие там по тридцать лет, их считают умершими, но это не так! К ним не проникает свет, и они там в одиночестве, словно ни мира, ни Создателя больше нет… Друг мой, я говорю вам: нет такого преступления, за которое человек бы заслуживал Бастилии. Говорят, там применяют пытки и есть палачи, и мне легко в это поверить. Меня спрашивают, вернусь ли я во Францию, если мне дадут охранные грамоты. Разумеется, отвечаю я, но только когда на месте Бастилии разобьют площадь для гулянья. Дай Бог, чтобы это случилось! У вас, французов, есть все, чтобы быть счастливыми: плодородная почва, мягкий климат, добросердечный и веселый нрав, изобретательность и очарование; вам нет равных в искусстве нравиться. У вас есть все, друзья мои, кроме одного пустячка: вы не можете быть уверены, что сегодня ночью будете спать в собственной постели, даже когда вам не в чем себя упрекнуть. Но честь! Честь семьи! Говорят, письма с печатью — неизбежное зло… Как вы наивны! Вас убаюкивают сказками. Сведущие люди сказали мне, что семье гораздо труднее получить письмо с печатью, нежели какому-нибудь мстительному клерку или продажной женщине. Семейная честь! Неужели вы считаете, что семья лишится чести, если казнят одного из ее членов? Как мне вас жалко! В стране, где пребываю я сейчас, на это смотрят иначе. Довольно смиряться с произволом, заслужите себе свободу.

Ваши парламенты способны произвести революцию в умах. Только слабодушные противятся революции. Секрет в том, что

революцию надобно как следует подготовить и в ней должны быть заинтересованы и народ, и король, и правительство. Берите в союзники время, и тогда сия столь необходимая революция пройдет мирно, а иначе о ней и думать не стоит. Идите дорогой свободы, но идите мирно.

Друг мой, я предрекаю: настанет время и вами станет править государь, который отменит письма с печатью, созовет Генеральные штаты и установит истинную религию. Сей государь, избранный самим небом, не станет злоупотреблять властью, ибо злоупотребление ведет к разрушению самой власти; он не станет довольствоваться положением первого из министров, он станет первым из французов. Счастлив тот король, который примет такой указ! Счастлив канцлер, который его подпишет! И счастлив парламент, который утвердит его! Ах, друг мой, мне кажется, что времена эти уже не за горами. Уверен, если бы ваш король слушал только собственное сердце, он давно бы вступил на путь реформ. И хотя он поступил со мной излишне сурово, я по-прежнему высоко ценю его достоинства.

Прощайте, добрый мой друг, мои добрые и истинные друзья; я обращаюсь к вам: вспоминайте о нас; мы же любим вас всем сердцем»[1].

Пространное письмо, известное как «письмо к французскому народу», опубликовали от имени Калиостро, однако составителем его, очевидно, явился адвокат Тилорье, последовавший за своим подзащитным в Англию. После торжественных проводов английская земля встретила супругов Калиостро не слишком любезно: на таможне их багаж старательно обыскали и конфисковали шкатулку с бриллиантами — возможно, теми, которые де Лонэ соблаговолил вернуть Серафине. Как и повсюду в Европе, англичане следили за делом об ожерелье и, возможно, посчитали сии бриллианты остатками пресловутого украшения. Разумеется, все знали об оправдании Калиостро, но флегматичные островитяне придерживались изречения «нет дыма без огня». Да и к ярым католикам, коим выставлял себя на процессе магистр, относились с подозрительностью. «Для французских узников все завершилось гораздо лучше, чем я предполагал. Я с самого начала говорил, что никогда не сумею разобраться в этом деле; теперь я абсолютно уверен, что ничего в нем не понял»[2], — выразив мнение большинства англичан, писал Гораций Уолпол.

Несмотря на конфискацию драгоценностей, испортившую настроение Серафине, магистр пребывал в полнейшей эйфории. Ощущая себя победителем, он лелеял планы создания великого масонского храма, еще более величественного, нежели тот,

который ему не довелось открыть в Лионе. Впрочем, когда Калиостро находился в Лондоне, 25 июля его истовые ученики узрели его на открытии храма в Лионе: магистр появился в зале, где стоял его мраморный бюст. Калиостро приписывали способность находиться в нескольких местах сразу; но скорее всего речь шла о галлюцинациях. Недаром писали, что «Калиостро имел талант возбуждать ложновидение, то есть галлюцинации»[3].

Поселившись неподалеку от Гайд-парка, в доме номер 4 по Слоун-стрит, Калиостро немедленно развил бурную активность, в чем ему во многом способствовал Самюэль Свинтон, владелец газеты «Курье де л'Эроп», коему магистра рекомендовал Лаборд. Многие биографы пишут, что именно Свинтон предоставил в распоряжение четы Калиостро и дом, и роскошную обстановку. Подарок особенно пришелся по душе Серафине: после парижских пертурбаций она с радостью вернулась к комфортному существованию. Радужное настроение магистра поддерживали письма его адептов. Узнав о парижских делах, шевалье де Ланглуа из Страсбурга писал на имя Тилорье: «Ах, как я был бы счастлив, если бы смог выразить ему всю ту нежную и почтительную привязанность, всю ту любовь, коя переполняет мне душу! Передайте ему, что я предан ему душой и телом…»[4] «Сейчас нам особенно хочется выразить свою любовь нашему отцу и благодетелю. Даже если его постигнет участь Сократа, мы всегда будем с гордостью объявлять себя его учениками и апостолами», — вторил ему Саразен. «Учитель, вы для меня все. Самым счастливым мигом моей жизни станет миг, когда я смогу пасть в ноги вам и магистрессе и заверить вас в своем почтении, подчинении и послушании», — писал неизвестный ученик Египетской ложи. «Господин и повелитель, позвольте припасть к вашим стопам, вручить вам свое сердце и смиренно просить помочь мне обратить мой дух к Всевышнему. Не стану, о мой повелитель, говорить о скорби, что охватила меня, когда океанские волны унесли от берегов Франции самого лучшего из всех повелителей и самого могущественного среди смертных: вы знаете об этом лучше меня», — восторженно заявлял неизвестный адепт.

Ощущение победы, советы Тилорье и его тестя д'Эпремениля побудили Калиостро направить в Париж бумагу с требованием возмещения ущерба и наказания тех, по чьей вине он случился, — то есть комиссара Шенона и коменданта Бастилии де Лонэ. Иначе говоря, только что выбравшись из королевских застенков, магистр вновь нападал на королевскую власть, представителями которой выступали Шенон и Лонэ. Вряд ли Калиостро сознавал, что его

оправдали не столько потому, что он доказал свою невиновность, сколько потому, что его оправдание воспринималось как обвинение королевы. Оппозиция судила двор, погрязший в долгах и коррупции, королеву, проматывавшую государственный бюджет, и абсолютную власть короля, неспособного достойно управлять государством. Арест Калиостро и его жены предоставил оппозиции в лице д'Эпремениля и Тилорье прекрасный повод повести наступление на неограниченную власть монарха и укрепить положение парламента. Мистические и масонские общества того времени являлись рассадниками политического радикализма. Само их существование бросало вызов государственным институтам, и, отбиваясь от (зачастую справедливой) критики со стороны официальной науки, они в лице своих оппонентов нападали на королевский деспотизм и привилегии, коими вышеуказанные институты обладали. В таком контексте целитель, пророк и масон Калиостро оказывался персонажем вполне революционным. Следуя в фарватере Тилорье, Калиостро, сам того не подозревая, поплыл по реке, именуемой политикой, и теперь его демарши в собственную защиту воспринимались как выступления против королевской власти.

Подписываясь под «Письмом к французскому народу», магистр мстил своим врагам, и прежде всего Бретейлю, за долгие месяцы заточения в Бастилии и одновременно во весь голос заявлял о себе, желая поднять свой рейтинг, как сказали бы мы сейчас, и отнюдь не собираясь подрывать устои абсолютизма. Однако недруги станут упрекать его именно в антимонархических настроениях! «В вашем письме вы говорите о созыве Генеральных штатов. Полагаю, у вас ложное представление об этих Штатах. Их созывают в случае общественных бедствий, чтобы укрепить трон, а не для того, чтобы его опрокинуть. Видимо, вы уже набрались республиканского духа в Англии. Во Франции монарх — это кумир, особенно такой добродетельный, как наш нынешний король»[5]. Оппозиция от имени Калиостро нападала на королевский произвол и протаскивала идею о необходимости сменить нынешнего монарха на нового, «избранного самим небом». Тилорье и д'Эпремениль намекали на первого принца крови герцога Орлеанского, но сторонники братьев короля — графов д'Артуа и Прованского — вполне могли увидеть в небесном избраннике своего кандидата: в желании сместить Людовика XVI дворянские оппозиционеры были едины.

Намек на предстоящее разрушение Бастилии, впоследствии расцененный как предсказание грядущей революции, подоплеку

имел гораздо более прозаическую и никак не революционную. Бастилия стремительно пустела, и, чтобы оправдать расходы на ее содержание, в 1784 году в нее перевели узников Венсенской крепости, где тюрьму закрыли окончательно. Но большинство бастильских камер по-прежнему пустовало, и министр финансов Неккер предложил упразднить Бастилию. В том же году парижский архитектор Курбе представил проект сооружения на месте бывшей крепости площади Людовика XVI. Среди вариантов проекта, предложенных другими архитекторами, везде присутствовал памятник Людовику XVI; сохранилась гравюра, на которой Людовик простирал руку в сторону рабочих, разбиравших тюремные башни. Уничтожение Бастилии было предрешено, о нем говорили во всеуслышание, и не сделай этого народ, крепость разрушило бы само правительство. Когда 14 июля 1789 года восставшие парижане ворвались в Бастилию, в ней находились всего семь узников: четыре фальшивомонетчика, один проходимец, один развратник и один умалишенный. Сокрушив твердыню деспотизма, толпа нацепила на пику голову коменданта де Лонэ и пронесла ее по улицам Парижа, наводя ужас на умеренных, еще утром пребывавших в уверенности о возможности мирной революции. Большинство из тех, кто, прикрываясь именем Калиостро, нападал на монархический произвол, пали жертвами революционного террора: д'Эпремениль, Лаборд, герцог Орлеанский, взявший после 14 июля фамилию Эгалитэ (что значит «равенство»…). А инквизиторы объявят революционером и подстрекателем самого Калиостро, намеревавшегося свергать монархию только в романе Александра Дюма.

Уйдя с привычной стези шаманства и целительства, покинув поле устной речи, которой для своих целей Калиостро владел виртуозно, он ступил на незнакомую — и недоступную за отсутствием должного опыта и подготовки — стезю судебной и памфлетной риторики, где ему ничего не оставалось, как следовать за искушенным в составлении бумаг Тилорье. Впрочем, и прежде, когда следовало что-то написать, магистр всегда находил адепта, готового взять в руки перо; теперь диктовали ему.

Вряд ли «Письмо к французскому народу» обошло всю Европу, но до Марии-Антуанетты и Бретейля оно дошло, равно как и дошел иск, предъявленный де Лонэ и Шенону. В исковой бумаге Калиостро ничтоже сумняшеся писал, что ежели он расходовал в год около ста тысяч ливров, следовательно, дома он хранил немалые суммы и вправе требовать их возмещения. Высказанные в письме намеки на необходимость созыва

Генеральных штатов, отмену «писем с печатью» и разрушение Бастилии разгневали и королеву, и Бретейля. Шарлатан, оправданный парламентом под радостные возгласы уличной толпы, становился политическим ажиотером, смущавшим покой монарха, а следовательно, подрывавшим основы государства. Чтобы утихомирить зарвавшегося авантюриста, решили извлечь его из Англии. Бретейль отправил французскому посланнику графу д'Адемару письмо, в котором сообщал, что король, приняв к сведению иск, вчиненный господином Калиостро коменданту королевской тюрьмы и комиссару королевской полиции, дозволил оному Калиостро пребывать во Франции столько времени, сколько понадобится для судебного разбирательства. Без присутствия же истца слушания по делу начаты быть не могут. Калиостро следует явиться в посольство и получить разрешение на въезд во Францию.

Получив приглашение, Калиостро инстинктивно почуял неладное и призвал своих новых друзей — Бержере де Фрувиля и лорда Джорджа Гордона — сопровождать его. 21 августа компания явилась во французское посольство. Увидев графа, эскортируемого двумя мужчинами, один из которых в шотландском килте и с палашом, поверенный в делах Франсуа Бартелеми попытался дать проход одному Калиостро, но, заметив угрожающий взор и тянущуюся к палашу руку лорда Гордона, пропустил всех. Известный в Лондоне своим нервическим характером и склонностью к раздуванию беспорядков, лорд Гордон находился под тайным наблюдением полиции. Сообщив графу, что король дозволяет ему вернуться во Францию, поверенный ожидал увидеть радость. Но Калиостро, выдержав паузу, поблагодарил от своего имени Людовика XVI и, заверив поверенного, что всегда исполняет волю королей, вежливо попросил бумагу, подписанную его величеством. Бартелеми предъявил ему письмо Бретейля.

— С каких это пор министры вправе отзывать распоряжения короля? — спросил Калиостро, бросив взор на протянутую ему бумагу. — Приказ о моем изгнании подписан королем, следовательно, я вернусь, только получив дозволение, также подписанное королем. Здесь же я вижу подпись какого-то Бретейля… Не знаю такого.

Чувствуя на себе вопросительные взоры новых адептов, Калиостро бравировал, хотя внутренне дрожал как осиновый лист. Он никогда не выступал в открытую против властей и не хотел выступать. Если бы он пришел сюда один, он наверняка бы согласился, так как знал, что агенты французского правительства пытались выкрасть Никола де Ла Мотта, чтобы доставить его во

Францию, и тот спасся только чудом. Но не мог же он уронить достоинство своей персоны в глазах англичан! Ореол гонимого властями пророка придавал ему значимости как в собственных глазах, так и в глазах поклонников, а особенно поклонниц. Небрежно кивнув растерянному Бартелеми, он повернулся и вышел, сопровождаемый своим почетным караулом. Калиостро не попался в расставленную ловушку, ибо, как написал он в «Письме к английскому народу», тот, кто девять месяцев провел в Бастилии по ложному обвинению, сделает все, чтобы вновь не попасть туда. А вскоре в «Паблик Адвертайзер» одна за другой появились несколько заметок о «друге свободы Калиостро», снискавшем дружбу и расположение кардинала Рогана, а потом поддержавшем оного кардинала во время процесса и способствовавшем его оправданию. Автор утверждал, что французы так и не узнали, что же случилось с ожерельем, ибо, если говорить всю правду, пришлось бы скомпрометировать весьма знатных особ, что невозможно в государстве, где царит произвол. Подобная апология Калиостро (создателем которой, как выяснилось позже, был не кто иной, как Джордж Гордон) сделала магистра одиозной фигурой в глазах французского правительства, и Бретейль стал обдумывать план наступления.

В Лондоне Калиостро считал себя неуязвимым, тем более что Свинтон окружил его заботами, а жена его взяла под опеку Серафину. Впервые супруги чувствовали себя в Лондоне желанными гостями. Магистр возобновил изготовление египетских порошков и продавал их по 30 шиллингов за гран, принимал страждущих египетской истины и проводил сеансы магии, после которых любопытствующие долго не расходились, а магистр, облачившись в подобие египетских одеяний, с важным видом нес околесицу на всех доступных ему языках. Английский он по-прежнему не выучил, но теперь имел дело с людьми светскими, которые так или иначе говорили по-французски, и переводчик ему не требовался. Осенней сырости пока не предвиделось, новая подруга изо всех сил развлекала Серафину, Свинтон знакомил Калиостро со своими друзьями, и магистр надувал щеки, купаясь в лучах славы борца против абсолютизма. Однажды Свинтон познакомил Великого Кофту со скромным господином по имени Тевено де Моранд, представившимся редактором газеты «Курье де л’Эроп», издававшейся два раза в неделю на английском и французском языках. Моранд разговаривал мало, больше слушал, а потом, почтительно взяв под руку Серафину, завязал с ней оживленный разговор. Либо Калиостро не знал, что Свинтон владел газетой, редактором которой являлся Моранд, либо не удосужился связать эти факты

между собой. А еще он не знал, что газета, издаваемая Морандом, прославилась тем, что печатала жареные факты и самые свежие сплетни. Словом, желтая пресса; владелец ее занимался шпионажем в пользу французского правительства, а редактор подрабатывал шантажом. Продажного пера Моранда опасались все.

Шарль Тевено, шевалье де Моранд, не был шевалье, как и Калиостро графом, но без смущения присвоил себе титул. Прежде чем стать борзым пером, «Руссо из сточной канавы» (*Rousseau des ruisseaux*), как называли тогда борзописцев пошиба Тевено, сей сын нотариуса из Арнеле-Дюк, получив юридическое образование, пошел по иной стезе: побывал завсегдатаем публичных домов, сводником, карточным шулером. Отсидев в тюрьме за грабеж, Моранд бежал в Англию. Там он открыл в себе талант журналиста и умение выкапывать эпатажные факты. Он научился продавать полученную разными путями информацию — либо жертве, готовой заплатить, чтобы факты не стали достоянием гласности, либо ее недругам, дабы испортить жертве карьеру и отравить существование. Вольтер утверждал, что Моранд проливал яд на все, что любят и уважают. Когда мишенью Моранда стала фаворитка Людовика XV мадам Дюбарри, тогдашний начальник полиции Сартин попытался выкрасть его и привезти во Францию. Операция сорвалась, так как журналист сумел натравить англичан на французских полицейских, и тем пришлось убраться восвояси. Понимая, что еще немного, и объявленные «Секретные мемуары продажной женщины, или Приключения графини Дюбарри» выйдут в свет, король решил купить Моранда. В Лондон направили Бомарше, дабы тот уговорил журналиста уничтожить тираж; за 100 тысяч ливров шантажист согласился выполнить просьбу. Сыграв на беспринципности Моранда, французская полиция подкупила его и сделала своим платным осведомителем и цепным псом одновременно. Когда выманить Калиостро во Францию не удалось, Моранду поручили провести кампанию против самозваного графа.

25 августа 1786 года Моранд сделал по Калиостро первый залп. Покопавшись в архивах лондонских судов, он вытащил на свет все случаи столкновения магистра с английской судебной системой и рассказал о них так, как умел только он один: зло, смешно и занимательно. Следующий выстрел прозвучал 1 сентября. В рубрике «Литературно-политическая смесь» («Mélanges de littérature et politique») появился «Обзор путешествий господина Калиостро, совершенных им до прибытия во Францию». В этом обзоре Моранд собрал все, что наговорила

про Калиостро Ла Мотт и что ему удалось выудить из прибывшего в Лондон Саки (говорят, Моранд отыскал его в Париже и выписал в Лондон за счет Бретейля). Напомнил о некоем Сильвестре, у которого в Кадисе Калиостро украл трость с часами и бриллиантами (речь, видимо, шла о той самой трости, которой в свое время граф откупился от английского правосудия). А может, Сильвестр требовал вернуть 60 тысяч ливров, выманенных у него обманом в Лионе? Или в Лионе Калиостро обманул кого-то другого? Смешивая ложь с правдой, а полуправду с вымыслом, Моранд достиг своей цели: выставил графа опасным мошенником и ловким шарлатаном. Он даже написал, что в Париже Калиостро выдавал себя за князя Трапезундского, и никому даже в голову не пришло усомниться! Не иначе как действительно колдун, лучше держаться от него подальше!

Читая заметку, Калиостро скрежетал зубами от злости: наконец-то он понял, зачем журналист незаметно лавировал между гостями Свинтона и, отыскав Серафину, под разными предлогами увлекал ее подальше от мужа и развлекал беседой. На жену магистр не мог сердиться: она не сказала о нем ни одного дурного слова. Во всем виноват Моранд, сумевший даже похвалы вывернуть наизнанку. В те времена экземпляр газеты обычно прочитывали несколько человек, а когда номер попадал в публичную читальню, то и несколько десятков. Кто-то подсчитал, что тираж в пять тысяч экземпляров, каковым обычно выходила «Курье де л'Эроп», мог быть прочитан едва ли не миллионом читателей. Во всяком случае, в Лондоне газета шла нарасхват, и количество клиентов у Калиостро резко уменьшилось. Ходил слух, что Моранд, следуя своей обычной практике, заявил о готовности написать опровержение, но, разумеется, не бесплатно. Или это Свинтон предложил графу откупиться от журналиста? «У Моранда больная жена и шестеро детей, — сообщил владелец газеты, — деньги ему нужны». Свинтон сказал правду, и Калиостро, кажется, даже сделал некие демарши, но получил отказ: несмотря на обремененность семейством (которой он не раз прикрывался), Моранд не намеревался менять заказчика.

Разозленный Калиостро решился ступить на неведомую ему почву газетной полемики. Тилорье уже уехал на континент, и писать ответ Моранду, скорее всего, помогал Гордон. Он же свел магистра с редактором «Паблик Адвертайзер», согласившимся опубликовать опровержение. И 3 сентября газета напечатала ответ Калиостро борзописцу Моранду:

«Сударь, я не знаток французского языка и не могу сделать вам комплимент, коего, возможно, и заслуживают ваши шуточки, напечатанные в номерах 16, 17 и 18 "Курье де л'Эроп". А так как

все в один голос заверили меня, что в них изящество и элегантность стиля вступили в союз с благопристойностью, я решил, что ваше общество не может считаться дурной компанией, а потому возжаждал познакомиться с вами поближе. Но так как злые языки позволили распространять на ваш счет гнусные истории, я решил проверить их, прежде чем дать волю чувствам. Сейчас я с превеликим удовольствием могу сказать, что только злые языки могли причислить вас к клеветникам из ежедневной прессы, кои продают свое перо тем, кто дороже заплатит, и заставляют платить за свое молчание; более же всего мне понравились тайные предложения, кои вы передали мне со Свинтоном. Всегда лучше потребовать золота, чем черпать воду из Темзы.

Из всех веселых историй рассказанных обо мне вами, мне более всего понравилась история о свинье, растолстевшей на мышьяке, которым травят львов, тигров и леопардов в лесах Медины. Надеюсь, господин насмешник, что сумею предоставить вам возможность посмеяться вместе со мной. Позвольте предложить вам небольшой эксперимент, который, без сомнения, повеселит публику. 9 ноября в 9 утра я приглашаю вас на завтрак. Вы приносите вино и закуску, я же выставляю блюдо с молочным поросенком, откормленным по моей методе. Но за два часа до начала завтрака вам приведут этого поросенка, упитанного и резвого, и я предоставлю вам возможность самому заколоть его и распорядиться приготовить; и пока блюдо с поросенком не поставят на стол, я к нему даже близко не подойду. Вы разрежете его на четыре равные части и сами выберете кусок для себя и для меня. На следующий день случится один из четырех возможных вариантов: либо мы оба будем мертвы, либо оба живы и здоровы, либо вы будете мертвы, а я жив и здоров, либо наоборот. Из четырех шансов я предоставляю вам один, и держу пари на 5000 гиней, что мертвы будете вы. Так что либо принимайте пари, либо признавайте, что глупо шутить над тем, чего не понимаешь.

Остаюсь, сударь, с теми чувствами, кои испытывают повсеместно те, кому пришлось иметь дело с вами.

Ваш… и т. д.»[6]

Судя по тому, что в ответе упомянуты «воды Темзы», кто-то все же рассказал Калиостро, что его новый друг Свинтон, усиленно приглашавший магистра на лодочную прогулку по Темзе, — агент французской полиции. Утверждали, что Свинтон во время прогулки хотел связать Калиостро и передать его на французский корабль, дабы его увезли во Францию, где Бретейль приготовил ему самую мрачную камеру в Бастилии. А может, это была фантазия Гордона, личности скандальной и достаточно

темной.

Рассказ об аравийских мудрецах, умеющих откармливать свиней мышьяком, дабы потом бросать их туши хищникам, чтобы те подохли, съев отравленное мясо, Моранд, скорее всего, почерпнул из материалов, присланных ему из Франции, где в свое время магистр не удержался и поведал полицейскому комиссару, что знает рецепт приготовления яда, обнаружить который невозможно. Верил ли в сей рецепт сам Калиостро, сказать трудно, но насмешек он не терпел. Вспомнив о том, как в Санкт-Петербурге он предложил сразиться на ядах лекарю Екатерины II Роджерсону, он вызвал Моранда на аналогичный поединок, питая, видимо, уверенность, что Моранд, как и Роджерсон, такого вызова не примет. И журналист действительно не принял, посоветовав магистру сначала потренироваться на кошечках или собачках, ибо его, Моранда, жизнь слишком дорога, чтобы жертвовать ею ради экспериментов ка-кого-то шарлатана. Затем Моранд плавно перешел к иным секретам, знанием которых похвалялся господин Калиостро. В частности, он поведал, что в один из своих прошлых приездов граф обещал осветить английскую столицу при помощи морской воды. По словам графа, он знал секрет, как заставить ее гореть, и даже подсчитал, что замена масла в городских светильниках на воду даст казне экономии в 50 тысяч фунтов стерлингов. Когда же чародея попросили провести эксперимент, он отказался, сославшись на то, что проводить его придется на берегу моря, а это опасно, ибо вода может загореться, и тогда уже никто не справится с пожаром.

Словно бык, увидевший красную тряпку, Калиостро бросился сочинять ответ:

«Благодарю вас, сударь, за то, что вы соблаговолили ответить на мое письмо.

Знание и искусство сохранять тесно связано с искусством разрушать. Находясь в руках людей человеколюбивых, лекарства и яды равно служат к счастию рода человеческого, первые — для сохранения тварей полезных, вторые — для уничтожения тварей злокозненных. У меня заведено именно так их использовать. Вы отказались от завтрака, предложив вместо себя плотоядного зверя. Но где найти такого плотоядного зверя, кто в окружении иных зверей был бы подобен вам в обществе человеческом? Я бы хотел иметь дело не с вашим представителем, а с вами лично. Обычай драться через представителей давно вышел из моды. Тем более, полагаю, вы не найдете себе замены ни среди хищников, ни среди травоядных.

К тому же я с удовлетворением узнал, что вам поручено

защищать Шенона и де Лонэ. Что ж, подобное к подобному: каковы клиенты, таков и адвокат, каковы поступки, таков и защитник.

Желаю вам, сударь, и впредь пользоваться уважением публики и срывать ее аплодисменты.

Когда вы завершите свою почтенную карьеру, я подумаю, на чью сторону стоит встать…»[7]

Ответ, написанный с чувством не свойственного Калиостро юмора. Не исключено, что магистр смеялся про себя над одураченными клиентами, хотя, если судить по свидетельствам современников, он настолько проникся самодовольством и уверенностью в собственной правоте, что скорее всего и сам уверовал в свои магические и пророческие таланты. И больше никакого смеха. Во времена Калиостро знали цену острому словцу, остроумной шутке и боялись быть поднятыми на смех. Насмешка исполняла роль публичного экзекутора. Ответ Калиостро, видимо, составлял его очередной секретарь или все тот же Гордон.

Моранд продолжал пускать в ход тяжелую артиллерию, к которой вполне можно было приравнять пакет с вложенным в него письмом комиссара Фонтена и стопкой исписанных мелким судейским почерком бумаг. Отправителем пакета являлся Вержен, забывший или делавший вид, будто забыл, что в свое время он высказывался в защиту Калиостро. Помимо истории с ядами Фонтен сообщал, что так называемые граф и графиня Калиостро на самом деле являются супругами Бальзамо — Джузеппе и Лоренцей, в девичестве Феличиани. В 1773 году, будучи в Париже, мадам Бальзамо по просьбе своего супруга была заточена в исправительную тюрьму Сент-Пелажи. К письму комиссар прилагал копии судебных протоколов, анонимное письмо, полученное комиссаром 16 июля 1786 года (возможно, написанное родственником де Лонэ, драгунским капитаном Сент-Илером), анонимное письмо из Палермо, показания Антонио Браконьери, дяди Джузеппе с материнской стороны, и доклад агентов, отправленных в Палермо для выяснения родословной Бальзамо. Собственно, еще собирая сведения о лондонских похождениях магистра, Моранд встретил фамилию Бальзамо. Сомнений не оставалось: граф Калиостро — это уроженец Сицилии Джузеппе Бальзамо, обманщик, мошенник и шарлатан, а жена его… Моранд задумался. Наверняка очаровательная мадам Калиостро могла еще немало рассказать о своем супруге, которым она почему-то очень недовольна. Надо только подобрать к ней ключик. Про Серафину-Лоренцу Моранд написал вскользь, выставив ее жертвой ревнивого и злобного мужа, способного в

приливе гнева поднять на хрупкую женщину руку.

Разоблачениями Моранда зачитывались и в Англии, и во Франции. Имя Калиостро использовали для создания низкопробных историй, не имевших никакого отношения ни к Джузеппе Бальзамо, ни к графу Алессандро Калиостро. В гостиных Серафина все чаще ощущала на себе заинтересованные взоры — то сострадательные, то любопытные, то презрительные. В городе появились листочки с грубыми шуточками в адрес магистра. Когда в очередном пасквиле или сатире она видела имя Бальзамо, в груди у нее все сжималось. Оказывается, она так и не простила Джузеппе тех четырех месяцев, которые по его милости провела в Сент-Пелажи. Она вновь ощутила на коже тюремную грязь и липкие прикосновения рук товарок по несчастью. По сравнению с Сент-Пелажи пребывание в Бастилии казалось отдыхом, передышкой между масонскими трудами…

Моранд продолжал «раскручивать» биографию магистра, а англичане, те, кто раньше стеснялись признаться, что позволили себя одурачить, возмущенно требовали возмещения ущерба. Если бы не поразительное чутье магистра на судебных приставов и его виртуозное умение всучивать взятки, возможно, он бы угодил в долговую тюрьму Ньюгейт. Говорят, кто-то даже вспомнил про бриллианты миссис Фрай — то ли она сама подарила их мистеру Калиостро, то ли он их присвоил… Наверное, все-таки присвоил, иначе зачем бы во Франции его посадили по делу о краже ожерелья? Итог: Калиостро снова оказался в эпицентре слухов, но теперь «сарафанное радио» работало на создание «отрицательного имиджа» магистра.

Газета «Курье де л’Эроп» продолжала развлекать читателей похождениями Калиостро, развенчивая магистра в глазах французов и англичан, и, как следствие, всей Европы.

«В Булони сотни людей вышли провожать господина Калиостро!» — «Сомнительно. Впрочем, адвокат Тилорье мог организовать торжественные проводы своего клиента». — «Не мог какой-то там Тишио или Бальзамо пробудить столь великий энтузиазм!» — «Почему бы и нет? Шарлатаны всегда кричат во весь голос, это благородство молчаливо». — «Граф — благодетель человечества!» — «Не стану спорить. Однако сей благодетель был выслан из всех стран, где он пытался облагодетельствовать человечество».

Моранд напечатал в своей газете один из пасквильных стишков, высмеивавших шарлатана Калиостро:

Кто он такой — слуга иль господин,

Купец иль гранд — то знает Бог один.
Друг лорда N*** и M*** приятель он,
Под именем чужим — теперь масон.
Сын кривды, да под ним земля горит,
«Я сын природы, — он вам говорит, —
Смотрите, я невинный Ахарат,
Я Феникс, Анн, маркиз я де Гарат,
Я милосерд, хочу добро творить,
Я золото умею растворить,
Всех исцелю своим я Бальзамо,
И наконец, я — чистое дерьмо»[64].

Но, как любая сенсация, история Бальзамо-Калиостро постепенно приелась читателям, и Моранд, которому никто не мог отказать в уме, немедленно извинился перед публикой, что слишком долго досаждал ей столь ничтожной личностью.

Злоязыкий журналист достиг своей цели: печальная известность Калиостро поползла вверх, а доверие к его магическим, пророческим и прочим способностям — вниз. Поэтому, пока Калиостро, продолжавший делать хорошую мину при плохой игре, надеялся отыграться на любимом масонском поле, оказалось, что время его ушло. На его заметку в «Морнинг геральд», написанную с употреблением масонского языка цифр и обращенную ко всем братьям с призывом собраться и заложить камень в строительство храма истинного масонства, не откликнулся никто. Любопытно: местом сбора Калиостро назначил трактир того самого О'Рейли, который в свое время вытащил его из тюрьмы; но даже привлекательное место не помогло. Калиостро осознал, что его переиграли. Решив приободрить приятеля, беспокойный лорд Гордон уговорил графа написать очередное письмо, точнее, воззвание, обращенное к английскому народу, дабы опровергнуть возведенную на него клевету. Подзаголовок письма гласил: «Ответ на насмешки, опубликованные господином де Морандом, редактором "Курье де л'Эроп"»:

«Английский народ! Выслушай меня. Я человек. Я вправе требовать твоего правосудия: я несчастен; я имею право на твою защиту. Не стану отрицать, было время, когда в твоей столице меня подвергли ужасным гонениям; но былые несчастья нисколько не изменили моей искренней любви к тебе, чувств, кои привели меня и доставили к вам. Поведение мое, быть может опрометчивое с виду, станет для будущих поколений

свидетельством моего безграничного доверия к народу-законодателю, который по справедливости гордится своей свободой.

Мне думается, англичане — единственный народ, никогда не преклонявший колен перед идолом власти. Меня изгнали из Франции; изгнание прославило меня и открыло передо мной весь мир. Я решил отправиться в Англию, и Лондон стал моим убежищем. Сегодня я снова гоним, меня опять преследуют враги, более могущественные и более яростные, чем прежде. Но я не раскаялся в своем выборе. Пусть враги пятнают мою честь, здесь я имею право выступить в ее защиту. Пусть они угрожают моей свободе, здесь нет Бастилии. Злобные и мерзкие клеветники, вас подкупили, и вы оклеветали меня; но вы не заставите меня усомниться в справедливости английских законов…»

Воспев систему английского правосудия, вмешательство коего в его дела всегда оказывалось плачевным, Калиостро принялся всячески отрицать, что имеет хоть что-то общее с Джузеппе Бальзамо:

«Это не я под именем Бальзамо был гнусным образом изгнан из Парижа в 1772 году! Это не мою жену под именем Лоренцы Феличиани заточили в Сент-Пелажи! […] Нет ни единой записи ни в полицейском журнале, ни в дознании, ни в расследовании, где было бы доказано, что я — это Бальзамо! Я не Бальзамо, и я это утверждаю!»

Высказав при содействии лорда Гордона возмущение гнусным обвинением, он приступил к бичеванию Моранда, завершив пассаж величественным прощением борзописца и поручая отмщение Верховному Существу:

«Не стану более говорить о низких поступках этого отщепенца, претендующего на звание писателя; его выкинули из Франции и не признали в Англии; но мерзкое перо его, к несчастию, стало известно в Европе. Он может продолжать оскорблять меня, я не стану призывать на его голову кары законов, ибо у несчастного есть жена и вдобавок он является отцом шестерых детей. Если я захочу, я разорю его; но я не хочу стать причиной его разорения, кое повлечет за собой разорение его семьи […] Я возлагаю отмщение на Того, Кто не заставит детей отвечать за преступления их отца. Моя вера в Верховное Существо непоколебима. Я всегда верил в Его справедливый суд, который рано или поздно настигает каждого, а для неправедных он кончается плохо…»

И Калиостро напоминал о четырнадцати неправедных обвинителях и судьях, которых после дела, начатого четой Скотт, постигли всевозможные несчастья:

«И пусть ужасный пример, что я вам привел, подтолкнет их к раскаянию, и тогда мне не придется оплакивать их участь! Пусть они признают свои ошибки и сами вручат себя в руки правосудия, и я дарую им свое благословение!

Враги мои полагают, что я угнетен, подавлен… Пусть знают, время испытаний закончится и, как бы они ни ярились, я вернусь с гордо поднятой головой. Несчастные, они не видят, что тучи над их головой уже сгустились и скоро из них вырвется разящая молния…»[8]

Письмо не навлекло на головы недругов Калиостро ни грома, ни молнии, а лишь приумножило их число. Скорее даже не недругов, а насмешников и равнодушных, коих магистр страшился больше, чем Бастилии. Насмешники рисовали карикатуры, а равнодушные не намеревались вступать в египетские масоны и не просили обучить их изготовлению золота. Перед графом замаячил призрак Джузеппе Бальзамо — безвестного мошенника с книгой Пьемонтезе под мышкой, жившего под дамокловым мечом закона. Наверное, именно поэтому он и ненавидел Бальзамо, не хотел вновь оказаться на его месте. Увы, будь он трижды чародеем — на его месте он все равно бы не оказался, ибо во времена Бальзамо он был молод и впереди была цель: вырваться из когтей бедности и безвестности. Нынешний Калиостро привык швырять деньгами и с удовольствием нес бремя славы.

Пытаясь закрепиться в Лондоне, Калиостро заключил деловой союз с выдающимся театральным художником, уроженцем Страсбурга Филиппом Жаком де Лутербургом. Прославленный оформитель спектаклей в театре «Друри-Лейн», создатель «Эйдофузикона», театра изобразительных и звуковых эффектов, где благодаря изобретательной подсветке и использованию механических автоматов оживали не только герои пьесы, но и окружавшие их декорации природы, Лутербург числился членом масонской ложи и страстно увлекался алхимией. Обычно магистр сторонился людей искусства и даже позволял себе пренебрежительные высказывания в их адрес, но сейчас блюсти принципы времени не оставалось. К тому же предполагают, что их отношения начались уже в Страсбурге, где они познакомились на одном из собраний масонской ложи Объединенных друзей (Amis reunis). Возможно, Калиостро хотел использовать (использовал) таланты Лутербурга для создания оптических иллюзий во время сеансов духовидения, а художник надеялся узнать кое-какие секреты Великого делания. Секретов Лутербург не узнал, тем не менее по просьбе Калиостро создал восемь аллегорических картин на тему инициации кандидаток

адоптивной ложи Египетского масонства[9]. Однако учредить в Лондоне Египетскую ложу не удалось, картины в конце концов заняли свое место в музее, а в начале апреля Калиостро тихо, никого не предупредив, бежал из Англии в Швейцарию.

Число адептов Калиостро везде и всюду стремительно сокращалось. Понимая, что теперь выиграть дело «Калиостро против Шенона и де Лонэ» невозможно, Тилорье и д'Эпремениль потеряли к нему интерес. Лаборд и его шурин де Вим, находившиеся во время разоблачений Моранда в английской столице и несколько раз встречавшиеся с Калиостро, удрученные, вернулись в Париж. Своими речами граф не убедил их, что история про Бальзамо — вымысел; более того, он совершил, по их мнению, непорядочный поступок: удрал из Лондона с драгоценностями жены, оставив ее без денег на растерзание кредиторам. Одним из последних покинул лагерь магистра Рейде Моранд, написавший из Лондона Рамону де Карбоньеру: «Дорогой друг, сомнения мои подтвердились. Наш любимый и почитаемый мэтр, граф Калиостро, оказался обманщиком и мошенником…» Жирный крест на сказочной биографии Калиостро поставил министр Бретейль (наконец-то он отыгрался за проигранное дело об ожерелье!), предложив вниманию читателей компактное изложение полицейских досье и писем свидетелей, подтверждавших идентичность Великого Кофты-Калиостро и проходимца Бальзамо. Одним из главных козырей в этой публикации явилось признание Серафины, сделанное в 1785 году на первом допросе в Бастилии: женщина сообщила, что ее зовут Лоренца Серафина Феличиани.

«Все собранные к сегодняшнему дню факты неоспоримо доказывают, что граф Калиостро, заключенный в Бастилию в 1785 году, является субъектом по имени Джузеппе Бальзамо, который в 1772 году прибыл из Англии вместе с женой своей, Лоренцей Феличиани.

Мадам Калиостро, также отправленная в Бастилию, является той самой Лоренцей Феличиани, с которой вышеуказанный Бальзамо в апреле месяце 1769 года обвенчался в церкви Сан-Сальваторе ин Кампо и которая в феврале месяце 1773 года на основании жалобы Джузеппе Бальзамо была заключена в исправительный дом Сент-Пелажи по причине ее любовной связи с неким Дюплесси.

Так можем ли мы считать, что Алессандро Калиостро и Джузеппе Бальзамо — одно и то же лицо? Является ли человек, заточивший свою супругу в 1773-м, тем же самым субъектом, который в 1786-м яро ратовал за освобождение жены?

Давайте попробуем проверить. Мадам Калиостро родилась в

Риме, и жена Бальзамо тоже урожденная римлянка; первая именовала себя Феличиани, и вторая тоже.

Жена Бальзамо вышла замуж в четырнадцать лет, и мадам Калиостро также вступила в брак, едва выйдя из детского возраста.

В своем “Мемориале” господин Калиостро заявил, что жена его не умеет писать; на допросе жена Бальзамо также сообщила, что не умеет ни писать, ни ставить роспись.

Но муж ее писать умеет: вышеуказанный Бальзамо дважды поставил свою подпись на записках, сохранившихся в архивах полиции. Я сравнил эти две подписи с одним из писем, написанных господином Калиостро в Бастилии; согласно заключению экспертов, почерк субъекта по имени Бальзамо идентичен почерку господина Калиостро[65].

А если мы вспомним, что господин Бальзамо говорил только по-итальянски, а господин Калиостро вразумительно изъясняется и пишет только на этом языке, что и тот и другой уличен в шарлатанстве, то вряд ли столь схожие характеры и похождения могут принадлежать двум разным лицам»[10].

Газетчики Англии и Франции похоронили былую славу Великого Кофты и целителя. В Европе сочинения бывшей его адептки Элизы фон дер Реке, брошюра графа Мошинского, рассказ Гёте о его поездке в Палермо, где он встретился с семьей Бальзамо, «Монолог одинокого мыслителя» Казановы, в котором отошедший от дел авантюрист разносил в пух и прах своего собрата, резко уменьшили число сторонников магистра. Закрадывается мысль, что люди, окружавшие графа, не могли относиться к нему равнодушно и либо обожествляли его, либо ненавидели. Великий любовник-авантюрист, встречавшийся с Калиостро и в скудные его дни, и в дни процветания, в «Монологе…» назвал графа невежественным и безграмотным шарлатаном, присвоившим себе фальшивый титул[11], забыв при этом, что он сам без всякого на то основания присвоил себе титул шевалье де Сейнгальта. Что побудило Казанову, подвизавшегося на том же, что и Калиостро, поприще блистательного вымысла, спустя много лет обрушиться на своего собрата? Зависть к его славе?

«…Субъекта сего сторонники считают необычайно ученым именно потому, что стоит ему заговорить, как он предстает совершеннейшим невеждой. Сей субъект убеждает, хотя и не владеет ораторской речью ни на одном из языков. Его понимают, потому что он ничего не объясняет. Не давая возможности усомниться в его умении проделывать вещи невероятные, он обещает то, чего не может быть. Он не был бы столь богат, если

бы ему не давали деньги все те, чьи недуги он временно облегчил при помощи экстракта Сатурна[66]. Персону его считают очень знатной, ибо он груб в речах и неотесан в манерах. Его считают искренним по причине его необычайного сходства с обманщиком. Говорят, никто не знает, что представляет из себя этот человек, ибо те, кто его знают, говорят лишь малую часть того, что рассказал я вам»[12].

Сатирические пьесы русской императрицы Екатерины, высмеивавшие масонов и шарлатанов-целителей, выйдя за пределы Российской империи, внесли свою лепту в свержение Великого Кофты с пьедестала властителя дум значительной части населения, в том числе и его собственной жены Серафины. Мнения биографов разделились: одни утверждают, что Калиостро уехал из Англии раньше супруги, чтобы все подготовить к ее приезду; другие говорят, что он постыдно бежал, так как не мог заплатить кредиторам. Правы скорее последние, ибо, хотя графиня и распродала мебель и остатки имущества, чтобы расплатиться с кредиторами, ей пришлось занять изрядную сумму у четы Лутербург. Неудивительно, что, когда Тевено де Моранд на правах старого знакомого заходил к Серафине, она часами жаловалась ему на мужа: ей хотелось выговориться, а других слушателей у нее не было. Разумеется, она знала, как ненавидел газетчика Калиостро, но для себя решила, что не обязана разделять вкусы мужа. Тем более что Тевено ни разу не уязвил ее в своих статьях, а, напротив, всегда представлял ее жертвой необузданного и жестокого супруга. В сущности, она была согласна с Морандом. Она дважды сидела в тюрьме только за то, что она — жена Бальзамо-Калиостро. Конечно, когда супруг ее процветал, он не жалел для нее денег, но ведь она вполне могла бы стать женой кого-нибудь другого, кто тоже осыпал бы ее драгоценностями, но при этом не заставлял бы переезжать с места на место, подолгу жить в отвратительных гостиницах, а главное, торговать собой, соблазняя нужных людей… Так, может, пока она не утратила былой красоты (надо сказать спасибо супругу с его притираниями), ей стоит попытаться выйти замуж еще раз? Но как расстаться с Джузеппе, брачные узы с которым освящены церковью?

Незадолго до отъезда ее любовником стал Рей де Моранд: этот роман немного скрасил ее существование в опостылевшем Лондоне. Сырой холодный город, квакающий язык, суровые проповедники… Серафина рвалась в тепло, в буйство красок ранних весенних цветов, скучала по величественным, пышно убранным католическим соборам, где душа сама рвется к Богу… Она мечтала вернуться в Италию. Но Калиостро ждал ее в

Швейцарии, куда, на ее счастье, к нему собирался отправиться Лутербург с женой. Значит, ей не придется ехать в одиночестве; Серафина никогда не путешествовала одна, рядом всегда был супруг, готовый распоряжаться и приказывать. В последнюю минуту в Лондон на помощь графине примчался друг Саразена Жерар Тейс: банкир направил его помочь Серафине разобраться с бумагами. Помощь была своевременной, ибо финансовые дела магистра оказались, мягко говоря, запутанными, и Тейсу пришлось задержаться в Лондоне.

А графиня Калиостро вместе с четой Лутербург в начале июня 1787 года отбыла на континент: путь лежал в швейцарский город Базель.

24 августа «Курье де л'Эроп» известила своих читателей, что изгнанный из Англии господин Калиостро проживает в Бьенне, в доме, построенном на средства банкира Якоба Саразена.

Глава 10
Целитель, масон, алхимик, изгой — кто он будет такой?

— Где господин Калиостро, господа? Имею предписание на его арест…

Г. Горин. Формула любви

Швейцария оказалась единственной страной, готовой раскрыть свои объятия разоблаченному магистру, а Якоб Саразен — единственным другом, не пытавшимся выяснить, правы ли газетчики, утверждавшие, что Калиостро — авантюрист и мошенник Джузеппе Бальзамо. Так что, когда карета Калиостро въехала на вымощенный камнем двор Белого дома и из нее выскочил потолстевший, но по-прежнему энергичный магистр, банкир не стал спрашивать, отчего весь багаж его состоит из одного саквояжа, а расплатившись с возницей, повел дорогого гостя в комнаты, где их ожидала радостная Гертруда.

В своем большом доме Саразен отвел Калиостро просторные апартаменты и предоставил в полное его распоряжение одного из слуг. Окруженный любовью и почтением, магистр вновь расцвел и начал строить планы по созданию великой Египетской ложи. Отчего он решил, что избранной страной египетского масонства должна стать Франция? Давно надо было основать ложу здесь, в Швейцарии — либо в Базеле, либо в одном из городков неподалеку. Надо сказать, ряд источников сообщает, что, пребывая под крылом Саразена, Калиостро действительно создал в Базеле ложу египетского масонства и нарек ее Материнской ложей Гельвеции[1]; членами ложи стали не только сам Саразен, но и их общие друзья: негоциант Буркхардт, профессор Брейтингер, зять Саразена де Женжен и, кажется, даже пастор Тушон.

Понимая, что почтенных швейцарских бюргеров может отпугнуть ритуальная сторона масонских обрядов, магистр очистил египетский ритуал от всего, что напоминало, так сказать, о традиционном масонстве. Никаких черных комнат, черепов, шпаг и уж тем более подтягивания на веревках (как некогда подтягивали его самого). Только медитация и целительство. Протестанты, большинство из которых осели в благословенной Швейцарии, сбежав (в основном из Франции) от преследований со

стороны католиков, не нуждались в страшилках. Убежденные кальвинисты, они верили в непознаваемое предопределение; зримым же знаком благословения Господа являлся личный успех в делах и всяческих предприятиях. Словом, они твердо стояли на земле, хотя, конечно, немножечко чуда еще никогда и никому не мешало…

Калиостро собирал своих швейцарских адептов в одной из просторных комнат Белого дома, откуда заранее вынесли всю мебель, кроме стульев. Посреди комнаты стоял бюст Великого Кофты, и члены ложи, чинно рассевшись по кругу, сосредоточенно взирали на изображение магистра и проникались важностью его учения. Когда подготовительная медитация завершалась, в комнату вплывал сам Великий Кофта и наставлял членов ложи. Величественное спокойствие, коим веяло от почтенного собрания, передавалось даже Калиостро, и он, против обыкновения, не размахивал руками и говорил довольно внятно. Чтобы придать себе больше величия, он снова встал на котурны. Их, как и египетскую хламиду, пришлось изготовлять заново, но Саразен взял на себя все материальные заботы магистра. В отличие от Франции здесь никто не пытался превратить высокое масонское собрание в великосветскую гостиную. Здесь умели ценить проповедь. Знаменитый Лафатер погиб от руки пьяного солдата, которого попытался наставить на путь истинный…

Едва ли не сразу после приезда Саразен заговорил о возможности обустройства Калиостро в Швейцарии. Сначала банкир полагал, что дорогому другу лучше устроиться в Нефшателе, поближе к Франции; да и говорят там по-французски, хотя кантон находится под протекторатом Пруссии. Но после того как в Лондоне его попытались выкрасть, Калиостро, опасаясь новых вылазок французской полиции, приближаться к Франции желанием не горел. Более того, дабы оградить себя от подобных случаев, ему захотелось заручиться поддержкой местных властей. Но прусский двор Калиостро в защите отказал, мотивируя тем, что если граф хочет жить как простой человек, в кругу друзей, то покровительство ему не нужно и он может селиться, где ему угодно. А если ему нужна защита, значит, это не тот человек, коего двор хотел бы видеть на вверенной ему территории.

Еще Саразен напомнил дорогому гостю, что, когда тот в свое время приезжал погостить к ним из Страсбурга, неподалеку от Базеля они начали строительство деревянного трехэтажного павильона, предназначенного для духовного и физического возрождения. Магистр, полагал Саразен, должен помнить, как он давал подробнейшие указания, каким должен быть этот павильон и как его оборудовать: ведь сложную процедуру физического

перерождения требовалось проводить каждые 50 лет. Так вот, работы давно завершены, осталось привести все в порядок и подправить там, где успело обветшать. Обрадованный этим известием, Калиостро пообещал, что Якоб и Гертруда первыми пройдут курс омоложения.

В конце мая Саразен повез Калиостро в Ольтен на ежегодное собрание Гельветического общества, где магистр попытался завербовать новых адептов для своей ложи. Его благожелательно выслушали, однако никто не проявил желания ступить на стезю египетского масона. Кажется, в том же Ольтене после долгого перерыва Калиостро вновь встретился с очаровательной Марией Антонией Бранкони, бывшей возлюбленной наследного принца Карла Вильгельма Фердинанда Брауншвейгского. Красавица и умница, слывшая некоторое время подругой великого Гёте, Бранкони после разрыва с принцем много путешествовала и развлекалась тем, что соблазняла всех, кто встречался у нее на пути. Возмущенная клеветническими брошюрами, высмеивавшими Калиостро, она пожелала возобновить их знакомство, однако магистр, ожидавший со дня на день возвращения Серафины, не поддался ее чарам. Возмущенная красавица немедленно перешла на вражескую сторону и принялась твердить всюду, какое ничтожество этот шарлатан Калиостро. Почему магистр не воспользовался возможностью завязать интрижку в отсутствие Серзфины? Ведь если верить современникам, он заводил романы, отнюдь не интересуясь мнением супруги. Возможно, причиной стала усталость, навалившаяся на магистра после почти двухлетних гонений; а может, в отсутствие Серафины он вдруг почувствовал, что безумно по ней скучает, а потому иные женщины не привлекали более его взоры…

17 июня 1787 года на широком дворе Белого дома Калиостро наконец-то заключил в объятия «свою дорогую женушку», как он в минуты хорошего расположения духа называл Серафину. У графини отлегло от сердца. Она боялась встречи с мужем: ей всегда казалось, что своим цепким, буравящим взором он видит все, что творится у нее в душе, читает ее мысли. Но сегодня супруг, кажется, и в самом деле был рад их встрече. И она немедленно поведала ему, как в Лондоне к ней пришли агенты французской полиции и сказали, что, если она подпишет бумагу, удостоверяющую, что иск, предъявленный ее супругом де Лонэ и Шенону, заведомо ложный, она может рассчитывать на пожизненную пенсию от французского правительства. Но она не стала подписывать неправду против своего Алессандро! И никогда не подпишет! Похвалив жену и пообещав больше никогда

с ней не расставаться, граф проводил ее к Гертруде, с которой Серафина успела подружиться еще в Страсбурге, а сам задумчиво отправился в лабораторию, которую по его просьбе оборудовал для него Саразен. Предстояло собрать вещи, ибо к приезду Серафины дом, купленный (или все же снятый?) Саразеном в городке Бьенн, что неподалеку от Базеля, был полностью отделан, обставлен и готов принять жильцов. Во главе городка стоял друг Саразена, баннерет Якоб Сигизмунд Вильдермет, а бургомистром являлся его брат Александр. Оба градоправителя гарантировали Калиостро полный покой: они втайне надеялись, что присутствие знаменитого целителя и масона приведет в город множество знатных путешественников, кои пополнят городскую казну и кошельки горожан. А Сарразен полагал, что на берегу озера, среди величественной природы Калиостро, не отягощенный ни финансовыми заботами, ни повседневными хлопотами, обретет наконец спокойствие и счастье и начнет на благо человечества производить свои настойки и эликсиры. Саразен даже договорился с аптекарем из Бьенна, чтобы тот по первому зову являлся к Калиостро и помогал ему в лаборатории. Возмещение убытков, понесенных аптекарем, которому наверняка придется часто закрывать собственную аптеку, Саразен брал на себя.

После сообщения Серафины Калиостро еще раз порадовался, что жить ему предстоит вдалеке от французской границы и под защитой властей. Однако демарши вокруг жены заставили его насторожиться. Что, если Серафина сказала ему не всю правду? Господи, зачем только он оставлял ее одну! Пришлось нехотя признаться самому себе, что он попросту струсил. Испугался кредиторов, полицейских ищеек, неизвестно откуда взявшихся субъектов, припомнивших ему долги многолетней давности… Вот он и бежал под покровом ночи, бежал, чтобы избавиться от всех проблем, сбросив их на жену и верного Саразена. Интересно, тот по-прежнему считает Александра своим сыном? Впрочем, малыш очень похож на мать, так что есть надежда, что тайна никогда не раскроется[67]. А Серафину он больше одну не оставит, иначе совсем от рук отобьется. Незадолго до его бегства из Англии их отношения окончательно испортились. Еще бы! Его обложили со всех сторон, словно загнанного зверя, а она продолжала развлекаться! Инстинкт собственника взбунтовался: любимая вещь поступала не так, как ему хотелось! Но что с ней делать, он тогда так и не придумал. И бежал, бросив все как есть…

Просторный дом, получивший название *la Rocaille* (или по-немецки *Rockhalt*), оказался на удивление удобен; столь же удачно спланировали и флигель, где поселилась чета Лутербург: Калиостро пригласил художника и его жену разделить с ним и

Серафиной провинциальное уединение. Лутербург, одолживший Серафине в Лондоне крупную сумму, приглашение принял с радостью. Он видел, что денег у магистра нет (за все расплачивался Саразен), но надеялся получить долг алхимическим золотом, а заодно и научиться превращать неблагородные металлы в благородное золото или хотя бы серебро. Серафина же обрадовалась, что в глуши у нее появится подруга, с которой можно поболтать; жители Бьенна говорили в основном по-немецки, а этот язык был ей недоступен.

По случаю переезда в новом доме устроили торжественный обед, на котором Калиостро выступил с пространной речью. Он говорил о том, что истинному философу претит мирская суета, а счастье можно обрести только в кругу друзей. Но и в этой речи, как, впрочем, и во многих других, магистр лгал, и скорее всего не только гостям, но и самому себе. С его амбициями, с жаждой вечно быть в центре общества провинциальный швейцарский городок явно не мог удержать его надолго.

Поначалу в дом к Калиостро зачастили поклонники, среди которых был замечен даже Лафатер. А один знатный француз привел с собой девочку-подростка, будущую мадам де Ла Рошжаклен, автора мемуаров, на страницах которых нашлось место не только магистру, «человеку маленького роста, толстому, черноволосому и с красивым лицом», но и его супруге, женщине «маленького роста, немного полноватой, очень белокожей, не слишком молодой, но ласковой и любезной». Завсегдатаем дома долгое время являлся кальвинистский пастор Кристиан Готлиб Шмидт, оставивший для нас словесный портрет тогдашнего Калиостро: «Его взор подавлял вас, уничтожал и полностью ускользал от ваших глаз. Это был идеальный тип чародея. Одна только форма черепа свидетельствовала о человеке необыкновенном […] но он был слишком склонен к паясничанью и шутовству; ему недостает величия»[2]. Магистру недоставало не только величия, но и трудолюбия: он никак не мог взять себя в руки, дабы заняться масонскими и алхимическими трудами, коих от него все ждали с нетерпением. С сеансами духопризывания дела также обстояли не лучшим образом. Они были редки и шли как-то наперекосяк. Говорят, когда в качестве «голубка» Калиостро выбрал одного из сыновей Саразена, мальчик настолько перепугался, что между родителями и магистром произошла значительная размолвка.

Чудес не происходило, и поток посетителей постепенно иссяк. Собственно, это был даже не поток, а ручеек, несравнимый с прошлыми бурными реками: в основном приезжали те, кто проживал неподалеку. Тем временем сбежавшая из тюрьмы и

благополучно прибывшая в Англию Ла Мотт начала издавать свои «Мемуары», в которых основное место отводилось делу об ожерелье и, как следствие, графу Калиостро и его махинациям. Публика, подготовленная разоблачительными сочинениями, направленными против магистра, принялась жадно поглощать борзые писания Ла Мотт. Дурная слава — тоже слава, и граф по-прежнему вызывал любопытство, однако уже не восторженное, а скептическое, чего Калиостро никак не мог стерпеть. Изготовление эликсиров и притираний ожидаемого дохода не приносило. Горные пейзажи магистра не вдохновляли, к прогулкам на природе ни он, ни Серафина пристрастия не имели, а Серафине здешний климат и вовсе по вкусу не пришелся: ветры с гор, снег, лед…

Непонятно, по какой причине (не исключено, что от скуки) чета Калиостро очень скоро рассорилась с четой Лутербург. Художник обвинил магистра в небрежении своими прямыми обязанностями: он не трудится в лаборатории, не просвещает учеников, а лишь ходит на званые обеды и ужины. Интересно, каким образом он собирается возвращать ему долг? Дамы же перессорились из-за своих мужей: Серафина заявила, что Люси Лутербург вешается на шею Калиостро, а Люси ответила, что Серафина только и ждет, чтобы прыгнуть в постель к художнику. А мужья… Как пишут современники, знаменитые мужья действительно обхаживали жен друг друга. Скандал разгорелся нешуточный. Вечерами художник плодил карикатуры на Калиостро и методы его лечения, а по утрам развешивал их на улицах Бьенна. Карикатуры были едкие, одни подписи чего стоили! Например, подпись под карикатурой «Завтрак с минеральной водой графа Калиостро», изображавшей больных, часть которых выстроилась на прием к магистру, а другая часть тут же мучилась от рвоты, гласила: «Расход на целебные травы — 0,10 ливра, доход от настоек и пилюль — 1 000 000 ливров». В городе образовались две партии: Калиостро поддерживали Саразены, баннерет и де Женжен, за Лутербурга стояли бургомистр и его взрослые дети. Серафина, научившаяся, по словам Мак-Колмана, в Бастилии писать[3], неровным почерком написала Саразенам, что Лутербурги жаждут получить первое место в очереди на омоложение и поэтому не дают покоя магистру.

Лутербург не намеревался идти на мировую: он подал иск, дабы магистр вернул ему деньги (около двухсот фунтов). Калиостро подал ответный иск, только повод оказался каким-то странным, не внушавшим доверия… 11 декабря 1787 года Калиостро подал в магистрат жалобу, в которой сообщал, что

слуга Лутербурга по имени Абрагам Риттер по приказу своего господина купил порох и пули, дабы зарядить пистолет и застрелить его, Калиостро. На этом основании граф потребовал выдворить Лутербурга из Бьенна. Жители городка потеряли покой и, недовольные склочными соседями, стали потихоньку роптать. Лутербурги переехали в дом бургомистра, откуда Филипп де Лутербург отправил Калиостро вызов на дуэль. Магистр расхохотался и (как обычно) предложил сразиться на ядах. Вмешавшийся в конфликт Саразен с трудом добился компромисса, уговорив Калиостро заплатить небольшую сумму и пообещав Лутербургу доплатить долг магистра. А чтобы стороны немного успокоились, он на три недели увез графа и графиню из Бьенна. Калиостро остался недоволен решением и все время брюзжал. В отвратительном расположении духа он вместе с Саразеном прибыл в Ольтен на очередное, 28-е собрание Гельветического общества, где здравомыслящие швейцарцы снова решили не связываться со столь непонятной и неприятной личностью, как граф Калиостро. Саразен сделал все возможное, чтобы поднять авторитет магистра, но дурная слава Калиостро уже распространилась по всей Европе. Поссорившись с Саразеном, Калиостро отбыл в Бьенн. К началу июля пришлось подводить плачевные итоги: Лутербург выиграл иск против Калиостро; магистр окончательно разругался со своим самым преданным учеником и другом Саразеном, обвинив его во всех смертных грехах, и с баннеретом, который, по его словам, все время тайно поддерживал художника; жители Бьенна обиделись на Калиостро, заявившего, что все швейцарцы — ханжи, лицемеры и обманщики, и в ответ недвусмысленно намекнули, что, собственно, графа в кантоне никто не держит.

Подталкивала Калиостро к отъезду и Серафина. В последние недели июня она прониклась уверенностью, что муж ее сошел с ума, — как иначе объяснить его ссору с человеком, чей кошелек для него всегда открыт? Это непонятное безумие еще сильнее разжигало ее желание уехать в Италию, в Рим, домой… Где еще супруга авантюриста перекати-поле могла надеяться обрести покой? Ей донельзя надоели дороги, переезды, масонские кривлянья, едкая вонь из пробирок и тиглей, круговерть лиц и городов. Хотелось чего-то понятного, постоянного, а что может быть понятнее родительского дома? Тем более что недавно она получила письмо от отца, в котором тот сообщал, что они с матерью знают о ее мытарствах из газет и готовы принять блудную дочь под родительский кров. А еще у нее стали сильно болеть суставы… Под благовидным предлогом необходимости лечения супруги Калиостро решил покинуть Бьенн. 23 июля 1788

года, ровно в полночь, карета с графом и графиней Калиостро взяла курс на славившийся своими водами городок Экс-ле-Бен. Магистру, похоже, понравилось уезжать под покровом темноты: захлопнул дверь — и был таков.

Успела ли Серафина полечиться на водах, неизвестно, ибо пробыли они в Экс-ле-Бене недолго. Возможно, их оттуда выслали, а может, просто жизнь в курортном городе показалась им слишком дорогой… Ведь они лишились своего верного банкира. А может, Серафина сумела уговорить супруга направить стопы свои в Италию… Как бы то ни было, но 23 августа они въезжали в Турин. В те времена город входил в состав Сардинского королевства, а его король Виктор Амадей был связан тесными узами с Королевским домом Франции. Людовик XVI по-прежнему не собирался оставлять безнаказанным авантюриста, способствовавшего очернению образа королевы, и его не интересовало, виновен сей авантюрист или нет. Поэтому, как только в Париже стало известно, что Калиостро пересек границу Сардинского королевства, министр иностранных дел Франции Монморен направил в канцелярию Виктора Амадея депешу, где, в частности, говорилось: «Мы имели возможность собрать документы, относящиеся к господину Калиостро, и в них мы нашли доказательство того, что с юных лет он вел преступную жизнь; что медицину он специально не изучал, кроме нескольких месяцев, проведенных в монастыре Милосердных братьев; что всюду, где он появлялся, он использовал самые низменные и достойные порицания способы получения средств к существованию. С глубокой признательностью король узнал, что Их Величество король Сардинии, принимая во внимание поведение оного Калиостро во Франции, исполнен решимости запретить этому мошеннику пребывание на территории его государства»[4]. Так что не успел магистр обосноваться и, по обыкновению, начать прием страждущих, как ему вручили приказ, согласно которому ему предписывалось в 24 часа покинуть Турин и пределы Сардинского королевства.

Милан, Генуя, Парма, Верона… дорожная пыль, дешевые гостиницы, попытки заняться врачеванием, пресекаемые жандармом с приказом покинуть город… 24 сентября супруги Калиостро прибыли в принадлежавший тогда Австрии городок Роверето на берегу реки Адидже (современная По); там им удалось задержаться более чем на месяц. Вряд ли эта остановка стала бы примечательной, если бы не молодой клерк Клементино Ванетти. Узнав о прибытии знаменитого Калиостро, Ванетти, бросив все свои дела, стал ходить за ним буквально по пятам, день и ночь, и записывать все, что удавалось увидеть и услышать.

Результат — хроника, написанная на латыни в стиле Евангелия, отчего ее традиционно именуют «Евангелием от Калиостро»: Liber memorialis de Caleostro cum esset Roboreti.

Автор «Евангелия…» называет себя беспристрастным наблюдателем: «Тот, кто написал эти строки, сам никогда не разговаривал с Калиостро, он лишь старательно заносил на бумагу рассказы других, не питая к герою сих рассказов ни любви, ни ненависти»[5]. Однако когда Ванетти предоставляет слово Калиостро, вряд ли можно говорить о беспристрастности, ибо он очевидно стоит на стороне своего героя. Ванетти, как никому иному, удалось передать атмосферу ожидания чуда, постоянно окружавшую Калиостро.

«1. На восьмом году правления императора Иосифа Калиостро с супругой прибыли в Роверето. И было это примерно семь часов вечера. И говорили одни, что прибыл Антихрист, а другие — что волшебник, и обе партии спорили друг с другом. Он же смеялся над обеими сторонами и говорил: “Не знаю, кто я есть, но я знаю, что я исцеляю страждущих, просветляю усомнившихся и даю деньги несчастным. Обо мне написано множество глупостей и лжи, но никто не знает истины. Однако когда я умру, все дела мои станут известны из записок, кои я оставлю после себя”[68].

И вот опустилась ночная мгла, и собралось множество людей, и стали они задавать ему вопросы. А утром он принимал больных и давал им советы. Но многие его очень боялись. Батист, брат Николя, Элуа и другие увели его к себе домой, но дома у них на окнах были решетки, и он закричал, что сие есть Бастилия, и убежал оттуда. И стал жить в гостинице.

2. К нему приходили страждущие, и он давал советы, лекарства и немного денег для приобретения нужных снадобий. Пошли слухи, что он пророк и прибыл даровать милосердие. Но многие сомневались и ждали результата.

3. И вот, недужный господин преклонных лет, имевший застарелую мочекаменную болезнь, получил от Калиостро желтый порошок, и у него начала отделяться светлая моча, и почувствовал он себя хорошо. Врачи же бросились листать книги, дабы найти тому объяснение. Из окрестностей Вероны привели женщину с раком груди. Тогда Калиостро созвал медицинский совет, и все врачи подтвердили, что спасти женщину может только операция. Калиостро же сказал: “Я никогда никого не уродовал ножом”. И он изготовил пластырь и дал женщине. И жена Калиостро перевязала ту женщину так, как требовалось. И женщина спросила: “Как долго надо пробыть мне в этом городе, дабы ты меня вылечил?” Калиостро ответил: “Некоторое время”.

“Тогда как мне быть? — спросила она. — У меня нет денег, чтобы попасть в больницу”. Калиостро рассердился и сказал: “Иди к трактирщику, я все оплачу”. И трактирщик поселил ее и кормил обедом даром. А через день все увидели, что женщина весела и здорова.

4. Однажды Калиостро сказал врачу, лечившему тяжелобольного: “Ты делаешь все для того, чтобы больной платил тебе. Я же сделаю так, что в течение десяти лет смерть не посмеет приблизиться к этому больному. Ибо мне подчиняется Вселенная”. Узнав о словах Калиостровых, больной чрезвычайно приободрился.

Калиостро был знаком с одним важным чиновником, и оный чиновник встречал Калиостро за границей, и видел его часто, и был вхож к нему в любое время. И все этого чиновника спрашивали: “Ты близко знаком с Калиостро и можешь поведать нам истину”. — “Спрашивайте, и я скажу”. — “Правда ли, что Калиостро ужинал с Христом?”. “Правда ли, что он пил то вино, которое Христос сделал из воды?” “Об этом я не знаю, — отвечал чиновник, — но точно знаю, что родился он задолго до Христа”. И все смеялись. А потом заспорили: Калиостро — магометанин или иудей? А так как спорщики не унимались, Калиостро спросил: “Зачем вам знать об этом?”

5. Пришли письма из Милана, и говорилось в них, что Калиостро в настоящее время находится в этом городе. И люди спросили: “Как может он находиться одновременно в двух местах сразу?” И им ответили: “Должно быть, один из тех, о ком идет речь, не Калиостро”. Калиостро же был в Роверето и пользовал недужных, а когда в его лечении сомневались, он говорил: “Я вам прощаю, ибо вы не знаете меня”. А жена его говорила: “Муж мой лечит от всего, кроме смерти”.

У жены его не было ни служанок, ни горничных, но она каждый день употребляла пять капель эликсира красоты, очень известного в Англии, где Калиостро открыл секрет его изготовления двум дочерям некоего офицера; этот секрет стал приданым оных дочерей. Если смешать пять капель сего эликсира с хорошей туалетной водой и протереть полученным раствором лицо, то оно становится белоснежным и румяным.

И Калиостро вел разговоры с врачами, и говорил: “Любая болезнь имеет в основе своей одну из двух причин: загущение лимфы в нашем теле или порча гуморов в оном же[69]. И говорил он на итальянском и французском языках, а также на некоем языке, среднем между этими двумя.

И в словах его заключалась великая сила. Многие женщины приходили к нему и рассказывали о своих болезнях. Но никто не

знал, сколько времени он пробудет в этом городе. В городе же была девушка-лунатичка, она кидалась на людей и кусалась, и ее никак не могли доставить к Калиостро. Тогда Клиостро сам пришел к ней и изгнал из нее дух болезни.

6. Каждый день возле дома, где он жил, толпились больные, которых приводили и приносили ему отовсюду. И врачи в этом городе стали просить магистратов запретить ему лечить. Ибо согласно закону запрещено лечить тому, кто не имеет специального диплома, выданного медицинскими властями, коих назначил Император. Магистраты собрались и решили запретить ему лечить и пригрозили ему. Но Калиостро не испугался и сказал: “Я всегда назначал всем лекарства только в присутствии врача. А те, кому я прописал лекарства, чувствуют себя лучше, и всем об этом известно. И я всегда предупреждал, какое действие может оказать мое лекарство. И никогда никого к себе не приглашал. Но если люди приходят ко мне, не прогонять же их? Я ни у кого ничего не просил и не принимал никаких подношений”. И народ стал выступать в его защиту, и собрание постановило оставить его в покое. Однако Калиостро решил перебраться на другой берег, в Виллафранка. Тамошние власти обрадовались ему и хотели устроить пир в его честь, но Калиостро отказался. И в ту же ночь к нему на прием пришел больной консул.

7. Калиостро находился в доме консула Гаспара, и пришли туда мужчины и женщины благородного рождения, и собралась огромная толпа в вестибюле, и он говорил. Потом взял за руку человека, давно страдавшего головокружением и лихорадкой, и вошел с ним в маленькую комнату, и там пригласил его сесть. И быстро распознал его болезнь, и сказал, что его мучают черви. И обещал вылечить его.

8. И все признали за чудо, когда он вылечил солдата, пролежавшего пять месяцев с опухшими ногами и болями в суставах. А причиною болезни сего солдата явилась чума, которую привезли с другого конца света люди невоздержанные, и чума стала карою за плотскую жадность. Калиостро же, видя, что с каждым днем к нему приходит все больше людей, пораженных этой болезнью, печалился и говорил: “Столько больных не видел я даже в Париже и Константинополе. Горе вам, ибо сладострастие поразило вас и ваших детей”. И сказал он, что малые города более подвержены разврату и мирским удовольствиям, нежели большие, и от этого люди в них умирают.

Сам он ел мало, спал в кресле, подложив под голову подушку. Когда к нему приводили больных из больниц, он не брался их лечить, а говорил: “Указания мои все равно выполнены не будут, а средства мои не позволяют забрать их из больницы

совсем, а посему отправляйте их к врачам обратно". Но были врачи, кои слушали его внимательно и записывали за ним рецепты очистительных средств. На тех же, кто подстрекал против него, он не гневался, а говорил: "Никто не может творить добро, не нажив себе завистников. Милосердие делает человека подобным Богу, воздает добром за зло и может избавить род человеческий от несчастий". И он долго говорил о том, что в Англии, Франции и России ему пришлось страдать за то, что он делал добро другим.

9. Прошел слух, что у него есть напиток, возвращающий людям молодость. На это он ответил: "Не доверяйте лжи, не заблуждайтесь на мой счет". Некая знатная синьора, скрыв свое имя, пригласила его к себе и посулила заплатить за визит. Он возмутился и не пошел, сказав, что, пока повязка не спадет у нее с глаз, она его не увидит.

Многие хотели знать, ходит ли он по воскресеньям в церковь и к причастию, равно как жена его и слуги. Но не узнали, и одни говорили, что да, другие же, что нет. Он же, когда отсылал больных, делал знак креста. А когда солдат, пролежавший пять месяцев, выздоровел и стал благодарить его, он отправил его молиться в церковь и благодарить Бога за исцеление. Но многие не верили, что это он исцелил солдата, и кричали: "Он обещал изгнать червей за три дня, а до сих пор не изгнал!"

10. Однажды Калиостро рассказал, что, когда его неправедно привлекли к суду в Лондоне, он встал перед судьями и воскликнул: "Как верно, что Господь существует, так верно, что один из нас, тот, кто сейчас лжесвидетельствовал, падет мертвым". И длань Господня опустилась на его обвинителя, и тот упал мертвым. Тут Батист, с коим он говорил, сказал своему другу: "Уйдем, он над нами смеется и злоупотребляет нашей доверчивостью".

И снова люди стали его спрашивать: кто он? откуда он пришел? почему слава его распространилась по всему миру? Многие хотели узреть доказательства, что он исцеляет любых больных. У него нет доказательств? Значит, он просто ездит по миру, швыряет золото и говорит вещи непонятные и мрачные. Что ж, таким манером любой может придать себе значительности. Пусть он публично исцелит кого-нибудь, от кого отказались врачи, и мы ему поверим.

Были таковые люди, что говорили: "У него есть отличное лекарство против лихорадки, и он уже многих исцелил". Но многие сомневались, надолго ли хватает его лечения? И Калиостро перестал лечить людей из Роверето и окрестностей, а стал лечить только чужестранцев, тех, кто прибыл издалека.

Причиною тому стал слух, что префект ему запретил заниматься медициной. Калиостро же сказал, что городок сей проклят, ибо здешние газетчики оклеветали его, и без оснований. “Вот почему более не буду я являть таланты свои среди вас. Я пойду далеко, и там буду вызволять детей из когтей смерти и возвращать их родителям, и слава окутает одежды мои, и матери увенчают меня розами и умастят мои волосы, а старцы станут петь мне хвалу вместе с юношами. И ненависть не будет точить свой яд”. Многие обрадовались, что он покинет их город, ибо на лице каждого читал он тайные пороки, потому что был он физиогномист и метопоскопист. Когда же больные возвращались к нему и говорили, что улучшений нет, он отвечал, что не имеет крыльев, дабы слетать на другой конец земли и достать нужное лекарство. И, закрыв дверь, уходил к себе и писал по-арабски или по-французски.

11. Не проходило и дня, чтобы к нему не приходили больные. И вот пришла девочка, дочь Помпея, судьи из Сите. Звали ее Элизабет. Она часто падала, у нее шла пена изо рта, и она дергалась в конвульсиях. Калиостро велел ей принимать рвотное и отослал. Это же средство он прописывал благородным истеричным дамам из Германии. В Страсбурге повелели исполнить скульптурное изображение его, а подписью служили стихи на французском языке[6].

Одной германской княгине он портрет свой подарил и сказал: “Это я, и пусть я буду все время с вами”. И толпа, видевшая это, возроптала: “Он творит чудеса там, где мы их не видим. Пусть он сотворит их здесь!” Но он не смог. Некоему глухому врачу Калиостро вдул лекарство в уши и пообещал, что через три дня тот все будет слышать. Однако через три дня врач по-прежнему объяснялся жестами. Тот, у кого был почечный камень, сказал, что ему стало еще хуже и ежели бы его раньше так лечили, он бы уже отправился к праотцам. И отныне все стали презирать мнения и суждения Калиостро. И говорили, что жена его вовсе не жена, а помощница в жульничестве. А еще она не ходит к причастию, потому что боится потерять колдовские способности. В праздники же она не причащается, потому что боится уйти из дома, ибо там полно драгоценностей и может забраться вор. А сам Калиостро, хотя и говорит, что получил отпущение от князя духовного, не ходит к причастию, потому что не смеет думать о божественном! Сегодня он выгнал слугу, служившего ему 15 лет, за то, что тот собрал деньги у посетителей и не вернул ему. Но на самом деле он потом эти деньги у слуги забрал.

Однажды Калиостро вместе с женой обедал у главы местных

масонов. И было с ним несколько учеников. На сем обеде присутствовал знатный господин, пожелавший пройти посвящение. И этот господин дал 300 золотых и стал тенью ходить за Калиостро днем и ночью. Но тот отвечал: “Надо, чтобы трое гроссмейстеров встретились вместе, только втроем дозволено принять неофита”.

Калиостро написал письма, и все, кто надо, прибыли. Господина приняли и разъяснили ему составные части доктрины. Потом соорудили стол пиршественный, и Калиостро сел вместе со всеми. Женщины тоже сели вместе с ними. И все говорили допоздна, и всем было любопытно. А потом люди сказали, что видели, как собравшиеся пили кровь, и видели горящие кресты и обнаженные шпаги. И после того прослыл Калиостро за продолжателя обычаев египтян и фесмофориев, что участвовали в Элевсинских мистериях. Когда же все из-за стола встали, неофит остался, а чужестранцы приглашенные бежали прочь. Изгнанный же слуга сказал: “Я буду не я, если не стану таким, как господин мой!” И начал продавать микстуры, кои делал тайно, опасаясь своего хозяина. Калиостро же никуда не ходил, а лечил человека, в чьем доме он жил. Он лечил его, потому что тот прибыл из Тренто больным.

12. Однажды Калиостро спросил у какого-то человека, не хотел бы он присоединиться к иллюминатам. Но человек сей отказался, ответив, что не желает видеть свет, в лучах коего можно либо узреть все, либо ослепнуть от яркости сего света, и предпочитает пребывать в сумерках, хотя в них и не все можно разглядеть. Еще он привел многие иные доводы, исполненные мудрости и горечи. И одни люди, слышавшие эту беседу, говорили: “Калиостро, наверное, франкмасон, призванный исцелять недуги мира, и щедрость его исходит из масонских сундуков”. Другие же люди говорили: “Если бы масоны действительно были столь щедры, они бы прислали другого человека, который бы не обольщал напрасной надеждой. А этот человек раздает милостыню и бесплатно лечит, но делает это для того, чтобы, найдя богача, заработать в сто раз больше. Он делает все, чтобы его считали посланцем властей небесных и врачом, исцеляющим все болезни”.

Однажды один священник сказал Калиостро: “У меня такая-то болезнь. Можешь ли ты исцелить ее?” И тот ответил, что может. Тогда священник вновь обратился к Калиостро: “Дай мне лекарства против будущих болезней”. Калиостро ответил: “Если бы я пришел к тебе за отпущением грехов, ты дал бы мне отпущение. Но если бы я стал просить у тебя отпущение за грехи будущие, разве ты дал бы мне его?” И священник ответил: “Нет”.

Однажды некая знатная дама попросила Калиостро вылечить ее от глухоты. Он обещал вылечить, если она станет соблюдать поставленные ей условия, а именно: если ей станет лучше, она напишет об этом в газету, а если хуже — тоже напишет. При этом разговоре присутствовал хозяин дома, где в то время проживал Калиостро, и он радовался за Калиостро.

13. Некий высокопоставленный чиновник ненавидел Калиостро и злословил о нем на каждом углу. И спросил он о Калиостро у молодого человека, который написал эту книгу, и тот молодой человек ответил: “Не мне судить о человеке, о котором каждый думает по-разному”. “Даже ты не знаешь, что сказать! — упрекнул его чиновник. — А ведь глупцы и слепцы уверены, что он приносит пользу своему ближнему. Но я утверждал и утверждаю, что Калиостро всегда всем приносил только вред. И все же к нему продолжают приезжать люди со всех концов, а когда они возвращаются после его лечения, то им становится еще хуже”.

Сам Калиостро рассказывал, как пришел к нему однажды больной епископ и попросил исцелить его. “И я сказал ему, что он исцелится, ежели переспит с девственницей. Она возьмет его болезнь на себя, и он будет здоров”. Епископ созвал совет, и совет решил дозволить ему переспать с девственницей, ибо речь шла о здоровье епископа. И епископ это сделал и выздоровел. Девица же заболела, но Калиостро ее вылечил.

Тут вышел эдикт императора, запрещавший Калиостро лечить и давать советы по лечению. И все забили в ладоши и закричали: “Да здравствует король! Он наш господин, и он по доброте своей защищает нас”. Почти всем же больным, которые лечились у Калиостро, стало хуже. И кто-то переставил буквы в имени Калиостро, и получился ложный Христос, который обманом пытается присвоить себе славу Божью. Однако людям разумным такие наговоры показались глупыми. Жена Калиостро вместе с капелланом пошла к мессе и, преклонив колена, всю ее отстояла, а потом другой священник дал ей почитать Деяния апостолов и сочинения пророков и радовался, слушая ее разумные рассуждения об этих книгах. Ибо она отвергала зло, посеянное так называемыми философами, процветавшими во Франции, и отвергала современные научные труды, но много размышляла над Писанием. Она сказала: “В этом городе мы исполнили нашу миссию, теперь едем в другой, где продолжим являть нашу милость сыновьям Адама”. И еще многое говорила она о планах мужа. Слуга, которого уволили, утверждал, что притирания он продавал с согласия Калиостро, и тот потом забирал деньги. И люди не хотели, чтобы сын кучера — как они

называли Калиостро — их обманывал. Правда, одни говорили, что он сын художника, другие — что он роду благородного, вырос и воспитан в Аравии. Калиостро же прятался от почестей. Но многие были уверены: “Если бы в Париже не было дела об ожерелье, мы бы ничего о Калиостро не узнали”.

15. Незадолго до того, как ему запретили заниматься медициной, Калиостро пожелал продать фармацевту свое лекарство против эпилепсии и назвал высокую цену, ибо, по словам его, ему нужны были деньги, дабы он мог отдохнуть после страданий, причиненных ему в Париже. Но люди отговорили аптекаря, потому что думали, что, получив деньги, Калиостро затянет в свою сеть еще больше людей.

Пришел к Калиостро горбун и попросил избавить его от горба. Калиостро сказал: “Положи на горб клинок весом в четыре фунта и каждый день спи на нем в течение шести часов, и через девять дней горб сойдет”. А так как рядом был врач, то Калиостро улыбался. После того как император запретил Калиостро лечить, тот разговаривал только с друзьями и дарил им сокровища из сокровищницы своих знаний. Он говорил им: “Если у кого-то есть недолеченный сифилис, я могу вновь возбудить болезнь, не заставляя страждущего спать с зараженными женщинами, а потом вылечу его навсегда. Итак, если вы не боитесь за душу, а опасаетесь только за тело, то идите и веселитесь. Одни лечат сифилис ртутью, другие ядом, но я так не лечу, ибо от такого лечения потом станет еще хуже”. Однако когда искали среди его лекарств, нашли ртуть.

Еще он с гордостью сообщал, что может изгнать из почек камень любой величины. Когда его спрашивали, как он это делает, он отвечал, что это его секрет. Еще он хвалил изобретенное им противоядие. Он говорил: “Я часто принимал яд на глазах у моих друзей, и они уже собирались оплакивать меня, но я принимал противоядие собственного изготовления и всегда оставался в живых”. А еще он рассказывал: “Врач русской Императрицы возненавидел меня, ибо я уличил его в невежестве, и он явился ко мне требовать сатисфакции. Тогда я сказал: мы оба врачи, и я предлагаю нам обоим избрать оружием пилюли с мышьяком. Я проглочу вашу ядовитую пилюлю, а вы — мою, а потом каждый примет свое противоядие. Тот, кто умрет, того назовут свиньей”[70]. О вызове этом рассказали Императрице, и она призвала Калиостро к себе. Тот же сказал: “Ваше Величество, дозвольте мне открыть вам истину: ваш врач, хотя вы и сделали его капитаном, настоящая свинья”. Тогда Императрица посоветовала Калиостро не принимать вызов недостойного человека, а самого Калиостро удалила с глаз долой.

Калиостро много говорил об алхимических арканах, говорил, что может сделать золото жидким как ртуть, а потом снова превратить его в твердый материал. Когда он был в Швейцарии (где жители Берна, зачарованные его речами, сделали его своим гражданином), он сказал швейцарцам: “Ваши горы покрыты толстым слоем снега, но в недрах этих гор много золота, серебра и хрусталя. Если вы позволите мне в течение десяти лет получать доходы с этих сокровищ, я растоплю льды и добуду эти сокровища”. “Нет, — ответили швейцарцы, — мы не хотим, чтобы вы тратили на такое предприятие деньги и время”. Какой-то человек же поинтересовался: “Как вы станете растапливать льды?” И Калиостро ответил: “С помощью уксуса”[71]. Тогда тот человек сказал: “Но, быть может, швейцарцы боятся, что льды, растаяв, обрушатся вниз и смоют их города”. И Калиостро ответил: “В Швейцарии много озер, так что воду можно направить в эти озера”.

Желая развлечь слушателей, Калиостро рассказал, как однажды ему понадобилась в помощницы женщина — не девственница, не куртизанка и не замужняя. “Я встретил хорошенькую девушку и сказал, что мне нужна в помощницы девственница и я буду ей хорошо платить”. “Я девственна”, — ответила она. “Нет, мне нужна девица, познавшая мужчину”, — быстро переменил я мнение свое. Девица покраснела и ответила: “Я вас обманула: я познала молодого человека. Я очень хочу получить место вашей помощницы”. И все смеялись над этой историей.

Калиостро получал много писем и, когда читал их, часто говорил жене, что Провидение карает врагов его и возвышает друзей. По первому зову его жена бежала в дом, и волосы ее развевались по ветру. В молодости она превосходила красотой всех прочих женщин.

Все, что сказано было выше, автор посчитал нужным сообщить о Калиостро. Тогда какой-то человек спросил у него, не насмехается ли автор над Евангелием. И тот ответил: “Нет, ибо я не привожу цитат, не насмешничаю и не ссылаюсь. А слова — они те же и в священных текстах, и в светских разговорах. Разница заключается в том, как мы эти слова расставляем. Слова наши подобны кирпичам, из которых можно построить и храм, и простое жилище”.

16. Калиостро перебрался на другой берег реки и начал вести прием. И люди специально приехали туда к нему, чтобы не нарушать повеления императора. Осмотрев всех, он с ними попрощался, вернулся, быстро собрал багаж и через два дня, 11 ноября 1787 года, уехал в Тренто.

Случилось это в четверг, на сорок седьмой день его пребывания в Роверето. Он сел в экипаж, но тут к нему подбежал тот самый слуга, которого он прогнал. Слуга хотел пожелать ему счастливого пути. Но Калиостро простер к нему руку и сказал: “Уйди, ты самый плохой слуга на всем свете”. И обернувшись к тем, кто случайно оказался рядом, он произнес: “Скажите гражданам Роверето, чтобы они простили служителю своему, если он не смог исполнить желание каждого”.

Лицо у Калиостро было весьма приятное, сам он был росту среднего, с сильной и мускулистой шеей. И хотя он был толст, ходил он быстро и никогда не стоял на месте. Кожа его цвет имела свежий, волосы были черные, глаза глубоко посаженные и блестящие. Когда он говорил голосом вдохновенным, возведя очи к небу и величественно поманая руками, казалось, что вдохновение нисходит на него свыше. Одежды его всегда были чисты, но не роскошны, беседа приятна. Говорят, в Тренто его приняли очень хорошо. Но в Роверето многие порядочные люди тому не поверили. Сей человек очень противоречив, настоящая загадка, а потому о нем суждение можно будет вынести только в конце его жизни, тогда станет ясно, кто он и что из себя представляет».

Хотя приведенное выше сочинение вышло из-под пера очевидца, в нем, как, впрочем, и во всем, что относится к Калиостро, факты теснейшим образом переплелись с вымыслом, в очередной раз доказывая, что уже при жизни магистра правда о нем, в сущности, не нужна была никому. Что ж, магистр беспрестанно творил свою легенду, и она постепенно зажила собственной жизнью, отдельно от своего творца.

Из Роверето, откуда его выслали по приказу императора Иосифа II, брата Марии-Антуанетты, Калиостро отправился в Тренто. Сопровождавшая его Серафина пребывала в мрачнейшем расположении духа. В Роверето она большую часть времени проводила в старинной церкви Святого Марка, где то просила у Господа прошения за прегрешения, совершенные не по своей вине, то умоляла его избавить ее от супруга. Тамошний священник отпустил ей грехи, но более ничем помочь ей не мог. Оставалось одно: упрямо направлять стопы супруга в Рим.

Прибыв в Тренто, Калиостро отправился к местному князю-епископу, дабы вручить рекомендательное письмо от советника из Роверето. Несмотря на свой сан, монсеньор Пьер-Вижиль Тон страстно увлекался алхимией и эзотерическими науками, поэтому гостя своего принял с распростертыми объятиями. Подобно кардиналу Рогану, он обеспечил Калиостро безбедное существование; даже Серафина немного повеселела. Но стоило ей

подумать, что удобства, коими она наслаждается в этом городе, в любую минуту могут исчезнуть и ей снова придется трястись в дорожной карете по пыльной дороге в никуда, она впадала в отчаяние и бежала искать утешения в церкви Санта-Мария-Маджоре, той самой, где в 1545 году начал заседать знаменитый Тридентский собор. Историческая значимость храма вряд ли интересовала Серафину; ее привлекало самое здание церкви: приземистое, спокойное, оно уже при подходе навевало мысли о незыблемости и постоянстве.

При поддержке епископа Калиостро приступил к своеобычной практике целительства и вскоре поднял на ноги недужного 76-летнего старца и тяжелобольную женщину. Слухи о чудесном выздоровлении облетели город, и люди потянулись к целителю. Но через несколько недель оба чудесно исцеленных скончались, и вокруг Калиостро вновь образовалась зловещая пустота. А вскоре городским властям пришел императорский приказ о высылке Калиостро — «иллюмината, шарлатана и проповедника запрещенного обряда». Возможно, если бы князь-епископ был менее расположен к своему гостю и поспешил выполнить высочайшее приказание, магистр снова направился бы куда глаза глядят и, может, так бы и не доехал до Рима. Но монсеньор Тон очень хотел оказать услугу своему необыкновенному гостю и написал в Рим кардиналу Бонкомпаньи с просьбой выдать Калиостро охранную грамоту. Тем временем пришло письмо от отца Серафины, где говорилось, что ее муж может свободно въехать в Вечный город. Разумеется, слова зажиточного ремесленника не имели никакого веса для властей, но Серафину, с самого отъезда из Швейцарии состоявшую в переписке с родителями, они приободрили настолько, что она решила пойти на хитрость и принялась уговаривать епископа Тона представить папе Египетский ритуал ее супруга. Тон, ознакомившийся с ритуалом по просьбе Калиостро и не обнаруживший в нем ничего противоречащего догмам католической церкви, долго уговаривать себя не заставил (тем более упрашивать Серафина умела прекрасно) и составил представление. Сам того не ожидая, Калиостро оказался в осаде, не оставлявшей ему иного выхода, кроме как ехать в столицу католицизма. В принципе все вроде бы складывалось так, как ему хотелось: «Ритуал» получил одобрение трех высоких служителей церкви (кардинала Рогана, епископов Фелипо д’Эрбо и Тона), а значит, его можно представлять папе. Князь-епископ охотно залатал финансовые дыры в бюджете семейства, а «дорогая женушка» Серафина готова идти в Рим хоть пешком. Да и сам он не прочь помириться с церковью, хотя, в сущности, ссориться с ней у него даже в мыслях не было. В суете

он просто позабыл о ее существовании, перестал ходить к мессе, не исполнял церковных обрядов… Но разве в этом дело? В душе он как верил в Господа, так и продолжает в него верить. И «Ритуал» его исполнен почтения к религии и христианству. Кстати, прежде чем представлять его папе, надо бы заручиться поддержкой еще и Мальтийского ордена; впрочем, орден постоянно держит в Риме своего посла… И хотя внутри что-то упорно противилось этой мысли, Калиостро решил, что все дороги ведут в Рим.

Стоило графу принять такое решение, как Тону пришел ответ от кардинала Бонкомпаньи: «Господин Калиостро не находится под подозрением у Папского государства, а потому может обойтись без охранной грамоты, кою он при вашем почтенном посредничестве запрашивал». Посчитав такой ответ положительным, епископ радостно сообщил его магистру и от себя вручил ему рекомендательные письма к кардиналам Альбани, Колонна и Бонкомпаньи. Серафина не скрывала своего ликования. Внутренний голос шептал Калиостро что-то очень невнятное, но граф окончательно перестал к нему прислушиваться и стал собираться в Рим. Тщеславие возобладало над осторожностью. Тихая, пусть даже обеспеченная, жизнь в каком-нибудь захолустье не для него — он по-прежнему жаждет блистать, выступать перед разряженной толпой, снисходительно принимать восторги и поклонение. Все это уже было, подсказывал ему внутренний голос. Но так почему бы ему не добиться этого вновь? А где искать славу, как не в большом городе? Города Германии ему заказаны, так же как Лондон и Париж… остается Италия. Конечно, можно отправиться и в Испанию, но эта страна не его размаха, и вдобавок там столь сильна католическая вера, что в чудеса верят только тогда, когда их творят святые. А если не ходишь в церковь, то непременно донесут, а там и до костра недалеко… в просвещенный-то век! Он вспомнил, как вчера с почтением на лице он выслушал речь епископа о благодетельном влиянии церковных обрядов, а дома целый вечер хохотал во все горло над этой дурацкой мишурой. Нет, надо ехать в Рим… он сумеет убедить папу в твердости своей веры и в христианской сути своего масонства, кое он намерен сделать оплотом Церкви. Если понадобится, он даже уберет упоминание о Египте.

Пока Калиостро размышлял, а епископ Тон пытался заново приобщить его к церковным обрядам, от императора Иосифа пришло гневное письмо: как епископ посмел не исполнить его приказание и не выдворить мошенника Калиостро из своих владений? Тон больше не мог поддерживать магистра, и супруги — к великой радости Серафины — отбыли в Рим.

Поклонники и адепты взирали на графа как на божество, их восторги придавали мэтру уверенности в собственной значимости, и не исключено, что именно эта уверенность и привела его в Рим, где, как он знал, папы под страхом смертной казни запретили масонство. Однако он почему-то надеялся, что убедит понтифика взять под свое покровительство масонов египетских…

27 мая 1789 года граф и графиня Калиостро вышли из экипажа у дверей респектабельной римской гостиницы «Скалината», что на площади Испании. Лоренца (в Риме она отказалась от имени Серафина) мечтала, что они станут жить у ее родителей. Но супруг даже слышать об этом не хотел. После Бастилии, после газетной травли, после путешествия, более похожего на бегство, он не намеревался ютиться в квартирке ремесленника. Он жаждал одержать великую победу, а чтобы не умалить ее величия, он обязан держать себя соответственно своему высокому замыслу. Внутренний голос по-прежнему не оставлял его в покое: теперь он упрямо твердил, что его попытка возвышения станет последней. Так что отступать некуда, на карту надо ставить все. Впрочем, вряд ли Калиостро полностью утратил зоркость взгляда и знание людской натуры. Он и без внутреннего голоса понимал, что шанс остаться на пьедестале у него последний. Для вящего шику он нанял слугу и секретаря — умного и расчетливого уроженца Швейцарии отца Жозефа Франсуа Рулье де Сен-Мориса (Сан-Маурицио). На этом деньги кончились, и супругам Калиостро пришлось перебраться в небольшой дом в Трастевере, на площади Фарнезе, неподалеку от дома родителей Лоренцы. Владельцем этого дома являлся церковный староста Филиппо Конти, дальний родственник семьи Феличиани. Похоже, Лоренца уговорила его основательно снизить арендную плату.

Недовольный вынужденными переменами, Калиостро принялся по-своему обустраиваться в доме, велев — несмотря на протесты Серафины — выбросить на помойку массу облупившихся фигурок Мадонны и еще каких-то церковных штучек. Обнаружив, что спальня находится рядом с маленькой домашней молельней, он велел переделать ее под туалетную. Чего было в этой переделке больше — злости на неудобное жилище или стремления досадить святошам — родственникам жены, к помощи которых все же пришлось прибегнуть, — неизвестно. На суде этот поступок будет расценен как богохульство.

Сочинив с помощью отца Рулье прошение, Калиостро

отправил его папе вместе с рекомендательными письмами епископа Тренто; ответа не последовало. И хотя Калиостро не мог не понимать, что его скандальная слава добралась до Вечного города раньше, чем он сам, молчание раздражало его и обижало, как никогда. Похоже, ему в голову не приходило, что в те сложные для Церкви времена, когда ветры перемен сотрясали основы не только тронов, но и Святого престола, его предложение изначально было обречено на провал. Многовековое здание Церкви пошло трещинами, низшее духовенство постепенно превращалось в оппозицию, причем революционно настроенную, что впоследствии найдет свое отражение в расколе духовенства революционной Франции. Священники отказывались признавать свою власть от епископов и утверждали, что получают ее от самого Бога. Кое-где раздавались голоса в поддержку выборной системы епископов. Авторитет князей церкви подвергался не меньшим нападкам, чем авторитет князей мирских. В адрес папы летела не менее язвительная критика, чем в адрес королей. Стабильный испокон веков миропорядок шатался, грозя рухнуть и ввергнуть мир в хаос. В таких условиях любые новые идеи могли стать тем камешком, который, брошенный на чашу весов, перетянет их в сторону смуты. И Джованни Анджело Браски, ставший 15 февраля 1775 года папой под именем Пия VI, приказал присмотреться к скандально известному целителю, опасному франкмасону и чернокнижнику Калиостро. Отличавшийся консервативными взглядами, Браски ненавидел масонов, которых изначально подозревал в революционных воззрениях, а после 14 июля 1789 года и вовсе стал считать виновниками разразившейся во Франции революции. Несмотря на мирный характер масонства, он уловил заложенное в нем протестное зерно. В ложах царило равенство, все называли друг друга братьями и обличали социальное зло, хотя и не называли его источника и не призывали к борьбе с ним. Масоны верили в Бога, но отвергали постулат «Нет спасения вне церкви». Так что речи, произносившиеся на собраниях лож, можно было расценивать как очевидную пропаганду, направленную против существующих порядков. И, запрет на масонские общества во владениях пап никто не отменял. А Калиостро, пытавшийся под видом служения Господу протащить свои масонские идеи, еще и занимался черной магией! Иначе говоря, мог известными ему способами вселить демона в тело мужчины или женщины, обладал предметами, заключавшими в себе дьявольскую силу, и умел изготовлять приворaживающие напитки. Любовных напитков Калиостро вроде не изготовлял, но его настойки и микстуры для лечения всех болезней вполне могли сойти за

колдовское зелье. Иными словами, оставалось собрать улики и арестовать подозрительного субъекта.

Тем временем Калиостро вел открытый, «публичный» образ жизни. Он устраивал духовидческие сеансы, куда приходило немало любопытствующих аристократов, среди которых называют княгинь Ламбертини и Санта-Кроче, графа Содерини, французского посла кардинала де Берни и посла Мальтийского ордена де Лораса. Возможно, при виде большого стечения знатных персон у Калиостро притуплялось чувство опасности и он не думал о том, что нарушает папские эдикты. Возможно, это была отчаянная бравада, своего рода попытка вновь обрести былую самоуверенность, избавиться от суетливости, которую он стал замечать за собой… А может, он и в самом деле ничего не замечал и жил только собственными амбициями, позабыв великую масонскую заповедь: «Тень и молчание — любимые убежища истины»… Прежде обязанность его глаз и ушей исполняла Лоренца, но теперь она стала его кривым зеркалом. Избавить от мужа ее мог только развод, на который тот никогда не согласится, да и она сама, как истинная католичка, не могла на него пойти. Оставалось ждать, когда Калиостро арестуют по обвинению в чернокнижии или богохульстве, брак ее аннулируют и она наконец получит желанную свободу; поэтому она одобряла любые выходки супруга. Говорят, она договорилась со служанкой и та подслушивала разговоры Калиостро, а потом пересказывала их хозяйке.

Не получив от папы ответа, Калиостро направил все усилия на охмурение мальтийского посла де Лораса. Помня, как его хорошо принимали на Мальте, Калиостро стал подумывать, не перебраться ли ему туда окончательно. Мальтийцы отличались терпимостью во взглядах и не подчинялись указаниям европейских монархов. Часто встречаясь с Лорасом, магистр пространно рассказывал ему о Египетском масонстве и его корнях, питаемых древними египетскими таинствами, о могуществе философского камня… Он сумел настолько заморочить послу голову, что тот действительно пригласил его на Мальту. Дело оставалось за малым — получить согласие магистра, которому Лорас направил восторженное письмо:

«Сударь, вот уже несколько дней наше общество осчастливил своим присутствием знаменитый Калиостро… поразивший всю Европу своими загадками, а главное, своей способностью много тратить и заниматься благотворительностью, не будучи при этом на содержании у какого-либо состоятельного лица и никогда не предлагая заплатить за него. Я подружился с ним. И уверен, мне удастся убедить его поведать мне секреты, кои он до сих пор не

выдавал никому. Помимо познаний в химии он является франкмасоном высокого градуса и основателем тайного учения. Он очень гостеприимен и много раздает милостыни, не прибегая при этом к поискам наличных денег. Устав от кочевой жизни, этот необыкновенный человек хотел бы обосноваться на Мальте, если вы, Ваше Высокопреосвященство, согласитесь предоставить ему пристанище и покровительство»[7].

Письмо действия не возымело: великий магистр Эмманюэль де Роган, уверенный, что именно Калиостро втянул его родственника в историю с ожерельем, не желал более видеть шарлатана в своих владениях, а тем более покровительствовать ему.

Настроение Лоренцы становилось все хуже: чтобы поддерживать видимость роскоши, Калиостро заложил ее любимые бриллианты, а без них она чувствовала себя словно без платья. Желая поправить дела за счет взносов, Калиостро начал активно вербовать кандидатов в Египетскую ложу, как мужскую, так и женскую. Но римские женщины оказались либо нерасположенными к масонству, либо не желали отдавать деньги обманщикам. Двое мужчин согласились стать членами ложи, но пожелали сразу получить степень мастера. Магистр намекнул, что это возможно, но за особую плату. Один сказался богачом, другой помахал рукой, сверкнув огромным солитером на пальце. Тогда магистр пригласил обоих домой, где, облачившись в египетскую хламиду, сказал небольшую речь, кою положено произносить мастеру, и сообщил, что сейчас они единовременно пройдут все положенные ступени, став сначала учениками, потом подмастерьями, а затем мастерами. Обнажив шпагу, несколько не вязавшуюся с его жреческим одеянием, он велел им стать на колени, поднять вверх правую руку и принести обет молчания. Кандидаты исполнили его повеления. Затем, коснувшись шпагой их правого плеча, а пальцами лба, он трижды топнул ногой и дыханием своим обдул им лицо. «Силою, данною мне от Вечного, вдыхаю в вас мою и Соломонову мудрость и объявляю вас масонами, герметиками, пифагорейцами и египтянами», — произнес он. Новоиспеченные масоны остались довольны, однако читать «Ритуал» отказались, утверждая, что страницы его источают слишком резкий запах мускуса. Когда же речь зашла об оплате патента (что-то вроде членского билета), они поднялись и ушли, оставив на память магистру солитер, оказавшийся простой стекляшкой. В гневе Калиостро растоптал подделку. Еще несколько человек, изъявивших желание вступить в Египетскую ложу, стали называть магистра отцом и мастером, ознакомились с «Ритуалом», но… далее дело не продвинулось. Впрочем,

некоторые полагают, что Калиостро сам решил не учреждать ложу, ибо для этого по уставу требовалось присутствие семи мастеров…

5 мая во Франции собрались Генеральные штаты, и Калиостро, решив, что с произволом покончено, направил петицию с просьбой разрешить ему вернуться: ведь он очень любит Францию и всегда способствовал наступлению в ней царства свободы. Сам Калиостро сочинял эту петицию, или ему активно помогал секретарь, неизвестно, но папские агенты о ней узнали и, возможно, даже прочли, ибо, как было установлено, секретарь являлся тайным агентом инквизиции и своим неуемным рвением активно способствовал аресту магистра.

«Господа депутаты Генеральных штатов,

те, кто усердно способствует дарованию свободы французскому народу и возвращению былой славы первейшей монархии мира. Граф Алессандро Калиостро, исполненный восхищения и преданности французской нации и почтения к ее законодателям и достойнейшим депутатам, обращается к вам с просьбой дозволить ему вернуться и спокойно провести остаток дней в вашей стране, интересы и славу которой он всегда принимал близко к сердцу.

Он имел счастье прожить три года в Страсбурге и Париже, где ревностно исполнял долг гражданина, по мере сил своих творил добро и уважал власти и религию.

Неожиданно он вместе с кардиналом Роганом подвергся гонениям; вместе со своей почтенной супругой он девять месяцев томился в застенках деспотизма, царившего во Франции до того, как мудрость ваша заставила засиять свободу, попранную “письмами с печатью”. Выйдя из мрачных узилищ Бастилии, он тотчас без всякого на то основания получил приказ об изгнании, в то время как состояние его было захвачено и рассеяно небрежением бесчестных чиновников, назначенных исполнять королевские указания.

Высочайший суд полностью оправдал его, однако не смог воспрепятствовать нападкам на него презренному борзописцу. Сопротивляясь сим нападкам, он воззвал к королевскому правосудию и попросил признать его право вернуть себе утраченную собственность. Словом, во Франции он творил одно лишь добро и отбыл оттуда, утратив достояние свое, но не потеряв чести. Так позвольте же ему надеяться, достойнейшие и мудрейшие депутаты, что письма с печатью отменены вовсе или, по крайней мере, что вы по доброте вашей отзовете те, кои причиняют вред подателю сих строк.

Проситель берет на себя смелость предоставить вам копию

того самого письма с печатью, и вы, господа, сможете сами убедиться, как в течение 24 часов податель, признанный судом ни в чем не виновным, превратился в изгнанника, подозреваемого и виновного.

И в чем же его обвиняли? В том, что он питал дружескую привязанность к кардиналу Рогану и осмелился выступить в его защиту! Его враги стали доискиваться истории рождения его, откуда берет он средства свои к существованию. Но как они ни старались, им не удалось узнать ни об одном поступке, ни об одном слове, кое бы не отличалось добропорядочностью, не было бы исполнено почтением к законам.

Господа, если вы дадите просителю разрешение вновь поселиться во вверенной вам стране, признательность его будет пребывать с вами всю его жизнь. А если вы сочтете уместным его обращение в ваш суд, он представит убедительные доказательства, что состояние его, равное примерно тридцати тысячам лир, находится в нечестных руках. Но если вы посчитаете, что не следует преследовать этих бесчестных людей, он готов пожертвовать состоянием своим, ибо единственным его желанием является окончить дни свои под сладостной сенью ваших законов, исполняя обязанности добродетельного гражданина»[8].

О петиции магистра стало известно кардиналу Рогану. Будучи избранным (против собственной воли) депутатом от духовенства, он принял участие в работе Учредительного собрания, но, не согласный с первыми же его декретами, отошел от политики, а весной следующего года эмигрировал. М. Авен приводит письмо Рогана от 7 декабря 1789 года, адресованное архиепископу Лиона, города, куда намеревался отправиться Калиостро. Полагая, что его друг и учитель уже во Франции, кардинал, желая облегчить ему обустройство, рекомендовал его архиепископу:

«Монсеньор, полагаю, вы часто слышали от меня о графе Калиостро и знаете, что я всегда восхищался его удивительными талантами, его любовью к благотворительности и его добродетелями, снискавшими ему уважение многих достойных людей в Эльзасе и, в частности, мою горячую привязанность. Насколько мне известно, он вот-вот прибудет в Лион под именем графа Феникса, и я рекомендую его вам самым живейшим образом. […] Убежден, вы проникнетесь к этому благодетельному человеку теми же чувствами, что и я. […] Надеюсь, предприятие его удастся, и мне хотелось бы только поспособствовать ему в этом. Я также написал о нем господину Сегье и кардиналу де Люиню»[72].

Калиостро ожидал ответа от Генеральных штатов, но из Франции пришла новость о начале революции. Бастилия пала, и папские чиновники, содрогаясь от ужаса, вспомнили, что в свое время Калиостро предсказал это событие. Немедленно пронеслась мысль: а не является ли магистр агентом французских революционеров или грозно прославившихся иллюминатов, исполнивших свое обещание и нанесших удар по французской монархии? Если это так, значит, Калиостро прибыл в Рим, чтобы вести подрывную деятельность, а все его фокусы — это прикрытие для дел тайных и страшных.

Кто-то быстро выпустил брошюру под названием «Пророчества Калиостро и прибытие его в Париж», написанную «по мотивам» слухов непроверенных, но вполне в духе легенды о Калиостро. Написаны «Пророчества…» в форме письма из города Бриксена в Тироле.

«Наконец я еду в Париж. Я обещал вернуться в этот город, как только Бастилия перестанет существовать, а на ее месте разобьют площадь для народных гуляний. […] И вот, 14 июля, в День св. Бонавентуры, между 11 и 12 часами ночи, после беседы с двумя паломниками народа *Szalatzki* из далекой Сибири, жаждавшими просвещения о Великом Делании, я лег спать, и мне был чудесный сон, посылаемый философам, дабы те могли формировать свои суждения о будущем. Я стоял рядом с грозной крепостью, а с ее высоких стен сыпались камни, и чем больше их сыпалось, тем легче становилось у меня на душе. Разбудив жену, я поведал ей сон и сказал, что Бастилия разрушена, отчего и ощутил необычайную легкость. “Спи… и не мешай мне спать, — ответила жена”. Стоило мне закрыть глаза, как я услышал крики радости. Вскочив, я схватил карандаш, лист бумаги и записал: Бастилия пала 14 июля 1789 года.

Немедленно вспомнив о негодяе де Лонэ, я бросился к книге цифр, с которой не расстаюсь вот уже 20 лет, и совместил каждую букву имени коменданта с особым шифром… и везде получился ноль. А это означало, что де Лонэ простился с головой.

Я решаю проверить и беру чудесную бутылку. Некогда я совершил путешествие в край, где проживало армянское племя *Tzaniens*; там я познакомился с тамошним 188-летним розенкрейцером, выглядевшим не более чем на 60 лет. Человек сей подарил мне бутылку и сказал, что, если подогреть содержащуюся в ней жидкость, из горлышка начнет подниматься пар, который постепенно обретет форму того, о ком или о чем ты хочешь узнать. Я нагрел бутылку и вскоре над ней в облачке пара возник красный призрак без головы, в коем я опознал де Лонэ.

В Тироле о падении Бастилии узнали только 15-го вечером.

Ну и где сейчас те министры, что швырнули меня в эту гнусную крепость, а в оправдание свое заявили, что я ввел их в заблуждение своей родословной? При чем здесь мое рождение и камера в Бастилии? Да будь я хоть сыном ужа и гадюки, это не повод сажать в Бастилию! О, гнусные чудовища, душившие и Францию, и ее короля, лучшего из королей. Как только он мог им доверять?! Ведь это они хотели установить во Франции демономанию, единственный способ правления, о котором не упоминает Монтескье. Так разве теперь я не могу просить у Национального собрания возмещения ущерба? Бедный Калиостро! Тебя ограбили, обворовали! Напрасно ты станешь искать на развалинах Бастилии свои алмазы и золото, они могут быть только в шкатулке у де Лонэ. Я не был на свадьбе в Кане Галилейской, но я приеду на свадьбу, которою сыграет парижский народ со свободой. Обручение уже состоялось, брачный контракт подписан. А будущие поколения не устанут повторять, что отпраздновали эту свадьбу в царство Людовика XVI, лучшего из королей, когда министерский деспотизм рухнул вместе с падением Бастилии»[9].

Автор «Пророчеств…», без сомнения, был прекрасно осведомлен о сильной неприязни Калиостро к де Лонэ. Как, впрочем, и автор иронического «Завещания де Лонэ»[73], где комендант Бастилии оставлял на память «бедняге Калиостро» великолепную табакерку, кою он забрал себе при обыске его жилища. В революционной Франции имя Калиостро все еще оставалось на слуху, и это не могло не беспокоить папскую полицию, особенно в связи с развитием событий в этой стране, где осенью Национальное собрание отменило церковную десятину, а затем издало декрет о передаче церковного имущества нации.

В папскую канцелярию поступил отчет о сеансе духовидения, во время которого «чернокнижник Калиостро» увидел «страшные картины, подрывавшие основы французской монархии». Отчет был составлен на основании рассказа аббата Луки Антонио Бенедетти, лично присутствовавшего на вышеуказанном сеансе, состоявшемся на вилле Мальта. «Мы прибыли около двух часов ночи, — писал Бенедетти. — Лакей, посмотрев на наши приглашения, ввел нас в ярко освещенную комнату; стены ее украшали эмблемы и рисунки: треугольник, отвес, уровень и прочие масонские символы. Здесь же стояли статуи идолов ассирийских, египетских и китайских. Зал заполняла знать; я вскоре узнал кардинала де Берни, аббата Квирино-Висконти, князя Фредерико Сеньи, маркиза Вивальди, маркиза Массини, княгиню Санта-Кроче, княгиню Риццонико делла Торре и других.

В глубине зала стоял алтарь, на нем располагались черепа, чучела обезьян, живые змеи в бутылках, совы, вращавшие светящимися глазами, пергаменты, тигли, стеклянные шары, амулеты, пакетики с порошками и прочие дьявольские штучки.

Усевшись на трехногую табуретку, Калиостро начал пространно говорить о себе и своей науке. Когда же один из присутствующих спросил, в чем суть его науки, Калиостро ответил: “Ученый Лафатер специально приехал из Базеля в Париж, чтобы спросить меня об этом, и я ответил ему так: “*In herbis et in verbis*”.

Назвав себя бессмертным и всемогущим, Калиостро вызвал девочку и приказал ей смотреть в хрустальный сосуд, полный воды. Наклонившись к воде, девочка сказала, что видит дорогу, соединяющую два города, и по этой дороге с криками “Долой короля!” идет огромная толпа бедно одетых женщин. Калиостро спросил, что это за страна, на что девочка ответила, что женщины кричат: “На Версаль!” — а во главе толпы на коне едет какой-то знатный господин.

— «Голубка» говорит правду! — воскликнул Калиостро. — Пройдет немного времени, и Людовик XVI окажется в осаде в собственном дворце в Версале… Герцог поведет толпу… монархия падет… Бастилию снесут… На смену тирании придет свобода.

— О, — воскликнул кардинал Берни, — какую горькую участь сулите вы моему монарху!

— Увы, — вздохнул Калиостро, — предсказание сбудется.

Далее вечер пошел по накатанной колее: маг превратил воду в вино, вырастил алмаз на глазах у зрителей, омолодил старика, дав ему проглотить несколько капель своего жизненного эликсира. Придя в энтузиастическое состояние, двое зрителей принялись умолять Великого Кофту посвятить их в египетские масоны, и он согласился. Неофитами стали маркиз Вивальди и собственный секретарь Калиостро отец Рулье, по совместительству агент полиции, чего Калиостро, несмотря на все свои магические способности, не смог распознать»[10].

Итак, улик против Калиостро у Святого престола накопилось достаточно; но главным козырем в будущем процессе предстояло стать признаниям Лоренцы, давно уже изнывавшей от желания дать показания. Говорят, некто неизвестный предупредил Калиостро, что жена намерена предать его. Возможно, после такого предупреждения он действительно написал письма и разослал их во все египетские ложи. Если верить тем, кто эти письма якобы видел, то в одном из них, напомнив о необходимости продолжать масонские труды, он попрощался с

братьями, а в другом — просил в случае его ареста без промедления освободить его, не останавливаясь ни перед чем, и, если понадобится, сжечь замок Святого Ангела и дом инквизиции. Но скорее всего Калиостро сам почувствовал, что с супругой творится что-то неладное: с приездом в Рим в поведении ее произошли разительные перемены. Она стала шушукаться со служанкой, на улице вступала в разговоры с монахами, подолгу пропадала в церкви, часто бегала к родителям, веселилась без всякого повода и, обхаживая его, уговаривала поскорей создать смешанную ложу, потому что ей снова хочется стать великой магистрессой. Калиостро попросил секретаря последить за женой; роль двойного агента оказалась отцу Рулье не по силам, и он решил добросовестно исполнять приказание Калиостро, лишив тем самым Лоренцу возможности шептаться с отцом Джузеппе Този, коему поручили взять показания у супруги Калиостро. Но если женщина чего-нибудь очень захочет, она это непременно сделает. Пустив в ход женские чары, Лоренца сумела отвести взор Рулье и незаметно передать донос на супруга.

Воскресным утром 27 декабря, в День святого Иоанна Евангелиста, считающегося покровителем масонов, в папку с докладами о слежке за Калиостро лег последний отчет, на основании коего конгрегация четырех кардиналов святой инквизиции во главе с кардиналом Дзеладой приняла решение арестовать магистра. Вечером на площади Фарнезе выстроился отряд гренадеров Росси, а ровно в полночь полиция постучала в дверь дома Конти, где Калиостро как раз принимал маркиза Вивальди. Быстро сообразив, что властный стук не мог принадлежать запоздалому гостю, маркиз недолго думая выпрыгнул в окно. Все произошло очень быстро: магистр только пытался понять, что случилось, как его уже повалили и связали. Впрочем, есть версия, что, мгновенно догадавшись, кто его предал, он успел схватить пистолет и выстрелить в жену, но промахнулся. Начался обыск, продолжавшийся около трех часов. В результате добычей полицейских стали предметы туалета, немного денег и драгоценностей, книги, бумаги, масонские символы, разнообразные предметы неизвестного назначения, а также большое количество коробочек с порошками и пилюлями. Затем хозяев дома вывели на улицу, а двери опечатали. Конвой из двенадцати гвардейцев доставил Калиостро в замок Святого Ангела, а его жену отвезли в монастырь Святой Аполлонии. По дороге Лоренца тихо плакала: она была уверена, что арестуют только ее супруга, она же отправится к родителям, начнет новую жизнь и вновь выйдет замуж. Ни единого подозрения, что ее могут схватить вместе с Калиостро, в ее хорошенькую головку не

закралось. Арестовали также и секретаря Калиостро отца Рулье де Сен-Мориса — говорят, по требованию семьи Феличиани. Впоследствии прошел слух, что его приговорили к десятилетнему заточению в монастыре Санта-Мария ин Аракоэли. Превратности шпионского ремесла…

После ареста Калиостро среди его римских знакомых началась настоящая паника: маркиз Вивальди (или маркиза — говорят, в вечер ареста именно она, переодевшись гусаром, приходила к Калиостро) покинул Рим[11], де Лорас отбыл на Мальту, Берни, не желая, чтобы его имя связывали с именем шарлатана, официально выступил против масонов.

Интересно, что в процессе слежки за Калиостро полиция случайно обнаружила масонскую ложу, собиравшуюся в доме рядом с церковью Тринита деи Монти, и после ареста Калиостро отряд отправился туда, дабы схватить заодно и тамошних масонов. Однако те успели бежать, захватив с собой основную часть бумаг и документов, в том числе списки членов и переписку. Как установили, основателями этой ложи явились несколько французов, поляк и американец. В отличие от Калиостро эти люди принимали к себе как членов иных лож, так и неофитов, вели обширную переписку с материнской ложей в Париже и были весьма состоятельны: среди брошенных бумаг полиция нашла 80 экю. Наличие хорошо законспирированной масонской ложи, естественно, не могло порадовать папу, так что не исключено, что в лице Калиостро он обрушил свой гнев сразу на всех масонов, дерзко плетущих свои сети буквально у него под носом.

Глава 11
«Путь шел в утесе, тяжкий и нескорый…»

К Сан-Лео всходят и нисходят к Ноли…

Данте. Чистилище

Калиостро хотел принести к подножию папского престола свет истины, но его замысел не оценили.

Поклонники и адепты взирали на графа как на божество, их восторги придавали мэтру уверенности в собственной значимости, и не исключено, что именно эта уверенность и привела его в Рим, где он надеялся убедить понтифика взять под свое покровительство масонов египетских… Но разоблаченный чародей перестал быть интересен публике. Тем не менее, опасаясь вызвать излишнее возмущение общественного мнения, папа заменил смертную казнь пожизненным заключением. А может, согласно преданию, он сохранил Калиостро жизнь благодаря таинственному незнакомцу, явившемуся к папе и шепнувшему ему на ухо слова, которые мы никогда не узнаем…

Рим мстил Калиостро за свой страх перед революционной Францией, перед неизбежно грядущими переменами. Страх этот был столь силен, что после того, как магистр очутился в темной, без окон камере замка Святого Ангела, вокруг замка усилили караулы, ибо, как докладывали соглядатаи, «вокруг бродили французы и пытались переговариваться с заключенным Калиостро на непонятном языке». Подобные свидетельства (как можно переговариваться с узником, сидящим в камере без окон?) были порождены все тем же страхом — как и волна арестов подозрительных французов, прокатившаяся по владениям всех итальянских суверенов после принятия Учредительным собранием Франции Декларации прав человека и гражданина.

Заточенный в холодную темную камеру, Калиостро настолько пал духом, что несколько дней не мог ничего есть. Темнота вкупе с неизвестностью давила на него, словно гигантская каменная плита, заставляя вжиматься в тощий соломенный тюфяк и закрывать руками голову, защищая ее от тяжести холодного камня. Еду ему приносили раз в день — макароны с мясным соусом и немного вина, коего не хватало ни для утоления жажды, ни для того, чтобы забыться. Иногда у него мелькала мысль, что если в камере его вспыхнет свет, плита упадет и раздавит его. Он

пытался молиться, но слова выученных в детстве молитв он не помнил; не мог он вспомнить и масонские молитвы (Калиостро приписывают сочинение специальных масонских молитв), поэтому обрывки фраз, срывавшиеся с его уст, казались тюремщикам бредом помешанного. Опасаясь, как бы узник не стал буйствовать, его приковали к стене. Пишут, что Калиостро пытался покончить с собой. Пытаясь смягчить сердца судей, он в присутствии отца Контарини отрекся от своих заблуждений, о чем и написал петицию папе, в которой признавал себя виновным в создании масонской ложи, устав которой был взят им из попавшей к нему в руки в Англии книги Джорджа Кофтона[1]. Переработав сей устав в христианском духе, он показал его кардиналу Рогану и епископу Буржа, и те не нашли в нем ничего дурного. Но после того как отец Контарини разъяснил ему, что его святейшество папа запретил деятельность масонов, он раскаялся в своих деяниях и просит прощения у Господа и папы, на чье милосердие рассчитывает. И подписался: «Недостойнейший сын Джузеппе Бальзамо, раскаявшийся грешник». Но донесла ли папская канцелярия петицию до адресата, неизвестно.

Затруднительно сказать точно, когда Калиостро начали допрашивать — уже в середине января или только в начале мая. Скорее последнее. Отсрочка объяснялась желанием Святой палаты сломить волю узника и сформировать серьезно обвинительное досье, изначально состоявшее в основном из бредовых показаний суеверных слуг и членов семьи Феличиани, на основании которых Калиостро можно было обвинить разве что в мошенничестве и шарлатанстве. Поэтому отцу Този пришлось отправиться в монастырь Святой Аполлонии и подробно расспросить Лоренцу; после этого визита в досье добавилось еще несколько листов с обвинениями в богохульстве, распутстве и чернокнижии.

Допросы, нередко длившиеся почти целые сутки, настолько изматывали Калиостро, что он переставал понимать не только о чем его спрашивали, но и свои собственные ответы. Когда ему их повторяли или давали протоколы на подпись, он нередко отказывался от своих слов. От усталости вкупе с пристрастием к многоречивости магистр часто срывался и принимался пространно поносить своих судей, а те, не давая ему одуматься, немедленно требовали его подписаться подсказанным. Однажды, когда церковники очень сильно разозлили магистра, очередной раз обвинив его в принадлежности к опасному ордену иллюминатов, он громогласно заявил, что замок Святого Ангела скоро падет, как пала Бастилия, и теперешний папа станет

последним понтификом римским. По другим источникам, данное предсказание вычитали в бумагах, конфискованных у Калиостро… Но, как бы там ни было, пророчество стало достоянием гласности, и не только в Риме. В частности, кардинал де Берни писал министру иностранных дел графу де Монморену: «Трибунал Святой Инквизиции продолжает вести следствие, пытаясь доказать, что Калиостро, являясь главой секты иллюминатов, использовал подпольные собрания франкмасонов, запрещенные буллами Климента XII и Бенедикта XIV, для распространения идей, вызывающих беспокойство правительства. Эта секта, нашедшая живую поддержку в Германии, а также в иных странах, под видом таинственных ритуалов, именуемых здесь египетскими, сеет дух мятежа и призывает к бунту против существующих властей…»[2] В заключение кардинал сообщал, что в правительственных кругах прошел слух, что Великий Кофта предсказал падение папства и крушение папского государства. Парижская газета «Монитёр» («*Moniteur*»), следившая за пребыванием Калиостро в Риме и известившая читателей о его аресте, сделала достоянием гласности пророчество и предсказание магистра о великом пожаре Рима. В дальнейшем «Монитёр» опубликует обвинительное заключение, приговор, вынесенный Джузеппе Бальзамо, а также его краткое жизнеописание, составленное на основании материалов Святой палаты; появится в газете и коротенькая заметка о сожжении бумаг магистра. Но в 1790–1791 годах эти сообщения печатали уже не на первой полосе. И никто из бывших поклонников и адептов-масонов не помышлял отправиться в Рим выступить в защиту Великого Кофты. Так что надменное заявление Калиостро о том, что пять тысяч масонов готовы штурмовать замок Святого Ангела, дабы освободить его, вызвало лишь легкую усмешку на устах судей. Тем не менее прошел слух, что после угрозы Калиостро в Риме тайно арестовали немало людей, подозревавшихся либо в принадлежности к ложам, либо в сочувствии к франкмасонам.

Четырнадцать месяцев Калиостро провел в заточении в замке Святого Ангела, из них 11 месяцев (с 4 мая 1790-го по 7 апреля 1791-го) длился суд — 43 заседания, в результате которых Калиостро признали виновным по всем 103 пунктам обвинения, кои поделили на три части: ересь, масонство и преступления общего характера. Среди последних числились в основном проступки, совершенные молодым Джузеппе Бальзамо: подделка разного рода документов, мошенничество, воровство и обман. Судьями выступали кардиналы Дзелада, Антонелли, Палотта и Кампанелла, градоначальник монсеньор Ренуччини, аудитор

Святого престола монсеньор Роверелла и администратор Парадизи. Адвокатами подсудимому назначили адвоката Святого престола графа Гаэтано Бернардини и — дабы соблюсти видимость беспристрастности — адвоката бедных Карло Луиджи Константини, прославившегося своим милосердием. Бумаги, конфискованные у Калиостро, изучали доминиканец Томмазо Винченцо Пани и отец Франческо Контарини. Вести процесс поручили монсеньору Джованни Барбери[74].

По мнению значительной части исследователей, Барбери, выступивший в роли генерального прокурора процесса над Калиостро, явился автором известного «Жизнеописания Джузеппе Бальзамо»[75]. Изданный сразу после окончания процесса, этот труд опирается на документальные свидетельства, собранные инквизиторами, и вплоть до наших дней является одним из основных источников сведений о жизни Джузеппе Бальзамо-Калиостро. Во время процесса все собранные материалы служили единственной цели: сломить волю подсудимого и заставить его признать выдвинутые против него обвинения. Слишком большой шлейф еретических суеверий, учений, теорий, идей, слухов и поступков тащил за собой низкорослый толстяк по имени Калиостро. Не важно, что сам он далеко не всегда сознавал, какой резонанс имели его чародейские фокусы и масонские игры, главное, в нем обитали демоны, расшатывавшие основы власти понтифика: прерогативу общения с потусторонними силами, сотворение чудес, совершение таинств. На фоне обвинений в ереси и масонстве преступления общего характера выступали своего рода подтверждением испорченности натуры магистра.

Ни о какой беспристрастности речи, разумеется, идти не могло. Комендант крепости Сан-Лео граф Семпронио Семпрони писал: «Судебные формулировки инквизиторов не допускали никаких обсуждений; во время процессов, устроенных инквизицией, обвиняемый не имеет права оспаривать заявления обвинителя. Судебная процедура совершалась в тайне и основывалась на уликах, которые обвиняемый в глаза не видел. […] Доносы считались свидетельскими показаниями, которые обвиняемый не имел права оспаривать. За доносы платили. Обвиняемый, желавший заслужить снисхождение судей, должен был поддерживать обвинения против самого себя. Обвиняемые такого ранга, как Калиостро, не допускались в зал суда для произнесения последнего слова. Из них до последнего пытались вытянуть признания, а когда память начинала их подводить, их обычно отправляли в пыточный зал, где умели развязывать языки самым упрямым»[3]. Уже в то время суд над Калиостро сравнивали с судом над тамплиерами — когда обвиняемый осужден заранее,

а процесс — всего лишь видимость законности. Церковники стремились опорочить Калиостро в глазах учеников и поклонников и тем самым нанести существенный удар по масонству в целом. Ведь в письмах, найденных среди бумаг Калиостро, восторженные ученики писали ему: «Веди нас, божественный Калиостро, к свету истины…»

Обвинение в ереси строилось главным образом на том, что Калиостро не был практикующим католиком и провозглашал доктрину, с виду вроде бы христианскую, а на самом деле исключительно подрывную, ибо адресовалась она ко всем людям без различия наций, народностей и культов. В ответ магистр заявлял, что если обычное масонство идет по опасной дороге, приводящей к атеизму, то он, напротив, стремился увести масонов с пути безбожия и дать им новый обряд вместе с верой в Бога и бессмертие души. Ведь вдохновлял его и дал силу совершить сей подвиг сам Господь. Это Господь посылал ему блаженные видения, и удостоился он этой милости именно за то, что распространял свое высокое египетское масонство. С гордостью Калиостро заявил, что у него все написано в его «Ритуале» и кому интересно, могут сей «Ритуал» прочесть («Ритуал» конфисковали вместе с другими его бумагами). Тогда кто-то из судей спросил, почему он считает «Ритуал» своим, если признался, что придумал его не сам, а вычитал в книге некоего Кофтона? Где же правда? К таким въедливым вопросам магистр был не готов.

Во время процесса настроение Калиостро постоянно менялось. Временами он держался гордо, гневно отвергал все обвинения, напоминал, что «Ритуал» одобрили три епископа, а затем с надлежащими рекомендациями отправили папе, от коего сей документ несомненно скрыли — иначе он не сидел бы сейчас в этой мерзкой камере. И почему они до сих пор не поняли, что змея на его гербе проткнута копьем самого Христа? В минуты подъема духа магистр требовал улучшить его содержание: дать ему перья и бумагу, предоставить служанку, смену белья и пристойную пищу. И немедленно разрешить свидание с его «дорогой доченькой» Лоренцей. Не зная, что стало с женой, он постоянно тревожился о ней, а когда впадал в черную меланхолию, плакал и звал ее. Когда же его одолевало болезненное уныние, он начинал говорить путанно, сбивался с мысли, бил себя в грудь, каялся, просил прощения у Господа и готов был признать за собой любую вину, лишь бы ему даровали возможность увидеть свою дорогую женушку или хотя бы сказали, что она в безопасности. В ненавистной Бастилии он мог писать письма, здесь же — мрак и никаких письменных

принадлежностей.

Известие о том, что Лоренца выступает на процессе главным свидетелем обвинения, сломило магистра и морально, и физически. Его Лоренца, жена, всегда выручавшая его в тяжелую минуту… В темной тюремной камере он наверняка забыл об их распрях, о ее обидах, о своем не всегда справедливом к ней отношении, о том, как срывался на грубость и резкость; он помнил только о том, что она — единственный близкий ему человек. Когда магистр попросил жену подтвердить какие-то его слова, ему сказали, что она опровергла их. Получалось, что в Лоренце он тоже ошибся…

Пишут, что Лоренца изо всех сил старалась очернить Калиостро, уверяя судей, что в первые же месяцы брака супруг стал обучать ее кокетству: стрелять глазами и выставлять напоказ грудь. Он сделал из нее товар, продавал ее любовь тому, кто больше заплатит, и при этом уверял, что изменять мужу с дозволения мужа — не грех. Он не пускал ее в церковь, а оставаясь с ней наедине, высмеивал священнослужителей и богохульствовал. Во Франции он связался с темной личностью, именовавшей себя графиней де Ла Мотт и помогал ей злоумышлять против королевы. А еще он учил девочек и мальчиков, которых избирал «воспитанницами» и «воспитанниками», что́ надо говорить во время сеансов предсказаний. А тех, кого он не успевал обучить, тех наставлял сам демон. Ибо супруг ее занимался черной магией и общался со злыми силами… Чем больше обвинений взваливала Лоренца на Калиостро, тем уязвимей становилась ее собственная позиция. Адвокаты магистра спрашивали ее: если богохульства и безбожие супруга вызывали в ней столь бурное возмущение, почему она продолжала жить с ним и пользоваться той роскошью, которой он ее окружал? Если он так плохо обращался с ней, почему она не ушла от него раньше? Может, она все же говорит неправду? Слабая, утомленная, обманутая Лоренца, чья жизнь в монастыре оказалась отнюдь не сладкой, отвечала, как ей велели — то сторона обвинения, то сторона зашиты. Поэтому она то признавала Калиостро чародеем, то объясняла его волшебства логикой и разумными причинами. Сегодня она утверждала, что он дурно отзывался о государях и понтифике, завтра — что всегда поддерживал власть монархов и папы. Из ее слов получалось, что супруг ее склонял католиков к отрицанию религии, а неверующих — к вере в единого Бога… Если бы Калиостро разрешили поговорить с Лоренцей, ему, возможно, удалось бы пробудить в супруге былые теплые чувства и она перестала бы обвинять его во всех смертных грехах. Пространные обвинения Лоренцы

обернулись против нее самой: судьи пришли к выводу, что она знает слишком много, чтобы ее можно было отпустить на свободу.

Выстраивая обвинение в ереси, судьи не раз просили Калиостро прочесть ту или иную молитву, на что он отвечал многословно, но молитву не прочитал ни разу. Когда Калиостро попросили назвать семь смертных грехов, он назвал лишь пять, а когда ему напомнили про гнев и гордыню, ответил, что не решился назвать их в присутствии почтенного собрания, дабы не оскорбить его[4]. Когда ему задали вопрос, может ли человек повелевать духами, он пустился в рассуждения о египетских масонах и о своем благочестивом способе общения с потусторонним миром. Стоило ему окончательно запутаться в словах, пытаясь придать им некий теологический облик, его немедленно обвинили в неисполнении церковных таинств и в кощунственном смешении обрядов Египетского масонства с церковными обрядами, хотя он вполне внятно объяснил значение и крещения, и последнего причастия. Привыкнув иметь дело с почитателями, искавшими в любой изреченной им фразе смысл тайный и возвышенный, Калиостро забыл, что теперь он имел дело с изощренными казуистами, готовыми придраться к каждому его слову. Осознав, что вопросы судей то и дело ставят его в тупик, он стал симулировать безумие. Но его и тут переиграли: судьи принялись самостоятельно толковать слетавшие с его губ невнятные слова и заносить свои толкования в протокол. В конце концов он не заметил, как признался, что приносил клятву уничтожить всех монархов и подписал эту клятву кровью. Иначе говоря, признался в принадлежности к грозному и зловредному ордену иллюминатов. После этих слов ему вручили трактат отца Паллавичини «В защиту папства и католической церкви» и велели прочесть. Несколько дней он читал его, а потом заявил, что осознал свои заблуждения и признает, что вместо церкви служил дьяволу.

«Исполненный сожалений, я раскаиваюсь в том, что все 45 лет, кои я живу на свете, я пребывал в бездне заблуждений. Теперь же, осознав все зло, что причинил я себе и иным людям, я смиренно прошу дозволить мне зло сие исправить. Я признаю все, что вменяют мне в вину судьи мои. Сейчас в Европе более миллиона сторонников моих и сыновей моих духовных, принявших по наущению моему египетский ритуал, и все они верят мне, словно оракулу. Ни один теолог, ни один человек умный и знающий не сможет отвратить их от учения моего, только я один могу это сделать. Атак как учениками моими являются люди образованные и исполненные всяческих

достоинств, то я готов письменно учение мое признать ошибочным и опровергнуть его.

Прошу трибунал довести до сведения его святейшества, что я готов принять кару за свои заблуждения и молю лишь об одном: чтобы мне дали возможность спасти свою душу. Всем участникам этого процесса я прощаю, ибо понимаю, что суд сей устроен ради спасения души моей. Поручая себя вашему святейшеству, хочу сказать, что все обходились со мной с истинно христианским милосердием и по справедливости. Обхождение это помогло мне осознать свои заблуждения. Единственное желание мое теперь — это спасти свою душу. Дабы спасти ее, я смиренно готов принять самое суровое наказание. Но более всего желаю я избавиться от заблуждений жене своей, по-прежнему в оном заблуждении коснеющей. Но в этом повинен я один, ибо я вовлек ее в Египетскую ложу масонскую»[5]. Произнося эту покаянную речь, Калиостро заливался слезами и пытался убедить судей, что сам он никогда не верил в благодетельность обрядов и системы Египетского масонства.

После раскаяния Калиостро заседания суда на время прекратились; когда же они возобновились, магистр заявил: «Все, кто почитает Господа и понтифика, имеют благословение Господа; я всегда почитал и Господа нашего, и понтифика, а потому все, что я делал, я делал с благословения Бога, наградившего меня и силами, и умом. Он дал мне силы бороться с моими врагами, коими являются адские демоны, ибо иных врагов у меня нет. Если я заблуждаюсь, святой Отец покарает меня, а если я прав, он меня вознаградит. Но я уверен, что если признание мое ему вручат сегодня, уже завтра я буду свободен».

Вместо ответа судьи спросили, чем он докажет, что действовал по велению Господа? Калиостро объяснил: «Церковь выбирает пастырей своих, дабы те проповедовали истинную веру, а я всегда слушал советы этих пастырей. Пастыри, наставлявшие меня, — это NN и NN; они мне сказали, что система Египетского масонства имеет божественное происхождение и должна существовать под покровительством его святейшества папы. Впрочем, ранее я уже об этом говорил».

Больше магистр своего мнения не менял и, как только предоставлялась возможность, принимался убеждать судей, что египетское масонство явилось плодом его раздумий в лоне истинной веры. Он напомнил, что в письме папе, приложенном им к «Ритуалу», он подчеркнул, что египетские масоны признавали существование различных религий, а потому он никогда не выступал против веры той страны, куда приезжал, и в масоны египетские принимал без различия вероисповедания. В

возрождение же физическое, о котором он писал, никогда не верил, особенно после того, как вышеуказанные пастыри ему разъяснили и указали на заблуждение его. Такие речи привели судей к убеждению, что истинным католиком Калиостро никогда не был, ибо за 27 лет он «ни разу не совершил ни единого обряда, не соблюдал ни праздники, ни посты, не принял евхаристии и не приблизился к храму». Более того, он готов был принять любую веру и даже прослыть атеистом, лишь бы это было ему выгодно. Словом, поклонялся мамоне, а не Господу.

Когда безнадежное для обвиняемого дело обросло достаточным количеством бумаг, заполненных показаниями как свидетелей, так и подсудимого, судьи постановили: хотя еретик Калиостро и раскаялся, есть основания полагать, что свое еретическое учение он по-прежнему считает правильным, а потому еретик Калиостро является лицом вредным для общества и заслуживает смерти. Однако 7 апреля 1791 года папа Пий VI заменил казнь на пожизненное заключение. На коленях и с непокрытой головой Калиостро выслушал приговор: «Джузеппе Бальзамо, виновный, по его собственному признанию, в многочисленных преступлениях, приговорен к наказанию, коего заслуживают еретики, ересиархи, сектанты и колдуны, внушающие суеверия, а также наказанию, установленному Климентом XII и Бенедиктом XIV для распространителей масонского учения во владениях Святого престола. Но специальным постановлением смертная казнь заменяется ему пожизненным заключением без возможности помилования. Означенный Калиостро будет помещен в крепость, где его будут стеречь денно и нощно. Но прежде чем двери камеры за ним захлопнутся, сей еретик отречется от своих заблуждений и на него, как заведено, будет наложено покаяние.

Книга под названием “Египетское масонство” осуждается как нечестивая, еретическая и подрывающая устои христианской религии, а потому будет сожжена вместе со всеми предметами, потребными для проведения ритуалов египетской масонской секты.

Новым ордонансом апостолическим подтверждаем запрещение секты египетской, а также секты той, членов которой в просторечии именуют иллюминатами. И будут оные иллюминаты, равно как и те, кто пожелает в эту секту вступить или станет оказывать ей поддержку, подвергнуты наказанию, коему подвергают еретиков».

4 мая (возможно, 4 июня) 1791 года на площади возле замка Святого Ангела палач в присутствии ликующей толпы сжег конфискованные у Калиостро бумаги, инструменты и различные

предметы магического назначения.

Отречься от ереси Калиостро предстояло на паперти церкви Санта-Мария-сопра-Минерва, прямо напротив мраморного слона, на спине у которого высился увенчанный крестом египетский обелиск, словно символ единения креста и египетских мистерий. Калиостро тоже пытался соединить христианство и египетские учения, но у него, в отличие от Сикста V, по повелению коего Бернини водрузил обелиск на спину слона, ничего не получилось. 20 апреля (возможно, 20 июня) 1791 года Калиостро в закрытой карете и под конвоем из четырех солдат во главе с лейтенантом Гриллоном отправили в неприступную крепость Сан-Лео. О прощании с Лоренцей речи не шло; магистр так и не узнал, что супруга его стала «добровольной» узницей монастыря Святой Аполлонии, где и скончалась — в 1794 году или немногим ранее.

Кардинал Дория, папский легат в герцогстве Урбино, сначала растерялся, когда узнал, какого узника доставят в расположенную на подведомственной ему территории крепость Сан-Лео. Наслышанный о Калиостро и его похождениях, зная из газет о деле об ожерелье, он пришел к выводу, что магистр — величайший мошенник. Однако когда он ознакомился с «Жизнеописанием» Барбери и материалами процесса, в душе его поселилась тревога: оказывается, этот Калиостро, которого он считал всего лишь шарлатаном, — опаснейший преступник, подстрекатель, мятежник и заговорщик, под началом которого находятся не менее миллиона сторонников. И вдобавок еретик, не ведающий страха перед карающей дланью Господа. С одной стороны, отвечать за такого узника чрезвычайно хлопотно, а с другой — весьма почетно, особенно когда сам папа требует еженедельных отчетов о поведении заключенного.

Как сделать, чтобы маг и чародей не сбежал — не улетел, как демон, или не был освобожден многотысячной армией сторонников? По словам Макиавелли, крепость Сан-Лео (возведенная во второй половине XV века Франческо ди Джорджио Мартини для тогдашнего владельца городка — урбинского герцога Федерико да Монтефельтро) являлась образцовым ренессансным фортификационным сооружением. Но с тех пор прошло много лет; в XVI столетии городок Сан-Лео вместе с крепостью перешел к семейству делла Ровере, а еще через сто лет оказался в руках пап, превративших высившуюся на 600-метровом утесе Фельтро крепость в тюрьму. К тому времени, когда Калиостро предстояло стать одним из — теперь уже девяти — узников крепости, стены и камеры фортификации изрядно обветшали, а гарнизон — по причине недостаточного денежного

содержания — состоял всего из двадцати двух солдат и сторожей и руководившего ими коменданта Семпронио Семпрони. В силу почтенного возраста честный служака-комендант, проживавший в соседнем Урбино, не выносил ледяного холода, царившего в крепостных стенах в зимние месяцы, и отправлялся домой, оставляя вместо себя лейтенанта Пьетро Гандини, честолюбивого и состоятельного молодого человека, с удовольствием отменявшего приказы коменданта и распоряжавшегося крепостью по своему усмотрению.

Первые тревоги не заставили себя ждать. На подступах к крепости, в Верукkио, дорога, проходимая для карет, кончалась: бегущую по усеянному валунами ущелью бурную речку Мареккью пересекали либо спешившись, либо верхом. Для заключенного избрали последний способ.

27 апреля (июня или июля), после нескольких дней пути, в 12 часов пополудни Калиостро через единственные ворота въехал в деревушку Сан-Лео; конвой проследовал на площадь, где когда-то под вязом проповедовал святой Франциск, а в маленькой харчевне останавливался Данте. На площади конвой и узника встретил временно замешавший коменданта (несмотря на теплое время) лейтенант Гандини. Согласно приказу Калиостро следовало поместить в камеру-колодец (*Pozzetto*), однако лейтенант велел препроводить нового заключенного в камеру под названием Сокровищница (*Tesoro*). Располагавшаяся под крышей башни, название свое она получила при герцогах Урбино, хранивших в ней свои сокровища. Темное, с единственным, под самым потолком, окошком, забранным четырьмя рядами толстой решетки, и сырое, с черными от плесени стенами, помещение более напоминало карцер, чем обычную камеру. Или скорее гробницу, как написала в своем отчете комиссия, посетившая тюрьму в Сан-Лео в 1705 году. Словом, никаких соображений гуманности. Потом, объясняя коменданту свое неповиновение, Гандини утверждал, что поместил Калиостро в Сокровищницу только из-за высоко расположенного окошка, откуда нельзя увидеть ничего, кроме клочка неба, и невозможно переговариваться с часовыми.

Остается невыясненным вопрос: как вошел в крепость Калиостро — через ворота или все же его подняли наверх в корзине, как изображено на гравюре того времени? Ибо, несмотря на подпись под ней: «Калиостро, которого поднимают в крепость Монтефельтро», многие биографы полагают, что эта картинка является плодом фантазии тогдашних рисовальщиков.

…Толстая дубовая дверь захлопнулась, в замке проскрежетал ключ, и Калиостро почувствовал неотвратимую близость конца.

По дороге в крепость, когда его выволокли из кареты и взгромоздили на лошадь, в нем тотчас пробудилась безотчетная надежда — то ли на освобождение, то ли на смягчение приговора… После долгого пребывания во мраке замка Святого Ангела он вновь, во всей их красе, увидел солнце, зеленые холмы и цветущие деревья; и впервые за последние пару лет почувствовал себя счастливым. Он никогда не обращал внимания на красоту окружавшей его природы, не любил прогулок на воздухе. Но он был рожден на солнечной Сицилии, свет и солнце вошли в его кровь, были необходимы ему как воздух. А он уже более полутора лет провел в каменном мешке. Неудивительно, что прозрачный воздух, напоенный ароматами пробудившейся природы, опьянил его больше, чем стакан крепкого вина. Быть может, если бы во время заточения ему дозволяли прогулки, он бы не подписал ни покаяния, ни иных бумаг, в которых оговаривал самого себя. Но темнота воистину сводила его с ума. Особенно теперь, когда перед ним промелькнул яркий луч солнца.

В первый же день у Калиостро начались желудочные колики; доктора Чезаре Кацалья на месте не случилось, поэтому к больному призвали отца Доменико Теренци. В течение нескольких часов отец Теренци читал молитвы, а четверо сторожей с трудом удерживали корчившегося в конвульсиях больного; никто из них не надеялся, что после такого приступа Калиостро выживет. Прибывший на следующий день доктор Кацалья дал магистру успокаивающее, а Гандини поместил к нему в камеру трех дюжих сторожей — на случай, если у больного вновь начнутся конвульсии. Но боль отпустила, и Калиостро принялся болтать со сторожами; собственный голос показался ему чужим. Вернувшийся к своим обязанностям комендант Семпрони усмотрел в этом великую опасность: кто знает, что этот колдун напоет сторожам в уши?.. Отослав кардиналу отчет доктора о состоянии здоровья узника, комендант принялся сооружать сложную систему сигналов, с помощью которой Калиостро смог бы позвать на помощь в случае, если приступ повторится. Чтобы дать сигнал сторожу, узник должен был постучать вделанным в стену железным кольцом; услышав этот стук, сторож, размещавшийся в соседнем помещении, дергал за веревку, ведущую к колоколу на плацу; услышав звон, караульный призывал сержанта, и тот, взяв с собой нескольких солдат, отправлялся в камеру к опасному преступнику. Сам Семпрони не верил в болезнь Калиостро, считал, что тот притворяется, но неприятностей из-за скоропостижной смерти узника он не хотел. На всякий случай он даже увеличил гарнизон

крепости еще на четырех солдат.

Комендант мыслил здраво: четыре часа биться в конвульсиях по причине желудочных колик невозможно. Либо у узника случился приступ истерии, либо он его успешно симулировал. Не исключено, что присущие Калиостро истероидно-демонстративные тенденции поведения за время заключения обострились и обрели болезненную форму.

Помимо Калиостро в крепости сидели священники и монахи, повинные в воровстве и убийствах. Но, видимо, их не считали столь опасными, как магистра, так как их каждый день водили в крепостную часовню к мессе. А опасного преступника Калиостро предписали держать в строгой изоляции и от товарищей по несчастью, и от караульных. Поэтому, чтобы раскаявшийся безбожник мог вернуться в лоно церкви, для него в часовне соорудили отдельную каморку, где он, оставаясь невидимым для остальной паствы, мог слушать мессу. Надо отметить, что пока каморка не была готова, магистра, несмотря на все его просьбы, к мессе не водили. Когда же узник захотел исповедаться и новый священник крепости каноник дон Бьяджио Тардиоли, присланный вместо заболевшего отца Теренци, велел доставить кающегося в исповедальню, солдаты буквально принесли узника на руках. Папе требовалось не столько вернуть на путь истинный заблудшую душу еретика, сколько предать забвению масона и чернокнижника Калиостро.

Для Калиостро потянулись жуткие дни, темные и размеренные: одни и те же голоса, скрипы, скрежет, бряцание, шорохи, коптящая свеча, заунывные крики часовых… Вышестоящие начальники постоянно напоминали легату: он несет ответственность за непростого узника. Дориа, в свою очередь, предостерегал коменданта: никаких разговоров с узником; никаких долгих исповедей; с врачом заключенный имеет право говорить только о своих болезнях; не давать колдуну острых, режущих и колющих предметов, а также бумаги, перьев и чернил. И не пускать посторонних ни в крепость, ни в селение. Тем не менее Калиостро полагалась вполне приличная еда, чистое белье и раз в неделю посещение цирюльника. Пытаясь хоть как-то скрасить свое пребывание в мрачной камере, а главное, не дать мраку задушить его, Калиостро стал много есть; по его просьбе мясо ему заменяли птицей, в том числе и любимыми им жареными голубями; красного вина приносили вволю и даже варили шоколад. Решив показать себя примерным христианином, магистр неожиданно стал поститься три раза в неделю и попросил коменданта принести ему в камеру скамеечку для молитв и деревянное распятие. Семпрони не отважился

выполнить просьбу без согласия высших властей и сообщил об этом кардиналу Дориа, а тот — государственному секретарю. Ответ пришел отрицательный: наверху сочли, что узнику вполне достаточно иметь распятие из папье-маше. Такая же переписка велась и по поводу просьбы Калиостро дать ему немного штукатурки, дабы заделать углубления в стенах, где сотнями гнездились клопы. Ответ пришел отрицательный. Тогда Семпрони на свой страх и риск велел выбелить стены камеры известкой.

В начале августа (или сентября) кардинал Дория получил анонимное письмо, в котором говорилось, что французские друзья Калиостро хотят похитить магистра из крепости и увезти его на воздушном шаре. Никаких монгольфьеров на горизонте Сан-Лео замечено не было, а вот три француза действительно объявились и стали требовать разрешения повидать узника. Сделав вид, что поддался на уговоры, комендант поставил им условие: он разрешит им войти в крепость, но по одному. Таким образом, каждый визитер оказался в отдельной камере: никаких свиданий с Калиостро, разумеется, никто предоставлять не собирался.

Насколько оправданны были опасения папских властей, что сторонники магистра попытаются освободить его? Власть короля в революционной Франции становилась все более призрачной, и многие верили, что виновниками этой революции явились заговорщики — масоны и иллюминаты, крайне опасные возбудители общественного спокойствия. Магистр признался, что принадлежит к таинственному обществу иллюминатов, значит, члены этого общества могут попытаться освободить своего товарища. Ведь о том, что признаться его заставили, возможно, даже силой, знала только горстка судей!

Своеобразной попыткой оправдать Калиостро стало появление апокрифического «Завещания Калиостро»[76]. Автор вступления писал, что за долгое время, проведенное в заточении, магистр осознал, в какую глубокую пропасть может столкнуть общество секта иллюминатского толка, к которой он принадлежал, а потому счел нужным разоблачить ее (а заодно и масонов). Текст, якобы написанный «человеком, коему остается лишь покаяться», является довольно путаным изложением истории масонства и сходных с ним сект с целью предостеречь сильных мира сего от проникновения членов всевозможных тайных обществ в общественные учреждения, дабы оные учреждения разрушить. Интересно: автор вступления пишет, что придал мемуарам Калиостро форму завещания, ибо самого Калиостро, без сомнения, уже нет в живых. Хотя «Завещание…»

вышло в 1791 году…

Возможно, появление «Завещания…» власти расценили как своего рода предупреждение, что у Калиостро на свободе остались соратники. Но это лишь предположение. После ареста Калиостро единственный и неизменный — несмотря ни на что — друг и почитатель магистра Якоб Саразен писал Лафатеру: «Страдания графа меня угнетают, но я знаю, что ежели все случилось так, как случилось, значит, он этого хотел; люди не понимают его; никто не может знать подлинных его целей».

Прав был Саразен или нет — не скажет никто. События во Франции, раскачивавшие всю Европу, отодвинули Калиостро на второй план. После оглашения приговора о магистре вспомнил кардинал Роган и обратился к Саразену с просьбой ссудить денег для организации освобождения своего бывшего друга и учителя. Просвещенный банкир, у которого в январе 1791 года после долгих мучений скончалась жена, ответил отказом, прислав кардиналу исполненное горечи письмо: «Суета сует, сударь, все кругом суета. […] Следуя неисповедимыми путями Провидения, вы, сударь, потеряли то, о чем не стоит даже говорить, не то что жалеть. Быть может, вам следует подумать о том, что ожидает нас в лучшем мире». Еще несколько человек также обращались к Саразену с просьбой о деньгах для организации побега Калиостро, но все они получили отказ: банкир был уверен, что просители просто хотели выманить у него деньги. Граф д'Эстийяк даже прислал Саразену разработанный им план побега, но Саразен не поверил ему. «Благодарю вас, сударь, за известия о моем несчастном друге, — написал он в своем ответе. — Если вам удастся еще что-либо узнать о нем и вы не сочтете за труд сообщить эти сведения мне, я буду вам очень благодарен. Я всегда считал, что, как это бывало раньше, друг мой стал жертвой собственного образа действий. Я уверен, что он и сегодня выйдет из застенков инквизиции, как выходил из Бастилии и дважды из тюрем Лондона. Поэтому мне кажется, что вмешательство мое не только не принесет пользы, но лишь испортит дело. Так что я не намерен понапрасну растрачивать деньги, тем более что в последнее время вынужден сократить свои расходы; путешествия свои я все совершил… осталось последнее. Поэтому я не вижу, как моя дружба, сколь бы жаркой она ни была, сейчас может быть ему полезна». Д'Эстийяк настаивал, и Саразен ответил: «Интерес, питаемый мною к человеку по имени Калиостро, не относится к его земной жизни. Убежден, он всегда будет несчастен, ибо сам этого хочет; если бы он этого не хотел, он жил бы счастливо и благополучно». Вот, пожалуй, и все поползновения вызволить Калиостро из крепости… И никаких пяти тысяч вооруженных

масонов.

Для магистра появление визитеров закончилось плохо: из камеры под крышей его перевели в камеру-колодец. Перемена камеры вызвала настолько бурный протест Калиостро, что кардинал Дориа насторожился и велел как следует осмотреть Сокровищницу. Оказалось, что несколько прутьев в решетках на окне проржавели и их легко можно было сломать руками. Впрочем, за время своего заключения узник настолько растолстел, что даже если бы ему и удалось выломать решетку, он не смог бы пролезть в узкое окошко.

Камера-колодец находилась на втором этаже, в самом центре крепости, и имела размеры: 3,4 метра в длину, около трех метров в ширину и три метра в высоту, внешняя стена была толщиной в 1,25 метра. Через единственное окошко размером 30 на 70 сантиметров, забранное тройной решеткой, можно было увидеть зеленые холмы и кусочек селения Сан-Лео с приходской церковью и собором[77]. Но так как оконный проем затягивала промасленная ткань, созерцать раскинувшуюся за решеткой красоту Калиостро не мог. До него долетал лишь мелодичный перезвон колоколов, созывавших селян на молитву. Как пишет Невио Маттеини, дотошный исследователь архивов города Пезаро, где хранятся документы, относящиеся к пребыванию Калиостро в крепости Сан-Лео, в те времена проникнуть в камеру-колодец можно было «с помощью лестницы в пятнадцать ступенек»[6]. Не совсем ясно, была ли это обычная лестница, которую опускали в расположенный на потолке люк, через который заключенному опускали еду, или все же для тюремщиков существовал более удобный проход. (Дверь, что ведет в камеру сегодня, в то время была заложена.) Многие пишут, что Калиостро также спустили в камеру через люк, но это сомнительно, особенно если за время пребывания в Сокровищнице он, как уже говорилось, изрядно растолстел.

Перед переводом в новую камеру тщательно обыскали и самого Калиостро и нашли у него небольшой карманный календарь, оставленный ему конвоиром Гриллони, на обложке которого рукой магистра было начертано: «Пий VI добился моего осуждения в угоду королеве Франции. Горе Франции, горе Риму и всем, кто с ними заодно». Вместо пера Калиостро использовал соломинку из тюфяка, а чернила получил из смеси свечного нагара с собственной мочой. Увидев, как заволновались тюремщики, найдя у него в кармане исписанный листок, Калиостро обрадовался: кажется, он нашел занятие, которое не только развлекало его, но и досаждало его врагам.

Вряд ли Калиостро серьезно задумывался о возможности

побега: его слишком хорошо охраняли. Но ему совершенно необходимо было чем-то занять время, а от благочестивых книг, данных ему тюремным священником, у него скулы сводило от скуки. Его холерическому темпераменту требовался выход. В знак протеста против перевода его в Колодец Калиостро отказался от пищи, даже от своих любимых, сдобренных сливочным маслом неаполитанских макарон. Голодовка вызвала подозрения — не нашел ли узник способ бежать и теперь для этого худеет? Все принялись уговаривать магистра прекратить голодать. Успеха достиг только специально присланный в крепость доминиканец отец Бусси.

После длительного голодания Калиостро выглядел изможденным; в нем теперь не сразу можно было узнать прежнего толстяка. Здоровье его также изрядно ухудшилось, и не только физическое, но и психическое. Есть предположения, что во время заточения в Сан-Лео у него случилось несколько микроинсультов, однако при тогдашнем состоянии медицинской науки их не сумели распознать. Калиостро обуревала жажда деятельности — единственное, что спасало его от мрака и мглы, в которых тонули дни, недели и месяцы. С одной стороны, ежедневные обходы — ранним утром и в одиннадцать вечера — служили ему часами. С другой стороны, он видел — а когда не видел, то чувствовал, — что в люке, откуда ему спускали еду, постоянно открыт «глазок», дабы сторож знал, чем занят узник, и эта слежка крайне его раздражала. Однажды он не выдержал и в знак протеста швырнул ночной горшок в голову совершавшего обход капрала. Тогда комендант приказал принести в камеру цепи и кандалы и вмуровать их в стену — для устрашения строптивого заключенного. Но Калиостро уже ничто не могло напугать. Оторвав от своего лежака доску, он извлек из нее длинный гвоздь и каким-то образом изготовил из него острый стилет, причем, как утверждают многие, лезвие этого стилета было «светлым и острым как бритва». Относительно стилета из белой стали можно усомниться, но острую заточку магистр вполне мог изготовить. Для каких целей? Сказать трудно, ибо ни попыток нападения на сторожей, ни каких-либо следов подкопа отмечено не было.

Затем Калиостро стал требовать исповедника, утверждая, что ему необходимо покаяться и сообщить чрезвычайно важные для папы сведения. Но когда к нему пришел тюремный капеллан, он не стал с ним разговаривать, заявив, что говорить будет только с равным себе по «уму и образованности». Есть версия, что, когда к нему в камеру прислали нового исповедника, Калиостро убил (или оглушил) его, переоделся в его одежду и направился к выходу из крепости. Но кто-то из часовых то ли спросил его о

чем-то, то ли попросил благословения, а он то ли не ответил вовсе, то ли ответил невнятно… Итог плачевный: беглеца поймали и водворили обратно в камеру. Неудивительно: одиночество и мрак, отсутствие восторженной аудитории, энергией которой подпитывался говорливый Калиостро, губительно отразились на его психическом состоянии; когда он очутился на залитом солнцем дворе, мысли его пришли в смятение и обмануть бдительный караул он не сумел. Не исключено также, что у него начала развиваться афазия[78] — как следствие локальных поражений коры головного мозга…

Не получив желаемого исповедника, Калиостро принялся испещрять стены загадочными знаками и письменами, именами, обрывками слов, проклятиями и «от имени Алессандро I, Великого Магистра и Милостью Божией Основателя Египетского ордена» писать странные распоряжения своим последователям… Для письма он использовал ржавчину, смешанную с мочой, кровь из пальца и даже, как пишет Мак-Колман, собственные экскременты. Для уничтожения рисунков и письмен Калиостро приходилось вновь возвращать в Сокровищницу, а стены Колодца отмывать.

Мгла безумия неуклонно сливалась с мраком тюремным. Узник прятал куски мяса из супа, а потом швырял ими в караульных. Устраивал скандалы, когда считал, что еду ему подали не на льняной салфетке, и возмущался дурной стиркой его чулок. То называл себя истинным католиком и требовал освободить его, то хвастался, что не признает ни папы, ни его веры, и требовал казнить его как еретика. Заявлял, что он самый гнусный человек на свете, просил не обращаться к нему на «вы» и называть не «синьором», а просто Джузеппе. Чтобы утихомирить его, а также чтобы он не размозжил себе голову о решетку, на него надели кандалы и посадили на цепь. Когда он попытался отравиться, съев спрятанный под кроватью кусок протухшей рыбы, его на некоторое время перевели на хлеб и воду. Он рисовал на стенах Деву Марию, а рядом себя, кающегося грешника, с распятием и прижатыми к груди руками. Несмотря на отсутствие должного освещения, талант рисовальщика не покинул Калиостро, и коменданте сожалением приказывал стирать картины узника. Если бы Семпрони, регулярно писавший отчеты сначала кардиналу Дориа, а затем его преемнику, не получал постоянно указаний о «приумножении бдительности», предупреждений о том, что узник хитер и притворяется, возможно, он бы облегчил тюремную жизнь Калиостро, ибо сам он, в сущности, не желал ему зла. Ненависть к Калиостро питал капрал Марини: когда в его дежурство у узника случался приступ

буйства, Марини, желая его успокоить, бил его.

21 января 1793 года в Париже казнили короля. Гибель Людовика XVI испугала и одновременно пробудила ярость против Французской республики не только европейских монархов, но и папы. Снова вспомнили про пророчества Калиостро, и в Сан-Лео полетели очередные приказы: стражам опасного узника удвоить бдительность, запретить посторонним лицам доступ не только в крепость, но и в селение, и ни в коем случае не давать узнику ни с кем разговаривать, кроме тех, кому это положено по должности. Страх передался коменданту крепости. Когда во время одного из обходов Калиостро рванулся к Семпрони, требуя, чтобы их оставили наедине, ибо он хочет сообщить нечто очень важное, комендант не рискнул остаться один на один с человеком, о котором ходило столько противоречивых слухов. В апокрифических «Письмах Калиостро, написанных в Сан-Лео»[7] имеются два письма, адресованных коменданту, в которых Калиостро утверждает, что если Семпрони не выслушает его, то его ждет участь коменданта Бастилии де Лонэ, и намекает на некие тайны, которые он, Калиостро, хочет поведать Семпрони:

«Не верю, что комендант Сан-Лео является копией де Лонэ, а потому молю вас: не бегите от узника, превосходящего вас славою своей. Много раз твердил я сторожам своим, что хочу видеть вас. Не любопытство движет мною, ибо Калиостро не может питать интереса к вашей персоне. Когда я оказался в подчиненной вам крепости, на нее тотчас устремились взоры всей Европы.

Позвольте спросить вас: где сейчас комендант Бастилии?.. А ведь у него были и солдаты, и охрана… Все в мире пришло в движение. Не хочу пугать вас, но то, что было соединено, теперь разделилось, а что было далеким, стало близким. Полагая вас человеком достойным, не хочу заронить волнение в вашу душу. Считаю, что среди грядущих перемен вы сможете прославиться и войти в историю. Так придите же ко мне, и я открою вам заповедные тайны и ту истину, кою не знают ни сильные мира сего, преследующие меня своей ненавистью, ни та слепая толпа, что в восторге аплодирует им…

Через два дня после того, как меня посадили в гнусную тюрьму, именуемую Бастилией, я призвал к себе де Лонэ. Но он не пришел, он оставил меня страдать в ужасном мраке. Скажите, где теперь де Лонэ? Он не слушал слов моих, и спасти его оказалось некому. Небесная радуга перенесет Калиостро в страну, его достойную. И да падет огненный град на головы его врагов».

Через какое-то время Калиостро стало казаться, что в крепости Сан-Лео находятся пять или шесть мастеров его масонского Египетского ритуала. Услышав однажды голос

заключенного Кавалли и узнав в нем сицилийца, он стал утверждать, что это один из его братьев-масонов. Потом ему показалось, что в этой же крепости находится Лоренца, и он каждый день просил сторожей передавать ей от него приветы. Не получая ответы на свои вопросы, Калиостро начал разговаривать с призраками. В «Письмах Калиостро» Лоренце посвящено немало строк, которые вполне могли отражать мысли магистра:

«Торжествуешь ли ты, узнав о моей печальной участи, или льешь слезы? О как ужасны подозрения мои! Неужели я пригрел на груди змею? Ведь я же мог раздавить ее. Ах, почему я этого не сделал? Нет, ты не можешь торжествовать, зная, какая мне уготована участь. Графиня Калиостро была особой высокопоставленной; Лоренца же ничто. Тень. С высоты утеса, где стоит эта каменная крепость, я обращаю взор свой на берега Тибра, дабы увидеть твое лицо.

Камень окружает меня со всех сторон, кругом тяжелые железные решетки, двойные двери, засовы и задвижки… Но Калиостро жив, и трепещи, если ты повинна в предательстве.

Сомнения терзают меня. Как могла ты забыть, что довелось тебе увидеть? Если бы не я, ты, рожденная в семье незнатной, вышла бы замуж за неотесанного соседа и никогда бы не увидела ни Гамбурга, ни Парижа, ни Лиона… Со мной ты купалась в золоте, самые знатные красавицы почитали за честь сидеть рядом с тобой… Несчастная! Ты поддалась искушению. Плачь: здание разрушено, и повинна в этом ты. Я отомщу. Вихрь вырвался, и ни море, ни горы его не остановят. Слышен грохот, рушатся горы, падают камни. Почитатели Великого Кофты верны ему. Изменится лицо земли, но я буду во прахе искать предателей…

Нет, Лоренца, я не верю, что ты предала меня. Известно: женщины коварны, но только не ты. Чтобы пойти на преступление, нужна энергия, нужна причина, а у тебя нет ни первой, ни второй. Ты была моей супругой, а значит, владела всем, чем владел я. Разве я когда-нибудь пытался заглушить голос твоего сердца? Разве препятствовал твоим желаниям? […] Ты поддалась искушению, стала его жертвой. Ах! Думая о тебе, я забываю о своем несчастье. Мне жаль тебя, Лоренца, ибо ты все еще дорога Калиостро».

Как пишет Маттеини, в течение последних двух лет пребывания в крепости с Калиостро ничего примечательного не происходило. Магистр хирел, у него возникли проблемы с желудком и мочеиспусканием. Решив, что у узника выходят камни, тюремный врач стал пользовать его магнезией и отварами из трав. У него начался геморрой; врачу, пришедшему осмотреть его, магистр сказал, что боится умереть от апоплексического

удара, от которого скончался его отец. Иногда Калиостро начинал пронзительно кричать, что его убивают; крики его разносились по всей крепости, и некоторые сторожа, желая усмирить его, по примеру Марини били его палками. Говорят, он сам с собой обсуждал события Французской революции и слышавшие его караульные удивлялись, откуда он, не получая никаких известий, так хорошо осведомлен, что происходит в мире. Весной 1795 года он сообщил, что свыше ему было ниспослано видение и он непременно должен рассказать его коменданту. Комендант выслушать узника не отважился, но дал ему бумагу и чернила и попросил изложить письменно все, что он знает. Листов, исписанных Калиостро, не сохранилось, но Маттеини пишет, что изложение оказалось настолько сумбурным, что понять его оказалось невозможно[8].

23 августа 1795 года Калиостро разбил паралич: парализованной оказалась вся левая половина тела. Как только это обнаружилось, немедленно послали за гарнизонным капелланом, дабы тот подал религиозное утешение узнику, чьи дни, казалось, уже сочтены. Однако магистр наотрез отказался от услуг священника, не пожелав ни покаяться, ни исповедаться.

Но, может, настроенные против магистра сторожа и гарнизонный капеллан не поняли его неловких, затрудненных движений, его неясной речи?.. Теперь этого уже никто не узнает. 26 августа у Калиостро случился апоплексический удар, как называли в то время инсульт, и в 3 часа утра он скончался, не приходя в сознание. В религиозном погребении магистру отказали: его зарыли в неосвященной земле.

Свидетелем погребения Калиостро стал — по его собственному утверждению — Марко Пераццони, скончавшийся в 1882 году в возрасте 96 лет. Незадолго до смерти он поведал исповеднику, что, когда ему было лет семь, он в августе 1795 года вместе с родными сопровождал носилки с умершим в крепости узником. Больше всего его тогда удивило, что процессию не возглавлял священник, а носильщики по дороге позволили себе остановиться и, оставив носилки без присмотра, зашли в трактир пропустить по стаканчику. Редкие прохожие, встречавшиеся им на пути, быстро-быстро крестились и разбегались в разные стороны. Добравшись до места, носильщики сняли тело с носилок и опустили его в могилу, подложив под голову камень и прикрыв лицо старым платком. Потом они закидали его землей. Пераццони утверждал, что похоронили именно Калиостро, ибо он имел возможность видеть узника прежде и ему запомнилось его необычное лицо и живой пронизывающий взгляд. Однако проверить воспоминания старца, которому в 1795 году никак не

могло быть семь лет, уже возможности не представлялось…

В свидетельстве о смерти Калиостро говорилось:

«28 августа, год Божьей милостью 1795

Джузеппе Бальзамо, именуемый графом Калиостро, рожденный в Палермо, крещенный в христианской вере, кою он отверг, предавшись ереси, снискавший печальную известность распространением по всей Европе нечестивых догматов египетской секты и фокусами своими и речами приобретший бессчетное количество адептов, избежавший многих наказаний благодаря своему магическому искусству, но в конце концов приговоренный Святейшей Инквизицией к пожизненному заключению в крепости (в сомнительной надежде, что он образумится), где он, так и не раскаявшись, пребывал на протяжении 4 лет 4 месяцев и 5 дней, был сражен сильнейшим апоплексическим ударом. Жестокий душой и непримиримый сердцем, он, не подав ни единого намека, что раскаивается и сожалеет, не причастившись Даров нашей Святой Церкви, скончался в возрасте 52 лет 2 месяцев и 28 дней. Несчастным было рождение его, злосчастной стала жизнь, и многострадальной смерть, случившаяся 26 августа вышеуказанного года в три часа ночи. Тем же днем заказали публичный молебен, дабы молить милосердного Господа возыметь сострадание к несчастному творению рук его. А так как сей отлученный от Церкви еретик не раскаялся, то в церковном погребении ему было отказано: его похоронили на вершине, в начале западного склона между двумя сторожевыми редутами, именуемыми *il Palazzetto* и *il Casino*, на земле Римской Апостольской курии 28 августа в 11 часов вечера. Верность написанного подтвердил священник Алоизио Марини»[9].

Лжец Калиостро опочил намедни.
Сей шарлатан не заслужил обедни,
ведь продавал всем нам за грош последний
лишь козни Зороастровы и бредни[79].

29 августа комендант Семпрони написал официальную докладную в Рим о смерти своего знаменитого узника. Вздохнули ли в Риме с облегчением, узнав о гибели пророка, или, наоборот, огорчились, ибо до последнего надеялись извлечь из его бессвязных речей намек на собственную участь? Трудно сказать. Есть предположения, что, предчувствуя нашествие французов, папа отдал приказ задушить Калиостро…

Франция, свергнувшая якобинскую диктатуру, начинала экспорт революции. Под начертанным на знаменах лозунгом «Свобода, Равенство, Братство» армия генерала Бонапарта в апреле 1796 года вторглась в Италию; 8 декабря 1797 года входивший в состав Итальянской армии экспедиционный корпус генерала Домбровского дошел до Сан-Лео, где, как говорят, генерал немедленно поинтересовался участью Калиостро. Узнав, что магистр умер около двух лет назад, он якобы приказал выкопать его останки и сделать из его черепа чашу, из которой офицеры корпуса выпили за свободу и свободный дух Калиостро. Легенда о Калиостро продолжала жить, подтверждая принадлежность магистра к сонму бессмертных.

Несчастный, полубезумный и тяжелобольной узник, скончавшийся в крепости Сан-Лео, мог быть Джузеппе Бальзамо, но не графом Калиостро. Поклонники Великого Кофты, отрицавшие его идентичность с Бальзамо, не могли смириться с горькой и достойной жалости кончиной магистра и создали свою легенду об исчезновении Калиостро, где крупицы правды столь прочно увязли в вымысле, что отделить их практически невозможно. Одна из версий гласит, что магистр сплел из собственных отросших волос удавку, задушил ею исповедника, затем до неузнаваемости изуродовал ему лицо и, поменявшись одеждой с убитым, бежал из крепости. Комендант же, то ли действительно приняв мертвеца за Калиостро, то ли испугавшись наказания за побег заключенного, приказал похоронить монаха под именем магистра. Как пишет Э. Леви (Альфонс Луи Констан, 1810–1875), «любители чудесного уверяют, что Великий Кофта в наши дни живет в Америке, будучи главным и невидимым понтификом верующих в столовращение»[10].

А Д. Берти, например, считает, что узник, скончавшийся 26 августа 1795 года, был вовсе не граф Калиостро. Берти пишет, что 28 августа 1795 года проживающий в Базеле (расстояние от Сан-Лео до Базеля — почти 700 километров!) друг Калиостро получил письмо, в котором говорилось, что Калиостро пытался бежать, задушив посетившего его в камере монаха и переодевшись в его рясу; побег не удался, и граф был обезглавлен в крепости Сан-Лео. Однако при этом Берти не сообщает ни имени базельского друга, ни архивного номера письма, хранящегося, по его утверждению, в отделе рукописей библиотеки Цюриха[11]. Скорее всего, это одна из страниц легендарной биографии магистра, написанная после его смерти с целью поставить в его судьбе многоточие, сгущающее туман той самой тайны, которой тот старательно окутывал себя при жизни…

Не считает 26 августа днем ухода из жизни Калиостро и де

Кирико[12]. По его словам, в этот день скончался 89-летний житель Сан-Лео Микеле Ринальди, о чем и было выписано свидетельство, датированное 26-м же августа; а свидетельство о смерти Калиостро почему-то выписали только 28 августа…

В обиходе биографов имеется и версия похищения Калиостро мальтийцами. Согласно этой версии, магистру тайно передали зелье, приняв которое, он впал в летаргический сон (или магистр сам погрузил себя в состояние, напоминавшее смерть), отчего его сочли мертвым и похоронили. Ночью, когда действие зелья (заклинаний) закончилось, рыцари мальтийского ордена освободили Калиостро из могильного плена и увезли его на Мальту, где он и жил до самой смерти, случившейся в 1815 году. Говорят, когда Наполеон высадился на Мальту, он имел долгую беседу с магистром и тот предсказал ему и блестящее будущее, и бесславный конец… Впрочем, ходил слух, что к зелью прибегать не пришлось, ибо под давлением мирового сообщества франкмасонов папские власти тайно отпустили Калиостро и он в сопровождении прибывших за ним мальтийских рыцарей отбыл на Мальту, где под чужим именем прожил еще пять лет, успев предсказать Бонапарту… И так далее, и так далее…

Заключение

А в старину таких чародеев, как был граф Калиостро, было очень много и у нас, и в других государствах, теперь же они, благодаря Богу, вывелись.

Н. Пазухин. Граф Калиостро, великий маг и чародей

Жизнеописание Джузеппе Бальзамо *alias* графа Калиостро чем-то напоминает детскую песенку из мультфильма про пластилиновую ворону: «На ель она взлетела, а может, не взлетела, а может быть, на пальму с разбега взобралась…» Постоянное «может быть»… С какого бы момента повествование ни начинать, везде нас подкарауливают версии: о рождении и о смерти, о наставниках и друзьях, о городах, где побывал, и кого от каких болезней вылечил… На первый взгляд вроде все ясно (столько книг написано!), а на самом деле не ясно ничего. К примеру, магистр вел обширную переписку, но присмотримся, и получится, что его перу принадлежат всего четыре письма — прощальное, адресованное Элизе фон дер Реке, и три жене из Бастилии; все трогательные, не слишком гладкие. Прочие же письма магистра написаны то ли под его диктовку, то ли с его подачи, то ли за него… Написаны по-французски, а сам он писал только по-итальянски… Великий Кофта, основатель Египетского масонства, может, даже не принял масонского посвящения вовсе, ибо ни в одном документе об оном посвящении ничего не сказано. Идея же и ритуалы Египетского масонства заимствованы из случайно приобретенной рукописи, которую никто не видел… Из книг и разговоров с торговым людом могут быть почерпнуты рассказы Калиостро о путешествии на Восток: то ли был он там, то ли не был, а если был, то где и когда… Он обладал философским камнем, владел секретом превращения неблагородных металлов в золото — но убегал от кредиторов. Не сумел избавить от Бастилии кардинала Рогана, сам тоже туда угодил, хотя всего-то надо было сотворить золота на полтора миллиона ливров, чтобы заплатить долги легковерного кардинала. Неужели были правы современники, считавшие, что приводимые ниже строки об итальянском наставнике из

немецкого романа «Хризомандер» написаны о Калиостро? «Вы имеете свои дарования, […] но отменность и великость вашего преимущества приметил я в том, чтобы съесть хорошую сосиску, добрый кусок жаркого и выпить несколько бутылок горячего саламанкского и каркасонского вина»[1].

Нелестное мнение о Великом Кофте разделяли не все. Но все, и недруги и почитатели, отмечали, что взгляд его живых черных глаз никого не оставлял равнодушным. Своим пристальным «змеиным» взором он мог загипнотизировать «голубка», погрузить в транс и подчинить своей воле, превратив в сомнамбулу. Так как детская психика более гибкая и одновременно более податливая, возможно, именно поэтому магистр подбирал медиумов для своих духопризывательных сеансов среди детей и подростков. А может, потому, что с детьми было проще договориться и они легче забывали и о том, что говорили, и о самих сеансах… Но взор Калиостро завораживал не только юные неокрепшие создания, ему повиновались вполне взрослые люди, особенно те, кто внутренне был готов к чудесам и любой фокус расценивал как чудо. Без сомнения, магистр обладал ярко выраженными гипнотическими способностями, хотя, возможно, пользовался ими инстинктивно; наделенный прекрасной памятью и умением подмечать любую мелочь, выработал свой метод воздействия на публику. Наверное, речь Калиостро — Великого Кофты, бурная, не слишком внятная по сути и по форме, являла резкий контраст с речью Калиостро-духовидца: тот говорил ясно, нараспев, убаюкивая внимание зрителей приятной монотонностью (есть основание полагать, что уроженец Палермо был одарен и голосом, и слухом). На хламиде духопризывателя переливалось шитье, на пальцах сверкали кольца, головная жреческая повязка блестела крупными драгоценными камнями, и зрители невольно фиксировали свой взор именно на этом блеске. А когда магистру требовалось удалиться в тень, он концентрировал внимание зрителей на сосуде с водой, возле которого стояла свеча. В таких декорациях, да еще имея помощника, можно было «поговорить» с любым духом и «вызвать» чей угодно призрак. Ведь опытный гипнотизер может внушить — особенно подготовленной аудитории, каковая приходила на сеансы, — галлюцинаторные образы. Наблюдательный и восприимчивый, Калиостро вполне мог постичь или выработать опытным путем приемы, которые современные иллюзионисты, демонстрирующие чтение мыслей и телепатические фокусы, называют ментальной магией.

Деятельный, изобретательный, обаятельный, с блестящими способностями актера и режиссера, улавливающий момент, когда надо выхватить шпагу, а когда произнести загадочное слово вроде

«тетраграмматон», инстинктивно чувствовавший своего зрителя и восторженного поклонника, Калиостро отлично подходил на роль и мага, и целителя. Склонный к истерии — судя по приступам ярости, описанным современниками, — он не только нес в себе мощный заряд самовнушения, но и передавал этот заряд окружающим, создавая атмосферу, благоприятную для исцеления верой. Изначальная готовность обращавшихся к магистру пациентов очевидно повышала их восприимчивость к внушению и помогала справиться с симптомами недугов, а его тинктуры и эликсиры являлись дополнительными средствами как психологической поддержки, так и укрепляющего или слабительного (об этом судить фармацевтам)[80].

Незнание любой эпохи определяется границами ее знания; по ту сторону этой границы незнание облекается в форму таинств (арканов) и начинает жить самостоятельной жизнью. А знание, дойдя до своих пределов, превращается в вымысел, который виртуозно умел эксплуатировать Калиостро. Улавливавший все веяния, носившиеся в воздухе, магистр не мог пройти против феномена масонства, использовавшего в деятельности своей такие мощные рычаги, двигающие человеческой натурой, как тяга к неведомому и воображение. Разуверившийся не только в государственных институтах, но и в философии энциклопедистов, поставивших во главу угла сомнение и критический анализ, человек с нерастраченным жаром сердца устремлялся в мистику. В век философии мистика и фантазмы шли особенно хорошо, ибо мода на рассуждения заставляла всех размышлять и рассуждать до бесконечности, отчего многим начинало казаться, что они видят невидимое и проникли в непроницаемое. Разуверившемуся в разуме не надо было ничего объяснять, ибо, найдя всему объяснение, он не обрел счастья, а потому без рассуждений устремлялся в объятия магистров, ничего не объяснявших, а требовавших повиновения. Подобно проповеднику, Калиостро в речах своих неустанно твердил о свете открывшейся ему истины, о египетских жрецах, поведавших ему древние тайны, делал загадочные намеки, и многие начинали усматривать в его словах тайный смысл и охотно признавали его хранителем истины и знатоком тайных наук.

Звание Великого Кофты не только тешило гордыню магистра, но и приносило ощутимый доход в виде взносов и пожертвований, часть которых он раздавал в качестве милостыни, чем снискал себе прозвание «друга человечества». Благотворительность являлась одной из масонских добродетелей, главный масон египетского ритуала не мог ее не исповедовать; впрочем, стяжателем Калиостро никогда не был, деньги легко к

нему приходили и столь же легко уходили. Может, поэтому он с такой охотой брался за поиски кладов, возможно, обманывая не только клиента, но и самого себя: ведь многие его земляки-сицилийцы были уверены, что клад их ждет, надо только узнать, где копать… Поиски кладов, как и алхимические опыты, обычно кончались неудачей, но магистр никогда не признавал себя побежденным. Тем более что молва о его деяниях, обегая Европу, нередко поражение превращала в победу.

Возможно, в этом и заключалась одна из причин, почему имя Калиостро до сих пор на слуху — в отличие от многих подобных ему авантюристов и шарлатанов той эпохи. Но главная причина, пожалуй, заключается в том, что Калиостро в нужное время оказался в нужном месте и сумел в полной мере использовать сей подарок судьбы. Кто-то показывал электрические фокусы и с помощью физических приборов вызывал «призраков», кто-то добирался до высоких масонских градусов, кто-то экспериментировал с металлами. Калиостро был везде — в прямом и переносном смысле. В прямом — объехал всю Европу, в переносном — о нем писали и сплетничали по всей Европе, создавая эффект постоянного присутствия. Атак как среди разговоров и сплетен больше было фантастического, то людей завораживала не столько реальная личность, сколько всевозможные ее приключения. Получался своего рода сериальный персонаж…

Образно говоря, Калиостро и иже с ним противопоставляли строгим постройкам, сооруженным на фундаменте разума и реальности, роскошные барочные дворцы, существовавшие исключительно в мире воображаемого, играющего в нашей жизни далеко не последнюю роль. Разум, загоняющий в свое русло стихию чувств, превращался в диктатора, а обузданные чувства искали выхода наружу. Обратившись к той части нашего сознания, которую невозможно просчитать и которая порой заставляет нас совершать непредсказуемые поступки, Калиостро наиболее ярко воплотил в себе мистическое, иррациональное начало века Просвещения. Имя его стало своеобразным символом тайного, непонятного, неведомого, которого жаждет наше воображение. Среди современников было немало причастных к тайнам: достаточно назвать орден иллюминатов, членство в котором приписывали не только магистру (а вдруг на самом деле состоял?..), но и кавалер-девице д'Эону[81], и драматургу и авантюристу Бомарше, и Марату, и Робеспьеру… Но воплощением этой тайной реальности стал именно Калиостро, а также Сен-Жермен, персонажи, о которых подлинных сведений сохранилось мало, зато слухов и сплетен ходило и продолжает

ходить предостаточно. Наверное, поэтому оккультисты причислили обоих великих авантюристов к лику герметических философов, мистиков и бессмертных учителей человечества. Но оккультные (эзотерические) учения принадлежат миру воображаемого, поэтому, воссоздавая жизнеописание исторического персонажа, вряд ли следует принимать их в расчет.

Авантюрист и шарлатан Джузеппе Бальзамо успешно подвизался на многих поприщах: морочил головы туманными речами и алхимическими экспериментами, показывал фокусы, выдавая их за волшебство, по-королевски исцелял наложением рук, изготовлял эликсир молодости, пользовавшийся большим успехом у дам. А чтобы его спектакли были более убедительными, костюм носил вычурный и броский, часто одевался на восточный манер. Взяв себе новое звучное имя и добавив к нему графский титул, он настолько сжился с новым образом, что придумал ему биографию и стал считать ее своей. Получилось, что Бальзамо «жить-то жил, а вот быть-то его не было». Незаметно для себя Джузеппе Бальзамо уверовал в реальность воображаемого мира, где его место занимал надменный и всемогущий граф Калиостро, а самозваный граф убедил и себя, и многих вокруг, что шарлатан Джузеппе Бальзамо не имеет к нему никакого отношения. Но это случилось, когда время авантюристов-магов уже уходило в прошлое, освобождая сцену для опасных авантюристов от политики. Что побудило Бальзамо оправиться в Рим? Просьбы жены или утрата ощущения реальности? Наверное, и то и другое. Что, как не утрата представления о реальности, могло побудить его поверить в возможность одобрения папой его масонского ритуала, в сотни сторонников, готовых в любую минуту прийти к нему на помощь? Магия, оказавшись бессильной перед гильотиной Робеспьера и штыками наполеоновской гвардии, отступила в тень, ожидая, когда вновь наступит ее время. Возможно, сидя в одиночной камере крепости Сан-Лео, Калиостро ощущал, что время его ушло. Но вернуться к образу мелкого шарлатана Бальзамо он уже не мог.

Образ мага, целителя, пророка и масона Калиостро, отделившись от своего создателя Бальзамо, продолжил жить на страницах романов, в кинематографе и на сцене. Джузеппе Бальзамо, человек своего времени, ушел из жизни несчастным, обреченным на одиночество пожизненного заточения. Так пусть эпитафией ему станут слова французского писателя и эзотерика Мориса Магра: «Это был человек, в котором божественное вдохновение уживалось с клоунадой шарлатана. Смерть сравняла его с великими людьми».

Основные даты жизни авантюриста Джузеппе Бальзамо, именовавшего себя графом Калиостро

1743, 2 июня — в Палермо, в семье Пьетро Бальзамо и Фелиции (Феличиты) Браконьери родился сын Джузеппе.

8 июня — при крещении мальчик получил имена Джузеппе Джамбаттиста Винченцо Пьетро Антонио Маттео.

1748 — год, который Калиостро (Бальзамо) называл годом своего рождения; 1748–1763 — годы, которые, по словам Калиостро (Бальзамо), он провел на Востоке.

1756 — Джузеппе отдан на обучение в монастырь Милосердных братьев в Кальтаджироне.

1758 — Джузеппе изгнан из монастыря и возвратился в Палермо.

1763 (?) — приезд молодого Бальзамо в Мессину. Кратковременное проживание у Джузеппе Калиостро (?).

1763–1766 — встреча с Альтотасом (?) и путешествие на Восток (?): Египет, Аравия, Родос, страны африканского побережья Средиземноморья.

1766 — Джузеппе Бальзамо (вместе с Альтотасом?) высаживается на Мальте.

1766–1768 — знакомство с мистическими учениями, с арканами алхимии; гроссмейстер Мальтийского ордена Пинто и знатный кавалер д'Аквино покровительствуют Бальзамо (?). Смерть Альтотаса (?).

1768(1767?) — отъезде Мальты и прибытие в Неаполь; знакомство с князем Сан-Северо (?).

1768 — из Неаполя Бальзамо перебирается в Рим.

Апрель — Джузеппе Бальзамо сочетается браком с Лоренцей Феличиани; странствия супругов Бальзамо в поисках Фортуны в обществе Оттавио Никастро и маркиза Альяты; паломничество к могиле святого Иоанна Компостельского в Галисии (?).

1769 — встреча с Казановой в Экс-ан-Провансе.

1769–1771 — путешествие по югу Европы: Лоренца блистает красотой, Джузеппе подвизается на поприще алхимика.

1771 (?)—1772 — пребывание в Лондоне (?). Бальзамо попадает в долговую тюрьму.

1772–1773 — пребывание в Париже. Бальзамо подает жалобу на жену, обвиняя ее в измене, и добивается ее заключения на четыре месяца в исправительную тюрьму Сент-Пелажи.

1773–1774 — странствия по Европе.

1774 (1775?) — под именем Пеллегрини чета Бальзамо прибывает в Неаполь, а оттуда отправляется в Палермо.

1775–1776 — странствия по Европе с заездом на Мальту.

1776, июль — прибытие в Лондон. Первое «дело об ожерелье».

1777, 12 апреля — Джузеппе Бальзамо и его жена Лоренца вступают (?) в масонскую ложу Надежды. Бальзамо принимает имя графа Алессандро Калиостро, Лоренца — графини Серафины Калиостро. Калиостро находит рукопись с описанием Египетского масонства.

1777–1779 — Калиостро путешествует по Европе, представляясь Великим Кофтой, основателем Египетского масонства.

1778 — в Венеции Калиостро во второй раз встречается с Казановой; встреча с иллюминатами (?); встреча с Сен-Жерменом (?).

1779, февраль — Калиостро прибывает в Митаву.

Июнь — Калиостро под именем графа Феникса прибывает в Санкт-Петербург.

Октябрь — Калиостро по высочайшему повелению (?) покидает Санкт-Петербург и едет в Варшаву.

1779–1780 — пребывание в Варшаве.

1780, сентябрь (октябрь?) — Калиостро покидает Варшаву; встреча с иллюминатами (?); прибытие в Страсбург.

1780–1783 — пребывание в Страсбурге. По просьбе кардинала Рогана Калиостро едет на две недели в Париж, дабы исцелить принца Субиза (?).

1783, сентябрь — Калиостро едет в Неаполь к больному кавалеру д'Аквино (?).

Ноябрь — после смерти д'Аквино Калиостро отправляется в Бордо.

1784, октябрь — из Бордо Кал и остро едет в Лион; основание материнской ложи Египетского масонства.

1785, 30 января — Калиостро прибывает в Париж.

26 августа — Калиостро арестован в качестве подозреваемого по «делу об ожерелье».

1786, 31 мая — Калиостро освобожден, с него сняты все обвинения.

Июнь — приказ короля о выдворении Калиостро из Франции; граф и графиня Калиостро отбывают в Англию и устраиваются в Лондоне; кампания по разоблачению Калиостро, начатая газетой «Courrier de l'Europe»; редактор газеты Тевено де Моранд утверждает, что под именем знаменитого графа скрывается мошенник и авантюрист Джузеппе Бальзамо.

1787, апрель — оставив в Лондоне жену, Калиостро бежит в

Швейцарию, где останавливается в Базеле у своего друга и банкира Саразена.

Июнь — в сопровождении четы Лутербург в Швейцарию приезжает графиня Калиостро.

1788, 23 июля — Калиостро покидает Швейцарию.

24 сентября — приезд в Роверето.

Ноябрь — переезд в Тренто.

1789, май — Калиостро предписывают покинуть Тренто; уступая просьбам жены, он едет в Рим.

27 декабря — по приказу инквизиции Калиостро арестован и препровожден в замок Святого Ангела.

1790–1791 — суд над графом Калиостро (Джузеппе Бальзамо).

1791, 7 апреля — Калиостро осужден на пожизненное заключение.

27 апреля (июня? июля?) — Калиостро под конвоем привозят в крепость Сан-Лео.

1791–1795 — заточение в одиночной камере папской темницы Сан-Лео.

1794 (?) — в монастыре Святой Аполлонии скончалась Лоренца Феличиани (графиня Калиостро).

1795, 26 (28?) августа — граф Калиостро (Джузеппе Бальзамо) скончался в каземате крепости Сан-Лео.

Примечания и комментарии

Неугомонный шарлатан или загадочный мистик?

[1] Письмо императрицы Екатерины II доктору Циммерману, из Петергофа, от 8 июля 1781 года //Сборник Императорского Русского исторического общества. 1878. Т. 23. С. 212.

[2] Муратов П. П. Образы Италии. М., 1994. Т. II–III. С. 163.

[3] Oberkirch H. L. d'. Mémoires de la baronne d'Oberkirch. Bruxelles, 1854. T. 2. P. 299.

[4] Блан Л. История Французской революции. СПб., 1907. Т. 2. С. 74.

Глава 1

Калиостро или Бальзамо?

[1] Строев А. Ф. Авантюристы Просвещения. М., 1998. С. 14.

[2] Bachaumont L. P. de. Mémoires secrets… A Londres, 1781. T. 17. P. 166, 167.

[3] Оправдание графа де Калиостро по делу кардинала Рогана… СПб., 1786. С. 19 и далее.

[4] Chirico R. de. Il Processo délia Santa lnquisizione a Cagliostro… Roma, 1990. P. 96 и след.

[5] Ibid. P. 80 и след. Для подкрепления своей гипотезы автор напоминает, что свидетельства о рождении Джузеппе Бальзамо никто не видел, ибо сохранилось лишь свидетельство о крещении.

[6] Mémoire authentique pour servir à l'histoire du comte de Cagliostro… Nouvelle édition. A Strasbourg, 1786. P. 1.

[7] Grimm F. M. Correspondance littéraire, philosophique et critique de Grimm et de Diderot, depuis 1753 jusqu'en 1790. P., 1830–1831. T. 12. P. 455.

[8] AN. X2 B1417.

[9] Гёте И. В. Путешествие в Италию. М., 1935. Т. 11. С. 271 и след.

[10] Муратов П. П. Образы Италии. С. 163.

[11] Gervaso R. Cagliostro. Milano, 1974. P. 16.

[12] Ventavon. J. S. de. Cagliostro. P., 2001. P. 10.

[13] Haven M. Le maître inconnu. P., s. d. P. 296, 297.

Глава 2

Ученик чародеев

[1] Мемориал графа Калиостро против господина генерал-прокурора, обвиняющего его. Писанный им самим. В Москве, в типографии Пономарева, 1786. С. 23

[2] Brunei Ph. Cagliostro. P., 1992. P. 17.

[3] Grimm F. M. Ibid. T. 13. P. 13.

[4] Campardon E. Marie-Antoinette et le procès du colier. P., 1863. P. 185.

[5] Ventura G. Cagliostro. Roma, 2002. P. 111.

[6] Мак-Колман А. Калиостро: Последний алхимик. Харьков, 2007. С. 33 и след.

[7] Hulin S. Saint-Germain, Cagliostro. la princesse de Lamballe. Belisane, 1996. P. 51.

[8] Хотинский М. С. Чародейство и таинственные явления в Новейшее время. СПб., 1866. С. 232.

[9] Казанова Д. История моей жизни. М., 1990. С. 643 и след.

[10] Figuier L. Histoire du Merveilleux dans les temps modernes. P., 1860. T. 4. P. 92.

Глава 3

По направлению к вольным каменщикам

[1] Procès de Joseph Balsamo… A Liège, 1791. P. 42.

[2] AN. Ibid.

[5] Campardon. Ibid. P. 419, 420.

[4] Grimm. Ibid. T. 12. P. 462.

[5] Письма Гримма к императрице Екатерине II. СПб., 1886. С. 175.

[6] Campardon. Ibid. P 411, 416.

[7] Porset Ch. Gagliostro redivivus //Processo a Cagliostro. Roma, 1996. P. 95.

[8] Мак-Колман. Ibid. P. 52.

[9] Vie de Joseph Balsamo… Paris; Strasbourg, 1791. P. 137.

[10] Chirico de. Ibid. P. 136.

[11] Ventura. Ibid. P. 45.

[12] Судебные драмы: граф Калиостро, история ожерелья. М, 1900. С. 56.

[13] Dal by an D. Le comte de Cagliostro. P., 1983. P. 73.

Глава 4

Франкмасон мистического послушания

[1] Rifará P. A. L'Ésotérisme. P., 2002. P. 782.

[2] Святейшая Триософия: Сборник произведений П. Шакорнака, П. Ривьера, М. П. Холла, О. А. Володарской. М., 1998. С. 283.

[5] Цит. по: Гекерторн Ч. У. Тайные общества всех веков и всех стран. М., 1993. С. 213.

[4] Жизнь и дела Иосифа Бальзамо… //Московский журнал. 1792. Ч. 5. Кн. 2. С. 245.

[5] Rituel de la Franc-maçonnerie égyptienne. P., 2003. P. 30.

[6] Haven. Ibid. P. 130.

[7] Цит. по: Пятигорский А. Кто боится вольных каменщиков. М., 2009. С. 59.

[8] Цит. по: Харитонович Д. Э. Масонство. М., 2001. С. 45.

[9] Цит. по: Гекерторн. Указ. соч. С. 145.

[10] Brunet. Ibid. P. 89.

[11] Rituel. P. 32.

[12] Стендаль. Рим, Неаполь, Флоренция. М., 1959. Т. 9. С. 191, 192.

[13] Rituel. P. 43.

[14] Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 69, 70.

[15] Rituel. P. 36.

[16] См., например: Photiades C. Les vies du comte de Cagliostro. P., 1932. P. 132.

[17] Описание встречи Калиостро с Сен-Жерменом в Гольштейне см: Chirico de. Ibid.; Mémoire authentique pour servir a l'histoire du comte de Cagliostro. 1785. S. 1; Saint-Félix J. de. Aventures de Cagliostro. P, 1855.

[18] Тецлаф И. Свет во тьме. М., 2004. С. 428, 429.

Глава 5

От обожания до негодования

[1] Реке Э., фон дер. Описание пребывания в Митаве известного Калиостро… СПб., 1787. С. 110.

[2] Там же. С. 179.

[3] Haven. Ibid. P. 13.

[4] Судебные драмы… С. 19.

[5] Реке. Указ. соч. С. 39.

[6] Судебные драмы… С. 19.

[7] Rituel. P. 28.

[8] Ibid. P. 100.

[9] Mariel P. Cagliostro. P., 1973. P. 84.

[10] Figuier. Ibid. P. 28.

[11] Реке Э. Указ. соч. С. 119.

[12] Haven. Ibid. P. 58, 59.

[13] Гейкинг К. Г. Воспоминания сенатора барона Карла Гейкинга. СПб., 1898. С. 34–36.

[14] Жизнь и дела Иосифа Бальзамо… 1791. Ч. 4. Кн. 2. С. 235.

[15] Chirico. Ibid. P. 107 и след.

[16] Figuier. Ibid. P. 32.

[17] Елагин И. П. Записки древнего любомудрия и богомудрия //Русский архив. 1864. № 1. С. 7.

[18] Харитонович Д. Э. Масонство. С. 110.

[19] Санктпетербургские ведомости. 1779. № 23. 19 марта.

[20] Цит. по: Толстой А. Н. Граф Калиостро. М., 1947. Т. 4. С. 505.

[21] Божерянов И. Н. Невский проспект. М., 2007. С. 294.

[22] Санктпетербургские ведомости. 1779. № 21.12 марта.

[23] Леви. Указ. соч. С. 133.

[24] Bourre de Corberon M. D. Un diplomate françaisà la Cour de Catherine II. Paris, 1901. T. 2. P. 395.

[25] Письмо Императрицы Екатерины II доктору Циммерману о двух написанных ею комедиях от 12 января 1876 года // Сборник Императорского Русского исторического общества. 1880. Т. 27. С. 360.

[26] Письмо от 17 февраля 1786 года // Русский архив. 1878. Кн. III. С. 119.

[27] Пыпин А. Н. Русское масонство. Пг., 1916. С. 45.

[28] Санктпетербургские ведомости. 1779. Прибавление. № 79 от 1 октября: № 80 от 4 октября; № 81 от 8 октября.

[29] А. Ф. Строев полагает, что сочинение сие графу Мошинскому приписано (Строев А. Ф. Авантюристы Просвещения. С. 140).

[30] Каллиостр, познанный в Варшаве. М., 1788. С. 60.

[31] Там же. С. 57.

[32] Rituel. P. 45.

[33] Каллиостр, познанный в Варшаве. С. 29.

[34] Haven. Ibid. P. 87.

[35] Каллиостр, познанный в Варшаве. С. 33 и далее.

Глава 6

Страсбургские игры

[1] Рожнова М. А., Рожнов В. Е. Гипноз от древности до наших дней. М., 1987. С. 84.

[2] Brunet. Ibid. P. 98.

[3] Gleichen. Souvenirs de Charles Henri baron de Gleichen. P., 1868. C. 121.

[4] Bachaumont. Ibid. T. 17. C. 167.

[5] Haven. Ibid. P. 124.

[6] Рецепты Калиостро из «Книжечки рецептов» Саразена приводятся по кн.: Dalbyan. Ibid. P. 31.

[7] Хотинский. Указ. соч. С. 257.

[8] Судебные драмы… С. 48.

[9] Haven. Ibid. P. 97.

[10] Brunei. Ibid. P. 103.

[11] Ibid. P. 145.

[12] Цит. по: Оправдание графа де Калиостро по делу кардинала Роганао покупке славного склаважа во Франции, писанное им самим. СПб., 1786. С. 12.

[13] Lettre du comte de Mirabeau a*** sur M. M.deCagliostroetLavater. 1786. P. 13. Перевод писем Кокса, выполненный Луи-Рамоном де Карбоньером (1755–1827), существует: Cox et Carbonnières. Lettres de M. William Cox à M. W. Melmothsur l'état politique, civil et naturel de la Suisse. 2 v. P., 1782.

[14] Georgel. Mémoires pour servir à l'histoire des évenemens de la fin du dix-huitième siècle… P., 1817. T. II. P. 47.

[15] Цит. no: Lever E. L'affaire du collier. P., 2004. P. 65.

[16] Oberkirch H. L. Mémoires de la baronne d'Oberkirch. Bruxelles, 1854. T. 1. P. 126.

[17] Georgel. Ibid. P. 49.

[18] Lever. Ibid. P. 67.

[19] Ibid. P. 66.

[20] Цит. по: Мемориал… С. 55, 56.

[21] Lettre du comte de Mirabeau. Ibid. P. 20.

[22] Brunet. Ibid. P. 137.

Глава 7

Дела масонские

[1] Из письма Виллермоза Карлу Гессенскому от 8 ноября 1784 года. Цит. по: Brunet. Ibid. P. 195.

[2] Porset. Ibid. P. 102.

[3] Rituel. P. 246. Отметим, что в «Ритуале» говорится о двенадцати мастерах, изготовляющих пятиугольники.

[4] Hutin S. Les francs-maçons. P., 1968. P. 32.

[5] Цит. по: Жизнь и дела Иосифа Бальзамо… С. 260.

[6] Там же. С. 246.

[7] Нерваль Ж. де. Калиостро: О революционном мистицизме // Нерваль Ж. де. Мистические фрагменты. СПб., 2001. С. 294.

[8] Цит. по: Судебные драмы… С. 57, 58.

[9] Farge A. Dire et maldire. P., 1992. P. 138.

[10] Haven. Ibid. P. 148. 149.

[11] Жизнь и дела Иосифа Бальзамо… С. 235.

[12] Rituel. P. 75.

[13] Там же.

[14] Mariei Ibid. P. 114.

[15] Цит. no: Haven. Ibid. P. 152, 153.

[16] Ibid. P. 76.

[17] Hutin. Ibid. P. 94.

[18] Рожнова М. А., Рожнов В. Е. Гипноз и чудесные исцеления. М., 1965. С. 107.

[19] Farge. Ibid. P. 146.

[20] Цит. no: Haven. Ibid. P. 158–163.

[21] Подробнее см.: Нерваль. Указ. соч. С. 289–298.

[22] Mémoires de Fleury de la Comédie Française. P., 1847. P. 74.

[23] Beugnoi. Mémoires du comte de Beugnot… P., 1866. T. 1. C. 214.

Глава 8

Куда исчезли алмазы?

[1] Lever. Ibid. P. 59, 60, 90.

[2] Ibid. P. 100.

[3] Haven. Ibid. P. 182.

[4] Bachaumont. Ibid. T. 29. P. 234.

[5] Lettre d'un garde du roi. A Londres, 1786. P. 3.

[6] BNF. Nouvelle Acquisition. Ms. 22899.

[7] Цит. по: Мемориал графа Калиостро… С. 128 и след.

[8] Ma correspondance… P. 22.

[9] Haven. Ibid. P. 189.

[10] Оправдание графа де Калиостро… С. 1.

[11] Сборник Императорского Русского исторического общества. 1878. Т. 23. С. 364. (Письмо от 11 марта 1786 года.)

[12] Lettre… P. 5.

[13] Далее цит по: Мемориал графа Калиостро… С. 4 и след.

[14] Там же. С. 63.

[15] Dugas de Bois Saint-Louis. Paris, Vfersaille et les provinces. P., 1817. V. 1. P. 341.

[16] Haven. Ibid. P. 202.

Глава 9

В тумане Альбиона

[1] Haven. Ibid. P. 209–212.

[2] Brunet. Ibid. P. 280.

[3] Хотинский М. С. Указ. соч. С. 324.

[4] Здесь и далее письма к Калиостро цит. по: Haven. Ibid. P. 217–220.

[5] Ma correspondance… P. 11.

[6] Brunet. Ibid. P. 290.

[7] Haven. Ibid. C. 220.

[8] Так называемое «письмо к английскому народу» цит. по: Brunet. Ibid. P. 296, 297.

[9] Мак-Колман. Указ. соч. С. 212 и след.

[10] Цит. по: Brunet. Ibid. P. 299.

[11] Casanova G. Le Soliloque d'un penseur. P., 1998. P. 29.

[12] Ibid. P. 40.

Глава 10

Целитель, масон, алхимик, изгой — кто он будет такой?

[1] Жизнь и дела Иосифа Бальзамо… 1792. Ч. 5. Кн. 2. С. 264.

[2] Ventavon. Ibid. P. 130.

[3] Мак-Колман. Указ. соч. С. 239.

[4] Brunet. Ibid. P. 310.

[5] Здесь и далее текст «Евангелия от Калиостро» приводится с сокращениями. (См.: L'Evangile de Cagliostro… P., 1910.)

[6] Примечание М. Авена: «Портрет работы Жана-Юрбена Герена». (См.: L'Evangile de Cagliostro… P., 1910. P. 53.) Или все же речь идет о бюсте работы Гудона?

[7] Brunet. Ibid. P. 316.

[8] Цит. по: Matteini. Ibid. P. 44, 45.

[9] Цит. no: Les Prophéties de Cagliostro et son arrivée à Paris. 1789.

[10] Ventavon. Ibid. P. 165.

[11] Если все же речь идет о маркизе Вивальди, то он в августе 1792 года вновь появился в Риме, был арестован, но через год отпущен на свободу. (Matteini. Ibid. P. 43.)

Глава 11

«Путь шел в утесе, тяжкий и нескорый…»

[1] Matteini. Ibid. P. 39.

[2] Brunet. Ibid. P. 321.

[3] Ibid. P. 325.

[4] Haven. Ibid. P. 256. С одной стороны, автор приводит этот эпизод как имевший место, с другой — утверждает, что это лишь слухи.

[5] Цит. по: Brunet. Ibid. P. 327.

[6] Matteini. Ibid. P. 78.

[7] Автором «Lettere di Cagliostro scritte da lui in San-Leo», о которых сообщает Маттеини (Matteini. Ibid. P. 83), возможно, яапялся плодовитый итальянский журналист и литератор Джузеппе Компаньони (1754–1833).

[8] Matteini. Ibid. P. 106.

[4] Текст приводится по: Haven. Ibid. P. 295.

[10] Цит. по: Два адепта: Сен-Жермен и Калиостро. М., 2005. С. 18.

[11] Berti D. Misteri e verita su Cagliostro e la sua morte //Processo a Cagliostro. Ibid. P. 156.

[12] Chirico. Ibid. P. 159.

Заключение

[1] Хризомандер: Аллегорическая и сатирическая повесть. М., 1783. С. 10.

Литература

Archives nationalses:

AN — X2 B 1417 (Copie d'une lettre, écrite de Londres par un officier françois reçue à Paris le 16 juillet 1786); F7 445 B — 4450 B; Y 13125.

BNF — Bibliothèque nationale de France:

Nouvelle Acquisition. Ms. 22899.

Aimeras H. d'. Cagliostro. P.: Société française d'imprimerie, 1904.

Bachaumont L. P. de. Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la République des lettres en France depuis 1762 jusqu'à nos jours. A Londres: chez John Adamson, 1777–1789. T. 17,29–35.

Barruel (abbé). Abrégé des Mémoires pour servirà l'histoire du jacobinisme. Hambourg: chez P. Fauche, libraire, 1800. T. I.

Barruel (abbé), LuchetJ. P. L. Essai sur la secte des illuminés. P.: 1789.

Berti D. Misteri e verita su Cagliostro e la sua morte //Processo a Cagliostro. Roma: Edimai, 1996. P. 149–157.

Beugnot (comte). Mémoires du comte de Beugnot, publiés par le comte A. Beugnot son petit-fils. P.: 1866. 2 vol.

Bord G. Franc-maçonnerie en France dès origines à 1815. (Les ouvriers de l'idée révolutionnaire (1688–1771). P.: Nouvelle librairie nationale, 1909. T. 1.

Bourré de Corberon M. D. Un diplomate français à la Cour de Catherine II. 1775–1780. Paris: Librairie Pion, 1901. T. 1–2.

Brunei Ph. Cagliostro. P.: François Bourin, 1992.

Bulau F. Personnages énigmatiques. P.: Poulet-Malassis, 1861. T. 1.

Cadet de Gassicourt C. L. Le tombeau de Jacques de Molay ou Histoire secrète et abregée des initiés, anciens et modernes, des templiers, francs-maçons, illuminés etc. Seconde édition. A Paris: chez Desenne, Impr.-Lib. Palais Egalité, 1797.

Campardon E. Marie-Antoinette et le procès du collier. P.: Henri Pion, 1863.

Casanova G. Le Soliloque d'un penseur. P.: Editions Allia, 1998.

Chirico R. de. Il Processo délia Santa Inquisizione a Cagliostro e la sua fuga da San Léo. Roma: Atanor, 1990.

Compendio délia vita e delle gesta di Giuseppe Balsamo denominato il conte Cagliostro, Che si è estratto dal processo contro di lui formato in Roma. L'anno 1791 in Roma

Confessions du comte de Cagliostro avec l'histoire de ses voyages

en Russie, Turquie, Italie et dans des pyramides d'Egypte. Au Caire; et à Paris. M. DCC. LXXXVII.

Conrad H. Der Graf Cagliostro. Stuttgart, \ferlag Robert Lutz, 1921.

Correspondance historique, littéraire et anecdotique tirée de la Corrispondance philosophique et critique adressée au duc de Saxe Gotha depuis 1770 jusqu'en 1790 par le baron de Grimm et par Diderot. Seconde édition. Londres: Hanover square, 1814, T. 2.

Correspondenza segreta sulla vita pubblica et privata del conte di Cagliostro. \fenezia, 1791.

Dalbyan D. Le comte de Cagliostro. P.: Lafifont, 1983.

Damton R. La fin des Lumières. P.: Perrin, 1984. (Traduit de l'américain par Marie-Alyx Revellat)

Dugas de Bois Saint-Louis. Paris, Versa il le et les provinces. P.: H. Nicolle libraire, A. Egron, imprimeur-libraire, 1817. T. I.

DuprontA. Qu'est-ce que les Lumières. P.: Gallimard, 1996.

Encyclopédie du compagnonage. Histoire, symbols et legendes. P.: Editions du Rocher, 2000.

L'Évangile de Cagliostro, retrouvé, traduit du latin et publié avec une introduction par le Dr Marc Haven. P.: Librairie hermétique, 1910.

Farge A. Dire et maldire. L'opinion publique au XVllIe siècle. P.: Seuil, 1992.

Figuier L. Histoire du Merveilleux dans les temps modernes. P.: Librairie de L. Hachette et Cie, 1860. T. 1–4.

Gervaso R. Cagliostro. Milano: Rizzoli editore, 1974.

Georgel (abbé). Mémoires pour servir à l'histoire des évenemens de la fin du dix-huitième siècle depuis 1760 jusqu'en 1806–1810, par un contemporain impartial feu M. l'abbé Georgel. P., Alexis Aymery, libraire, rue Mazariné, n 30, Delaunay, au Palay-Royal, 1817. T. II.

Gleichen. Souvenirs de Charles Henri baron de Gleichen. P., 1868.

Grimm F. M. Correspondance littéraire, philosophique et critique de Grimm et de Diderot, depuis 1753 jusqu'en 1790. P.: chez Fume, lib. 1830–1831. T. 8, 12, 13, 15.

Haven M.,dr. Le maître inconnu. Cagliostro. Etude historique et critique sur la haute magie. P.: Dorbon-aîné, s. d.

Hutin S. Les francs-maçons. P.: Seuil, 1968.

Hutin S. L'immortalité magique. P.: Seuil, 1973.

Hutin S. Saint-Germain, Cagliostro, la princesse de Lamballe. Bélisane, Cazilhac, 1996.

Laborde J. B. Lettres sur la Suisse adressées à Madame de M*** par un voyageur françois en 1781. A Genève, 1783. T. 2.

Lamotte-Valois comte de. Mémoires inédits du comte de Lamotte-Valois sur sa vie et son époque (1754–1830), publiés d'après le

manuscript autographe par Louis Lacour. P.: Poulet-Malassis et de Broise, 1858.

Lebeaud N., Malepeyre F., Julia de Fontenelle, J. S. E (masc). Nouveau manuel complet du distillateur liquoriste. P.: Mulo, 1918.

Lettre d'un garde du roi pour servir de suite aux Mémoires sur Cagliostro. A Londres, 1786.

Lever E. L'affaire du collier. P.: Fayard, 2004.

Luchet J. P. Ph. de. Mémoire authentique pour servir à l'histoire du comte de Cagliostro. 1785. S. 1.

Ma correspondance avec M. le comte de Cagliostro, contenant Les principaux éléments de sa vie merveilleuse, écrits sur le vu des preuves les plus authentiques; des anecdotes sur son voyage à Paris en 1772 et 1773, par lequel est prouvé que M. le comte de Cagliostro et le sieur Balsamo, peintre, font une seule et même personne. A Hambourg: Aux depens de la société des Cagliostriens. 1786.

Marie-Antoinette. Correspondance: 1770–1793. Etablie et présentée par E. Lever. Tallandier Editions. Paris, 2005.

MarieI P. Cagliostro. P.: Grasset, 1973.

Matteini N. Il conte di Cagliostro. Città di San Léo, 2008.

Mémoire authentique pour servirà l'histoire du comte de Cagliostro au sujet de l'affaire du cardinal de Rohan, éveque et prince de Strasbourg. Nouvelle édition. A Strasbourg, 1786.

Mémoires de Fleury de la Comédie Française. 1-ère série: 1757–1789. Publ. parJ. B. P. Lafîtte. P.: A. Delahays, 1847.

Mirabeau H. Lettre du comte de Mirabeau a*** sur M. M. de Cagliostro et Lavater, avec un Apendix, ou Eclaircissement sur les théistes de Bohème, et la persécution qu'ils ont eprouvée en 1783. A Berlin: chez François de Lagarde, libraire, 1786.

Oberkirch H. L. Mémoires de la baronne d'Oberkirch. Bruxelles, 1854. T. I, IL

Petitfils J. Ch. Louis XVI. P.: Perrin, 2005.

Photiades C. Les vies du comte de Cagliostro. Grasset, 1932.

Porset Ch. Gagliostro redivivus/Processo a Cagliostro. Roma, 1996.

Proceès de Joseph Balsamo surnommé le comte de Cagliostro. Commencé devant le tribunal de la Ste Inquisition en Décembre 1790, et jugé définitivement par le Pape le 7 avril 1791; Avec les éclaircissements sur la vie de Cagliostro et sur les différentes Sectes de francs-maçcns; Ouvrage traduit sur l'original publié à Rome de l'imprimerie de la Chambre apostolique; A Liège, chez J. J. Tutot, Imprimeur-libraire, Quartier de l'Isle. 1791.

Processo a Cagliostro (a 200 anni dalla sua scomparsa). San-Léo, 21 e, 22 ottobre 1995. Roma: Edimai, 1996.

Les Prophéties de Cagliostro et son arrivée à Paris, 1789.

Ribadeau-Dumas F. Cagliostro. P., 1966.

Rifard P. A. L'Ésotérisme. Robert Laffont, 2002.

Rituel de la Franc-Maçonnerie égyptienné, annote par le Docteur Marc Haven. P.: Editions Télètes, 2003.

Robiquet P. Thévéneau de Morande. P. A. Quantin imprimeur-éditeur, 1882.

Roche D. Les Républicains des lettres. P.: Fayard, 1988.

Saint-Félix J. de. Aventures de Cagliostro. P.: Hachette, 1855.

Sigaux G. Le prince de Ligne, Casanova et Goethe, témoins de Cagliostro/ Dumas A. Joseph Balsamo. Lausanne: Editions Rencontre, 1965. T. III.

Testament de Charles de Launay, gouverneur de la Bastille. Trouvé à la Bastille, le jour de l'assaut. P., 1789.

Testament de mort et déclarations faites par Cagliostro, de la secte des Illuminés, se disant chef de la Loge Egyptienne; condamné à Rome le 7 avril 1791, à une prison perpetuelle comme perturbateur du repos publique. Traduit de l'italien. Paris, 1791.

Terrasson J. Sethos. Amsterdam, 1732. V. 2.

Trowbridge W R. H. Cagliostro, the splendor and misery of a Master of Magic. Londres, 1910.

Ventavon J. S. de. Cagliostro, un franc-maçon au siècle des Lumières. P.: Editions Didro, 2001.

Ventura G. Cagliostro. Un uomo del suo tempo. Roma: Atanor, 2002.

Vie de Joseph Balsamo connu sous le nom de comte Cagliostro. Extraite de la procédure instruite contre lui à Rome, en 1790. Traduit d'après l'original italien, imprimé à la Chambre Apostolique, enrichie de notes curieuses et orné de son portrait. Seconde édition. A Paris, chez Onfroy, libraire, rue St-Victor, n 11, et à Strasbourg, chez Jean-Georges Treuttel, libraire, 1791.

Белов Н. В. 100 пророчеств Калиостро. М.: АСТ, 2006.

Блан Л. История Французской революции /Пер. с фр. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1907. Т. 2.

Божерянов И. Н. Невский проспект. М.: Белый город, 2007.

Валишевский К. Екатерина Великая: По мемуарам, письмам и неизданным документам /Пер. с фр. Т. Высоцкой. М.: Современные проблемы, 1912.

Валишевский К. Вокруг трона. Репринтное воспроизведение издания 1911 г. М.: СП «ИКПА», 1989.

Гейкинг К. Г. Воспоминания сенатора барона Карла Гейкинга /Пер. с нем. А. А. Гире. СПб.: Типография Высочайше утвержденнаго Товарищества «Общественная польза», 1898.

Гекерторн Ч. У. Тайные общества всех веков и всех стран /

Пер. с анг. М.: РАН, 1993. Ч. 1.

Гёте И. В. Путешествие в Италию // Собр. соч.: В 13 т. /Пер. с нем. Н. А. Холодковского. М.: Художественная литература, 1935. Т. 11.

Горин Г. Формула любви /Антология сатиры и юмора России XX века. М.: Эксмо, 2003. Т. 6.

Два адепта: Сен-Жермен и Калиостро: Сакральная история Европы / Сост. О. А. Володарская, В. В. Вергун; пер. с англ. И. С. Канышева. М.: Беловодье, 2005.

Дюма А. Жозеф Бальзамо, или Записки врача /Пер. с фр. И. Г. Русецкого, Л. М. Цывьяна. М.: Прогресс, 1992. Т. 1, 2.

Елагин И. П. Записки древнего любомудрия и богомудрия // Русский архив, 1864. № 1.

Жизнь и дела Иосифа Бальзамо, так называемого графа Калиостро / Пер. с нем. // Московский журнал. 1791.Ч. 4. Кн. 2, 3; 1792. Ч. 5. Кн. 2.

Казанова Д. История моей жизни /Пер. с фр. И. К. Стаф, А. С. Строева. М.: Московский рабочий, 1990.

Каллиостр, познанный в Варшаве, или Достоверное описание химических и магических его действий, производимых в сем столичном городе в 1780 году. Изданное очевидным свидетелем графом М. иждивением

А. Светушкина. М.: Сенатская типография, 1788.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984.

Карлейль Т. Исторические и критические опыты: Граф Калиостро. Бриллиантовое ожерелье /Пер. с англ. М.: Типография И. И. Родзевича, 1878.

Карнович Е. П. Замечательные и загадочные личности XVIII и XIXстолетий. СПб.: Суворин, 1884.

Леви Э. Учение и ритуал. М.: Эксмо, 2004.

Лукаш И. Граф Калиостро: Повесть о чудесных и славных приключениях, бывших в Санкт-Петербурге в 1782 году. М.: Дружба народов, 1991.

Мак-Колман А. Калиостро: Последний алхимик /Пер. с англ. Э. Маринина. Харьков: Книжный клуб, 2007.

Мемориал графа Калиостро против господина генерал-прокурора, обвиняющего его, писаный им самим. В Москве, в типографии Пономарева, 1786.

Монфокон де Виллар. Граф де Габалис, или Разговоры о тайных науках/ Пер. с фр. Ю. Стефанова. М.: Энигма, 1996.

Муратов П. П. Образы Италии. М.: Галарт, 1994. Т. II–III.

Нерваль Ж. де. Мистические фрагменты /Пер. с фр.; сост. Ю. Н. Стефанов. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001.

Оправдание графа де Калиостро по делу кардинала Рогана о покупке славного склаважа во Франции, писанное им самим. В СПб., печатано с дозволения Указного, у Шнора, 1786.

Пазухин Н. Граф Калиостро, великий маг и чародей: Историческая повесть из времен прошлого столетия. М.: Издания книгопродавца П. Н. Шарапова, 1887.

Письма Гримма к императрице Екатерине II, изданные Я. Гроотом. 2-е изд. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1886.

Пыпин А. Н. Русское масонство: XVIII и первая четверть XIX в. Пг., 1916.

Пятигорский А. Кто боится вольных каменщиков: Феномен масонства // Авторизов. пер. с англ. К. Боголюбова. М.: НЛО, 2009.

Реке Э. фон дер. Описание пребывания в Митаве известного Калиостро на 1779 год и произведенных им тамо магических действий, собранное Шарлоттою Елисаветою Констанциею фон дер Реке, урожденною графинею Медемскою /Пер. с нем. Тимофей Захарьин. В Санкт-Петербурге, печатано с дозволения управы благочиния у Шнора 1787 года.

Рожнова М. А., Рожнов В. Е. Гипноз и чудесные исцеления. М.: Знание, 1965.

Рожнова М. А., Рожнов В. Е. Гипноз от древности до наших дней. М.: Советская Россия, 1987.

Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1878. Т. 23; 1880. Т. 27.

Святейшая Триософия; Сборник произведений П. Шакорнака, П. Ривьера, М. П. Холла, О. А. Володарской /Пер. с фр. и англ. М.; Беловодье: Дельфис, 1998.

Семека А. В. Русские розенкрейцеры и сочинения императрицы Екатерины II против масонства. СПб.: Сенатская типография, 1902.

Соловьев В. С. Волхвы. Великий розенкрейцер. М.: Современник, 1994. Сочинения Екатерины II. М.: Советская Россия, 1990.

Стендаль. Рим, Неаполь, Флоренция //Собр соч.: В 15 т. /Пер. с фр. Н. Я. Рыковой. М.: Правда, 1959. Т. 9.

Строев А. Ф. Те, кто поправляет Фортуну: Авантюристы Просвещения. М.: НЛО, 1998.

Судебные драмы: граф Калиостро, история Ожерелья. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1900.

Тецлаф И. Свет во тьме: Граф Сен-Жермен /Пер. с нем. Б. Скуратова. М.: Энигма, 2004.

Толстой А. Н. Граф Калиостро//Собр. соч.: В Ют. М.: ГИХЛ,

1947. Т. 4. Харитонович Д. Э. Масонство. М.: Весь мир знаний, 2001.

Хотинский М. С. Чародейство и таинственные явления в Новейшее время. СПб.: Е. Н. Ахматова, 1866.

Хризомандер: Аллегорическая и сатирическая повесть /Пер. с нем. Печатано с Указного дозволения в Москве в вольной типографии И. Лопухина, 1783.

Шерр И. Исторические загадки //Вестник знания. СПб.: Издание В. В. Битнера, 1903. № 10.

Шоню Пьер. Цивилизация Просвещения. Екатеринбург: У-Фактория, 2008.

Энгельгардт Н. Граф Феникс. М.: Армада, 1997.

Ютен С. Повседневная жизнь алхимиков в Средние века /Пер. с фр. В. Д. Балакина. М.: Молодая гвардия, 2005.

notes

Примечания

1

[1]…[2]…[3]…[4] Оригинал книги кроме постраничных комментариев содержит раздел «Примечания и комментарии», расположенный в конце книги и разделенный по главам (Примечание верстальщика)

2

Федерико Гвальди (Август Мелех Хультацоб, князь д'Ашем. Вторая половина XVII — начало XVIII века) — немецкий алхимик из Венеции. Некоторые считают его учителем Калиостро, что маловероятно. Скорее он мог быть наставником Сен-Жермена. (Здесь и далее примечания автора.)

3

Псевдоним доктора и историка медицины Эмманюэля Лаланда (1828–1926).

4

Confessions du comte de Cagliostro avec l'histoire de ses voyages en Russie, Turquie, Italie et dans des pyramides d'Egypte. Au Caire et a Paris. M. DCC. LXXXVII.

5

Coriespondenza segreta sulla vita pubblica et privata del conte di Cagliostro. Vfenezia, 1791.

6

Согласно оккультному толкованию, печать Калиостро является каббалистическим изображением буквы *Алеф*, с которой начинаются имена Ахарат и Альтотас. «Имя Ахарат, которое носил Калиостро, записанное каббалистически, означает тройной союз: принципа и начала; жизни и вечности, возрождающегося движения; конца и абсолютного синтеза. Имя Альтотас (*Althotas*) состоит из слова *Thot* со слогом *Al* или *As*, которые, если их читать каббалистически, составляют слово *Sala*, означающее «посланник». В сумме имя имеет значение «ТОТ, посланник египтян». (Леви Э. Учение и ритуал. М., 2004. С. 464.)

7

Mémoire authentique pour servir à l'histoire du comte de Cagliostro.

8

Жан Пьер Филипп де Люше (1740–1792).

9

Фридрих Мельхиор Гримм (1723–1807) — корреспондент Екатерины II (с 1774), публицист, критик, дипломат. В 1748 году приехал в Париж, где провел большую часть жизни, был близко знаком со всеми знаменитостями своего времени.

Sachi (Carlo). Mémoire sur le comte de Cagliostro.

11

Так именовал себя шотландский алхимик первой половины XVII века Александр Сетон, скончавшийся, скорее всего, еще до рождения Джузеппе Бальзамо.

12

Как отмечает Э. Кампардон (Campardon E. Marie-Antoinette et le procès du collier. P., 1863), в архивах по делу 1772 года сохранилась просьба Калиостро об аресте жены, распоряжение Сартина о составлении протокола задержания жены Бальзамо, протокол о задержании, произведенном в понедельник, 1 февраля 1773 года комиссаром Шатле Фонтеном и инспектором Бюо, а также протокол допроса жены Бальзамо, составленный комиссаром Фонтеном. В настоящее время документы, относящиеся к аресту Лоренцы Феличиани, хранятся в Архиве Франции под шифром Y 13125 A, однако собственноручного прошения Бальзамо в этой коробке нет.

13

Название Балларо возводят к титулу ал-валлараджа, принадлежавшему правителям Синда, британской провинции Индии, так как индийские пряности, которыми торговали на рынке, считались самыми лучшими.

14

Меровинги правили со второй половины V века до середины VIII века.

15

Бори Жозеф Франсуа, шевалье де (7—1695?) — шарлатан, еретик, визионер, целитель. По одной версии, скончался в замке Сант-Анджело в Риме, по другой — предстал перед судом инквизиции, отрекся от своих заблуждений и был отправлен в ссылку, где и умер.

16

Арабское владычество на Сицилии продолжалось более двух столетий: с 827 по 1072 год.

17

Дворец La Ziza (от арабского «азиз» — «великолепный») построен в 1165–1167 годах.

18

Мальтийские рыцари — члены монашеского ордена госпитальеров святого Иоанна Иерусалимского (иоаннитов), основанного в 1023 году с благотворительными целями; в одно время с орденом тамплиеров преобразован в монашеский рыцарский орден; в 1530 году получил во владение остров Мальту, откуда пошло название — мальтийские рыцари, Мальтийский орден.

19

Арабские сказки «Тысячи и одной ночи» в переводах А. Галлана (1704–1717 годы, 12 томов) очаровали европейского читателя и породили моду на Восток.

20

Мануэль Пинто да Фонсека (1681–1773) вступил в орден в ранней юности; в 1741 году стал гроссмейстером.

21

Монфокон де Виллар. Граф ле Габалис, или Разговоры о тайных науках. М., 1996.

22

Казанова пишет, что прекрасная паломница звалась Серафиной Феличиани, тогда как, по мнению большинства исследователей, в мае 1769 года она еще именовалась Лоренцей, а имя Серафина приняла лишь в 1777 году во время второго посещения супругами Лондона.

23

Рамсей Андре Мишель (Рэмси Эндрю Майкл; 1686–1743), французский писатель и философ шотландского происхождения; авантюрист, шпион, масон; первым связал легендарные истоки масонства с легендой о тамплиерах.

24

Из-за искажения в произношении имя супругов восприняли как Балтимор (Ma correspondance avec M. le comte de Cagliostro… A Hambourg, 1786.P. 22)

25

Протокол допроса Лоренцы является одним из основных документальных источников, содержащим подробности жизненных перипетий Джузеппе Бальзамо с апреля 1768 по начало 1773 года.

26

Казанова, в 1764 году посетивший Сен-Жермена в Турне (Бельгия), писал: «…Он взял раскаленный уголь и положил его на металлическую пластину, затем попросил монету в двенадцать су, что была у меня, положил сверху черную крупинку и сунул монету на уголь, затем принялся раздувать уголь через трубку, и менее чем в две минуты я своими глазами увидел, как монета покраснела. Он сказал мне обождать, покуда она остынет, что и сделалось вмиг. Затем он, улыбаясь, велел мне взять монету назад, ведь она моя. Я тотчас увидел, что она золотая, и, хотя был уверен, что он стянул мою, подменив золотой, которую нетрудно было сперва побелить, я не стал упрекать его. Изъявив свое восхищение, я сказал, что в другой раз, чтобы наверное удивить самого проницательного человека, он должен заранее уведомить, что намерен произвести трансмутацию, дабы здравомыслящий человек внимательно осмотрел серебряную монету, прежде чем поместить ее на раскаленный уголь. Он отвечал, что те, кто сомневается в его искусстве, недостойны беседовать с ним». (Казанова Д. История моей жизни. М., 1990. С. 505.)

27

Цит. по: Sigaux G. Le prince de Ligne, Casanova et Goethe, témoins de Cagliostro(Owmw/4. Joseph Balsamo. T. III. Lausanne, 1965. P. 11). В сходном ключе отзывался о просветителях и И. П. Елагин, оказавший в Санкт-Петербурге гостеприимство Калиостро: «Положив себе предметом просвещение разума, стал искать его в чтении творцов, в славе тогда находящихся […] и прилепился к писателям безбожным, атеистам и деистам — Буланже, Даржанс, Вольтер, Руссо, Гельвеций… Зловредное чтение совратило меня с пути истинного» (Русский архив. 1864. № 1. С. 97).

28

Вителлини вел записи, известные под названием «Дневник Вителлини»; перед смертью он передал их ирландцу О’Рейли (Haven M. Le maître inconnu Ibid. P. 30).

29

В «Дневнике…», ссылаясь на слова самого Калиостро, Вителлини утверждает, что в июле 1776 года магистр впервые прибыл в Англию (Haven. Ibid. P. 32).

30

Рукопись, попавшая к наполеоновскому маршалу Массена, в первой половине XIX века была приобретена у его потомков библиотекой города Труа, где хранится в настоящее время.

31

Фантазии современников Калиостро на темы мистических таинств и мифической биографии магистра нашли свое отражение в романе Всеволода Соловьева «Волхвы», в котором автор красочно описывает посвящение магистра в тайны египетских жрецов. Сцена эта столь выразительна, что ее иногда приводят в качестве отрывка из подлинных воспоминаний Калиостро.

32

Тот, кто познал смерть, познал искусство (лат.).

33

Считается, что современное франкмасонство родилось в 1717 году, когда была создана Великая Лондонская ложа (вскоре переименованная в Великую ложу Англии), ставшая материнской ложей для всего остального мира.

Полагая, что ложи с царившим в них духом равенства способствовали самоистреблению дворянства и пропаганде всеобщего равенства, многие возлагали на масонов ответственность за Французскую революцию, установившую равенство перед гильотиной. См.: Bord G. Franc-maçonnerie en France dès origines à 1815. T. 1. P., 1909. P. 296; Харитонович Д. Э. Масонство. М., 2001. С. 44, 45.

35

Государственный переворот, в результате которого был свергнут король Яков II Стюарт и на престол под именем Вильгельма III взошел штатгальтер Нидерландов Вильгельм Оранский.

36

Ряд биографов Калиостро полагает, что встреча магистра с таинственными иллюминатами произошла в 1780 году после его отъезда из Польши. Достоверных сведений об отношениях иллюминатов и Калиостро не сохранилось.

37

С 1772 года герцог Орлеанский являлся гроссмейстером ложи Великого Востока Франции, но во время революции — в декабре 1792 года — сложил с себя это звание, сообщив об этом в печати.

Cadet de Gassicourt C. L. Le tombeau de Jacques de Molay ou Histoire secrète et abregée des initiés, anciens et modernes, des templiers, francs-maçons, illuminés etc. A Paris, 1797.

39

Аква тофана (aqua tofana) — яд без вкуса и запаха на основе мышьяка. Рецепт его изготовления до конца не раскрыт.

40

«— Ты, Сьеффорт из России, меньше чем через месяц предашь свое дело, но уже через месяц будешь мертв». (Дюма А. Жозеф Бальзамо. М., 1992. Т. 1.С.31.)

41

Приморская провинция, вошедшая в состав Пруссии.

42

Евгений Петрович Карнович (1823 или 1824–1885) — русский писатель, историк, журналист.

43

В ряде источников указано, что граф проживал на вилле Медемов. Однако вилла эта, созданная по проекту архитектора И. Г. Берлица, была построена только в 1818 году.

44

«— Зачем служат перчатки? — Вы должны знать, что каждый истинный масон обязан иметь чистые руки, не должен пятнать их в крови и ему строго запрещается прикасаться руками к первовеществу. (Имеется в виду духовная суть первовещества, кою нельзя использовать в личных целях.)» — Rituel de la Franc-Maçonnerie égyptienne, annoté par de Docteur Marc Haven. P.: 2003. P. 36.

45

В книге о секте иллюминатов, напечатанной в Париже в 1789 году, говорится, что последние слова Калиостро занял у одного фигляра, который выдавал их за святые и арабские (Жизнь и дела Иосифа Бальзамо // Московский журнал. 1792. Ч. 5. Кн. 2. С. 241).

46

Пример речи Калиостро, воспроизведенной в книге Элизы фон дер Реке: «Священное писание наполнено изображениями глубокой магии. Юдифь спасла Бетулию смертию Олоферна! Истинная премудрость тогда ею обладала, ибо она уже достигла совершенства души, понеже она уверена была, что повеления ея начальников были для нее в высочайшей степени священны, ибо они ничего такого повелевать не могут, чтобы не послужило к скорейшему производству благих намерений великого зиждителя мира» (Реке Э. Описание пребывания в Митаве известного Калиостро… СПб., 1787. С. 232). Говоря о «начальниках», Калиостро, без сомнения, намекал на себя…

Есть предположение, что Екатерина выслала Калиостро из Петербурга именно по просьбе Нормандеса.

48

Гасснер Иоганн Иосиф (1726–1779) — австрийский католический священник, пророк и заклинатель бесов; считал, что головную боль насылает дьявол; исцелял наложением рук; пользовался большим уважением Лафатера. В 1774 году опубликовал книгу «Как жить благочестиво и сохранить здоровье» (Manière de vivre pieux et bien ponant).

49

Гран — мера, применявшаяся в аптекарской практике; 1 гран = 62,2 мг. Лот — около 12,9 г.

50

Ги Патен (1601–1672) — врач, писатель; яростный противник лекарств, клистиров и эликсиров.

51

Башомон Луи Пети de (1690–1771) — французский писатель, известный многотомными «Секретными записками» («Mémoires secrets»), в которых отражена интеллектуальная и повседневная жизнь французского общества, главным образом его литературно-аристократических кругов. После смерти Башомона издание продолжил литератор Пиданса де Меробер (1707–1779), а за ним — Муфль д'Анжервиль. Издание прекратило свое существование в 1789 году.

52

Териак — изначально универсальное многокомпонентное противоядие; с начала XVIII века его постепенно начали употреблять как общеукреупляющее средство; количество компонентов варьировалось от 12 до 95 и более.

53

Настоящие составы, представленные как рецепты Калиостро, взяты из книги: Lebeaud N., Malepeyre F., Julia de Fontenelle J. S. E. Nouveau manuel complet du distillateur liquoriste. P., 1918. Ксожалению, авторы, видимо, полагаясь на осведомленность читателя, не указывают, из каких именно компонентов состоял териак; известно, что в состав некоторых териаков входило высушенное и истолченное в порошок мясо змеи, жабы или бобра.

54

Изабель де Шарьер (1740–1805) — швейцарская писательница, одна из образованнейших женщин своего времени.

Имена планетарных ангелов см. на с. 118.

(Анаил, Михаил, Рафаил, Гавриил, Уриил, Иобикаил и Анахиил — прим. верстальщика)

56

Исследуя подпись ученика Калиостро Сен-Костара, одного из возможных редакторов либо переписчиков «Ритуала», Авен предположил, что небрежный курсив этой подписи (S. Costar) вполне может читаться как G. Coston (Cofton), что стало причиной ошибки: рукопись магистра, переписанную его учеником, приняли за оригинальный труд неведомого Кофтона (Haven M. P. 143). Вентура, напротив, пишет, что если рукопись «Ритуала…» действительно существовала, то свой титул Великого Кофты Калиостро взял от фамилии ее автора: Coston, Cofton, Cofto — Gran Cofto (Ventura V. Cagliostro. Roma, 2002. P. 111.).

Перевод И. Белавина.

58

Рене Каролина Виктуарде Фрулэде Тессе, маркиза де Креки (1714–1803), оставила после себя многотомные воспоминания, литературным обработчиком (а иногда и автором) которых называют Мориса Кузена де Куршама.

Анаграмма Валуа: Oliva — Vklois.

60

Письма написаны по-итальянски, почти без знаков препинания и соблюдения норм орфографии, крупным размашистым почерком с выраженным нажимом. К жене Калиостро обращается *cara figlia* — «доченька». Тон их не соответствует предположению ряда биографов, что Калиостро дозволили держать в камере слугу (компаньона). (См., например: Мак-Колман А. Калиостро: Последний алхимик. Харьков, 2007. С. 174.)

61

Франческа — камеристка Серафины, Агостино — камердинер Калиостро.

62

Граф Люксембургский занимал высокое положение в Египетской ложе. Мадам де Фламар — мадам де Фламаран, племянница монсеньора Фелипо д'Эрбо; исполняя желание Калиостро, попросила дядю ознакомиться с ритуалом Египетского масонства и получила его принципиальное одобрение. Парижские почитатели Калиостро также намеревались предложить папе и коллегии кардиналов, чтобы Египетское масонство — наряду с мальтийцами и другими рыцарскими орденами — было утверждено буллою и получило бы право обращать протестантов. Так как для столь важного дела следовало иметь отдельный дом, то, возможно, дом в Париже за 150 тысяч ливров, в намерении приобрести который обвиняли Калиостро, предназначался именно для этих целей. Но Калиостро утверждал, что никакого дома он приобретать не собирался. Обвинителей возмущала не столько покупка дома, сколько его предполагаемая стоимость.

63

Речь идет о письмах с печатью.

Перевод А. Полякова.

65

Речь идет о письмах Калиостро к Серафине, текст которых см. на с. 205–207.

Экстракт Сатурна — уксусно кислый свинец.

67

Существует мнение, что отцом мальчика, рожденного Гертрудой Саразен после курса лечения у Калиостро, был сам Калиостро. Возможно, магистр воздействовал на мадам Саразен гипнозом и она не помнила, что между ними произошло. Подобная сцена описана в романе А. Дюма «Жозеф Бальзамо».

68

М. Авен предполагает, что если Калиостро написал воспоминания, то они либо хранятся в архивах Ватикана, либо были сожжены инквизиторами вместе с другими бумагами магистра. См:. L’Evangile de Cagliostro… P., 1910. P. 4.

69

Примечание М. Авена: «Как рождение и смерть есть две оконечности жизни, так и концентрация и диффузия есть два предельных действия жизненной силы; это Solve et Coagula алхимиков». (L’Evangile de Cagli-ostro… P. 35.)

70

Примечание М. Авена: «Свиньей Калиостро называл тех, кого он презирал». (L’Evangile de Cagliostro… P. 78.)

71

Примечание М. Авена: «Слово *acetum* в устах алхимика может означать любую кислоту и любую кислую среду». (L'Evangile de Cagliostro… P. 81.)

72

Haven M. P. 301, 302. Но если согласиться с авторами, утверждающими, что полиция перехватывала письма Калиостро, значит, его петиция не дошла до адресата и Роган не мог о ней узнать…

73

Testament de Charles de Launay, gouverneur de la Bastille. Trouvé à la Bastille, le jour de l'âssaut. P., 1789.

Полагают, что под этим именем скрывался иезуит отец Марчелло.

«Compendio della vita e delle gesta di Giuseppe Balsamo denominato il conte di Cagliostro, Che si e'estratto dal processo contro di lui formato in Roma. L'anno 1791 in Roma». Имеются две французские версии перевода: «Vie de Joseph Balsamo connu sous le nom de comte Cagliostro» и «Procès de Joseph Balsamo surnommé le comte de Cagliostro». Как пишет в предисловии к «Procès» переводчик, отличие его текста от текста «*Vie*» заключается в том, что перевод «*Vie*» «проникнут политикой, коей теперь полнится страна, и в нем нет духа папской курии», в то время как он «решил быть точным и воссоздать оригинал».

«Testament de mort et déclarations faites par Cagliostro. Traduit de l’italien». Paris, 1791. Пословам Н. Маттеини, существует еще одно, малоизвестное апокрифическое «Завещание Калиостро», написанное кем-то, кто близко знал магистра или, по крайней мере, находился поблизости от него: «Testamento di Cagliostro morto ultimamente di apoplessia nella Fortezza di San-Leo». Выходных данных у книжечки нет, но под «Обращением к читателю» стоит: «4 сентября 1795». «Завещание…»-1795 не повторяет «Завещание…»-1791.

77

Приходская церковь Ла Пьеве XI века, собор — начала XII века.

Расстройство речи.

79

Куплет времен Калиостро. Перевод И. Белавина.

Добавим: к целителям обращались еще и по причине нехватки врачей. Как отмечает Р. Шартье, во Франции в те времена один врач приходился на 12 тысяч человек.

81

Шевалье де'Эон (1728–1810) — французский тайный агент, первую половину жизни провел как мужчина, вторую — как женщина, один из лучших фехтовальщиков своего времени. Вопрос об истинной половой принадлежности шевалье остается открытым.